

ЗА ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ АРМИЮ

*Идеи
Шарля де Голля
и их развитие
в XX веке*

РОССИЙСКИЙ ВОЕННЫЙ СБОРНИК

ЗА ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ АРМИЮ

*Идеи Шарля де Голля
и их развитие в XX веке*

МОСКВА

Военный университет

1997

Очередной выпуск «Российского военного сборника», открывая серию книг проекта «Военная культура Запада», целостно и объемно представляет теоретические положения о профессиональной армии как ядре и основном элементе новой военной системы. В основе материала — труды ярчайшего французского военного и государственного деятеля XX века Шарля де Голля, чьи мысли и дела являются поучительными для российского читателя. Значительное место в выпуске отведено концептуальным основам оборонной политики и современной военной реформе Франции, работам французских исследователей, а также статьям (обзорам) российских и американских авторов о добровольческих вооруженных силах и о военном профессионализме. Собранные в книге знания позволяют вести серьезный разговор о путях создания и формах существования будущей российской профессиональной армии — армии высшего качества.

* * *

Выпуск готовился при поддержке Фонда Шарля де Голля. Неоценимый вклад в составление выпуска внесла журналист-политолог Лаура МанDEVИЛЛЬ (Франция).

Французские тексты (в соответствующих разделах) печатаются на русском языке при согласии и одобрении: адмирала Филиппа де Голля, издательства «Plon», Службы информации и прессы Министерства обороны Французской Республики. Американские тексты (в приложении) публикуются с разрешения авторов.

* * *

Выпуск подготовлен в Военном университете
по заказу и при участии Независимого военно-научного центра
«Отечество и воин»
Председатель Совета Ю.Ю. Попов

Составители: А.Е. Савинкин, С.Н. Климов, Л. МанDEVИЛЛЬ
При участии: И.В. Домнина, А.К. Быкова, Ю.Т. Белова

Редактор четырнадцатого выпуска
«Российского военного сборника» полковник А.Е. Савинкин
Ответственный за выпуск полковник И.В. Домнин

© Российский военный сборник, 1998
© Независимый военно-научный центр
«Отечество и воин», 1998

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. Ю. Попов 10

К ВОЗРОЖДЕНИЮ АРМИИ. ШАРЛЬ ДЕ ГОЛЛЬ

НА ОСТРИЕ ШПАГИ 15

Предисловие. - В каком бы направлении ни развивался мир, он не обойдется без армий. - Сила и прогресс. - Искусство солдат как капитал человечества. - О престиже. - Унижение армии. - Необходимость духовного возрождения. - Самоотверженность и Самоотречение. - О доктрине. - Бесплодность абстрактных теорий. - Изучение боевых действий. - Трансцендентальное значение наступления. - Основы французской военной науки. - Солдат и политик. - Политик организует военную мощь, полководец применяет ее. - Дух независимости армии и ее безоговорочное подчинение политической власти. - Смысл существования профессионалов. - Необходимость подготовки административной и военной элиты к руководству военными усилиями нации. - Примечания.

ЗА ПОЛИТИКУ НАЦИОНАЛЬНОЙ ОБОРОНЫ 37

Забота о национальной обороне. - Планирование на случай войны. - Военные и гражданские исполнители. - Приготовления в мирное время.

КАК СОЗДАТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ АРМИЮ 42

Культ вооруженной нации и профессиональная армия. - Предназначение элитного ударного соединения. - Его состав и численность. - Оснащение и комплектование. - Стоимость. - Дорогу осилит идущий.

ЗА ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ АРМИЮ. ШАРЛЬ ДЕ ГОЛЛЬ

ПРИКРЫТИЕ..... 50

Карта Франции.- Отсутствие естественной защиты на северо-восточной границе. - Роль политики в защите французской территории. - Германская угроза. - Союз «меча» и военного искусства — единственная надежда в деле защиты Франции. - Плохие условия начальной обороны требуют профессиональной армии.

ПОЧЕМУ НУЖЕН ПЕРЕХОД К
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АРМИИ 67

Соображения технического порядка. - Условия военных операций. - Эпоха отборного войска. - Увлечение количеством в ущерб качеству. - Слабость системы вооруженного народа. - Необходи-

мость механизации Соображения политического порядка. - Возрастающее господство профессиональных армий.

КАКОЙ ДОЛЖНА БЫТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ АРМИЯ 81

Отборная бронетанковая армия, состоящая из семи механизированных дивизий и общевойскового резерва. - Репрессивный и превентивный аппарат маневрирования. - Система огня, удара, скорости и маскировки. - Профессионалы-добровольцы. - Специализация и мастерство. - Призвание и воинский дух. - Военная солидарность. - Применение.- Тактика действий. - Способность к самостоятельным глубоким операциям. - Внезапные, сокрушительные удары. - Подготовка, хитрость, обман и введение противника в заблуждение. - Профессиональная армия в бою. - Эксплуатация успеха. - Принципы командования. - Технический характер управления. - Смелость и стремительность принятия решений. - Инициатива начальников.- Сближение солдат и генералов. - Необходимость профессиональной подготовки командиров. - Развитие личности. - Реформа чрезвычайного размаха. - Примечания.

ФРАНЦИЯ И АРМИЯ. ШАРЛЬ ДЕ ГОЛЛЬ

СРАЖАЮЩАЯСЯ ФРАНЦИЯ. (1940 -1944 ГГ.)..... 131

Воззвание генерала де Голля к французам 18 июля 1940 года. - Решение продолжить войну. - Организация французского сопротивления. - Учреждение Совета обороны и Совета ордена Освобождения. - «Честь и Родина». - Создание вооруженных сил. - Независимое сотрудничество с союзниками против общего врага. - Франция и Россия. - С Лотарингским крестом. - Объединение усилий различных сил французского сопротивления. - Победа. - Восстановление престижа и величия, свободы и независимости Франции.

ОБНОВЛЕНИЕ. (1958-1962 ГГ.) 179

«Вечная жизнь Франции». - Ответственность государства и власти за ее защиту. - Призыв родины о помощи. - Май 1958 года. - Восстановить независимость нашей политики и обороны, вернуть могущество, богатство, величие и блеск Франции. - Новая конституция. - Пятая республика. - Президент как гарант национальной независимости. - Мир и процветание. - Решение алжирского вопроса. - Улучшение отношений с Германией. -Появление у Франции ядерного оружия. - Нежелание быть в военной организации НАТО. - Особая позиция Франции в вопросах разоружения.

ИДЕЙНОЕ НАСЛЕДИЕ ШАРЛЯ ДЕ ГОЛЛЯ

П. МЕССМЕР. СТРАТЕГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ

ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ С ПОЗИЦИИ 1990 ГОДА 209

Голлисткая стратегия: ее пригодность в данное время и в ближайшем будущем. - Роль ядерного оружия. - Союзы и оборона Европы. - Создание и организация сил, достаточных для защиты. - Оборона по всем азимутам. - Уважать нестареющие принципы и применять их в новых условиях.

Ф. МОРЭН. ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ПРОВЕДЕНИЕ

ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКИ 219

Принципы оборонной политики генерала де Голля. - Создание ядерных сил. - Взаимодействие с военной организацией НАТО. - Реорганизация де Голлем высшего командования. - Создание сил, обеспечивающих поддержку внешней политике Франции.

Б. ТРИКО. ОБОРОНА: ПРИНЦИПЫ ГОЛЛИЗМА И

НОВЫЕ ДАННЫЕ 223

Главная мысль Генерала в отношении проблемы обороны. - Оборонный долг. - Как обеспечивается желанная для народа оборона? - Достаточность. - Баланс между профессионалами и призывниками. - Готовность ко всем вариантам развития событий. - Предвидение де Голлем будущих изменений в Европе. - Военное сотрудничество в условиях свободы. - Национальные и многонациональные вооруженные силы. - Наше ядерное сдерживание.

А. ЛЕБУГР. ЯДЕРНОЕ СДЕРЖИВАНИЕ: ДОКТРИНА

A PRIORI ИЛИ ДОКТРИНА ОБСТОЯТЕЛЬСТВ 235

Эмпиризм и прагматизм. - Военный руководитель должен учитывать обстановку. - Опасности абстрактных теорий и доктрин в мирное время и на поле сражений. - Управленческий реализм де Голля. - Прагматизм голлистской мысли и действия. - Вся военная политика Шарля де Голля обуславливалась обстоятельствами. - Общее понимание вещей.

А. ЛАРКАН. АРМИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ОБОРОНА:

ПРЕОБЛАДАЮЩИЕ И НЕИЗМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ

МЫШЛЕНИЯ ШАРЛЯ ДЕ ГОЛЛЯ 244

Место и роль вооруженных сил во французской нации. - Императивы национальной обороны. - Необходимость «верховного руководства» нацией во время войны. - Отношения гражданских и военных властей. - Политическая власть занимается подготовкой и ведением войны. - Оборона должна быть французской. - Проблема альянсов. - «Европейская армия». - Защищаться способны

только те народы, которые сами себя защищают. - Предпочтение «шпаге», а не «щиту». - Взгляды де Голля на возможный характер войны. - Национальная оборона как государственный приоритет.

П. МЕССМЕР, А. ЛАРКАН. ВОЕННЫЕ ТРУДЫ

ШАРЛЯ ДЕ ГОЛЛЯ 257

Военное общество и его «специальный кодекс ценностей». - Благородство. - Воинский порядок. - Профессия военного. - Роль военной элиты. - Отбор и качество. - Общая культура и военное искусство. - Корпоративный дух. - Патриотизм и традиции. - Эстетическая сторона военной жизни. - Престиж, уважение, почести. - Жертвы и награды. - Чувство долга и воинская честь. - Стратегия. - Стратегия как «искусство ведения войны». - Оперативная стратегия. - Умение пользоваться победой. - Подготовка к войне. - Тактика. - «Искусство ведения боя». - Противостояние между обороной и наступлением. - Случайность на войне. - Внезапные действия. - Тактические догмы. - Непреходящая ценность наступления. - Маневренность. - Экономика и промышленность. - Промышленность и качественная военная техника. - «Придать военным действиям такой же промышленный и научный ход, который характерен для эпохи в целом». - Техника требует квалифицированных людей, отборного личного состава. - Экономическая мобилизация. - Военное обучение. - Карьера военного обязывает постоянно совершенствоваться. - Цель изучения военной истории. - Недоверие к официальным доктринам. - Формирование общей культуры и личной интеллектуальной дисциплины. - Подготовка элиты на случай войны. - Философия командования. - Подготовка командиров. - Умственное развитие. - Тренировка памяти. - Интуиция. - Ответственность. - «Командир всегда один перед лицом скверной судьбы». Инициатива. - Отбор стоящих командиров. - «Народам, которые сознательно ищут достойных командиров для использования своей военной силы, все остальное приложится».

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ ШАРЛЯ ДЕ ГОЛЛЯ И

НАЦИОНАЛЬНАЯ ОБОРОНА ФРАНЦИИ 300

Де Голль-стратег. - Ответственность государства и правительства за защиту Франции. - Самостоятельность, независимость и другие стратегические принципы национальной обороны. - Особая роль профессиональной армии. - Разделение полномочий между правительством и военным руководством. - Воинская этика. - Научное осмысление идей Ш. де Голля в современной Франции.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ОБОРОНЫ И ВОЕННОЙ РЕФОРМЫ ФРАНЦИИ

БЕЛАЯ КНИГА ПО ВОПРОСАМ ОБОРОНЫ.

ФРАНЦИЯ-1994. (отдельные положения) 311

Цели французской политики в области обороны. - Ответственность Франции на международной арене. - Основные данные стратегической эволюции. - Защита интересов Франции. - Разработка глобальной концепции обороны. - Обновленный Атлантический Союз. - Расширенная система безопасности, включающая Россию. - Обновленная стратегия. - Задачи французских вооруженных сил. - Сдерживание, предупреждение, формирование сил. - Общая схема (формат) вооруженных сил. - Выбор армии смешанного состава. - Расходы на оборону. - Гражданские формы национальной службы. - Заключение.

ВОЕННАЯ РЕФОРМА ФРАНЦИИ (основные положения) ЖАК ШИРАК 353

Профессиональная армия. - Сухопутные войска. - Программы оснащения. - Вмешательство в конфликты. - Ядерное сдерживание. - Реструктуризация военной промышленности. - Будущее национальной службы. - Из речи Жака Ширака в Институте высших исследований национальной обороны 8 июня 1996 года.

НАПРАВЛЕНИЯ ВОЕННОЙ РЕФОРМЫ (по материалам журнала "Армэ дожурдюи") 364

Введение. - Новая модель армии. - Профессионализация: ее основания и свойства. - Военная программа на 1997-2002 г. - Модель армии 2015 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ. ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ АРМИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

МИФ О "ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АРМИИ" США.

В ШЛЫКОВ 377

«Никто у нас серьезно опыт других стран не изучает». - Шумный лозунг «Даешь профессиональную армию!» - Уникальная военная культура США. - Отсутствие названия «профессиональная армия» по отношению к вооруженным силам США. - Три ступени развития военного профессионализма: призывная армия, добровольческая армия (современный этап развития вооруженных сил США), профессиональная армия (в будущем).

ВЗГЛЯДЫ НА ВОЕННЫЙ ПРОФЕССИОНАЛИЗМ В
США. (СЭМЮЭЛ ХАНТИНГТОН, СЭМ С.САРКЕСЯН,
ДЖОН А.ВИЛЬЯМС, ФРЭД Б.БРАЙАНТ) 388

Военная профессия. - Офицерский корпус как «класс» военных профессионалов, для которого характерны: компетентность, ответственность, корпоративность и другие признаки. - Ремесло и профессия. - Солдаты (и сержанты)-контрактники и профессионалы-офицеры. - Применение насилия и управление насилием (отличительная черта офицерства). - Государство и военная профессия. - Армия и политика. - Особенности военного профессионализма на Западе: его внешняя ориентация (защита от угроз извне) и отделение армии от политических кругов и внутренней политики. - Военная карьера. - Основные концепции и принципы военного профессионализма. - Три военных системы. - Примечания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. К ВОПРОСУ О ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АРМИИ РОССИИ

Шарль де Голль и «вечная русская армия». - Профессионализация армии в военной истории России. - Неудачная военная система XIX – XX веков. - Модель «прибыльной» военной силы (профессиональная армия + народное ополчение). - Взгляды Р.А.Фадеева, М.О.Меньшикова, А.В.Геруа. - На пути к профессиональной вооруженной силе? - Обнадеживающее отношение к идее профессиональной армии в современных условиях. - Замысел военной реформы и варианты реформирования Вооруженных Сил Российской Федерации. - Неопределенность главной цели военной реформы. - Почему переход к профессиональной армии является жизненно важным для России вопросом? - Что следует учитывать и опасаться при создании новой военной системы России, ядром которой станет малая отборная профессиональная армия? - Общий вывод.- Примечания.

* * *

На обложке представлен портрет Шарля де Голля из издания: Odile Rudelle. De Gaulle pour memoire. — Gallimard, 1990. На тыльной стороне обложки помещена фотография ордена Освобождения (Франция). В оформлении форзаца использована фотография «SIRPA/ECPA/FRANCE». Работы де Голля и статьи других французских авторов публикуются с сокращениями. Рисунки по тексту книги выполнены О.Ежовым.

Предисловие

...В тяжком труде, который обновит Францию, новая армия должна служить опорой и ферментом.

Шарль де Голль.

Среди видных государственных и военных деятелей XX века особый интерес сегодня вызывает личность Шарля де Голля (22.11.1890 - 9.11.1970) - военного профессионала, стратега и политика. Дела, мысли и заветы этого великого человека вот уже многие десятилетия являются ориентиром в независимом и стабильном существовании Французской Республики. В результате титанических усилий Шарля де Голля и под воздействием его идей страна превратилась в великую державу с оригинальной системой обороны, обеспечиваемой постоянно обновляющейся армией. Военно-политический опыт, представленный в голлистском и неоголлистском курсах французского государства, приобретает интернациональное звучание. Он может оказаться особенно полезным и при проведении военной реформы в Российской Федерации.

Благотворная для Франции деятельность де Голля определялась уверенностью в том, что без армии нет Франции, ее независимости, величия и подлинной истории. Всю свою жизнь он делал все возможное для того, чтобы этот вечный институт и символ славы французского государства развивался в контексте истории, на основе животворящей традиции военного профессионализма, в связи с основными выводами философии военного дела, при максимальном использовании результатов технического прогресса и в соответствии с законами военного искусства.

Вскоре после окончания первой мировой войны мужественный французский офицер почти в одиночку начинает упорную борьбу за возрождение настоящей (профессиональной) армии. Вопросы, относящиеся к этому предмету, серьезно осмысливаются в таких прекрасных теоретических работах и статьях, как "Раздор в стане врага", "На острие шпаги", "За профессиональную армию", "Как создать профессиональную армию?", "Военное ремесло", "Франция и ее армия" и других. Теория подчинена одной практической и жизненно важной для Франции цели - укрепить, перед лицом фашистской угрозы, существовавшую призывную военную систему особой отборной ударной силой (подвижной бронетанковой арми-

ей, комплектуемой из добровольцев-профессионалов) и тем самым решить целый комплекс задач: восстановить военный профессионализм, усилить боевую мощь, прикрыть Париж от внезапного нападения агрессора, выиграть время для от мобилизации сил и ресурсов, поддержать воинский дух и искусство в условиях упадка военного дела и снижения престижа армии в обществе.

Проект бронетанкового корпуса с раздражением отвергается почти всеми политиками и высшей военной элитой страны. (“Специализированный корпус, - возражал военной комиссии парламента в марте 1935 года генеральный штаб, - был бы чрезвычайно мощным дополнением к системе национальной обороны страны. Однако он не является ни возможным, ни желательным, так как против него логика и история.”) Французский генеральный штаб готовился не к будущей, а к прошедшей войне! А тем временем предложения и идеи де Голля изучались в России. Проект, отвергнутый во Франции, был осуществлен в Германии. Ее мощные бронетанковые войска, созданные почти по рецепту де Голля, в мае 1940 года на Маасе сломали хребет французской армии. Франция, несмотря на неприступную “линию Мажино”, поддержку союзных бельгийских и английских дивизий, потерпела сокрушительное поражение в течение каких-то 40 дней! Унизительная капитуляция была подписана в том самом вагоне в Компьенском лесу, в котором 11 ноября 1918 года Фош принимал капитуляцию кайзеровской Германии. История и логика оказались на стороне де Голля, что позволило ему, имея всего лишь звание бригадного генерала, в 51 год стать безусловным лидером нарождающегося французского Сопротивления.

Новую битву за Францию “глава свободных французов” начинает с создания на добровольных началах малой, но самостоятельной, регулярной армии. За годы войны ее численность возрастает с 7 до 70 и затем до 300 тысяч человек. “Сражающаяся Франция” Шарля де Голля противостоит вишистскому режиму, в руках которого находятся основные (“официальные”) вооруженные силы, действует на стороне союзников по антигитлеровской коалиции и опирается на ближневосточные и африканские владения страны. Армия, созданная почти “с нуля”, блестяще сражается против немецко-итальянских войск в Ливии, вносит решающий вклад в освобождение Рима, вступает в августе 1944 года в Париж. На заключительном этапе освобождения страны ее действия значительно усиливаются партизанскими отрядами (группами) внутреннего Сопротивления, которые также включаются в состав деголлевской военной системы. Происходит чудо. Несмотря на первоначальный разгром, немецкую оккупацию и коллаборацио-

нистскую политику маршала Петэна, Франция, благодаря гражданскому мужеству, упорному труду и искусству действий генерала де Голля, занимает достойное место в стане победителей и участвует уже в ранге великой державы в послевоенном переустройстве мира!

Кратковременность пребывания у власти в 1944-46 годах не позволила де Голлю реализовать свой основной замысел по созданию дифференцированной военной системы: при сокращении срока службы до одного года усилить призывные войска страны ударным корпусом из добровольцев-профессионалов в составе 10 дивизий, предназначенных для оперативного вмешательства в международные конфликты. (“Даже сама судьба склоняет нас к обладанию инструментом интервенции, всегда готовым к действиям по оказанию помощи. Только тогда у нас будет армия, проводящая в жизнь нашу политику”). В это время генералу не удалось осуществить переход Франции к авторитарной республике президентского типа. Сознательно отказываясь от установления военной диктатуры, он добровольно предпочел уйти в отставку. (Военная диктатура - это авантюра, которая не приведет ни к чему хорошему, - эту мысль де Голль не раз повторял в своих публичных выступлениях). Данным методом он не воспользовался и в 1958 году, когда после 12 лет забвения 67-летний де Голль вновь потребовался Франции.

В 1958-1968 годах, находясь во главе Франции, Шарль де Голль возводит страну на высшую ступень величия и независимости. Он создает Пятую Республику с сильной президентской властью. Спасает страну от партийных дрязг, военных путчей, колониальных авантур (прекращает войну в Алжире), устраняет зависимость от США и выводит страну из военной организации НАТО. Развивая отношения с СССР, восстанавливает традиционный русско-французский союз. Провозглашает солидарность действий с союзниками по НАТО, но без ущемляющего суверенитета Франции автоматизма военных обязательств. Берет курс не столько на атлантическую, сколько на европейскую оборону и “оборону по всем азимутам.” В технических и специальных родах войск доводит численность профессионалов до 50-60 %. Создает самостоятельные ядерные силы сдерживания - принципиально новый вариант “ударной силы” и абсолютный усилитель военной мощи Франции при ее ограниченных возможностях. Независимая система обороны, опирающаяся на ядерное оружие, укрепляет суверенитет и авторитет страны, позволяет ей самостоятельно определять свою судьбу и влиять на международную ситуацию.

В конце XX века, когда в мире существуют уже десятки армий, комплектуемых на добровольной основе, пришла пора полной реализации основного долгосрочного замысла генерала де Голля. С 1996 года во Франции по инициативе Жака Ширака началась военная реформа, предусматривающая переход всех французских вооруженных сил к модели профессиональной армии.

Аналогичная задача стоит и перед Российской Федерацией. Чтобы выполнить ее качественно и с учетом перспективы, необходимо ориентироваться не просто на вооруженные силы, комплектуемые контрактным способом, но и не терять из виду идеал настоящего профессионального войска, беззаветно служащего своему Отечеству, действующего в соответствии с законами военного искусства и обладающего теми качествами, за которые боролся в свое время Шарль де Голль - воин и гражданин Французской Республики. Его жизнь является и для нас, российских офицеров, примером предметной любви к Родине и Армии, которые не могут существовать друг без друга.

После периода грандиозных битв, побед и поражений возникает, наконец, надежда, что “новая армия” Шарля де Голля — профессиональная, национально мыслящая и отборная — станет ключевым элементом военной системы не только во Франции, но и в России. С полной уверенностью же можно только сказать: успех в этом важном деле невозможен без общей культуры и глубоких военных знаний, без передовой военной теории, без творческой переработки и правильного использования отечественного и зарубежного опыта военного строительства, без усвоения философских взглядов Шарля де Голля.

Генерал-майор запаса Ю. ПОПОВ

К ВОЗРОЖДЕНИЮ АРМИИ

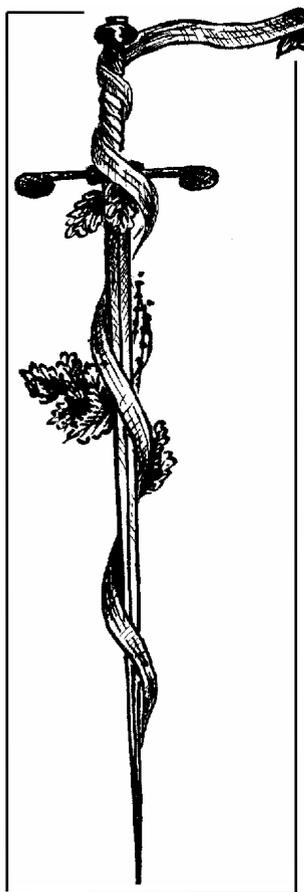
Шарль де Голль

НА ОСТРИЕ ШПАГИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Но тот-то и велик, кто без причины
Не ступит шага, если ж в деле честь,
Подымет спор из-за пучка соломы.*

Гамлет

Наша эпоха отмечена печатью неуверенности. На нашу долю пришлось столько опровергнутых правил, прогнозов, теорий, столько испытаний, жертв, разочарований, столько ударов, потрясений, неожиданных, что они расшатали установленный порядок. Армия, которая только что изменила мир, тем не менее терпит от него страдания и оплакивает свой утерянный задор.

Конечно, эта депрессия, овладевающая военными вне периодов наивысшего напряжения, не представляет собой ничего нового. Есть в контрасте между условной деятельностью армии мирного времени и ее скрытой мощью нечто разочаровывающее, что сочувствующие воспринимают с болью. "Такая бездействующая сила, - говорит Психари, - такое великое предназначение и такая бесплодность!" С тем большим основанием подобная тоска наполняет души солдат в годы затишья, сменяющие задор сражений. Резко сжимаясь, растянутая до предела пружина, кажется, лопнет, издавая глухой и протяжный жалобный звук, вызывающий в

памяти произведения Вовенарга¹ и Виньи².

Впрочем, в подобной атмосфере все, кажется, объединилось, чтобы поколебать убеждения профессионалов. Познав на себе жестокость силы, массы выступают против нее с особым пристрастием. Словно охваченные всеобщим суеверием, люди не только проклинают войну, но и стремятся думать о ней как о чем-то отжившем, настолько им хочется чтобы так оно и было. Это рвение не может существовать без изгнания бесов: чтобы отвратить злого духа, народ осыпает его страшными проклятиями; чтобы внушить отвращение к греху, множество творений стремятся описать его губительные последствия, умалчивая о присущих ему величественности и эффективности. Говоря о сражениях, люди вспоминают лишь кровь, слезы, могилы, забывая о славе, утешающей народную боль. Не говоря уже о том, что некоторые пытаются исказить Историю, оправдывая себя желанием вычеркнуть из нее войну. Военный порядок разрушается в самой своей основе.

Тем более, что подобное движение, каким бы чрезмерным оно ни казалось, объясняется очень просто. В общем и целом, оно является проявлением инстинкта самосохранения ослабленной Европы, осознающей, чем грозит ей новый конфликт. Действо, являющее больного, который грозит кулаком смерти, никого не может оставить равнодушным. К тому же, как установить тот международный порядок, которого жаждут на какое-то время образумившиеся народы, если не прибегать к массовому эмоциональному воздействию? Толпу не расшевелишь иначе как опираясь на грубые воззвания, рисуя картины зверств и взывая к примитивным чувствам.

В чем же дело? До тех пор, пока люди питают какую-либо надежду, могут ли страсти и вожделения, порождающие военные конфликты, утихнуть сами по себе, может ли кто-то по доброй воле отказаться от того, что имеет и того, что жаждет, и, наконец, могут ли люди перестать быть людьми? Можно ли считать окончательным сегодняшнее равновесие, пока маленькие стремятся вырасти, сильные - господствовать, а старые - выжить? Как достигнуть постоянства границ и державы в условиях продолжающегося развития событий? К тому же, предпола-

1 Люк де Клапье, маркиз де Вовенарг (1715-1747 гг.), французский писатель-моралист.

2 Альфред Виктор де Виньи (1797-1863 гг.), французский писатель-романтик.

гая, что страны согласятся урегулировать свои отношения посредством верховного кодекса, достаточно ли будет провозгласить право, если невозможно добиться его соблюдения? "Безоружные законы обречены на презрение", - говорил кардинал де Рец³. Международные законы ничего не стоили бы без войск. В каком бы направлении ни развивался мир, он не обойдется без армий.

И действительно, можно ли представить себе жизнь без силы? Запрети людям рождаться, опустоши их разум, заморозь души, усыпи потребности, и тогда, конечно, сила исчезнет из неподвижного мира. В противном случае, в любом деле она просто необходима. Орудие мысли, инструмент действия, условие движения, она - словно акушерка, без которой невозможно рождение прогресса. Щит господ, оплот престолов, таран революций, ей поочередно обязаны тирания и свобода. Колыбель городов, символ империй, могильщик распада, сила является законом жизни народов и определяет их судьбы.

И действительно, боевой дух, искусство солдат и их мужество являются неотъемлемой частью капитала человечества. В любую историческую эпоху они проявляли себя настолько сильно, что могли бы стать ее символами. Разве можно представить себе Грецию без Саламина⁴, Рим без легионов, Христианство без меча, Ислам без кривой турецкой сабли, Революцию без Вальми⁵, Лигу Наций⁶ без победы Франции? И потом, это самопожертвование личности во благо общего дела, прославленная самоотверженность воинов полностью соответствуют нашим эстетическим и моральным концепциям: самые возвышенные философские и религиозные учения и не предполагали для себя другого идеала.

А если бы пали духом те, кто управляет мощью Франции, это не только подвергло бы опасности родину, но и нарушило бы

3 Поль де Гонди, кардинал де Рец (1613-1679 гг.), французский политический деятель и писатель.

4 Саламин - остров в заливе Сароникос Эгейского моря (Греция). Во время греко-персидских войн около Саламина в 480 году до н.э. греческий флот разгромил персидский флот.

5 Вальми - деревня в департаменте Марна. 20 сентября 1792 года в сражении при Вальми войска революционной Франции под командованием Дюмурие и Келлермана разгромили интервентов.

6 Поражение Германии в первой мировой войне было закреплено в Версальском мирном договоре (1919 г.), содержащем статут Лиги Наций.

всеобщую гармонию. Кто может знать, какие злодеи или безумцы могли бы овладеть властью, ускользнувшей от таких мудрецов? Пришло время, когда военная элита должна вновь осознать свою выдающуюся роль, сосредоточиться только на своем деле, то есть на войне, поднять голову и взглянуть на вершины. Чтобы вернуть шпаге ее былую остроту, нужно возродить философию, свойственную ее предназначению. В ней армия найдет высшие идеалы, гордость за свое призвание, свой престиж - единственную плату, которая в ожидании славы может вознаградить воинов.

О ПРЕСТИЖЕ

Славу свою носить у себя в груди

Вилье де Л'Исль-Адам⁷

Трудные времена наступили для власти. Обычаи ведут с ней неустанную борьбу, а законы стремятся ослабить. Дома и на работе, в театральном фойе и заводском цехе, в государственном учреждении и на улице она вызывает скорее критику и раздражение, чем доверие и послушание. Наталкиваясь на противодействие при каждом своем проявлении, она начинает сомневаться в самой себе, действует робко, осуществляется невпопад или, как минимум, с колебаниями, предосторожностями, извинениями или же с излишней грубостью, жестокостью и формализмом.

Этот упадок следует за падением моральных, социальных политических устоев, веками бытовавших в наших старых государствах. По убеждению или из расчета власть долго ассоциировалась с высоким происхождением, а знать с особыми правами, что оправдывало существование иерархий. Здание этих условностей теперь рушится от множества трещин. В своих шатких верованиях, обескровленных традициях, своей иссякшей верности, современники уже не находят ни вкуса былой почтительности, ни уважения к прежним порядкам.

"Наши боги одряхтели и стали немощны".

Подобный кризис, каким бы всеобъемлющим он ни казался, не мог бы продлиться долго. По своей сути люди не способны

⁷ Вилье де л'Исль-Адам (1840-1889 гг.), французский писатель, произведения которого проникнуты глубоким символизмом.

обойтись без вождей, как и без еды, воды и сна. Эти политические животные нуждаются в организации, то есть в дисциплине и вожаках. Если фундамент власти расшатался и она стала неустойчивой, то благодаря закону равновесия природы, рано или поздно, она обретет другой, более или менее устойчивый, но, в любом случае, пригодный к тому, чтобы восстановить повиновение. Более того, этот фундамент можно определить просто как личные достоинства и авторитет некоторых личностей. Все доверие, которое раньше массы питали к знатным и высокопоставленным лицам, сегодня они перенесли лишь на тех, кто может его оправдать. Какому законному принцу раньше повиновались так, как тому диктатору, вышедшему из низов лишь благодаря своей дерзости? Какая сила могла бы изменить предприятие так глубоко, как сегодня это делает личное мастерство инженера? Какому завоевателю устраивали такие же овации, как нашим атлетам, добивающимся победы своими собственными силами?

Эта трансформация власти не может не затронуть военную дисциплину. В армии, как и везде, говорят, что "уважение отмирает". Скорее всего, оно просто видоизменяется. Чтобы вести за собой людей, командир, какого бы ранга он ни был, ныне должен полагаться не столько на свои полномочия, сколько на личные достоинства. Сейчас уже нельзя смешивать силу и ее атрибуты.

Конечно, это совсем не значит, что исчезает все, входившее раньше в понятие дисциплины. В природе не бывает резких скачков, и люди не могут измениться настолько быстро и глубоко. Власть, господствующая над людьми, во многом все еще опирается на признание чинов и должностных обязанностей. И наоборот, превосходство хозяина способствует сохранению субординации. Но в беспорядочную эпоху, в потрясенном до своих основ и традиций обществе правила послушания ослабевают и движущей силой управления становится личный престиж руководителя.

В то время как дух времени опрокидывает основы личной власти, разрушительная сила не обходит стороной и вековой авторитет государственных институтов. Не то чтобы значительно изменились присущие им качества, но их по пятам преследуют критика и непочтительность, нанося все более жестокие удары. Армия первой пострадала от подобного унижения. И тем более мучительным было для нее это состояние, что наступило оно

сразу после периода невероятных усилий. Профессиональные солдаты удивлены и возмущены ухудшением морального климата. Разумеется, это несправедливо, и пострадать от этого может сама отчизна. Но в чем же здесь дело? Элита, как и индивидумы, больше не пользуется непререкаемым авторитетом. Чтобы вернуть его армии, нужны не столько законы, требования, молитвы, сколько значительные внутренние усилия.

Подобно выдающейся личности, которая, чтобы сохранить свое положение, старается сохранять дистанцию, армия должна вначале восстановить способность быть выше всего, короче говоря, тот своеобразный, присущий ей во все времена облик. Само собой разумеется, что как ни меняй положение своего тела, особой выразительности не добьешься. Речь идет о сокровенной силе, концентрированный взрыв которой внушает почтение; речь идет о военном духе.

Люди смирились с законом вечного принуждения. Они добровольно отказались от права жить, где им нравится, говорить то, что думают, одеваться по своему вкусу. Отныне достаточно приказа, чтобы разместить их в одном месте, переселить в другое, разлучить с семьей, оторвать от любимых занятий. Одно слово командира заставляет их вставать, идти, бежать, бросает в непогоду, лишает сна или пищи, приковывает к посту, вынуждает работать до изнеможения. Эти люди не располагают своей жизнью: пусть их члены разбиты, их прах развеян - это их солдатский долг.

Это тяжелое предназначение, призвание к самопожертвованию, испокон веков лежит в основе армии, в нем находила она смысл и радость своего существования. Она одна возделывает это поле, чтобы другие могли воспользоваться плодами будущего урожая. Но как жить в обособленном мирке, стремиться к высшему идеалу собственно без приказа чувств и особого движения мысли, без своеобразного кодекса ценностей и отношений? Понять, в чем заключается сила армии, невозможно без постижения ее своеобразной души, которая укрепляет и оживляет ее.

Именно военный дух, выделяя солдат из общей массы, способствует их престижу. Люди испытывают к ним уважение, вызванное огромной духовной силой. Военная строгость и сплоченность всегда волновали людей. Невозможно оценить, сколь многим обязаны вдохновением воинствующей, страдающей и триумфующей силе литература, театр, музыка, живопись,

скульптура, архитектура, балет. Забудь мы свою Историю, так легенды, картины, песни предоставили бы достаточно свидетельств воздействия, которое в прошлом оказывало на толпу великолепие военной службы. Что же касается настоящего, то чтобы прояснить вопрос, надо лишь понаблюдать за играми детей, видеть людей, застывших у гроба Маршала Франции или бегущих посмотреть на зрелище, которое представляет собой войско на марше <...>

Со времени войны солдаты изрядно пренебрегали этой несравненной силой. Чтобы оживить ее, необходима некая материальная и духовная концентрация, которой мало способствовало состояние дел. Моральный дух непомерно разросшейся французской армии снизился пропорционально возрастанию ее численности. Пришедшая в беспорядок система иерархии, постоянно изменяющаяся организационно-штатная структура, бесконечные переводы по службе мало способствуют объединению слишком мобильных, разбросанных по разным концам страны индивидов. Разорванное, затем восстановленное единство соединений и частей, в котором рождались, рушились и воссоздавались специфические военные связи, больше не предоставляло воинам желанных условий постоянства, соперничества и напряженности. А с другой стороны, подобный беспорядок, множа до бесконечности зависимость от мелочей, топил в множестве хлопот, бумаг, нарядов, хозяйственных работ деятельность командиров и солдат. Вместо густой и прочной глины, из которой она раньше лепила войска, теперь армия располагает лишь пылью, которую с трудом удастся замесить. Но как только в армии будет проведена реорганизация и установится стабильность, она сможет сосредоточиться в самой себе, развить свои лучшие качества и возродить боевой дух <...>

Но можно ли представить себе это возрождение, если армия не вернет свой прежний задор и уверенность? Как мужчине для укрепления своего авторитета недостаточно одной лишь сдержанности, если она не является оболочкой решительного характера, так и самая закрытая и иерархичная армейская элита не будет вызывать почтения, если не будет иметь уверенности в себе и своем предназначении. В тот день, когда французское дворянство направило свой пыл на защиту своих привилегий, а не на руководство государством, победа третьего сословия

была заранее гарантирована. Все достоинство силы не имело бы значения без убежденности. Не померк ли этот огонь?

После беспримерного по масштабам бедствий конфликта народы ненавидят войну так искренне, как никогда. Французы, пострадавшие больше других, вначале победоносные и не желавшие ничего к тому, чем обладали, теперь еще больше проклинаят это бедствие. Само по себе подобное состояние оказывает на общество целительное воздействие. Хорошо, что народы испытывают угрызения совести, и если бы люди думали лишь о самоуничтожении, род человеческий давно бы прекратил свое существование. Вполне естественно, что отвращение, испытываемое по отношению к войне, частично переносится и на армию <...>

А посему отношение современников не должно ни приводить в уныние, ни вызывать чувства униженности у тех, кто призван держать в своих руках меч Франции. Для народа, избалованного своим благополучием, для нации, на которую некто затаил зло, для государства, чьи границы таковы, что при первом же проигранном сражении его столица оказывается под угрозой обстрела вражеской артиллерией, какая гарантия может быть надежней острия клинка? Вот почему в наше смутное время солдаты должны испытывать гордость за свое дело и убежденность в его необходимости. А впрочем, выразив сожаление о несчастьях, виной которым является армия, как не отдать должное ее колоссальной роли?

Ее дело - разрушение. На ее счету ужасные цифры оборванных жизней, исчезнувших ценностей, стертых в порошок государств. И это не учитывая напрасно растраченных сил, угасших надежд, разрушенного благополучия. Разруха, пожары, голод - вот результаты ее деятельности. Но скольким людям ее защита позволила родиться и жить? Какое племя, какой город, какая нация могли бы возникнуть без ее поддержки? Сколько товаров смогли произвести ремесленники, сколько урожаев вырастили благодаря ее защите крестьяне! Возможен ли был без нее материальный прогресс? Богатства, дороги, корабли, машины - всем этим мы обязаны своим воинам.

Во все времена оружие было инструментом варварства. Оно обеспечивало торжество грубой силы над разумом. С его помощью угнетался рассудок, глумились над здравым смыслом, убивали талант. Не было ни одной ошибки, которую бы оно не защищало, ни одного невежды, который бы не прибег к его

помощи, ни одного грубияна, который бы не потрясал им. Однако, очень часто блеск оружия освещал и обитель разума. С ним связаны чудесные источники познания и вдохновения, открытые для людей наукой и искусством. Итог высочайших умозрительных построений, объект самых благородных устремлений, ему по заслуге отдавали свою любовь многие таланты <...>

Оружие не только истязало, но и преобразовывало мир. Армии вершили благородные дела и служили низости, порождали подлецов и гениев, пресмыкались в страхе и купались в лучах славы. История оружия, постыдная и великолепная, - это история человечества. Оружие распространено повсюду, оно разнообразно и бессмертно, как мысль и действие <...>

Некоторые иллюзии могли бы привести нас к мысли, что значение солдат, огромное в прошлом, теперь уменьшается и современный мир может обойтись и без них... Но как же тогда пресловутый международный порядок, возможен ли он без военной силы, необходимой для того, чтобы установить и поддерживать его? Никогда раньше гордость армий не была столь оправданной и столь необходимой.

Это чувство оказалось бы бесплодным для самой армии и вызвало бы неприятие окружающих, если бы профессионалы не восстановили в то же время свою самоотверженность. Это один из элементов величия, который можно считать непреложным. И действительно, существует странная, но несомненная связь между самоотречением индивидуума и великолепием целого. Люди, от природы склонные к поиску личной выгоды, неизменно терпят поражение от системы, поскольку каждая ее часть готова к самоограничению во имя коллективной гармонии. Это утверждение истинно применительно к памятнику, саду, оркестру и балетной труппе. Оно истинно по отношению к стае, впечатляющей уже одним только порядком и стройностью своих рядов. Это утверждение истинно и применительно к армии, чья сила основывается на самопожертвовании, которого она требует от своих воинов. Поэтому никто и никогда не пытался оспаривать ее авторитет. Проходят годы, но отношение к военной службе ничуть не изменяется. Обнаружив на берегу Евфрата руины римского поста, путешественник испытывает те же чувства, что испытывали люди в III веке; несмотря на ненависть, вызванную амбициозностью "корсиканского

чудовища"⁸, вся Европа распевала "Двух гренадеров" Гейне⁹; ожесточенность недавних сражений не мешала с почтением относиться к могиле вражеского солдата; и даже сегодня, те кто наиболее ожесточенно проклинают войну, не преминут при случае рассказать о своих доблестных военных похождениях. Надо признать, что в последние годы профессионалы проявляли некоторое недовольство своей зависимостью. Несомненно, это извечное пожертвование своих личных интересов всегда вызывало сетования. Во Франции даже считается, что ворчание и недовольство своим положением - это неотъемлемая черта любого военного. Однако раньше это было лишь показное недовольство. В глубине души военные прекрасно понимали, что их почетное положение невозможно без самопожертвования. Совсем недавно это понимание стало менее четким. Равнодушие, хотя бы видимое, к материальным благам и сдержанность желаний проявляются среди кадрового состава уже не так отчетливо, как раньше. Расчетливость, стремление преуспеть находят выражение почти в открытую <...> Впрочем, скоро возникнут новые условия, которые будут способствовать возрождению в армии готовности к самоотречению. Уходят в прошлое те времена, когда культ денег затмевал все остальное. Весы истории стремятся к равновесию, и среди потрясений, вызванных разорениями, скандалами, судебными преследованиями, всеобщее признание вновь обретают духовные ценности. Нет ни капли сомнения в том, что уважение к военной службе ничуть не станет меньше, чем раньше, и что люди будут превозносить самоотверженность тех, кто не считается ни с тем, что отдает, ни с тем, что получает. Блуждающая во мраке французская армия, поднявшись над собой, найдет тепло и свет всеобщего уважения, словно лилии у Франсуа де Кюреля¹⁰, которые неустанно стремятся к поверхности, где и расцветают в лучах солнца <...>

8 "Корсиканское чудовище" (l'ogre de Corse) - прозвище, данное роялистами Наполеону Бонапарту.

9 Генрих Гейне (1797-1856 гг.), немецкий поэт и публицист, выдающийся мастер лирической и политической поэзии.

10 Франсуа де Кюрель (1854 - ?), французский драматический писатель, пьесы которого отличаются утонченной психологической окраской.

О ДОКТРИНЕ

На войне есть принципы, но их мало

Бюжо¹¹

Создается впечатление, что французская военная мысль категорически не желает признавать, что военные действия должны иметь в своей основе эмпирический характер. Она без устали силится создать доктрину, которая позволит априори наметить направление действий и их порядок, не учитывая обстоятельств, которые должны были бы лежать в основе этих действий. Она находит в этом некоторое удовлетворение, очень опасное, тем более, что это удовлетворение высшего порядка. Считать, что ты обладаешь средством, позволяющим избежать опасностей и неожиданностей, господствовать над ними, значит обеспечить разуму отдых, к которому он постоянно стремится, создать себе иллюзию, считая возможным пренебречь тайной неизвестности.

Несомненно, причиной этому является, в частности, резко выраженная тяга французской мысли к абстракции и систематичности, культ абсолютного и категорического, что обеспечивает ей явные выгоды в ряду умозрительных построений, но ведет к ошибкам при переходе к действию. В эпоху великих потрясений ей удалось, не утратив это свое свойство, избежать опасности, следуя правилу, требовавшему конкретности и соблюдения меры, а во времена появления "Рассуждений о Методе" и "Всеобщей Истории" познать реалистическую политику Ришелье¹², предметную стратегию Тюренна¹³, практич-

11 Томас-Робер Бюжо (1784-1849 гг.), маршал Франции, участвовал в африканских походах, в 1840 г. был назначен губернатором Алжира, в 1844 г. одержал победу над марокканскими войсками при Исли.

12 Ришелье (Арман Жан дю Плесси) (1585-1642 гг.), кардинал с 1622 г., с 1624 г. глава королевского совета, практически правитель Франции. Способствовал укреплению абсолютизма, провел административные, финансовые, военные реформы.

13 Тюренн (Анри де Ла Тур д`Овернь) (1611-1675 гг.), маршал Франции. Одержал ряд крупных побед над баварскими и имперскими войсками. Умело совершал маневрирование войсками в сочетании с решительным ударом, совершенствовал линейную тактику.

ное правление Кольбера¹⁴. Но в другие времена проявились другие тенденции, которые, в свою очередь, оказали влияние на военное искусство. В период нашей истории, когда в основу внешней политики был положен принцип национального самоопределения, а во внутренней политике долгое время считалось, что свобода является решением всех проблем и действительно может подменить организацию и чувство долга, военная мысль стала априори выстраивать доктрины и сочла себя вправе, несмотря на обстоятельства, навязывать практике абсолютные выводы, которые она черпала в абстракции <...>

После войны 1870 года¹⁵ люди, в задачу которых входила разработка для армии новой доктрины, со всей горечью, на которую только способна душа солдата, осознали, сколь бесплодными оказались абстрактные теории. Тем не менее, теперь они обладали бесценным опытом. Результатом их работы стал Боевой устав пехоты 1875 года и, в некоторой мере, Устав службы войск 1896 года. В них нашли отражение все приобретенные ими знания о разнообразии и изменчивости обстановки в ходе войны, дорого оплаченным страхом перед решениями, принятыми априори, и стремлением предоставить командирам как можно большую свободу действий.

Но военная мысль недолго смогла довольствоваться этими четкими и в то же время широкими рамками. В них не было того, что она неустанно искала: общего правила действий, пригодного для решения всех проблем. Не имея возможности - и не без основания - извлечь это правило из боевого опыта, она решила вырвать его у Истории.

Обращение к изучению боевых действий прошлого оказало благотворное влияние на военную науку. Материалы и сведения о военных кампаниях времен Первой Империи и 1870 года являли собой превосходный материал для размышлений. "Описание франко-немецкой войны", составленное прусским генеральным штабом, было драгоценным источником знаний. Эти исследования, с одной стороны, убедительно свидетельствуют о наших победах по всей Европе в начале века, а с дру-

14 Кольбер Жан Батист (1619-1683 г.), генеральный контролер (министр) финансов. Добивался роста государственных доходов главным образом созданием крупных мануфактур, увеличением вывоза и сокращением ввоза промышленных изделий.

15 Франко-прусская война.

гой - показывая, что своими поражениями в последней войне мы обязаны не столько появлению у противника блестящих талантов, сколько сочетанию наших собственных ошибок, в большой мере способствовали тому, чтобы французская армия вновь обрела утраченную веру в себя. Впрочем, наша военная реставрация, окончательно завершившаяся к 1889 году, оздоровление общественного мнения, возникновение новой политической обстановки, благодаря альянсу с Россией, делали вполне оправданной уверенность Франции в своей силе и судьбе. Военная мысль обратилась к наступлению. Подобную ориентацию можно было только приветствовать. Явившись следствием новой общественной обстановки, она незамедлительно стала причиной огромного духовного и интеллектуального всплеска, который, несомненно, был необходим французской армии.

Однако, при этом было утрачено чувство меры. История походов Наполеона являла сотни примеров энергичных действий, которые он предпринимал, чтобы изучить обстановку, в частности, для получения сведений о противнике, разнообразии и гибкости замыслов, которые он вынашивал в зависимости от обстоятельств. Но мы обратили внимание лишь на дерзость и наступательный характер его действий. Основные черты и форму этих действий мы приписывали его личной доблести. Безрассудство прусских генералов в 1870 году не раз заводило их в ситуации более чем трудные. Штейнмец при Форбахе, Альвеншлебен при Мар-ла-Тур избежали поражения лишь благодаря нашей исключительной пассивности. Тем не менее был сделан вывод, что они одерживали победы именно благодаря этому безрассудству и, не принимая во внимание, что их система, удачная в условиях полного бездействия противной стороны, не раз приводила к неудачам при столкновении с маневренным и решительным противником; было заявлено, что она хороша сама по себе.

Таким образом, военные вообразили, что наступление имеет трансцендентальное значение. Какими бы ни были обстоятельства, военные склонялись к тому, что один лишь факт начала наступления дает абсолютное превосходство над противником, независимо от обстоятельств. Раз уж движение вперед само по себе обладало несокрушимой мощью, все сводилось к тому, чтобы его осуществлять. Таким образом был открыт закон успеха, найдено окончательное правило действий, незыб-

лемая основа концепции, к которым неотступно стремились. Ступив на этот путь, военная мысль шагала от абстракции к абстракции. Она оторвалась от почвы боевой реальности и собиралась создать доктрину, рассматривая действия с точки зрения чистейшей метафизики <...>

Серьезные возражения были противопоставлены этой доктрине некоторыми умами, особенно одаренными и обладавшими здравым смыслом. Разгоревшиеся по этому поводу дискуссии вошли в Историю. Полковник Петэн¹⁶ считал, что определять априори порядок каких-либо военных действий очень опасно. Обстановку, противника, характер местности и т.п. - вот что прежде всего необходимо учитывать, прежде чем планировать операцию. Чтобы быть в состоянии воспользоваться благоприятным случаем или предотвратить неожиданность, необходимо прежде всего продвигаться бросками и действовать в боевом порядке, позволяющем в любых условиях использовать все имеющиеся средства, короче говоря, развернутом и расчлененном <...>

Победа на Марне¹⁷ принесла славу командующему, сумевшему освободиться от абстрактных теорий и создать свою собственную концепцию обстоятельств, которые его разум объединил в единое целое, распознав благоприятное их стечение в первых числах сентября: ошибочное расположение противника, благоприятные для наших войск условия местности, то, что наши фланги были прикрыты крепостями, моральное состояние войск и населения страны, решительность и хладнокровие правительства.

Можно было бы подумать, что приобретенный опыт отобьет у французской военной мысли вкус к умозрительным, абстрактным доктринам. Ничего подобного. Конечно, из происшедшего извлекались уроки, но очень медленно и как бы с сожалением. Атаки зимы 1914-1915 годов были прямым следствием убеж-

16 Петэн Анри Филипп (1856 - 1951 гг.), французский маршал (1918), в 1-ю мировую войну командовал французскими армиями, с 1917 г. главком, с 1934 г. военный министр, в 1940-44 гг., во время оккупации Франции, возглавлял капитулянтское правительство, затем коллаборационистский режим Виши. В 1945 г. приговорен к смертной казни, которая была заменена пожизненной ссылкой на о. Ие.

17 Марна, река на севере Франции, правый приток Сены. В сентябре 1914 г. в битве на Марне французская армия, возглавляемая генералом Жоффром, одержала победу над немецкими войсками.

денности в том, что наступление принесет успех само по себе и надлежит его вести несмотря даже на явную недостаточность наших средств. Тщетно сторонники реальности провозглашали, что обстоятельства не оправдывают этих действий, "что одними людьми против техники не воюют" и что прежде чем начать атаку надлежит собрать необходимые средства <...>

Столь долгие и трудные испытания наложили на французскую военную науку отпечаток, который бы хотелось считать неизгладимым. Конечно, она на долгие годы сохранит чувствительность к реальностям войны. Но долго ли она сохранит недоверие к значимости безоговорочных доктрин, презрение к абстрактным решениям и вкус к действиям, задуманным в зависимости от обстоятельств, тщательно взвешенным и потому выполненным с наибольшей энергией, вкус, который преобладает в умах после тяжелых испытаний?

<...> Одиссей, возвращаясь после долгой войны к себе на родину в Итаку, приказал привязать себя к мачте, чтобы не дать Сиренам соблазнить себя и не погибнуть в морской пучине. Французская военная наука сможет устоять перед вековой привлекательностью принципа априори, абсолютности и догматизма! Не уступив им, она сможет придерживаться классических правил! В них она будет черпать тот вкус к конкретному, то чувство меры, то ощущение реальности, которые побуждают к проявлению отваги и героизма, вдохновляют на маневр и обеспечивают победу в бою.

СОЛДАТ И ПОЛИТИК

Пока существует мир, они будут идти попарно, след в след, рука об руку

Мюссе¹⁸

На сцене мирного времени главную роль играет общественный деятель. Устраивает ли толпа ему овацию или освистывает, ее глаза и уши направлены только на этот персонаж. И вдруг война извлекает из-за кулис другого, выталкивает его на первый план, направляет на него лучи прожекторов: появляется военачальник. Начинается пьеса, которую предстоит сыграть вместе солдату и политику. Среди шумной толкотни статистов, волнения аудитории вокруг этих двух актеров разворачивается целая драма. Их диалог переплетается до такой степени, что успех одного всецело зависит от игры другого. Стоит одному из них пропустить реплику - и все потеряно для обоих.

Действительно, как бы ни различны были задачи, стоящие перед правительством и военным командованием, их взаимозависимость бесспорна. Какого успеха может добиться политика, если армия терпит неудачи? Куда годится стратегия, если нет средств для ее осуществления? Квалификация сената не принесла бы Риму никакой пользы без его легионов. Что значили бы Ришелье, Мазарини¹⁹, Лувау²⁰ без королевской армии? Стоило Дюмуре²¹ потерпеть поражение при Вальми, и Революция была бы задушена в колыбели. Немецкое единство

18 Альфред де Мюссе (1810-1857 гг.), французский поэт.

19 Джулио Мазарини (1602-1661 гг.), кардинал с 1641 г., первый министр Франции с 1643 г. Итальянец по происхождению. Вел борьбу в Фрондой. Добился политической гегемонии Франции в Европе.

20 Мишель Ле Телье, маркиз де Лувау (1641-1691 гг.), французский государственный деятель, военный министр при Людовике XIV. Восстановил порядок и дисциплину в армии, заботился об улучшении положения солдат. Проявил себя прекрасным администратором и был довольно жесток как политик.

21 Шарль Франсуа Дюмуре (1739-1823 гг.), французский генерал, под командованием которого войска революционной Франции одержали победу в 1792 г. над интервентами при Вальми и Жемапе, но в марте 1793 г. потерпели от них поражение при Нервиндене. В апреле 1793 г. изменил Революции, перебежав к австрийцам.

делает неразделимыми имена Бисмарка²² и Мольтке²³. В воспоминаниях о победе эти два государственных деятеля и великих полководца недавней войны, несмотря ни на что, всегда будут рядом <...>

На чем зиждется власть политика? Козни двора, интриги в правительстве, маневры ассамблеи - и в одно мгновение он может лишиться своего положения в обществе. Сброшенный с небес на землю, он становится объектом сплошной несправедливости. И так, великий или ничтожный, историческая личность или безликий политик, он постоянно балансирует между властью и бессилием, всеобщей известностью и полным забвением. Вся его жизнь, все его дела нестабильны, беспокойны, беспорядочны в отличие от жизни и дел солдата.

Профессией последнего является применение оружия, но мощь этого оружия должна быть организована. В тот день, когда солдат берет оружие в руки, он вступает в подчинение уставу: тот будет с ним всегда. Словно великодушная и ревнивая любовница, он сопровождает воина, прощая слабости, развивая способности, и удерживает его возле себя, зарождая сомнения и укрощая порывы. Требования этой любовницы заставляют его страдать, затрагивая самые потаенные глубины мужской природы: отказаться от свободы, денег, иногда от жизни, - какая жертва может быть еще более полной? Но за эту цену она открывает перед ним власть силы. Вот почему, зачастую жалуясь на устав, воин его соблюдает; и более того, он любит его и гордится той ценой, в которую тот ему обходится. "Это дело чести!" - говорит он <...>

Бесспорно, армия, скрепя сердце, мирится с безоговорочным подчинением политической власти. Конечно, дисциплинированная по природе и в силу привычки, она ни в чем не проявляет непослушания, однако это совсем не радостное подчине-

22 Бисмарк Отто фон Шенхаузен (1815-1898), князь, 1-й рейхсканцлер германской империи (1871-1890). Осуществил объединение Германии на прусско-милитаристской основе. Один из главных организаторов Тройственного союза 1882 г., направленного против Франции и России.

23 Мольтке Хельмут Карл (1800-1891 гг.), граф (1870), германский фельдмаршал и военный теоретик. В 1858-88 гг. - начальник генштаба, фактически командующий в войнах с Данией, Австрией и Францией. Проводил идеи неизбежности войны, внезапного нападения и молниеносного разгрома противника путем окружения. Один из идеологов германского милитаризма.

ние, и свидетельства тому видны скорее на должностном, а не на личностном уровне. При всех режимах в армейских рядах царит дух независимости, который внешне выражается в сдержанности манер. Лувау отнюдь не пользуется любовью королевских войск. Армия Революции, поддерживавшая жирондистов²⁴ при монтаньярах²⁵, после Термидора²⁶ открыто проявляет свое предпочтение к якобинцам²⁷. Множество солдат, отнюдь не худших, осуждали Брюмер²⁸, и Наполеон имел веские основания держать в отдалении множество военачальников, к которым проявлял особое расположение Карно²⁹. Армия реставрированной монархии открыто сожалеет об Империи, и после 2 декабря уже не испытывает верноподданнической симпатии к принцам Орлеанским: во время плебисцита в полках находится изрядное количество уклонившихся от голосования. После 1871 года³⁰ кадровый состав не проявляет особого благоговения перед теориями и деятелями Республики.

Политик же считает склонность к порядку, уверенность, непрклонность, ставшие второй натурой солдата из-за многочис-

24 Жирондисты - политическая группировка периода Великой французской революции, представлявшая преимущественно республиканскую торгово-промышленную и земледельческую буржуазию. После термидорианского переворота 1794 г. примкнули к контрреволюционерам.

25 Монтаньяры (от *montagne* - гора) - в период Великой французской революции рев.-демокр. крыло Конвента, представлявшее якобинцев; занимало на заседаниях верхние скамьи (отсюда назв.).

26 Термидорианский переворот (9 термидора II года по респ. календарю), 27/28.7.1794 г., свергший якобинскую диктатуру и положивший конец Французской революции.

27 Якобинцы - в период Революции чл. Якобинского клуба, оставшиеся в его составе после изгнания из него в 1792 г. жирондистов. Выражали интересы революц.-демократической буржуазии, выступавшей в союзе с крестьянством и плебейством. Термидорианский переворот положил конец власти якобинцев.

28 18 брюмера VIII года по респ. календарю, гос. переворот 9-10 ноября 1799 г. Наполеона Бонапарта, заменивший режим Директории военной диктатурой в форме Консульства. Завершил процесс контрреволюции, начатой Термидорианским переворотом.

29 Карно (Лазар Никола), (1753-1823 гг.), фр. математик, в 1792-95 гг. член Конвента. Военный организатор борьбы рев. Франции с интервентами и роялистами. В 1795-97 гг. член Директории.

30 В 1871 г. германские войска занимают Париж. Франция теряет Эльзас и Лотарингию, платит большую контрибуцию.

ленных лишений и самого характера профессии, докучливыми и неприглядными. Безоговорочность, быстрота, неумолимость боя вызывают неприязнь у важной особы, живущей среди компромиссов, постоянных интриг, метаморфоз. Власть предрасполагает считать, что под маской почтительности воинов скрываются узорность ума, высокомерие, несговорчивость. Надо отметить, что, посвятив себя мыслям и речам, политик не может отделаться от некоторого беспокойства, испытываемого перед силой, даже если использует ее в своих целях. Вот почему, за исключением кризисных моментов, когда необходимость имеет силу закона, он покровительствует отнюдь не лучшим военачальникам, а наиболее удобным, иногда ставит полководцев в ряды посредственностей, а когда они увенчают себя славой, спокойно дожидается их смерти, чтобы воздать им по справедливости.

По сути, это взаимное отсутствие симпатии между политиком и солдатом не столь губительно, как может показаться. В государстве необходимо определенное равновесие тенденций, и втайне нужно лишь одобрять, что люди, возглавляющие его, и те, кто управляет его вооруженными силами, держатся друг от друга на некотором расстоянии. Можно несколько не сомневаться, что в стране, где верховодят военные, пружины власти, растянутые до предела, в конце концов лопнули бы, а соседние государства постоянно пребывали бы в состоянии крайней тревоги. С другой стороны, необходимо избегать вмешательства политики в армейские дела. Все, что исходит от партий: показательные страсти, засилье доктрин, выдвижение или устранение людей в зависимости от их убеждений, - вскоре развратили бы армию, чья мощь держится прежде всего на доблести.

Политики и солдаты должны сотрудничать. Пусть им это не нравится. Приспособиться друг к другу - дело их разума, действовать согласованно - их долг. Случается, что этого не удается. Даже тогда, когда установлен твердый порядок, когда строгая государственная иерархия способствует гармонии, та не возникает без столкновений и часто нарушается, когда тревожные события способствуют непомерному росту амбиций или возникновению панического страха. Не счесть катастроф, прямой причиной которых были распри, а взаимное недоброжелательство лежит в основе всех оплошностей, ведущих к злосчастным битвам, поскольку история войны начинается в мирное время.

Когда отчизна длительное время не подвергается прямой угрозе, общество начинает испытывать отвращение к военному бремени. Это проявляется в недовольстве системой комплектования по призыву: воинская повинность и вербовка всегда вызывали у народа отвращение. Зачастую считают расточительством затраты на армию, которая не сражается. Все, вплоть до дисциплины, поддерживаемой в войсках, претит духу независимости, которым пропитаны народные массы. Как же правитель, который не может обойтись без одобрения толпы, может проигнорировать ее настроение? К тому же на его долю выпадает труд составлять бюджет, в котором расходы на содержание армии пробивают ужасающие бреши. И потом, именно к нему восходят слухи из заграницы, постоянно испытывающей беспокойство по поводу вооружения других стран. И, наконец, народный вождь должен заявлять о своем миролюбии и не давать поводов заподозрить себя в стремлении вооружиться, даже в то время, когда он ведет военные действия. Миру не известен такой завоеватель, который бы со всей искренностью не заявлял, что стремится к миру.

Разумеется, проблемы военного порядка вызывают у правящих кругов недоумение. Как скупой, так и расточитель не любят платить по счетам. Несмотря на то, что армии в конечном счете являются лишь порождением политики, правительства страшатся обращаться к ним вплоть до возникновения самой серьезной опасности. И, напротив, лишь только наступает спокойное время, как они торопятся списать корабли и распустить полки.

Солдат, разумеется, не подвержен подобным склонностям. Мощь оружия для него почти священна.

<...> К тому же профессионалы, в силу подготовки к сражениям, приходят к тому, что каждый вечер чувствуют себя накануне рукопашной и ничто не кажется им более важным и срочным, чем аккумуляция средств, необходимых для победы. Надо сказать, что связав свою жизнь с войной, они ей, естественно, дорожат. Конечно, они не одобряют ее принципов. Можно было бы легко доказать, что они, более чем кто-либо иной, чувствительны к ее ужасам. Но, как бы то ни было, война является для них смыслом существования, поприщем, на котором они могут себя проявить и, как говорит Густав Лансон, "их шансом". Тех же, кто искренне предпочитает спокойствие, не лучше ли отправить в отставку? Меч, которым предстоит сра-

жаться вождю, никогда не кажется ему ни слишком острым, ни слишком прочным <...>

В наше время течение событий никогда не ставит политиков и солдат в ситуации, когда они могли бы действовать совместно, или хотя бы получше познакомиться. Жизнь политического деятеля полна настолько трудными и неотложными задачами, что лишает его даже досуга, а суровость и обособленность военного существования не дает возможности условиться о встрече. Лишь смутно народные вожди и полководцы испытывают что-то вроде взаимного влечения. Видя друг друга постоянно влачащими вдоль противоположных берегов корабли своих амбиций, эти люди, страстно увлеченные властью, испытывают одни к другим неясное уважение сильных к сильным. Но в чем дело? Они остаются на противоположных берегах. Их желания, заботы, поступки имеют слишком мало сходства, чтобы направить их движение к сближению. Впрочем, для этого не находится даже повода, за исключением заседаний на каких-либо слушаниях или конференциях, где профессионалы, именуемые "экспертами", лишь между собой обсуждают технические вопросы, или на публичных церемониях, где каждый на отведенном ему месте внимает речам или следует за похоронной процессией.

По правде говоря, в государстве, проводящем дальновидную политику, должна существовать система, предусматривающая осуществление совместных исследований для подготовки административной и военной элиты к руководству военными усилиями нации в случае необходимости. Помимо того, что в случае конфликта подобная система позволила бы в кратчайшие сроки достигать согласия между различными ветвями власти, в мирное время она предоставила бы прекрасные возможности для урегулирования споров и согласования законов, относящихся к военной мощи страны. Мы же, не имея доктрины, разработанной с учетом морального и физического облика Франции, в этой области слишком часто действуем как неискушенные младенцы.

Но прозорливость и высшая мудрость, ведущие к согласию между солдатом и политиком, не рождаются из простой суммы знаний или устава. Для зарождения подобных способностей необходимы интуиция и характер, обретению которых не помогут никакие декреты, никакое образование, а лишь талант, зрелая рассудительность и, главным образом, внутреннее жела-

ние сыграть выдающуюся роль. Поскольку, в конце концов, именно к этому необходимо стремиться: великих дел не свершишь без великих людей, и последние станут таковыми. Дизраэли³¹ с юных лет приучал себя мыслить как премьер-министр. В уроках Фоша³², еще неизвестного, уже виден генералиссимус.

Пусть же политики и солдаты, несмотря на противоречия и предубеждения, создадут для себя соответствующую философию и найдут в ней полное согласие. Конечно, среди них найдутся и посредственности, для которых главное - застраховать себя от трудностей, а не преодолеть их. Но подобное стремление должно прийти и к честолюбцам первого ранга, мастерам напряжения сил, людям особой закваски, единственный смысл жизни для которых - оставить свой след в событиях, людям, которые, стоя на берегу, куда они прикованы повседневными заботами, мечтают лишь о волнах океана Истории! Именно эти люди, несмотря на иллюзии и заблуждения нашего времени, смогут избежать серьезных ошибок: выдающаяся военная карьера невозможна без служения большой политике, так же как и великая слава государственного деятеля без заботы о сиянии национальной обороны.

Опубликовано в издательстве Берже - Левро в 1932 году.

Charles de Gaulle. Le Fil de l'épée. // Le Fil de l'épée et autres écrits. -P.: PLON, 1994. -P.141-225.

Перевод и примечания В.Буткова

31 Бенджамин Дизраэли, граф Биконсфилл (1804-1881 гг.), премьер-министр Великобритании в 1868 г. и 1874-80 гг., лидер консервативной партии, писатель.

32 Фердинанд Фош (1851-1929 гг.), маршал Франции, Великобритании и Польши. В 1-ю мировую войну командовал армией, группой армий, в 1917-1918 гг. - начальник генштаба, с апреля 1918 г. - верх. главнокомандующий союзными войсками.

ЗА ПОЛИТИКУ НАЦИОНАЛЬНОЙ ОБОРОНЫ

Ушедший год возродил в обществе извечную заботу о национальной обороне. В этом нет ничего случайного. В то время как тает согласие среди бывших союзников, а Германия кипит от скрытого возбуждения, которое там всегда предшествовало великим потрясениям, Франция инстинктивно вспоминает о своей армии.

В 1932 году вопросы об обороне Франции правительству приходилось неоднократно рассматривать на своих заседаниях, проходивших в крайне напряженной атмосфере. По правде говоря, вынудили его к этому лишь неблагоприятные обстоятельства. В политической жизни, увы, бывает столько обещаний и срочных дел, что отцы государства сосредотачивают внимание лишь на вопросах, решение которых не терпит отлагательства <...>

Несмотря на многочисленные трудности, наша страна сохранила мощную, прекрасно оснащенную и управляемую армию, ясно представляющую свою задачу. Она восстановила военно-морской флот с превосходными кораблями и отлично подготовленными экипажами, знающими, как использовать этот флот. Она создала авиацию, не уступающую военно-воздушным силам ни одной другой страны, и определила ее назначение. Проводятся работы по созданию ПВО территории. На границах заканчивается строительство выдающейся системы фортификационных сооружений. Несмотря на бури и ветра, мы смогли соткать и сохранить драгоценную сеть союзников, сделали невозможное, чтобы уберечь крепкие дружеские связи былых времен. Для подготовки нации к проведению мобилизации и обеспечению ее жизнедеятельности в условиях военного времени была проделана огромная работа не только в военной промышленности, но и во всех других отраслях. Был даже обсужден проект закона, предоставляющего властям права и средства, необходимые для подготовки страны к войне. Однако для того, чтобы объединить эти разрозненные усилия и согласовать их между собой, нужен единый план, нужна Политика национальной обороны.

Разработка такой политики представляется задачей весьма трудной, если не определить заранее все ее составляющие и

не наметить единый план наших действий в области национальной обороны. Как в случае военного конфликта должна действовать Франция? - конечно же, вся Франция - вот что должно быть определено в первую очередь. Однако, масштабы этого плана настолько грандиозны, а механизм его действия настолько сложен, что их трудно себе представить без некоторого трепета. Тем более, что он является в некотором роде эвентуальным, что требует от составителя проявления определенной дерзости.

Известно, что до недавней войны никаких проектов подобного рода не разрабатывалось. Конечно, у нас были планы проведения сухопутных и морских операций и, кроме того, предусматривалось осуществление административных, финансовых и даже экономических мероприятий. Но ничто не объединяло эти разрозненные части в единое целое. Диспозиция, существовавшая в то время, основывалась на концепции возможной войны как кратковременной, ограниченной Северо-восточным театром, войны, для ведения которой потребуются лишь средства мирного времени. Однако, когда конфликт приобрел затяжной характер, правительство в своих действиях вынуждено было принимать неподготовленные решения. Самое время подумать о том, что отсутствие предварительных установок усиливает вес бремени, и так уже тяжелого самого по себе, и постоянно сказывается на предпринимаемых в национальном масштабе действиях, вплоть до заключения перемирия или мира.

Таким образом, необходимо взвесить все грозящие опасности, в противном случае придется вновь прибегать к импровизации. Как правители могли бы выполнять свою задачу, если бы в условиях беспорядочно развивающихся событий не находили прочной основы для принятия своих решений? Или, отказавшись выполнять свою роль, они бы самоустранились от руководства ведением войны, или, сконцентрировав свое внимание на отдельных деталях, они упустили бы из виду общую картину развития событий, и, как говорится, из-за деревьев не увидели бы леса, или же, наконец, поддавшись сиюминутным порывам, своими нерассчитанными действиями они лишь усугубили бы положение в той или иной области. И напротив, если бы они обладали планом, в общих чертах определяющим генеральную политику Франции в начале конфликта, устанавливающим, насколько это возможно, цель, форму, степень пред-

принимаемых страной усилий, намечающим для каждого рода действий: военных, морских, воздушных, дипломатических, колониальных, экономических, финансовых, психологических - четкую цель, их границы, характер их взаимного осуществления наряду с другими действиями, то этот план стал бы для них путеводной нитью.

Означает ли это, что необходимо составить жесткую абстрактную схему и в случае войны ответственным лицам придется лишь буквально исполнять то, что она предписывает? Это было бы полнейшим абсурдом. Но, с другой стороны, может быть не стоит ничего планировать заранее, поскольку реальные события все равно в той или иной степени будут расходиться с предположениями, и не нужно навязывать руководителям никаких наставлений, поскольку они все равно будут вынуждены отклоняться от их предписаний? Это было бы не менее опасно. Фехтовальщик, прежде чем выйти на дорожку, не знает, как будет разворачиваться бой. Однако он заранее выбирает свою тактику. Адвокат не может предвидеть, какой оборот примет судебный процесс, но он продумывает свои аргументы и то, как убедительнее представить их в суде. Так и план, в соответствии с которым Франция намерена осуществлять свою оборону, должен быть намечен лишь в общих чертах, оставив на долю правительства, в случае возникновения конфликта, заботу приспособлять его к конкретным обстоятельствам и действующим лицам.

В конце концов, мы обладаем не настолько скудной информацией, чтобы не могли ничего спланировать заранее. В такой столь часто подвергаемой испытаниям области, как национальная оборона, всегда существуют относительно стабильные условия, которые в любом случае будут приниматься в расчет. Мир изменяется не настолько быстро и глубоко, чтобы в нем не оставалось нескольких характерных черт, которые на практике можно рассматривать как постоянные. У всех стран, в том числе и у нашей, существуют сильные и слабые стороны - или, если угодно, ресурсы - географическое положение, политический строй, демографическая ситуация, национальный характер, экономический потенциал, которые предопределены и мало подвержены изменениям. Сама по себе Франция, в том виде, в котором она есть, обладает физическим и моральным "лицом", которое можно во многом считать устоявшимся. Так же и у других народов. Поэтому между ними и нами существует

относительное равновесие, изменяющееся очень медленно. Именно эти, почти постоянные условия определяют нашу судьбу. Именно благодаря им существует подобие так называемой "традиционной" внешней и внутренней политики, аналогичных схем налогообложения, схожих систем образования. Такие же аналогии существуют и в военной области. План национальной обороны должен выявлять их и указывать, как руководители могли бы следовать его принципиальным, раз навсегда определенным и согласованным положениям, независимо от природы конфликта.

Совершенно очевидно, что предвидеть как сложится обстановка в начале войны можно лишь с некоторой долей вероятности. Однако знание сил, движущих современным миром, и известных сфер интересов государств дают нам довольно основательные исходные данные. Конфликты, в которые могла бы оказаться вовлеченной Франция, на самом деле немногочисленны и довольно характерны. Первый встречный перечислит их вам не задумываясь. Конечно, в этих формулах есть и неизвестные, но любой может представить себе возможных противников, союзников, нейтральные стороны, цель борьбы, ее характер, театры военных действий, природу средств, которые будут использованы в этих потенциальных конфликтах. Эти предположения являются необходимыми и достаточными данными для определения замысла и разработки плана действий. В конце концов, разве можно создать план, не пытаясь предугадать события? "Если случится то-то, мы будем делать то-то, следовательно, к этому нужно быть готовым". Такова формула предвидения в любом деле, в том числе и военном <...>

И действительно, каким бы ни был военный замысел, в мирное время ему должны предшествовать определенные приготовления. В соответствии с поставленной целью, намеченной тактикой, в соответствии с тем, чего мы намерены добиться при осуществлении каждого из вариантов плана, мы должны располагать достаточным количеством сил, заручиться необходимой поддержкой как внутри страны, так и за границей, удовлетворить возможные нужды армии, флота, авиации, урегулировать соответствующие дипломатические, экономические, финансовые и транспортные проблемы. Вот почему осознанные и просчитанные потребности национальной обороны Франции рационально учитываются при осуществлении

генеральной политики страны, являясь своеобразными критериями для правительства в вопросах, касающихся национальной обороны.

В лицо войне смотреть любят не больше, чем в лицо смерти. Но, избегая мысли о ней, нельзя забывать о долге. Он состоит в том, чтобы определить статус вооруженных сил, дать компас тем, кто во время бури должен вести корабль, сориентировать военных и гражданских исполнителей в подготовительный период, а если потребуется, и в военных условиях, разработать, несмотря на повседневные разногласия, доктрину Национальной Обороны. Инструменты для этого существуют, надо лишь их использовать. Этот великий труд, свершенный в тайне, конечно, не принесет немедленной выгоды его исполнителю, но в один прекрасный день может увенчать его великой славой! Для выполнения этой работы нужен государственный человек.

Статья была опубликована в третьем номере "Revue Bleu", 4 марта 1933 года.

Charles de Gaulle. Pour une politique de défense nationale //Le Fil de l'épée et autres écrits. -P.: PLON, 1994. - P. 753-759.

Перевод В.Буткова

КАК СОЗДАТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ АРМИЮ

*Важнее проявлять благоразумие,
чем оказаться правым.
Жубер*

На какие только преграды не наталкивалось на рубеже XIX и XX веков нарождающееся спортивное движение! Сколько людей в те времена проклинали автомобиль! Сколько семей испытывало чувство обреченности при мысли, что когда-нибудь юные девушки смогут без провожатых появляться на людях! Сейчас напоминание обо всем этом заставляет улыбаться людей зрелого возраста и вызывает бурный смех у молодежи.

Так и наше поколение, воспитанное на культе вооруженной нации и опаленное войной, в которой воинская доблесть подавлялась численным превосходством противника, еще совсем недавно казалось неспособным изменить свои убеждения. Всего несколько лет назад одна лишь мысль о дополнении системы контингентов, укомплектованных по принципу мобилизации, профессиональными частями вызвала в нашей стране всеобщее удивление. Надо отметить, что формированию в обществе подобного настроения способствовали некоторые внешнеполитические и внутривнутриполитические иллюзии и сиюминутные склонности господствовавшей политической школы. Как же быстро все изменилось! Конечно, создание соединения, сформированного из специалистов-контрактников, еще наталкивается на возражения, но сама идея уже овладела умами и находит все большее распространение. Профессиональная армия, вышедшая из царства несбыточных мечтаний, стала сегодня предметом всеобщего обсуждения.

Правда, ускорить этот процесс нас вынуждают объективные причины. В политике - это вооружение Германии и установление в Берлине в высшей степени воинственного режима, что ставит Францию и ее союзников перед лицом скрытой угрозы. В стратегии - это осознание того, что вероятный агрессор при внезапном нападении может получить значительные исходные преимущества, опираясь на мощное вооружение и скоростные возможности, которыми обладают современные армии, благо-

даря новым двигателям для наземной техники и авиации. В технике это развитие некоторых видов вооружений, и прежде всего танков и артиллерии, которое превращает их в решающий элемент при совершении маневра, но в то же время делает более дорогими, сложными и хрупкими. И, наконец, в моральном отношении, в народе, после стольких потрясений, появляется желание вернуться к старым общественным устоям, среди которых одним из наиболее прочных была военная слава. Все эти обстоятельства способствуют зарождению мысли о создании из числа профессионалов, умеющих в полной мере использовать все возможности новой техники, особенно постоянно готового к быстрым действиям соединения, которое бы способствовало подготовке отборных военных кадров для нации и возрождению боевого духа настоящих солдат. Короче говоря, речь идет о создании профессиональной армии, полностью механизированной, широко оснащенной бронетехникой, школы старших и младших командиров, очага военного духа <...>

В случае войны это элитное соединение могло бы стать авангардом страны, немедленно вступая в бой как внутри наших границ, так и на земле дружественных государств, являющихся форпостами Франции, или на территории противника. Затем, когда в боевые действия вовлечена основная часть войск и резервов армии, это соединение стало бы в руках командования инструментом для совершения маневра и нанесения внезапного удара, элементом, способным переломить ход генерального сражения. Оно могло бы действовать в первом, втором эшелоне или на стыке, то есть в некоторой мере изолированно, а для этого в его состав должно входить порядка шести ударных дивизий, легкая дивизия, подразделения общевойскового резерва и соответствующие службы. И, наконец, это соединение должно быть полностью механизировано, оснащено техникой высокой проходимости, обладать большой огневой, ударной мощью и надежным тыловым обеспечением.

Каждая ударная дивизия могла бы состоять из усиленной танковой бригады (полк тяжелых танков, полк средних танков и батальон легких танков), пехотной бригады (два полка, парашютно-десантный батальон), артиллерийской бригады (тяжелый полк, легкий полк), разведывательного подразделения, инженерно-саперного батальона, батальона связи и наблюдения, маскировочного батальона и служб дивизии.

Легкую дивизию можно сформировать в соответствии с теми же принципами, но из более легких и быстроходных частей.

В состав общевойсковой резерва должны войти по меньшей мере две бригады тяжелой артиллерии, полк ПВО, инженерный (понтонный) полк и полк связи.

По подсчетам экспертов, общая численность личного состава такого соединения, состоящего из боевых частей и подразделений тылового обеспечения, составила бы примерно 98000 человек.

Нужно отметить, что в их число, возможно, входили бы не только французы... Если некоторые части и службы укомплектовать выходцами из заморских департаментов и территорий, то из общего числа можно вычесть примерно 18 000 человек, что снизило бы количество французов в этом соединении до 80 000 человек <...>

80 000 человек личного состава маневренного корпуса и 70 000 профессионалов для обеспечения командным составом остальных частей и подразделений армии составили бы в итоге 150 000 французов, добровольно проходящих службу сверх сроков, установленных законом. Итак, в общей сложности нам нужно 150 000 французов <...>

Созданное на профессиональной основе соединение, обеспечивая Францию ударным маневренным инструментом, стало бы вместе с тем школой подготовки испытанных кадров, регулярный приток которых во все армейские подразделения способствовал бы их серьезному усилению... Все военнообязанные, которым предстоит стать офицерами запаса и многие из будущих унтер-офицеров с пользой проходили бы там хотя бы часть своей активной службы. Заразительность боевого настроения прекрасных войск, атмосфера постоянной боеготовности маневренных частей, непосредственный интерес к современной технике позволили бы молодежи приобрести такие практические навыки и психологическую подготовку, каких сейчас они не могут получить нигде. Кроме того, школы усовершенствования могли бы в любое время использовать эти части для проведения своих учений. Можно себе представить, наконец, масштаб и богатство практического и тактического опыта, который нашли бы в них командование и штаб профессиональной армии не будет стоить затраченных на ее создание усилий, если мы ограничимся обещанием укомплектовать ее отборным личным составом. Кроме этого ее

необходимо оснастить новейшими видами вооружения. Философия этой армии состоит в использовании самой современной техники людьми, имеющими навыки управления ею.

Принципиальную новизну в армии подобного типа представляет ее очень сильное оснащение быстроходными танками различной мощности и артиллерией, способной быстро перемещаться и вести огонь по всем направлениям, полная моторизация пехоты, инженерных войск и частей связи, которая позволит им свободно перемещаться по пересеченной местности, и, наконец, создание разнообразной системы как активной, так и пассивной маскировки. Каждое из этих условий является необходимым и неразрывно связанным с остальными. Кроме того, в этом деле неточные расчеты совершенно исключены, так же как и скудость.

Все крупные державы создают тяжелые, средние и легкие танки, чья скорость, защита, радиус действия и вооружение в любых условиях обеспечивают их обладателям ту внезапность, ударную мощь и способность к развитию успеха, которые составляют основу профессиональной армии <...>

Впрочем, чего ради восторгаться этим прогрессом, если мы не сможем его себе позволить из-за состояния государственных финансов? В таком случае лучше было бы безропотно смириться со своей бедностью, подобно бедняку, пожимающему плечами перед витриной роскошного магазина. Но если расходы не превышают наших средств, было бы непостижительно оставаться без новой техники или довольствоваться урезанными квотами из боязни упреков в расточительности. Поэтому нужно досконально изучить этот вопрос и подсчитать, во что обойдется создание механизированной маневренной армии.

Для начала отметим, что сама по себе легкая дивизия уже реально существует. Что же касается артиллерийского вооружения, необходимого для вышеупомянутых частей, то большая его часть уже эксплуатируется, а остальное находится в стадии производства. Не вдаваясь в подробности модернизации имеющегося в настоящее время в войсках артиллерийского вооружения, можно предположить, что его будет вполне достаточно для оснащения шести ударных дивизий и общевойскового резерва профессиональной армии. Это не потребует совершенно никаких расходов.

Во многом так же обстоит дело с экипировкой и вооружением элитной пехоты. Зато огромных затрат потребует оснащение 33 000 пехотинцев и десантников, 10 000 саперов и маскировщиков вездеходной техникой для перевозки личного состава вместе с вооружением, снаряжением и боеприпасами. Этих машин, типы которых - в зависимости от принадлежности к тому или иному роду войск - варьировались бы от легкого автомобиля до гусеничного или многоосного транспортера или грузовика, потребуется порядка 7 000. Поскольку речь идет о высококачественной технике, то помимо всего прочего для нее необходимо предусмотреть и специальное оборудование, большое количество запасных частей и хранилища горюче-смазочных материалов. Таким образом, каждая из этих 7 000 машин обошлась бы в 100 000 франков, а всего потребуется 700 миллионов франков.

А танки? Этих грозных машин нужно много и стоимость их очень высока. Для полного оснащения армии танками их понадобилось бы 432 тяжелых (288 боевых и 144 запасных), по 1 500 000 франков каждый; 1 296 средних (864 боевых и 432 запасных), по 700 000 франков; 540 легких (360 боевых и 180 запасных), по 400 000 франков. Итого на 1 771 миллион, которые можно округлить до 2 миллиардов, учитывая стоимость мастерских, парков, оборудования, ремонтно-эвакуационных машин и заправочных средств, экономия на которых привела бы к наихудшим последствиям.

И, наконец, оснащение семи элитных дивизий и общевойскового резерва самыми современными средствами связи (в частности радиотелефонией), приборами для наблюдения и засечки целей и организация некоторых служб, в частности интендантской и медицинской, обошлись бы в 200 миллионов.

Три миллиарда, в такую, примерно, сумму, по грубым подсчетам, обойдется профессиональное маневренное соединение. Однако, вполне понятно, что профессиональная армия не возникнет в одно мгновение и финансирование ее создания должно осуществляться постепенно, на протяжении нескольких бюджетных лет. Вербовка молодых добровольцев, подготовка и обустройство личного состава, производство вооружения, испытания, изменения организационно-штатной структуры

потребуется определенного времени. Соответственно бюджетные расходы могут быть распределены на четыре или пять лет. Предположим, что реформа начнется немедленно, тогда затраты на ее проведение в период с 1935 по 1940 годы составят в среднем по 600 миллионов ежегодно.

Но в действительности и эта сумма будет гораздо меньше. В наших подсчетах мы не учли расходы, уже предусмотренные бюджетом или те, которые впоследствии будут внесены в бюджет для обеспечения производства новой техники для французской армии. Будут ли созданы профессиональные дивизии или нет, в любом случае, перед угрозой серьезного отставания от других держав, нужно будет позаботиться о замене танков образца 1918 года современными машинами, механизировать часть наших пехотных дивизий, продолжить моторизацию артиллерии, кавалерии, инженерных войск и вспомогательных служб, улучшать средства связи. В итоге маневренное соединение получало бы большую часть этой новой мощной и сложной техники, производство хотя бы части которой уже сегодня предусмотрено планом перевооружения, а финансовые средства на это уже выделены или учтены при составлении бюджета. Только теперь это вооружение эксплуатировалось бы в таких условиях и такими людьми, которые бы обеспечили его максимальную отдачу. С учетом вышеизложенного можно констатировать, что в финансовом отношении создание маневренного соединения вполне реально.

Дорогу осилит идущий. Опыт, который приобретет часть профессиональной армии, не замедлит выявить все преимущества этой системы. В тот день, когда первая из элитных дивизий продемонстрирует на местности свою мощь и быстроту, когда ее танки во взаимодействии с авиацией и под прикрытием легких подразделений вдруг вырвутся из-под камуфляжных сетей и с огромной скоростью устремятся в атаку, когда ее пехота, искусная в осуществлении маневра, перемещаясь от рубежа к рубежу то в пешем порядке, то на машинах, мощным огнем поддержит танки, а высококомобильная и подвижная артиллерия продемонстрирует свою способность в любой момент вести стрельбу как на малой, так и на большой дальности, концентрируя его на указанной цели, в тот день француз-

ская армия откроет для себя новые грани военного искусства и познает путь к грядущей славе.

И когда это грозное соединение проследует маршем по нашим городам, сотрясая землю своими современными танками и артиллерийскими орудиями и одним лишь видом отборных солдат демонстрируя, что военная слаженность, профессионализм, гордость за свое призвание придают войскам силу и величие, французский народ, ощутив слишком давно забытую дрожь, почувствует, как возрождается в его сердце гордость за свою армию.

Статья была опубликована в журнале "Revue hebdomadaire", 1 июня 1935 года.

Ch. de Gaulle. Comment faire une armée de métier // Le Fil de l'épée et autres écrits. -P.: PLON, 1994. - P. 551-562.

Перевод В.Буткова

ЗА ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ АРМИЮ

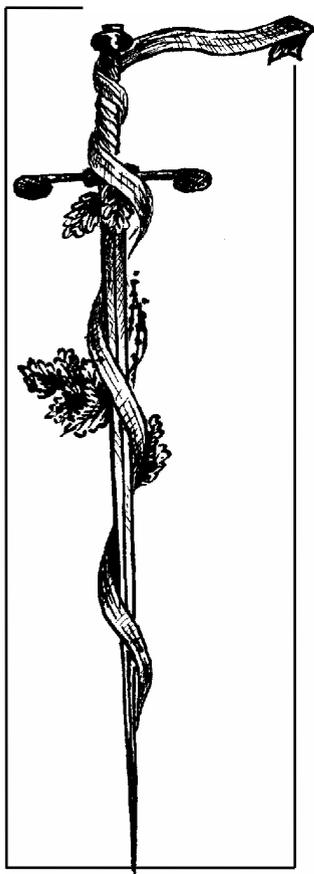
Шарль де Голль

ЗА ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ АРМИЮ

Прикрытие

Плоть, привыкшая страдать...

Альберт Самэн

Как портрет может вызвать в наблюдателе мысли о судьбе изображенного на нем лица, так и карта Франции сама уже вскрывает ее судьбы. В центре своем наша родина представляет собою как бы укрепленный замок: суровый массив старых гор, а по бокам его плоскогорья - Лангедокское, Лимузинское и Бургундское. Вокруг - обширные скаты, в большинстве своем мало доступные для тех, кто угрожает Франции извне, прорезанные "рвами" - долинами целого ряда рек: Соны, Роны и Гаронны, прегражденные стенками: Юрой, Альпами, Пиренеями, или погружающиеся вдали в Ла-Манш, Атлантический океан и Средиземное море; но с северо-востока - грозная брешь, связывающая главные бассейны Сены и Луары с владениями германскими. Рейн, самой природой предназначенный служить пределом и защитой для галлов, едва коснувшись Франции, тотчас же уходит далеко в сторону и совершенно открывает ее.

Вогеzy, правда, могут служить широкой защитной полосой - "крепостным валом", который можно, впрочем, и обойти через Бельфорский проход или через соляные озера. Берега Мозеля и Мааса, упирающиеся с одной стороны в Лотаринское плоскогорье, а с другой - в Арденны, образуют как будто и довольно серьезные, но все же недоста-

точно глубокие препятствия. Чтобы потерять их, достаточно ошибки, небрежности или неожиданности. Первое же отступление у Гено или во Фландрии делает их уязвимыми с тыла. И вот как раз в этих-то низменных равнинах мы не находим ни “рва”, ни “стены”, на которые можно было бы опереться для самозащиты. Тут нет ни линии господствующих над остальной местностью высот, ни параллельных фронту больших рек. Хуже того. Сама география местности как бы предусмотрела здесь многочисленные пути для неприятельского нашествия: долины Мааса, Самбры, Эско, Лиса и Скарпы - где сами реки, дороги и рельсовые пути - к услугам врагов и с самого начала точно указывают им дорогу внутрь страны.

Эти невыгоды с точки зрения естественной защиты северовосточной границы усугубляются и благодаря своим выступающим вперед очертаниям. Неприятель, наносящий удар одновременно во Фландрии, в Арденнах, Лотарингии, Эльзасе и в Бургундских воротах, наносит нам удары концентрические. В случае победы его в одном из этих пунктов рушится вся система французской обороны. Первые же шаги приводят его к Сене, Марне, Уазе или на Об и Эн, а там остается только следовать дальше этими путями, чтобы ударить в самое сердце Франции, в ту точку, где сходятся все перечисленные пути, т.е. Париж.

Эта брешь в поясе естественных укреплений составляет вечную слабость нашей родины. Галлия римской эпохи была уже свидетельницей вторжения варваров и их нападений на ее богатства как раз через эту брешь. Здесь старая монархия с трудом сдержала напор империи. Здесь Людовик Великий защищался против объединенной Европы. Революция едва не погибла здесь же, а Наполеон I пал здесь фактически. Разгром и позор 1870 г. пришли во Францию все этим же путем. На этой смертоносной аллее мы недавно похоронили треть нашего молодого поколения. Не говоря уже об эпохах военных кризисов, каким тяжелым гнетом ложилось на Францию вечное беспокойство за плохие границы. Сколько неудавшихся проектов, обманутых надежд, неосуществленных предприятий (начинаний) - и все это из-за отсутствия хорошего защитного окружения наших владений. Господство на морях потеряно, наша экспансия под угрозой; слишком дорого оплачиваемые нами союзы - шантаж, который приходится терпеть, силой вещей навязанная изолированность, а в народе, неотвязно преследуемом мыслью об одной и той же нависшей над ним

мыслью об одной и той же нависшей над ним угрозе, - смущение, неудовлетворенность и отсутствие единодушия.

И в конце концов эта хроническая грозная опасность с течением времени непрерывно увеличивается. Тот факт, что Париж и в эпоху Каролингов находился на теперешнем своем месте, для обитателей тогдашней Франции никакого значения не имел. Для французов времен Капетингов это обстоятельство служило уже предметом некоторого беспокойства. В эпоху Валуа об этом думали непрерывно, а Бурбоны совершенно уже не могли мириться с этим фактом. Франции XIX в. пришлось вынести тяжкие, подавляющие последствия места расположения ее столицы. Что видели мы во время последней великой войны, что ожидает нас завтра? От чужих границ Париж отделен какими-нибудь 200 км: 6 дневных переходов для пехоты, 3 часа для моторизованных частей, 1 час для аэропланов. Одна какая-нибудь неудача у истоков Уазы, и Лувр под обстрелом неприятельской артиллерии. Как охарактеризовать роль Парижа, если вместе с Валери не сказать, что она "грандиозна" и "необычна"?

Этот агломерат, этот крупный населенный центр, радиус которого менее 12 км, управляет жизнью всей нации. Из каждых 7 французов 1 здесь живет, а остальные 6 зависят от того, что здесь думают и делают.

Доктрины, влияния, репутации, моды, деньги, продукты земли и промышленности стекаются сюда или распространяются отсюда путем мысли, чувства и транспорта, накапливаемых и распределяемых столицей. Сохранение или потеря Парижа почти равнозначает целостности или потере государства. В течение истекшего столетия сопротивление Франции неприятельскому нашествию не продолжалось и часа по взятии Парижа. Наша национальная защита - это по существу своему защита Парижа.

Далее, значительная часть необходимых для нашего существования предметов скопилась как нарочно у наихудшей из наших границ. Положение вещей являлось таким далеко не всегда. Аквитания, долины Соны и Роны, берега Луары и другие местности занимали поочередно господствующее в этом смысле положение. Но в наше время мир живет машиною. Две трети добываемого во Франции угля происходят из Ленса и Валансьен. Железная руда получается из окрестностей Лонгви, Брие (Briey) и Нанси. То незначительное количество неф-

ти, которым мы располагаем, выходит из недр Эльзаса. Из 150 доменных печей 120 находятся в Лотарингии или Шампани. В северной части долины Сены производится 90% наших сукон и $\frac{4}{15}$ нашей шерстяной пряжи. На берегах этой реки вырабатывается большая часть нашей химической продукции, сооружаются все наши автомобили и аэропланы.

В Бри (Brie), Бос (Beauce), Фландрии и Артуа находятся наилучшие с точки зрения зерновых хозяйств земли, а свекловичные плантации - в Пикардии и Иль-де-Франс. Парижский бассейн обеспечивает жизнь 15 млн. французов в среднем наиболее активных, объединивших в своих руках $\frac{2}{13}$ всего богатства страны.

Едва вступив в пределы Франции через Бельгию, мы сразу попадаем в самый центр ткацких фабрик Рубе, рудников Денен-Анзен или железодельных заводов Мааса. От Сиерка до доменных печей Тионвиля всего 1 переход. Не выходя за пределы германских границ, можно подвергнуть артиллерийскому обстрелу Пешельброн, а Страсбург - ружейному. Никаких длинных маршей до самых ценных наших сокровищ.

Такое невыгодное географическое положение является отличительной особенностью Франции. Океаны берут на себя задачу охранения Англии, Америки и Японии. Грандиозная дуга Альп пересекает со всех сторон подступы к Италии. Пиренеи, а за ними суровая местность прикрывает Испанию. Завладеть Россией невозможно из-за бесконечных ее пространств. Как удалены и разбросаны производственные центры Германии: Рур, Гарц, Саксония и Силезия! Чтобы добраться до них, нам прежде всего необходимо преодолеть встречающиеся на нашем пути препятствия - Сланцевые массивы, узкие долины, обрывистые склоны, огромные лесные пространства с их туманами, "лешими", "феями" и "злыми духами". Предположим, что мы перешли через Рейн и вступили на германскую почву. Сама местность, неровная и пересеченная, служит препятствием завоевателям. Пойдут они южным путем - 20 горных массивов: баденских, гессенских, вестфальских, франконских, швабских, саксонских и тюрингенских, тянущихся в самых разнообразных направлениях, способствуют разъединению наступающих масс. Захотят они двинуться северным путем - масса пересекающих их пути рек, торфяных болот, песчаных ланд, бесконечно растянувшихся озерных местностей, нагорных болот служат сильным испытанием для муже-

ства, выносливости и терпения наступающих. Повторяется старая история Вара¹, Субиза², Моро³, вплоть до недавних колесаний и нерешительности Фоша⁴.

В течение 5-часового перелета Берлин-Париж путешественник может видеть как бы отпечатанными на самой местности безопасность Германии и слабые места Франции. Покинув берега Шпрее, он вплоть до нашего Мааса на протяжении 500 км может различить ряд глубоких рвов - долины рек Эльбы, Аллера, Лейна, Везера, Рейна, издалека и вблизи прикрывающих столицу государства, может видеть крепости Гарц, характер которых явно благоприятствует германцам. И вот совершенно неожиданно местность становится более плоской, контуры более мягкими. Кончились горы, ущелья, обрывы. Это Франция. Только-только переступите вы границу, как местность в виде широкого понижающегося к центру лотка, реки, железнодорожные дороги, шоссейные пути, все сходящиеся в одном и том же направлении, общий вид пригорода, принимаемый постепенно всей местностью, - все это заставляет почувствовать, что близок и Париж. Но вот и он сам: памятник, склад, фабрика, место стечения тысячи артерий, плохо защищенный какими-то жалкими холмами, охваченный легко проходимыми лесными массивами, лишенный акрополя, - добыча такая близкая, такая прекрасная и такая доступная.

* * *

“Политика государства, - говорил Наполеон, - обусловлена его географией”. Той защиты, которой природа лишила Францию, она на протяжении длинного ряда веков неизменно искала в политике. Другие государства могли добиваться предпочтительно господства на море, эксплуатации отдаленных земель, объединения рассеянной расы. Нас, французов, неотвязно преследует мысль о безопасности нашего шестиугольника. Установить политическую систему, которая помешала бы нашим соседям причинять нам вред, - вот к чему в конечном итоге сводились на протяжении тысячи лет все задуманные Францией проекты, все заключенные ею договоры. Благодаря таким непрерывно возобновляемым усилиям мы в сущности только и жили, в настоящее же время мы более чем когда-либо лишены каких бы то ни было гарантий.

Что касается нашествий со стороны англичан, то со времени последнего прошло уже больше столетия. После целого

ряда столкновений Лондон и Париж молчаливо урегулировали свои взаимоотношения. При условии признания за британцами превосходства сил на море, ценою колоссальных жертв колониальных и полного молчания о некоторых Нормандских островах, при условии, наконец, признания известного над ними контроля нам разрешается рассчитывать на английский нейтралитет, крайне ревнивый в дни нашего преуспевания, но благорасположенный в годину несчастий, - нейтралитет, который может даже перейти в объединение интересов. Точно так же и споры наши с Испанией отходят уже в отдаленное прошлое. Вот уже 200 лет, как Мадрид, разлученный с германцами, отстраненный от Нидерландов, раздираемый сепаратизмом, сначала разоренный собственной империей, а затем умирающий от утраты ее, до последнего времени находившийся под скипетром Бурбонов, остерегался обнажать меч против нас, за исключением случаев законной обороны.

Нет никакого сомнения в том, что дружба с Швейцарией, бережно поддерживаемая всеми режимами, а в настоящий момент особенно ценная, преграждает доступы в Бургундию и в долину Роны. И, наконец, после стольких и частых попыток договориться (решить наши споры) с Италией мы смогли, по крайней мере на юго-востоке, закончить наше национальное объединение и убедили Пьемонт, некогда “стража Альп”, отдать нам ключи от наших гор. Но на самом полуострове образовалось большое государство, болюющее лихорадкой роста, преследуемое империалистическими кошмарами. Нет больше Габсбургов, его пугавших, и нет новых стран, которое оно могло бы захватить. Наши богатства искушают этот народ, возбуждаемый в своих вожделениях той угрозой, которая нависает над самой слабой из наших границ со стороны самого сильного из наших соседей.

Между галлами и германцами ряд попеременно чередовавшихся побед ничего не разрешил и ничего не примирил. Время от времени оба истощенные войною народа как будто сближаются, точно 2 борца, шатающиеся на ногах и ищущие опоры друг в друге. Но, едва передохнув, оба соперника тотчас же начинают подстерегать один другого. Такое неустойчивое состояние естественным образом вытекает из природы вещей. Нет географического препятствия, которое разделяло бы обе

расы. Бесперывный осмос* , отсюда результирующий, мог бы в конце концов увеличить взаимное их влияние, но зато сделал бы спорным границы поля действия.

Где бы ни проходила франко-германская граница, она все равно будет краями открытой раны. Ветер, по ней проносщийся, откуда бы ни дул, все равно полон задними мыслями.

Полная противоположность темпераментов усугубляет эту взаимную горечь. И не то, чтобы какая-либо из сторон не признавала достоинств за другой; обе они зачастую принимают мечтать о том великом, чего можно было бы достигнуть сообща. Но последующие у них реакции настолько различны, что оба народа возвращаются к состоянию взаимной подозрительности. Француз, у которого так много порядка в уме и так мало в поступках, этот сомневающийся во всем поклонник логики, этот беспечный труженик, этот домосед и вместе с тем рьяный колонизатор, горячий поклонник александрийского стиха, фрака и королевского сада, который тем не менее распевает там песни, раздевается и пачкает лужайки; этот Кольбер - коллега Левау; этот якобинец, кричащий "Да здравствует император"; этот политик, создавший священный союз; этот побежденный при Шарлеруа и яростно атакующий на Марне - короче говоря, этот народ - неустойчивый, полный противоречий и непостоянный, - как он может стать понятным для германца, как может последний объединиться с ним и спокойно на него опереться? ...И обратно: нас, французов, беспокоит Германия, стихийная сила природы, к которой она ближе всего подходит; комплекс могущественных, но смутных инстинктов; прирожденные, но не обладающие вкусом артисты; передовые техники, оставшиеся феодалами; воинственные отцы семейств, созидатели ресторанов-храмов, заводов в лесах, готических дворцов для отправления человеческих нужд; угнетатели, мечтающие о любви угнетаемых; сепаратисты, слепо повинующиеся малейшему движению пальца и взгляду; рыцари незабудки, опивающиеся пивом до рвоты; путь, который Зигфриду Лимузинскому кажется эпическим поутру, романтическим в полдень, воинственным к вечеру; прекрасный, зеленый океан, из которого сети извлекают вперемежку чудовища и сокровища; храм, многокрасоч-

* Просачивание жидкостей через пористую перегородку.

ный неф* которого, объединяющий благороднейшие своды и полный тонко нюансированных звуков, слагает для чувства, мысли и души в целостную симфонию все волнения, свет и религию мира, но трансепт которого звучит каким-то варварским гулом, оскорбляет взор, ум и сердце.

В течение ряда веков нашим правителям удавалось ограничивать восточную опасность с помощью традиционной политики разъединения соседей. Для этого они то прибегали к оружию, чтобы отодвинуть нашу границу, опираясь при этом на право наследования или на право сильного, на свободу или на поддержку других, играя на заинтересованности или чувствах в Лотарингии, на Рейне или в Нидерландах; то использовали в своих выгодах влечение германцев к племени, в узком смысле этого слова, к отдельным группировкам и партикуляризму; то заключали они в их тылу уравнивающие союзы. Всеми этими способами Франции вплоть до современной эпохи удавалось поставить Германию в такое положение, что последняя не могла навалиться на нее всей своей тяжестью. Но та шахматная доска классических партий, где Франция, комбинируя силу с интригой, могла сдерживать ярость тевтонов, теперь исчезла. Нет больше протестантских княжеств, державших бросать вызов Карлу V, нет Сулеймана, которого можно было натравить на Вену, или Густава-Адольфа, помогавшего Ришелье, нет подкупного князя-епископа; нет союзов, которые можно было бы опрокинуть, Рейнской конфедерации⁵, соперничества Габсбургов и Гогенцоллернов и тайных надежд Виттельбахов⁶. Единство Германии, благоприятствуемое нашими иллюзиями, скрепленное нашими несчастьями и поддержанное нашей поспешностью в ограничении недавней победы, дало возможность колоссу единым порывом и без задержки броситься на Запад. Конечно, все это произошло не без ряда внутренних трений и тяжелых испытаний. Баварцу не легко было примириться с преобладанием Пруссии, рейнскому католику - жить под давлением протестантской магистратуры; тяжело было гамбургскому купцу подчиняться тому же режиму, что и померанскому дворянчику. Несмотря на внешнюю видимость, области, районы, власти, партии и общественные объединения страдали от тысячи противоречивых тенденций. Но эта именно

* Часть католического храма от входа до алтаря, между двумя рядами колонн.

эта именно угроза анархии и толкала империю на путь авантюры. Условием ее единства является внешняя экспансия и грандиозные планы, это единство только и оправдывающее в глазах немцев те жертвы, которыми они это оплачивают. Бисмарк вначале это понимал, а как только он стал об этом забывать, молодой император, одобряемый большинством, выставил его за дверь. Теперешнее государство скользит по той же покатости. Кто может сомневаться в том, что новый кризис снова потянет немцев в сторону Парижа?

Где, по какому пути будут искать себе прохода их главные силы? Неоспорим, конечно, факт, что две враждующие силы обычно избирают для нанесения друг другу удара путь кратчайший. Линия, соединяющая их центры тяжести, указывает направление их главных усилий. В охотничье-пастушескую эпоху большинство германских племен населяло равнины севера. Когда Римская империя оказалась слишком ослабленной, чтобы поддерживать строгую охрану Рейна на всем его протяжении, нашествие германцев стало производиться скрыто через Кельн и по морскому побережью. Следуя по этой плоской местности, можно было не опасаться засад со стороны галлов, можно было двигаться со своими повозками, не замучивая волов на подъемах, можно было легко переправляться через тихие реки. Именно по направлению на Эско накапливались франки. Позднее, сделавшись земледельцами, немцы группировались на известковых плоскогорьях и в глинистых долинах центральной области: Швабии, Франконии, Гессене и Саксонии, составлявших ядро империи. Заседавший в Регенсбурге сейм, а затем и воздвигнутый в Вене трон Габсбургов поддерживали такое положение вещей, при котором взоры, планы и удары германцев направлялись на Лотарингию, Бургундию и Франш-Конте. Когда во Франции возникало стремление несколько ограничить Германию, или наоборот, то встречи по большей части происходили в Баварии, Франконии, Бадене, Саксонии или в Лотарингии, Шампани и Эльзасе. Решительные сражения имели место под Фрейбургом, Вальми⁷, Виссенбургом, Гогенлинденом, Ульмом, Иеной, Лейпцигом, Гравелоттом⁸. Нидерланды становились главным театром военных действий лишь в тех случаях, когда империалисты рассчитывали соединиться там с союзниками: англичанами, испанцами или голландцами. Тогда сражения назывались "битвами" при Сен-Кантене⁹, Ватиньи, Денене, Ватерлоо.

Пятьдесят лет тому назад Германия сделалась промышленной, торговой и морской державой. Вестфальский уголь, минералы Гарца, большие порты в устьях главных рек привлекали в пределы северной равнины массы трудового населения. К югу от линии Бреславль, Кассель, Лейпциг, Кельн из каждых трех немцев живет только один. Из 38 насчитываемых в государстве городов с населением свыше 100 тыс. человек на упомянутую выше южную часть приходится только 10. Берлин поднялся до положения столицы не только политической, но экономической и умственной. Для громадного большинства немцев путь во Францию проходит через Бельгию, как и железная дорога Берлин-Париж.

Знаменитый план Шлиффена основывался на силе фактического положения вещей. Никакой договор о нейтралитете не сможет заставить повернуть на Нанси. Естественно массирующийся на Шарлеруа народ может завтра грозить нам той же участью. Увлекаемые силою вещей, направляемые своими железнодорожными путями, которые в числе 8 из 11 упираются в нашу границу к северу от Тионвиля, соблазняемые ровными дорогами Вестфалии и Фландрии, а также и бесчисленными каналами Рура и Нидерландов, привлекаемые к Антверпену и Кале естественным желанием наблюдать за поведением Англии, твердо решившие нанести нам смертный удар на наиболее легком и коротком пути, немцы, конечно, изберут главным своим направлением истоки Уазы, наиболее уязвимое место нашей хрупкой брони.

А это значит, что защита Франции на самом опасном направлении зависит от Бельгии. Если напротив германского нашествия воздвигнуть мощный барьер в Арденнах и Люксембурге, то нам будет обеспечено и время и пространство. В этом случае Конде и Журдан¹⁰ получают серьезное преимущество. Но если бы императору Оттону, Карлу V, принцу Евгению, Кобургу¹¹, Блюхеру¹² или фон-Клуку¹³ удалось овладеть мостами через Маас и устроить плацдарм в Валлонии и Фламандии, то нам пришлось бы вести тяжелую и изнурительную кампанию.

Бельгия - страна, не обладающая достаточными пространствами, страна, где некуда отступить и негде закрепиться; народ, разделенный на две расы, говорящие на двух совершенно разных языках и между собой соперничающие; государство недавнего происхождения и недоверчивое по отношению к

другим. Если такая Бельгия и сумела в недавнем прошлом сыграть роль безусловно героическую, то значит ли это, что в будущем не найдется массы причин, по которым она уклонится от выступления в одиночку, да еще в качестве авангарда. Не будем воображать, чтобы когда-нибудь вновь воскресли интриги графа Фландрского¹⁴. Не будем делать предположений о том, что наводненная неприятельскими ордами Бельгия захочет остановиться на плане Леопольда¹⁵, т. е. оставить путь свободным и вооружить только Антверпен. Нет во всяком случае никаких оснований рассчитывать на то, что Бельгия при всяких обстоятельствах, без всяких эгоистических расчетов целиком возьмет на себя риск, как это сделано было при Альберте I¹⁶. Так или иначе, не будем рассчитывать на то, что она будет растрчивать свои силы на защиту нас.

Франция, разочаровавшаяся в старой политике, ищет, правда, в новых международных ситуациях тех гарантий безопасности, которых она добивалась в прежнее время путем традиционных методов. Мечта французов увидеть мир организованным, - такой мир, где строгость законов, умеренность желаний и прочность охраны гарантировали бы всем мир и спокойствие, а каждому - его владения. Мы настолько богаты землями, заводами и колониями, что с этой мечтой совпадают и наши интересы. В данном случае необходимо принять в расчет и наше пристрастие к системам универсальным, которое заставляло нас поддерживать последовательно авторитет Рима, евангелие, классические правила, революционные принципы, а может быть и свойственную нам до известной степени любовь плыть по ветру, дующему извне.

По тысяче оснований, как практических, так и альтруистических, Франция в настоящее время стала Пенелопой международного дела. А отсюда - целая сеть договоров, протоколов и генеральных актов, которыми она пытается оплести мир. Отсюда, по отношению к другим и в особенности по отношению к самым беспокойным, предвзятая предупредительность, которую мы называем "европейским духом". Отсюда же у большинства наших политиков стремление отвлечь народ от всякой пышности и проявлений силы (актов насилия).

Между тем время идет, а мы не видим, чтобы все усилия прибавили что-нибудь существенное в смысле безопасности Франции. Правда, благодаря приобретенному в результате победы авторитету, благодаря личному таланту наших госу-

дарственных деятелей, при известной помощи англосаксов нашему идеализму удавалось по временам придавать жизненный вид бездушной статуе. По существу же и теперь, как прежде, мы не в состоянии противопоставить насилию ничего законного и эффективного. За исключением абстрактных обещаний и утверждений, жгучие вопросы остаются неразрешенными. Нам не платят той же монетой за широкий либерализм, с которым мы подходим ко всем нас окружающим. Мы повсюду упираемся в эгоизм отдельных государств. Каждый думает только о себе. Повсюду только и слышно: "мне причинили вред", "со мной поступили несправедливо", "такое-то место мне принадлежит по праву". В то же самое время, когда мы заявляем о необходимости объявить войну вне закона и собираемся похоронить меч, другие приветствуют силу, кричат об опасности, требуют вооружений, формируют милицию, штурмовые отряды. Где же та плотина, которая сдержит это течение?

* * *

Ну и что же? Эта столь плохо защищенная нация сама-то по крайней мере держится ли настороже? Можем ли мы отменить у нее способность по первому требованию развернуть всю свою военную мощь? Наносит ли она свои удары сознательно и уверенно с первого же раза? История двадцати веков отвечает - "нет". В сотне столкновений Франция сумела проявить колоссальнейшие усилия, но первоначально плохо направленные, несогласованные, разъединенные, несоответствовавшие достигаемым ими результатам.

Слияние нескольких могущественных рас в самой благоприятной для этого среде образовало в народе нашем "редкую и драгоценную гармонию". Страна с мягким климатом, где каждая область, приобретая одной ей присущий характер, тем не менее служит дополнением соседних, и где водные бассейны, прорезываемые расходящимися в разные стороны потоками различной силы, сообщаются между собой доступными водоразделами. Страна с гармоничными горизонтами, многообразной продукцией и разнообразным профилем. Франция наложила и на свое население печать равновесия в оттенках и единства в многообразии. Этому способствовала и история. Римское владычество принесло с собою галльским племенам общий язык и общие законы, а христианство - общую для всех мораль. Монархия в свою очередь много поработала над их

объединением. Все вместе взятое увеличило ту нераздельную основу, которая послужила противовесом многочисленным стремлениям к разнообразию. И вот мы видим, как на всем протяжении своей истории французский народ в моменты тяжелых испытаний умел реагировать с необыкновенной силой: будучи совершенно раздроблен, вновь объединялся; воскресал тогда, когда его считали окончательно умершим; другими словами - умел противопоставить худшим невзгодам необыкновенную сопротивляемость и энергию, укреплявшие его подсознательным ощущением своего существования.

У народа, отличающегося экспансивностью и склонностью к централизации, "легкость" обмена мыслями и чувствами имеет свою обратную сторону, выражающуюся в непостоянстве общих впечатлений - явление нервной индукции, свойственное массам и отмеченное уже Цезарем: *Gallorum subita ac repentina consilia* (поспешные и внезапные решения галлов). Порывы и проявления слабости одинаково стремительны. Масса страстности в замыслах и мало постоянства - вот наша судьба. Внезапно застигнутые опасностью, мы встречаем ее с энтузиазмом, но не подготовленными. Противопоставляем ли мы ей, по крайней мере, немедленное, дружное объединение? Нет. Каждый француз слишком дорожит своей независимостью. Он долго рассуждает, прежде чем подчиниться, примыкает к другим только тогда, когда считает это полезным, и притом с осторожностью, с оговорками по отношению к властям. Как солидарность, так и дисциплина носят у нас характер порывистости, сдержанности и неустойчивости, благодаря чему и наши действия сообщаются отличаются неровностью и неслаженностью. И, кроме того, этот доктринальный народ каждое новое испытание встречает закованным в лапы принципов. С глазами, закрытыми повязкой, он наносит впустую сокрушающие удары, растрчивает силы без всякого смысла, героически нападает на стены. Затем, смущенный, но воспрянувший под влиянием самолюбия, он оказывается лицом к лицу с действительностью и срывает закрывающее ее покрывало. Он схватывает ее, овладевает ею, извлекает из нее наслаждения славы.

Можно, конечно, указать и на такие наши столкновения, которые счастливо протекали с самого начала. Оттон, например, не успел вступить на французскую землю, как должен был уже обратиться в бегство в вечер сражения при Бувины. Кампании Фландрская и Фланш-Конте во время войны за испанское на-

следство¹⁷ являются образцами предусмотрительности (предвидения). Слышны до сих пор еще раскаты эха тех молниеносных ударов, которыми Наполеон опрокидывал своих врагов. Но в конце концов из числа больших столкновений, где решалась наша судьба, как много было таких, которые начинались печально. Сколькими бессмысленными поражениями заплатили мы так близко нам знакомому злему духу, который перед лицом английских лучников и пушек у Креси и Пуатье заставил нас доверить свою судьбу наивному оружию рыцарства; который втянул Валуа в безрассудные итальянские войны в тот момент, когда над Францией уже вытягивалась тень Карла V; который бросил Францию “прав человека” в борьбу против Европы в худший момент нашей военной дезорганизации, а позднее убаюкивал Наполеона III грандиозными мечтами, в то время как Пруссия уже точила против нас свои мечи, и, наконец, перед 1914 г. ослеплял пацифистскими иллюзиями стоявшую у власти политическую школу. Очень хорошо, конечно, - больше того, прекрасно бывает в моменты крайности вдруг найти Великого Ферре¹⁸, Жанну д’Арк или Дю-Гесклена; удачными маневрами после Сент-Кантена удалить Филиппа II от Парижа; оказаться победителями при Денене, когда все уже казалось потерянным; при Вальми запугать торжествовавших уже победу пруссаков; наносить удары обломками меча даже и после Седана; каким-то чудом выиграть сражение на Марне. Так или иначе, эти удачные для нас повороты судьбы на самом краю бездны в общем не уравнивают огромного количества начальных ошибок, наполнивших историю громкими, тревожными возгласами возглавлявших Францию лиц: суровыми приказами Жоффра¹⁹ и Галлиени; заклинаниями Гамбетты²⁰ к сохранению мужества в сердцах; криками Дантона²¹: “родина в опасности”; печальными заявлениями Людовика XV: “нельзя уже быть счастливым в нашем возрасте”; безнадежным возгласом Франциска I: “все потеряно, кроме чести”; слезами Жанны д’Арк; отчаянием обращенного в бегство Филиппа VI: “откройте - это несчастный король Франции”.

* * *

Открытая для нападения, подставляющая под удары врагов незащищенное броней тело, лишенная всякой передышки, всякого прибежища, в чем же ты, наша родина, найдешь себе защиту, как не в вооружении... Меч - не только последний до-

вод в ее спорах, он и опора ее слабости. Для того чтобы компенсировать все неблагоприятные стороны территории, всю абсурдность политики, всю слабость характера, у нее в конце концов не имеется ничего, кроме военного искусства, кроме страданий ее солдат, кроме умения ее войск. Это является отличительной ее чертой. Мощь Соединенных Штатов может возрастать вне всякой пропорции с их военным могуществом. Проигранные войны ни в какой мере не компрометируют будущности России. Италия создавалась в процессе многочисленных превратностей судьбы. Что касается нас, то наше величие или унижение зависят непосредственно от исхода наших столкновений. В силу как географических, так и политических условий Франция должна быть или вооружена, или прекратить свое существование. Жестокий закон, находящийся в вечном противоречии с нашим идеализмом и с вкорененным в каждом из нас стремлением к независимости, придает нашему национальному существованию особый облик, заставляет пренебрежительно относящегося к солдатам Мазарини создать великую королевскую армию, а Сен-Жюста прибегнуть к стратегии, сажает Гамбетту в кресло военного министра, приводит Рошфора к буланжизму²² и увенчивает карьеру Клемансо²³ восторгами генералов.

Те же условия, которые из века в век и совершенно против нашей воли делают из нас военную нацию, налагают и на начальную систему нашей обороны характер постоянства. Раз условия таковы, что в момент неизбежного столкновения для нас не существует отсрочек, невозможно никакое отступление, хотя бы на 10 км, что первое же проигранное сражение равносильно тому, чтобы предать огню и залить кровью Париж, - защита против нападения должна быть немедленной. У других, если им что-либо и угрожает, есть время захлопнуть двери, поднять тревогу, заставить замычать "быка Ури" и "корову Унтервальдена", поставить под ружье призывы разных сроков. Для нас таких возможностей нет, - тем более, что наши германские противники именно и отличаются искусством наносить с самого же начала методически подготовленные сокрушительные удары. Тактика Фридриха, война масс, впервые примененная Мольтке²⁴, грандиозное фланговое движение Шлиффена - все это удары грома. Война только что объявлена, еще не засохли чернила на декретах, а Франция уже узнает, что Брунsvик вступил в Шампань, что Мак-Магон и Фроссар

разбиты, что “от Сомы до Вогезов положение без перемен”. Точно так же и сейчас в предвидении мгновенного взрыва Германия неукоснительно подготавливает те средства, которыми она располагает. Необходимо, чтобы известная часть наших войск неизменно была наготове, всегда обладала способностью развернуть всю свою мощь при первом ударе.

Этот авангард, от которого все зависит, не найдет у нас поддержки в тех случайностях, которые природа так щедро рассыпает для других: Фермопилы, где можно было бы устроить засаду; горы для партизанской войны; наводнения, затопляющие неприятеля, засушливое лето, сезоны дождей, генерал “Мороз”. Наши решительные сражения разыгрываются в ясную погоду, на обширной равнине, куда ведут прекрасные дороги. Нападающая сторона, подойдя под прикрытием рейнских, мозельских и арденнских лесов, находит для начала своего движения местность всюду доступную, - ей остается только выбрать удобное для себя время и место. Обороняющаяся сторона, если только она остается пассивной, оказывается захваченной врасплох, пригвожденной к месту, обойденной с флангов, - и в результате неудача: Виллеруа²⁵ у Рамильи или Базен²⁶, блокированный в Метце. И наоборот, подвижный и предприимчивый, как Люксембург²⁷ у Флерюса или Наполеон 1814 г., этот обороняющийся устремляется туда, куда следует, отражает или предотвращает неожиданности, захватывает в свои руки инициативу. Последний способ является единственным, обещающим благие результаты по отношению к германцам, которые не имеют себе равных при осуществлении подготовительных планов, но утрачивают свои способности, если удар наносится им не так, как они ожидали, проявляют то неумение приспособляться к неожиданному, которым объясняются Вальми, Иена и Марна. Прикрыть Францию можно только путем маневрирования. Неизменное состояние максимальной бдительности, быстрые и скрытые передвижения, немедленная концентрация всех усилий требуют очень хорошо подготовленных войск. Комитет 1793 г. мог сколько угодно наказывать своих генералов, а все же, для того чтобы добиться победы при Ватиньи, пришлось дожидаться, пока северные дивизии приобретут достаточную спаянность. Если бы после Шарлеруа судить только по карте, то от группировки Амада, оперировавшего на фланге Клука, можно было бы ожидать как будто все-

го, а что в действительности сумели мы извлечь из этих не спаявшихся еще в одно целое единицы?

Нужно отдать справедливость Франции, что на протяжении всей своей истории она пыталась пополнить разрывы в своих границах с помощью сооружения соответствующих укреплений. Она делает это и в настоящий момент. В этом отношении одна и та же очевидность поочередно воодушевляла Вобана²⁸, Гувийон-Сен-Сира, Сера де-Ривьера, Пенлеве и Мажино. Никакая оценка не может быть слишком высокой по отношению к поддержке, которую укрепления постоянного типа могут оказать в деле сопротивления. Но не следует забывать, что последние обладают лишь ограниченной глубиной, не говоря уже о том, что они должны быть снабжены достаточным гарнизоном и оставляют, кроме того, открытой всю северную область. Можно ли предвидеть также и то действие, какое могут оказать на защитников современные средства атаки: авиация, тяжелые танки, ядовитые газы? Нельзя же, наконец, не принимать в расчет и возможности упадка духа, потому что из всех испытаний военного времени самые тяжелые те, которые выпадают на долю осажденных. Создается впечатление, что именно ты являешься центром наносимых ударов; ужасающая изолированность, длительное непрерывное истощение - все это быстрым темпом разлагает моральную силу осажденного войска. Эти потрясения в самом начале кампании связываются с испытаниями боевого крещения, и для сопротивления им требуется совершенно исключительная спаянность. Вот почему народный инстинкт увенчивает высшей славой мужественных защитников крепостей. Но слабому гарнизону грозит опасность полного упадка духа. Если Баярд²⁹ и его верные товарищи при Мезиере, войска Массены³⁰ в Генуе и "ворчуны" в Данциге - настоящие отборные солдаты - совершали подвиги, достойные удивления, то в других случаях окружение наспех сформированных частей приводило к заполнению вражеских лагерей пленными, а скамей следственных комиссий - военачальниками. Строить наше прикрытие исключительно на укрепленных районах, защита которых возложена на молодые неопытные войска, было бы абсурдом.

Чем, наконец, компенсировать ту неумелость, те ошибки, которыми обычно характеризуются первые шаги французов, как не прочностью войскового объединения, скрепленного специальным цементом? Ошибки предвидения, неверная оценка

своих сил и сил противника, замешательство - вот что чаще всего характеризует наши первые столкновения; они могут быть уравновешены лишь доблестью отборных частей.

Плохие условия начальной обороны страны влекут за собой таким образом совершенно определенные последствия. Наделенные конфигурацией местности, точно нарочно созданной для удобств вражеского нашествия, подверженные легкому захвату врасплох благодаря предрасположению нашего национального характера и свойствам наших соседей, мы для отражения первых ударов отнюдь не можем положиться на поспешную оборону плохо спаянных формирований. Наступил момент, когда в массе наших резервов и новобранцев, - главному, но медленно собирающемуся и малоподвижному в смысле приведения в действие аппарату, гигантские усилия которого смогут оказаться на высоте лишь к моменту наивысшей опасности, - необходимо прибавить еще и другой маневроспособный аппарат, могущий действовать без малейшего промедления, т.е. неизменно постоянный в своей силе, спаянный и сроднившийся с оружием.

Прикрытия Франции без профессиональной армии быть не может.

ПОЧЕМУ НУЖЕН ПЕРЕХОД К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АРМИИ

I. Соображения технического порядка

Все более и более мощная техника внедряется в армию нашего времени. Тот результат, который 100 лет назад с трудом получался благодаря совокупным усилиям массы солдат, теперь очень быстро достигается работой нескольких усовершенствованных механизмов. В сражении у Пирамид построенный в каре батальон выпускал в минуту 2 тыс. пуль. Это - работа всего только 3 пулеметов с 10-кратной дальностью. "Буцен-тавр" для полного поворота требовалось усилие 300 матросов, приставленных к его парусам, на "Лотарингии" то же самое делают двое: один человек у штурвала и один - у сервомотора. Один самолет за час времени узнает о неприятеле гораздо больше, чем вся кавалерия Мюрата за целый день. И если 20 эстафет оказалось недостаточно, чтобы привести

Груши к Ватерлоо, то в настоящее время мгновенно действующее радио ориентирует движения армий и флотов.

Войска прежних времен - это люди, сорганизованные так, чтобы спаянность их мускульных усилий и работа их сердец были возможно прочнее. В настоящее время - это машины, координирующие производимое ими действие, и команды, созданные для их обслуживания. Как только падет эффективность тех механизмов, на действии которых построен план того или иного сражения, и военная сила тотчас же приходит в расстройство. Как целая фабрика может оказаться парализованной из-за разрыва какого-нибудь ремня, так замолкают и батареи, если разбит их наблюдательный пункт. Если перебиты провода, командир дивизии растеряется нисколько не меньше, чем банкир, оставшийся без телефона.

В течение целого ряда столетий было достаточно копий и мечей, а затем пушек и ружей для того, чтобы распорядиться судьбами мира. Зоркий взгляд Александра Македонского, единственный глаз Ганнибала и зрительная труба Наполеона охватывали главное, что происходило на полях сражений. Руководимые трубными сигналами, звучным голосом, значками и флажками, а то и просто белым султаном какого-нибудь короля, прежние армии маневрировали в порядке, удовлетворявшем потребности той эпохи. Теперь для одной пехоты требуется 15 совершенно различных видов оружия, для артиллерии - 68 типов орудий, для инженерных частей - 16 категорий отдельных единиц. Аэростаты, самолеты, газы, танки заняли подобающее им место в этом оркестре. Ни одна отрасль военного дела не обходится без дальномера, фотографии и компаса. Нет больше сколько-нибудь удовлетворительной связи помимо сети проводов, лучей и волн.

По мере возрастания точности приборов управление ими становится более сложным, а ошибки более опасными. Пулемет засыпает в несколько мгновений несчетным числом пуль круг очень незначительного диаметра. Эффективность его поэтому потрясающая, но может оказаться и совершенно ничтожной, в зависимости от прицела. Наблюдатель со своего самолета может осветить бой во всех его деталях, но если он ошибся, каковы будут последствия такой ошибки! Поразительно скомбинированная система управления в 30 секунд погружает подводную лодку; зато не вовремя перевернутая рукоятка может отправить лодку на дно морское. Взаимозависимость

различных механизмов до такой степени тесна, что применить с пользой какой-нибудь один из них невозможно, не привлекая к одновременному действию и другой. Наполеоновские ветераны заряжали ружья, брали на прицел и стреляли, совершенно не заботясь об остальном. Но для того чтобы извлечь все, что способна дать современная автоматическая винтовка, недостаточно заряжать, наводить и стрелять из нее. Необходимо, кроме того, суметь использовать условия местности, прибегнуть к маскировке, передвигаться, выслеживать, наблюдать, преодолевать ночную темноту, измерять расстояния, обмениваться с соседями сигналами по условному ходу, при случае пользоваться биноклем, буссолью, картой, носить маску, уметь обращаться с лопатой, заступом, киркой, серпом и при этом беспрестанно приспосабливаться к быстро меняющимся обстоятельствам.

Остановится ли когда-нибудь эта бешеная революция? Ничто этого не предвещает. Наоборот.

Сила огня французской пехотной роты по меньшей мере удвоилась после 1918 г. Что представляли собой самолеты 1918 г.? Сравните броненосец времен Ютланского боя с будущим “Дюнкерком”. Если бы не чувство гордости, не слава, неразрывно связанная с такси эпохи сражения на Марне, то сейчас при виде их можно было бы рассмеяться. Прогресс в деле радиотелеграфирования делает до смешного устарелыми все остальные средства связи.

Современные условия военных операций требуют, таким образом, от бойцов всевозрастающего искусства в овладении техникой.

Наступила эпоха отборного войска.

* * *

Вызванное механизацией преобразование армий, естественно, сталкивается с теми представлениями, которые издавна создавались под влиянием совершенно иных условий. Понятие количества, волей-неволей принятое за основу военных организаций и искусства с конца XVIII в., подкрепленное пылкими политическими теориями, освещенное несколькими грандиозными испытаниями, и сейчас еще господствует над мнениями, а отсюда, следовательно, и над остальным. Старый режим, всесторонне реагировавший на смуты и волнения средневековья, сумел подвести под силу благоразумный базис

и с ограниченными средствами настойчиво проводить тщательно рассчитанную политику. Но революционной Франции, проповедовавшей новое учение, которое подняло против нее общеевропейскую коалицию, понадобилось, конечно, созвать массы призывных. Наполеон для овладения целым континентом, естественно, не мог отказаться от рекрутского набора, дававшего ему массу народа, и притом дешево. Когда Пруссия времен Бисмарка и Роона³¹ захотела добиться гегемонии, она воспользовалась той же самой системой. В дальнейшем большинство народов, приведенных в ужас пережитыми потрясениями, пришло к тому, что все здоровые граждане должны служить в мирное время и сражаться во время войны. А, кроме того, этот налог временем, а при случае и кровью настолько хорошо согласовался с тенденциями старого мира к всеобщему равенству, что заимствовал от него суровый и мощный характер демократических принципов. “Ранец за спину” для всех одинаково - в этом заключалось нечто, льстившее всеобщей страсти к нивелировке.

Напряженное состояние, последовавшее за Франкфуртским договором, заставило народы Европейского континента зачислять в строй целые “классы” (т.е. ежегодные контингенты призывных) и готовить вместе с тем резервы. Это была как раз та эпоха, когда магазинная винтовка и артиллерийские орудия с компенсированным откатом в высшей мере облегчили процесс стрельбы. Обучение было необычайно просто и из года в год без всяких изменений повторяло в точности одно и то же. Отдельные единицы, твердые и однородные, казались прекрасно приспособленными к борьбе, которая предполагалась в виде натиска и столкновения масс.

Это увлечение количествами не мешало, по правде говоря, и качеству проявлять свою доблесть и свою силу. Превосходство хороших войсковых объединений неизменно проявлялось и в тех мрачных гекатомбах, к которым во время последней мировой войны привела система вооруженных наций. Как объяснить иначе продолжительные успехи германских армий, поставленных лицом к лицу со столькими и притом различными противниками. Потеряв убитыми в общем 1700 тыс. человек, немцы по сравнению с остальными лучше всех обученные, нанесли своим противникам потери убитыми в 3200 тыс. человек, а на 750 тыс. пленных немцев сами они взяли в плен 1900 тыс. человек. Осведомленным лицам хорошо известно, какие

различия имелись в одной и той же армии между теми и другими составными ее частями. Свидетели последних сражений не забыли до сих пор тех отборных отрядов, которые в каждом отдельном случае стояли во главе “главного усилия”.

И вместе с тем, несмотря на ослабляющее влияние, которое все эти уроки не могли не оказать на твердый принцип количества, последний тотчас же по окончании войны вновь вступил в свои абсолютные права. Оправдываемый в общем конечной победой, удобный и простой в своей грубости, обладающий сверх того еще и тем преимуществом, что он сумел пробиться сквозь броню привычки, принцип этот полностью царил в момент переплавки прежних военных установлений. В силу принятых парламентом законов французские боевые силы образуются путем комбинирования колоссального механического оборудования и мобилизованных масс.

С течением времени вскрываются, однако, и неудобства этой системы. Воинская повинность представляется французским массам тяжелее чем когда-либо. Что прежде терпелось перед лицом неотвратимой опасности, с тем плохо мирятся сейчас после одержанной победы, не говоря уже о том, что в силу естественной реакции против недавнего еще злоупотребления оружием все, что имеет хоть какое-нибудь отношение к сражениям, отталкивает от себя народные массы. А затем и сама жизнь становится все более и более интенсивной. Следовательно, и время, отнятое у нее пребыванием в казармах, кажется - для большинства по крайней мере - непродуктивно потерянными. И, как это обыкновенно бывает, элементарные по существу тенденции превращаются в доктрины, раздуваемые трибунами. Под тем предлогом, что в наше время сражается вся нация в целом, некоторые лица охотно отрицают всякую ценность чисто военных формирований. Одним тем фактом, что поднимается весь народ, он якобы приобретает и силу, и уменье, и доблесть. А раз это так, то набирать войска постоянного типа, отрывать граждан от их непосредственных обязанностей, навязывать им что бы то ни стало выходящее из круга обычной их жизни, было бы бесполезно и даже опасно. Еще немного - и сторонники таких взглядов готовы будут выдвинуть такой принцип, что нация сражается будто бы тем лучше, чем меньше она к этому готовилась, вроде того, как Эмиль, не пройдя курса обучения, все же достиг образованности.

С другой стороны, глухой нажим заставляет наших законодателей все более и более снижать продолжительность действительной военной службы. За два пятилетия она с 3 лет уменьшилась до 1 года, а недавно подверглась дальнейшему сокращению. Идут разговоры и о 8 месяцах; можно ожидать, что в скором будущем предложат 6 или 4. Если эти новобранцы, двумя сменами в год проходящие через полки, побуждаемые невероятным, чудесным пылом, и сумеют обучиться обращению с оружием, то кто же поверит, что за этот срок можно создать из них хотя бы весьма приблизительных специалистов, бойцов-техников. Если принять во внимание время, потребное на зачисление новобранцев в часть, а затем - на его последующее увольнение, праздники, отпуск, болезни, санитарные мероприятия, обслуживание продовольственного снабжения, работы по нарядам и по поддержанию порядка, то военное обучение каждого солдата сокращается до 24 недель. И вот в этот-то короткий срок пехота должна создать пулеметчиков, стрелков, гренадеров, вольтижеров, личный состав для обслуживания орудий сопровождения пехоты, полковых сапер, наблюдателей, сигнальщиков, ездовых, телефонистов и радиотелеграфистов. Подготовить всех их так, чтобы они в случае надобности могли заменить друг друга; приучить их к общим, согласованным действиям. А между тем мы знаем, сколько усилий требуется для того, чтобы из специально подобранных индивидуумов наладить хорошую футбольную команду. Из временных, преходящих, рассеивающихся, не успевших как следует объединиться группировок - вот из чего в сущности состоят наши войсковые части. Вместо исключительной эффективности, которую можно было бы извлечь из высокоусовершенствованного механического оборудования путем комбинирования работы хорошо слаженных и управляемых единиц, у нас налицо только спешные, черновые наброски. А так как, с другой стороны, унтер-офицерские кадры, состоящие из старых бойцов, почти совсем уже исчезают из списков и картотек французских резервов, то наши мобилизуемые единицы смогут приобрести требуемое материальным оборудованием коллективное искусство лишь по истечении продолжительного и всевозрастающего срока. Достаточно увидеть на складах массы оружия, инструментов, приборов, средств передвижения, снарядов, патронов, предметов вещевого довольствия, пиротехнических средств и т.п. и все это

сопоставить в уме с потоком неопытных, неспяянных людей, которым со дня на день придется этим пользоваться, чтобы ясно представить себе, какую колоссальную растрату людей и вещей повлекло бы за собой неожиданное испытание их в боевой обстановке.

Это скрытое противоречие между механизацией (машинизмом) и системой количеств не может в конце концов не оказаться само в противоречии с понятием использования (применения) механических средств. Военное искусство в результате оказывается в положении неустойчивости. Военные доктрины совершенно естественным образом следуют по тому самому течению, по которому несется и наше столетие, и пропитываются механизацией. Восстановить (обновить) старинные методы маневрирования с помощью всего того, что в смысле силы, точности и быстроты допускается современными машинами, - вот в чем в наши дни состоит работа тактиков. С точки зрения искусства в этом заключается устремление, могущее дать и плодотворные результаты. Однако, в очень и очень частых случаях можно видеть, что командные инстанции ведут обучение на основе тактических законов, не применимых к аппарату, которому придется проводить их в жизнь, а войска, в свою очередь, за недостатком времени напрасно селятся приобрести технические навыки и устойчивость, необходимые для ожидаемого от них маневрирования. Это напоминает отважного наездника, который ни с того ни с сего захотел бы добиться от необъезженного коня всех тонкостей манежной езды.

Среди многих причин, объясняющих в наши дни то глухое чувство беспокойства, которым страдает армия, главной, без всякого сомнения, является несоответствие между подлежащей выполнению задачей и действующей военной системой. Как наверху, так и на самом низу служебной лестницы все живут под впечатлением необходимости разрешить обманчивую проблему. Командованию придется в начале конфликта руководить армиями, медленно формирующимися, между тем как условия географические, политические, моральные и экономические будут требовать стратегии подвижности и быстроты. Обучающие, вынужденные перебрасывать из мастерской в мастерскую наличный состав обучаемых, все время от них ускользающий, приходят в отчаяние, потому что обучаемые уходят прежде, чем обучающие успеют познакомиться с ними как следует. За отсутствием кадровых частей, - а если таковые

случайно и имеются, то может быть вследствие приемов командования - резервы обучаются только в теории. Наконец, и сами рядовые солдаты никогда не выходят из стадии обучения. Будучи беспорядочно перебрасываемы от одного задания к другому, они бывают ошеломлены изобилием машин и приборов, эффективность которых искажается их неловкостью. За время всей своей службы или учебного сбора они едва успевают составить себе представление, в чем собственно заключается то, что им необходимо знать, чтобы сделаться хорошими солдатами. Армия, недовольная и жалующаяся, обречена совершенствоваться лишь "приблизительно".

Нельзя не признать, что подобная обстановка компрометирует в общественном мнении престиж армии. Для того, чтобы быть на высоте и занимать приличествующее ей место, вооруженная сила должна обладать известной уверенностью в самой себе. Колосс, твердо стоящий на ногах, всегда импонирует, но достаточно ему пошатнуться, и он приобретает жалкий вид. Мало-мальски осведомленная общественность видит раскрытыми перед собой слабые стороны войска: численный состав зачастую смехотворный, потому что распределять его приходится между значительным количеством отдельных единиц; формирования военного времени лишь в зародыше; непрерывное перебрасывание людей и вещей, - и, как неизбежное следствие, жалкий вид обмундирования, печальный вид сооружений, унылый вид команд. У массы создается чувство, что в рядах армии не все благополучно. В тех серых тонах, которыми затушевываются ее усилия, армия теряет свой ореол.

Нужно сказать правду, что если принцип количества и стоит еще препятствием на пути основных реформ, то, с другой стороны, специализация незаметно, но неуклонно проникает в эту область. Разве мы не видим, что система качества сейчас уже занимает место принципа масс и приобретает значение и вес во многих отраслях наших военных сил? Из двух матросов французского корабля один по меньшей мере выполняет обязанности и другого, причем этот другой назначен на определенную должность благодаря своей профессии. Ряды авиации, за исключением некоторых видов вспомогательного персонала, пополнены людьми, вполне ей себя посвятившими. Колониальные войска состоят исключительно из лиц, оставшихся на сверхсрочной службе. Мы удовлетворенно прислушиваемся

к речам министров, отбрасывающих как абсурдную самую мысль о краткосрочной службе. Все то, из чего создается полиция государства и больших городов, строго замкнуто в рамках этой профессии. Даже пожарные, эта еще недавно довольно наивная и простоватая вспомогательная организация, теперь повсюду становится объединением техников и механиков.

Если в деле защиты нашей территории у нас упорно держаться за контингенты, не успевшие получить до своего выпуска ничего, кроме самого первоначального обучения, а также за потоки легионов, выходящих из-под земли в момент опасности, то во всяком случае никто, даже и из числа сторонников подобного порядка, не смеет не требовать одновременно и кадров, все более и более основательных. И действительно, последние все более и более возрастают. За истекшее двадцатилетие они удвоились. В настоящее время военное дело стало профессией для 250 000 французов. И в воздухе и на воде профессиональная армия уже сконструирована. Что касается суши, то некоторые элементы такой армии имеются налицо, хотя и рассеянные и растворенные в массах. Подобно тому, как реактив осаждает и концентрирует вещество, так и новый технический прогресс обусловит в среде бойцов образование привилегированных групп. Рыцарские латы воскресают в виде брони на двигателях.

* * *

С тех пор как Вулкан обучил человечество искусству ковать железо и вплоть до современной эпохи латы господствовали на полях сражений. Быть защищенным или, по крайней мере, считать себя таковым - какая поддержка, какое утешение для человека, а следовательно, и какая сила! Для войска же какая цельность, какая спаянность! Закованные в доспехи с ног до головы рыцари, крепко сидевшие на точно так же закованных в железо конях, не могли не навязать свою силу и право толпе бедняков. В сражении все зависимо от них. Судьба вспомогательных пеших частей, ничем не защищенных, хотя и больших числом, неизменно следовала за судьбою их господ. Последние же, поддерживаемые сознанием, что сквозь прикрывающий их панцирь до них не добраться, охотно шли на смелые выступления. С появлением огнестрельного оружия оканчивается период этого преимущества. Металлические доспехи дол-

го еще не сдаются, призывая на помощь себе сталь самого высокого качества; но вес ее становится слишком тяжелым. Бойцы неохотно расстаются со своими латами. Если для большинства они постепенно сокращаются до нагрудного знака, то некоторые части тяжелой кавалерии они прикрывали вплоть до 1915 г. Шлем, оставшийся с XVI в. достоянием лишь специальных родов оружия, приобретает всеобщее признание и предпочтение большинства во время последней войны. На французском фронте воскрес даже и щит. Все эти предосторожности полезны в особенности теми иллюзиями, которые они поддерживают у идущего в бой солдата. Тем не менее на протяжении вот уже четырех столетий пули, ядра и осколки снарядов пронизывают и дробят кости, рвут тела людей, не имеющих возможности защищаться от них в открытом месте. Инстинкту самосохранения не остается никакого прибежища, кроме неподвижности в каземате или яме.

Но вот появляется двигатель. В его тесной оболочке сконцентрирована громадная сила, готовая быстрыми темпами тащить самые крупные тяжести. До тех пор пока он работал паром, а следовательно, заключал в себе объемистые составные части и требовал для своего передвижения рельсов, он ограничивался тем, что господствовал над стратегическими комбинациями. Без него не могло быть сосредоточения войск, сообщений вдоль фронта, рокад и снабжения. Сначала он был вынужден останавливаться на границе поля сражения, а позднее выходит и на самое поле, благодаря горючему, которое сразу понижает его размеры и делает его независимым от рельсового пути. В самом скором времени он овладевает и тылом, где все, что перемещается, - будь то снабжение или резервы - в большей или меньшей степени зависит от него. Двигатель смелеет до того, что пробирается даже в авангард, продвигает грузовики, тракторы и легкие средства передвижения всюду, где позволяют дороги, ходы сообщений и окопы. Несмотря на все это, двигатель, слишком заметный, слишком шумный и хрупкий, не смеет еще служить непосредственной поддержкой в бою и играет роль лишь служебного элемента.

Но вот и он получает вдруг броню. Пробираясь ползком на гусеничном ходу, неся на себе пулеметы и артиллерийские орудия, он идет впереди, в первой линии, проходит через рвы, насыпи и скаты, раздавливает траншеи и провололочные заграждения. Первоначально казавшийся медлительным и неуклю-

жим, танк приводит в совершенное расстройство существующую тактику. Благодаря ему воскресает захват врасплох, которому он придает к тому же непреклонный характер машины. Благодаря ему же восстанавливается маневрирование со всеми его деталями, потому что танк и под огнем может поворачиваться и лицом и боком, передвигаться, не прекращая стрельбы, произвольно менять направление. Благодаря ему группы сражающихся вновь приобретают ту подвижную защиту, которая казалась навсегда утраченной.

При всем этом танки оставили далеко уже позади те примитивные формы, которыми они отличались при своем появлении. В настоящее время на каждой такой машине помещается от 3 до 15 солдат; за прикрывающей их сталью их могут достать лишь прямые попадания тяжелых и средних снарядов. Они передвигаются по любой местности со скоростью, достигающей до 40 км в час. Стреляют под любым углом. Защищенные от газов в своих герметических спонсонах, имея возможность скрываться в искусственных облаках, связанные радиоволнами с тылом, соседями и аэропланами, - эти аристократы боя освобождены от подавляющего пехоту рабства. Само собою разумеется, что и они не ускользают от опасности, но им во всяком случае незнакома беспомощность бойцов на открытой местности, под пулями и снарядами. В силу всех этих условий, а также и своей мощи танк становится главным элементом маневрирования и по необходимости приводит к отбору. Если Пирр тщательно выбирал вожаков для своих слонов, а Дарий - возниц для оборудования косами колесниц, и если вся социальная система средневековья способствовала превращению рыцарей в самых сильных и самых ловких воинов, то насколько же для этих сухопутных броненосцев велика будет необходимость в командах, специально подобранных и хорошо обученных совместным действиям.

Благодаря всему этому эволюция в том ее виде, который обуславливается механизацией (машинизмом), вернула качеству по сравнению с количеством потерянное им бывшее значение.

Отныне является неоспоримым то положение, что как на суше, так на море и в воздухе отборный личный состав, умеющий извлечь максимум эффективности из чрезвычайно мощного и разнообразного оборудования, обладает подавляющим превосходством над более или менее беспорядочными масса-

ми. По мнению Поля Валери, “мы увидим рост военных организаций”, состоящих из отдельных отборных групп, действующих небольшими звеньями, мгновенно появляющихся в совершенно неожиданном месте и творящих в непредвиденный час поистине потрясающие события. Такое преимущество может быть, конечно, и весьма преходящим. Как только массы согласятся организовать и обучаться со всей точностью и пунктуальностью, требуемой механическим оборудованием, короче говоря, как только массы перестанут быть толпой, специализировавшиеся элементы станут прогрессивно терять свое сравнительное могущество. А до тех пор благодаря увеличению сложности и расширению радиуса действий машин профессионалы на своих кораблях, самолетах и танках могут быть вполне спокойны за свое господство.

II. Соображения политического порядка *

<...> Сама сила вещей, подкрепленная всей тяжестью истории, не позволяет Франции остаться изолированной. Насколько ее политика не может быть ограничена наблюдением за границами, настолько же и ее эвентуальная стратегия не смогла бы ограничиться одной защитой территории. Франция составляет часть определенного установленного строя, все элементы которого оказываются солидарными. Все, что происходит, например, с Центральной или Восточной Европой, Данией, Бельгией, Саарской областью или Швейцарией, весьма существенно затрагивает и Францию. В силу этого она подписывала договоры и пакты, брала на себя обязательства и занимала положение, вновь освящавшее эту взаимную зависимость. Сколькими слезами, какими потоками крови она заплатила за ошибки Второй империи, допустившей Садовую³² и не выдвинувшей армии на Рейн! Под страхом очутиться то здесь,

* В данном издании (1935 г.) первый параграф настоящей главы отсутствует, видимо, по соображениям политического характера. В нем подчеркивается мысль о политической необходимости перехода от системы вооруженной нации к системе профессиональной армии. Поскольку война является постоянной спутницей общественной жизни, постольку целью профессиональной армии является локализация военного конфликта, стремление избежать, по возможности, втягивания всей нации в войну. (Примечание — С.Климов).

то там перед совершившимся фактом и затем неожиданно оказаться одинокой, без друзей и союзников, окруженной всеобщим презрением, перед лицом врагов, окрыленных успехами, Франция должна быть готова к внешним действиям в любой час и в любом случае.

Каким образом выполнить это практически, если для того, чтобы предпринять что бы то ни было, необходимо мобилизовать резервы? При нынешнем состоянии мира уклон истории принуждает иметь в постоянном своем распоряжении интервенционный аппарат, всегда готовый выступить на помощь. Только в этом случае Франция будет обладать армией, соответствующей и ее политике.

Эту обязанность защиты Франция старается включить в общую или, во всяком случае, в европейскую систему. Слить постоянные интересы Франции с великими человеческими идеалами - это было бы прекрасно, а вместе с тем и выгодно. Объединение же государств с целью гарантировать благо каждого из них осуществило бы перенос в международный план целей специфически французских. Исключительно с точки зрения отечества приходится одобрить без всяких оговорок проекты совершенно определенных обязательств, поддерживаемые нашими представителями и преследующие цель организации взаимной помощи. Каким же путем установить этот общий порядок, заставить взаимно уважать права и границы, осуществить взаимную помощь всех при защите каждого в отдельности без содействия, хотя бы и стратегического, определенной силы? Правосудие, которое наряду с весами не обладает мечом, легко может подвергнуться насмешкам. Франция, впрочем, всегда защищала идею организации международной полиции из континентов, поставляемых различными государствами. Подобная военная сила могла бы быть составлена не иначе, как из профессионалов.

* * *

Итак, мировые тенденции, условия международной организации мира и, во всяком случае, собственные обязанности - помогать слабым и поддерживать государственный порядок - все это толкает на создание профессиональных войск.

При системе масс действительная военная мощь в значительно меньшей степени заключается в личном составе по штатам мирного времени, в запасах и калибре пулеметов и

орудий и в числе считающихся военными самолетами, чем в числе бойцов, могущих быть призванными под ружье, в возможностях промышленности, в постоянной воздушной активности, в настроениях умов населения, т.е. в таких элементах, которые на практике ускользают от всякого обыкновенного измерения.

Необходимо отметить, что эти минусы некоторыми лицами считаются ничтожными. Лица эти убеждены, что формирования краткосрочного характера, приспособленные в особенности к обороне, обладают специальным свойством благоприятствовать миру, между тем как профессиональная армия, специально усовершенствованная в области атаки, стимулирует агрессивность правительств. Если под этим понимать, что государство, имеющее рейхсвер, будет всегда обладать большей инициативой, чем его сосед, у которого не имеется ничего, кроме ополчения, то довод этот неотразим. Но делать из этого абсолютное заключение, что система профессиональных армий сама по себе уже разрушительнее системы массовых ополчений (наборов), было бы просто нелепо. Всякая неумелость - относительна. Если та или иная войсковая часть не отличается достаточным умением, следует ли из этого, что остерегутся пустить ее в атаку? Разве добровольцы и принудительным порядком набранные солдаты революции проявляли какие-нибудь колебания, а не кидались на своих врагов? Когда и где можно было бы отметить большее ожесточение и ярость в нападениях, чем у импровизированных сил Севера и Юга во время междоусобной войны в США в 1861-1865 гг.? Бисмарк и Мольтке предприняли три большие войны с войсками, сформированными из новобранцев и резервистов. Мы знаем, каков был в Аргоннах и Шампани порыв новичков-американцев. Инстинкт популярности, заставляющий трибунов в мирное время восхвалять выжидательную политику, толкает их же на требование наступлений, когда объявленная уже война пробуждает человеческие страсти. В такой именно момент Сен-Жюст сказал Журдану: "Никакого благоразумия". Гамбетта заставил Ореля выступить против его воли, а Бриан заменил медлительного, выжидającego Жоффра Нивелем. И на самом деле, осуществление на практике принципа вооруженного народа, доставляя неисчерпаемый источник человеческого материала, приводит к расточительству в его использовании, а, с другой стороны, повышает во много раз тот вид потери, который в

сражениях является данью неопытности. Профессиональная армия, ограниченная в смысле числа единиц и трудно восстанавливаемая, принуждает к бережливости. Людовик XIV и Фридрих Прусский за все свои войны, вместе взятые, заплатили дешевле, чем революция за свои. Шанзи на Луаре был свидетелем гибели за 3 месяца большего количества людей, чем Конде в течение всей его карьеры. Сумма человеческих жизней и материальных ценностей, уничтоженных нашими войсками со времен Жанны д'Арк и до Рошамбо³³, не достигает печальных цифр тех потерь, которые мы понесли за время Великой войны.

Если бы таким образом эволюция, сообщающая профессиональным армиям все возрастающее господство, привела в конце концов к более или менее полной замене яростных столкновений вооруженных масс хорошо руководимыми сражениями, то это явилось бы бесценным благом для человечества в целом. Никакой вид борьбы не бывает в целом более кровавым, чем столкновения вооруженных наций.

КАКОЙ ДОЛЖНА БЫТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ АРМИЯ

I. Состав

Репрессивным и превентивным аппаратом маневрирования - вот чем мы должны обеспечить себя. Он должен быть таков, чтобы сразу же развивать чрезвычайную мощь и держать противника в состоянии хронического изумления. Двигатель представляет возможность быть на высоте этих условий внезапности и напористости; лишь бы им управляли хорошо, а передвинуть он может все, что угодно, куда нужно и с любой скоростью.

В ближайшем будущем вся профессиональная армия будет целиком передвигаться на гусеницах. Каждая войсковая часть и каждая единица вспомогательных частей будет маневрировать по горам и долам на специально приспособленных средствах передвижения. Ни один человек, ни одно орудие или снаряд, ни один караван хлеба не будут иным способом доставляться на место. Крупная единица, выступившая из лагеря на рассвете, к вечеру будет уже в 200 км оттуда. Одного часа

ей будет вполне достаточно, чтобы продвинуться на 15 км по всякой местности и развернуться в боевом порядке лицом к неприятелю или, наоборот, оторваться от него и исчезнуть из поля зрения и досягаемости выстрелов. Но скорость эта не будет давать полного эффекта, если она не будет сопровождаться такой силой огня и удара, чтобы ритм сражения согласовался со скоростью маневрирования. Совершенно бесполезно было бы передвигаться с огромной быстротой за пределами поля боя, а в дальнейшем оказаться связанным в своих движениях. Современная техника решает и эту проблему при помощи бронированного двигателя. Идя вперед по этому пути, мы избавим наши будущие отборные части от угрозы стабилизации фронтов, искажившей последнюю войну с точки зрения военного искусства и приведшей к гигантским потерям.

Шесть линейных дивизий, целиком моторизованных и посаженных на гусеницы, частично бронированных, составят армию, способную создать “событие”. Это будет организм, которому его фронт, глубина, средства прикрытия и снабжения позволят оперировать совершенно независимо. С другой стороны, каждая из 6 крупных единиц будет снабжена всем необходимым как в смысле вооружения, так и с точки зрения обслуживания, чтобы довести бой до конца, раз она окружена другими такими же единицами.

Состав каждой дивизии можно представить себе в следующем виде.

Броневая бригада (мехбригада), продвигающаяся по полю со скоростью скачущей лошади, вооруженная 150 орудиями среднего калибра и 400 орудиями меньшего калибра, 600 пулеметами, преодолевающая рвы в 3 м шириною, взбирающаяся на откосы в 10 м вышиною, опрокидывающая 40-летние деревья, разбивающая стены толщиной в 12 кирпичей, раздавливающая проволочные заграждения, решетки и палисады, - всей этой техникой современная промышленность должна снабдить каждую профессиональную дивизию. Эта бригада, состоящая из двух полков (один из тяжелых танков, а другой из средних), со специальным разведывательным батальоном легких машин, очень быстроходных и оборудованных самыми усовершенствованными средствами для связи, наблюдения и полевых инженерных работ, составит основной эшелон этого крупного войскового соединения.

Мотобригада - бригада пехоты в составе двух полков и одного батальона стрелков, вооруженная 50 орудиями сопровождения, таким же количеством противотанковых орудий, 600 тяжелыми и легкими пулеметами, оборудованная специальными машинами для быстрого рытья окопов и убежищ, снабженная одеждой, раскрашенными полотнищами и каркасами для маскировки, а также разнообразными пиротехническими средствами. Благодаря маскировочным средствам бригада должна быть скрыта от взора, а следовательно, обеспечена от ударов противника. Ее назначение - постепенно, путем занятия, расчистки и устройства местности сохранять то, что достигнуто грозным, но преходящим действием танков.

Совокупность очень подвижного, но в сущности импровизированного и незначительной досягаемости огня, в результате совокупных действий танков и пехоты, должна быть непременно поддержана со всех возможных расстояний другой системой огня, гораздо более точного. Это - обязанность артиллерии, располагающей в дивизии различными типами орудий, необходимых для подготовки атак, для непосредственной их поддержки, для защиты с дальних и близких дистанций и, наконец, для подавления неприятельского огня. Два полка, из которых один снабжен тяжелыми гаубицами, а другой - более легкими пушками для стрельбы с отлогой траекторией, образуют мощную артиллерийскую бригаду; при ней - дивизион противовоздушной обороны; всего бригада способна в течение 15 минут выбросить на 10 км вперед от фронта 100 тыс. кг снарядов.

Сформированная таким образом дивизия из трех дополняющих друг друга бригад, подкрепленная батальоном инженерных войск для устройства путей и проходов, а также батальоном связи, будет обладать для разведки специальной группой разведчиков. Эта последняя должна состоять из небольших, но чрезвычайно быстроходных танков, а кроме того, - из различных частей, передвигаемых вслед за ними для боя в пешем строю, и из легких средств сообщения для связи на дальних расстояниях. Все это должно быть приспособлено для нащупывания неприятеля и временного удерживания фронта, прикрытия флангов и беспокойства неприятеля во время отступления.

Наблюдательные авиационные эскадрильи, организационно входящие в состав вышеуказанных дивизий и предназначенные работать не эпизодически, а беспрерывно осведомлять

определенных старших начальников, сопровождать в бою неизменно одни и те же части и корректировать огонь артиллерии, которую они постоянно обслуживают, должны служить глазами крупных войсковых соединений.

Вместе с тем, несмотря на быстроходность, на бронезащиту и на возможность рассредоточенного расположения и движения, предоставляемые сражающимся наличием двигателей, брони и гусениц, громоздкость и заметность составленных таким способом частей остаются весьма значительными. Размеры машин, их шум и оставляемые ими следы таковы, что без принятия особых мер предосторожности приближение их не явится неожиданным для противника. Следовательно, помимо всего остального, нужно обеспечить и внезапность, а для этого необходимо методически применять маскировку. Искусство это столь же старо, как сама война. Во время последней войны оно было использовано в массе отдельных разрозненных случаев. Теперь оно должно сделаться важнейшим элементом маневрирования в совершенно такой же степени, как движение и огонь. Не следует недооценивать те результаты, которых можно достигнуть в этой области с помощью дисциплины и исследований. В частности, мимикрия (*mimetisme*) боевых и технических средств путем выбора и окраски почвы на пути следования, подделки внешнего вида, изменения цвета в соотношении с расстоянием, условиями местности и освещением - все это находится еще в зачаточном, далеко несовершенном состоянии. Что же сказать о беззвучности моторов, которая при желании, конечно, будет достигнута путем сооружения соответствующих приборов? Что сказать, в частности, о дымовых завесах, искусственных облаках и туманах, размеры, густота и перемещение которых могут произвольно приспособляться к обстоятельствам? Но быть невидимым и неслышным опять-таки еще не все. Остается, кроме того, ввести противника в заблуждение путем устройства ложных указаний: подобий войсковых колонн, фиктивных работ, обманных отблесков, искусственного грохота и треска, передачи ложных радиоволн. Маскировочный батальон, специально тренированный на этой работе и снабженный всеми необходимыми средствами для симулирования присутствия крупной войсковой единицы, должен находиться при каждой дивизии.

К описанной выше армии, состоящей из 6 линейных дивизий, должна быть присоединена для охранения и разведки на

дальних расстояниях 1 легкая дивизия, того же в общем типа, что и остальные, но состоящая из более быстроходных машин, с меньшей броней, с менее тяжелой артиллерией и более подвижными пехотными частями, с меньшим числом пехотных орудий.

И, наконец, общий резерв: бригада танков самого тяжелого типа, способных атаковать укрепления постоянного характера, бригада артиллерии очень крупного калибра, полк сапер, полк разведывательной авиации, полк истребительной авиации и обычные вспомогательные части. Этот резерв будет служить дополнением ударной армии, которая по сравнению с общей массой войск, поставленных Францией под ружье в августе 1914 г., будет обладать втрое большей силой огня, десятикратной потенциальной скоростью и неизмеримо большей защищенностью.

Если к этому обстоятельству добавить еще и то обстоятельство, что в нормальных случаях вся эта колоссальная сила будет использована на фронте в 10 раз менее растянутом и что солдаты-профессионалы сумеют извлечь из своего вооружения ни с чем не сравнимую эффективность, то можно себе представить, какова будет в рамках определенного пространства потенциальная мощь профессиональной армии ближайших дней.

* * *

Эта грозная механическая система огня, удара, скорости и маскировки потребует для приведения ее в действие 100 тыс. человек. Таковы же приблизительно силы профессиональных войск США и Англии в тесном смысле, не считая колоний и доминионов. В особенности замечателен, наконец, тот факт, что эта же цифра являлась тем минимумом постоянных сил, который считали необходимым сохранить все правительства Франции, начиная с Генриха IV.

Бойцы должны быть, конечно, все молодые. Военное обучение, все более и более суровое и разнообразное, требует большой гибкости мускулов и ума. Если характер обязанностей, возлагаемых на профессиональную армию, требует от командования предусмотрительности и мудрости, то осуществление их предполагает у исполнителей наличие склонности к риску и легкой решимости. Над профессиональными частями не должно тяготеть ничего такого, от чего трудно было бы ото-

рваться: привычек, семейных уз, различных интересов. С другой стороны, необходимо оставлять личный состав их на действительной службе достаточно долго, чтобы их военнотехническое обучение и моральное воспитание можно было считать законченным, но не дольше того срока, когда искусство переходит в рутину. Для прохождения всего цикла 20-летним добровольцам достаточно будет 6 лет, после чего еще в полном расцвете сил они составят активные кадры для обучения резервов и новобранцев.

Есть, правда, люди, сомневающиеся в возможности найти современной Франции такое большое количество профессионалов, - в среднем, скажем, 15 тыс. в год. Нельзя не согласиться, что прошлое как будто оправдывает эти сомнения. Достаточно подумать о тех затруднениях, которые мы испытывали уже перед войной 1914 г. в деле комплектования частей профессионалами-унтер-офицерами. Это была эпоха легкой жизни, когда граждане только и думали, что о независимости, собственности и домашнем уюте, а принуждение, страдание и отрыв от привычных условий, навязываемые “несчастливым солдатам”, не давали покоя общественному мнению. В то время добровольное вступление в армию, маневрирование по собственной охоте на учебных полях, вместе с необходимостью заранее примириться с различными случайностями и разлукой с близкими, действительно представлялись каким-то бравоированием.

В теперешней обстановке профессиональная армия найдет все условия для своего преуспевания. Все то, что военная организация потеряла в смысле привлекательности для общества и официального положения, она начинает возвращать себе в десятикратном размере косвенными путями, или, как говорят в бильярдной игре, “по борту” (“par la bande”).

Военный тип организации становится символическим для новейших времен. Военная профессия утратила во всяком случае тот странный и анахроничный склад, который прежде изолировал и замораживал ее среди современников. Отныне можно привлекать в строй юношество, само проявляющее готовность к этому.

Служба в профессиональных армиях даст прежде всего полное удовлетворение любви к прекрасным сложным механизмам. Пусть кто другой пользуется заедающими пулеметами, устаревшими орудиями, смехотворными средствами передви-

жения, сомнительного качества самолетами, телефонами, сотнями раз ремонтируемыми, танками, уже непригодными к употреблению. Можно с уверенностью сказать, что одна эта перспектива общения с новейшими превосходными машинами привлечет добровольцев. В обществе, где все устремления направлены к машинам, специалисты - безразлично, военные или гражданские, - трудятся без всякого увлечения или проявляют настоящие чудеса в зависимости от того, приходится ли им изощряться над посредственными приборами или иметь дело с последними, ультрановейшими образцами. Тот факт, что французское морское ведомство за последние 15 лет спускает на воду прекраснейшего типа суда, оказал на качества корпуса старшин и квартирмейстеров флота влияние несравненно большее, чем бесчисленное количество разного рода воззваний. Как определить значение того доверия, которое персонал итальянской авиации почерпнул в безупречной работе гидросамолета Бальбо? Профессиональная армия, этот образцовый современный завод с тысячами точных механизмов и быстроходных машин, хорошо соединенных друг с другом, согласно действующих и управляемых мастерами своего дела, не преминет пробудить живой к себе интерес в среде нашей молодежи и даст ей тот престиж, который отборные, сложные механизмы сообщают обслуживающему их персоналу.

Современная война, как и жизнь экономическая, обуславливает необходимость все возрастающей специализации. То обстоятельство, что боец должен быть натренирован на точнейшем выполнении какой-нибудь одной определенной функции, может, казалось бы, внести известное однообразие в его обучение. Но это только так кажется. На самом деле в бою никто не выполняет чего-нибудь мало-мальски эффективного вне связи со многими лицами, роль которых по необходимости должна быть хорошо ему известна. На завтрашний день хороший пехотинец безусловно станет отборным стрелком из нескольких видов оружия, а кроме того, и наблюдателем, полковым сапером, сигнальщиком, радистом, канониром, вожатым автомашины и знатоком маскировки. Обучение профессионалов по своему разнообразию настолько же отличается от муштровки Фридриха и от "школ" старых воинских уставов, насколько жизнь шофера, ведущего свою мощную машину по быстроменяющимся дорогам, не похожа на притупляющий труд раба, вращающего мельничный жернов.

К делу обучения войсковых частей достаточно, впрочем, приложить пламя современного спортивного духа. Достаточно использовать волю, силу и ловкость, проявляемые на стольких стадионах; опьяняющее молодежь стремление превзойти друг друга; известность, которой общество наделяет чемпионов, короче говоря, то громадное проявление энергии и удовлетворенности, которые в нашем столетии вызываются физическими усилиями и соревнованием. Ничто по существу своему не поддается воздействию спортивного духа с такой легкостью и готовностью, как военная профессия. Всякий жест бойца подразумевает ловкость, силу, самообладание. Всякий вид выступлений военного характера является коллективным испытанием, требующим спаянности хороших воинских частей. Умение извлекать из оружия, из инструментов, из машин, из средств передвижения, связи и наблюдения все лучшие и лучшие результаты, стремление к тому, чтобы стать первоклассным наводчиком, исключительным вожатым, выдающимся маскировщиком, - вот новые веяния, которые должны довести до максимума ценность военных профессионалов.

Необходимо, конечно, чтобы в результате этого изменились и присущие военному распорядку методы. Система обезличенной массовой выучки, единственно применяемая к элементам, поставляемым обязательной воинской повинностью, не представляет никакой ценности, раз мы имеем дело с добровольцами. Вместо упрощенного принуждения должно применяться непрерывное соревнование. Не должно быть никаких однообразных систем "постепенного развития", а должны иметь место периодические чемпионаты, результаты которых будут создавать репутации и обуславливать награды. Вялый неопределенный режим должен быть заменен режимом соревнований, спортивных состязаний и списками удостоенных награды. Таким путем, благодаря спортивному самолюбию в военное обучение будут введены самые современные ферменты активности.

Паскаль³⁴ тремя словами определил условия человеческой жизни своего времени: "непостоянство, скука, беспокойство". Он задолго объяснил этим страсть к путешествиям, которая должна была завладеть людьми, как только средства сообщения позволили бы им передвигаться достаточно быстро. Покинуть насиженное место, удалиться от всего привычного, искать под другими небесами другого смысла жизни - таково в дейст-

вительности наше теперешнее желание, наши пустые, может быть, мечты. Правильно понимаемое военное ремесло лучше всего соответствует таким настроениям, потому что отборные войсковые части могут быть сформированы не иначе, как на разнообразной почве. Жизнь в казармах, маневрирование, происходящее изо дня в день на одном и том же плацу, походы вдоль одних и тех же, всегда одинаковых дорог, пребывание в лагерях, никогда не меняющих места своего расположения, короче, вся монотонная обстановка, в которой из года в год протекает обучение личного состава, - со всем этим не смогут мириться солдаты по призванию. Зато в состоянии постоянного передвижения с места на место - с равнины в горы, из лесов к морю, - попадая при каждом новом упражнении в необычные условия, эти профессиональные туристы получают удовлетворение в своей страсти к путешествиям и приучатся приспосабливаться к беспрерывно меняющимся условиям.

“Привилегированные мастера своего дела”, прекрасно питающиеся и хорошо одетые, возбуждающие зависть в других теми рулями, цилиндрами, антеннами и дальномерами, с которыми они имеют постоянное соприкосновение, перемещающиеся с апреля до ноября из одной сельской местности в другую и путешествующие по всей стране в порядке проводимых маневров, - они без всякого труда будут пополнять свои ряды. Трудно представить себе такую степень технического совершенства, которой не сумели бы достигнуть подобные добровольцы. Не раз, конечно, на протяжении своей истории Франция прибегала к профессиональным армиям; но, за исключением лишь нескольких войсковых частей, они набирались путем законного принуждения или формировались из наемников. Их пыл подавлялся либо скрытой “тягостью дисциплины”, т.е., по мнению Барреса³⁵, наихудшего зла, либо подсознательным желанием не дать ничего, что не соответствовало бы скудному их желанию. Досада на доставшийся плохой номер, жажда скорее вернуться к своим полям и землякам или же раскаяние в опрометчивом поступке и недовольство самими собою мало располагали к великим самопожертвованиям. Если войны смогли из этих несчастных людей сделать храбрецов Фонтенуа, Константины и Севастополя, то чего не добьемся мы завтра с сотней тысяч молодежи, хорошо отобранной и ставшей под знамена по собственному свободному призванию!..

Соответствие, осуществленное между духом нашего века и военной профессией, не отнимает, однако, у последней того, что заключено в ней сурового и тягостного. В армии завтрашнего дня также будут свои неприятные стороны. Бойцы познакомятся в ней с тяжестью подчинения, с быстро приедающимися сторонами стадной жизни, с назойливостью толпы, для которой они всегда будут казаться чем-то любопытным. У них не будет ни собственных привязанностей, ни собственного жилища. По самому назначению своему они предназначены осуществлять насилие, осуждены на утомление и тяжелый труд, на лишения, влияния непогоды и на смерть во время войны первыми, притом в наибольшем числе. Во всем этом есть и хорошая сторона. Настоящий солдат складывается в процессе испытаний. Доблесть войск, как и вкус фруктов, приобретается не иначе, как извращением природы. Поэтому именно профессиональная армия и в состоянии обеспечить бойцам опору для их силы, а также и компенсацию их жертв, а возможно, что и воинский дух.

Этот воинский дух придает сгруппированным под его эгидой воинам максимальную мощь.

Могущество этого фермента - коллективной энергии - таково, что он остается вечным и мировым. Тот же цемент, который в свое время создавал прочность римских легионов, вновь обнаруживается среди английских лучников при Креси точно так же, как у прусских гренадер у Лейтена и в французских полках под Верденом. Здесь заключается моральный капитал, от которого не может отречься ни один народ, не отказавшись одновременно и от себя самого. Поэтому за исключением периодов безумия, когда государства готовят свой собственный упадок, они принципиально культивируют воинский дух так же, как это делается и по отношению к семье трудом и экономией. Даже в тех случаях, когда какое-либо потрясение идей или установлений отклоняет их на некоторое время от этого пути, они рано или поздно снова возвращаются к нему же. Мы видим конвент, воздающий почести доблести солдат, для которых у членов Учредительного собрания не находилось ничего, кроме оскорблений и угроз; мы видим, как противники империи, сделавшись при Республике начальниками, выковывали прекрасные полки, между тем как они не требовали ранее "такой армии, которая не была бы армией"; мы видим, как Советы, разрушив старую русскую

рушив старую русскую армию, приложили тысячи усилий к созданию новой.

Профессиональная армия очевидно представляет для воинского духа наиболее подходящую почву. Остается сделать так, чтобы эта совокупность намерений и чувств превратилась на этой благодарной почве в практическую военную мощь. Пока страсти человеческие остаются рассеянными, они не дают ничего систематизированного, а следовательно, и ничего эффективного. Им необходимо кристаллизироваться в строго определенных границах (очертаниях). Вот почему патриотизм неизменно носит характер чего-то местного. Каждая религия сооружает свои собственные храмы, а культ оружия настойчиво требует корпоративного духа.

То, что отдельные индивидуумы из своего существа отдают военному строю, поглощается в действительности в строго определенных рамках войсковых подразделений. Армия является для большинства настолько обширным целым, насколько она представляется им чем-то отвлеченным. Полк - это другое дело; его можно измерить, видеть, его знают. Каждый человек имеет в нем свое собственное место, и он отличается там среди других. О бойце прежде всего говорят: "он из такой-то части". К тому же и аффективная сторона профессии находит в этой органической группировке прекрасную для себя пищу. Желание принять участие в силе, величии и долговечности, которое может испытывать слабый, посредственный индивидуум, возбуждается блеском, присущим войсковой части, и находит в нем удовлетворение. Кроме того, и эстетическая сторона военных условий, наиболее глубоко затрагивающая чувствительность, самым непосредственным образом ощущается бойцом именно в полку.

Традиция неизменно придавала различным войсковым частям особую им присущую физиономию. И вот то, что древний опыт считал хорошим для армии, настоятельно требуется в наши дни. Наличие полных жизни полков с каждым днем становится элементом все более и более необходимым с точки зрения воинской доблести, так как по мере того, как степень опасности и рассеивания сражающихся на поле боя возрастает, увеличивается и значение моральной спаянности. Железная цепь в буквальном смысле могла сохранять тесное построение галльских орд. Соблюдать нормальный порядок, вытягивать ряды и колонны, выполнять по команде общие движе-

ния и стрельбу - в этом заключалась обязанность батальонов Фридриха. Французская революция прибавила к этому и коллективный порыв. Позднее появились передвижения маленькими группами, развертывания стрелковыми цепями или линиями орудий - приемы, применявшиеся, в сущности говоря, и в течение последней войны. До сих пор связь, хотя и предполагавшая наличие предварительной гармонии духа и воли, носила преимущественно физический характер - связи между людьми, друг друга чувствовавшими, слышавшими и видевшими. Для этого достаточно было жестов и голоса. В ближайшее же время каждая группа будет сражаться отдельно. Нужно воздать должное тому факту, что новейшее оборудование допускает, выражаясь техническим языком, концентрацию рассеянных средств. Все же непреложным фактом остается то, что в основе всего мы всегда видим человека. Тактическая эволюция более чем когда-либо требует, таким образом, военной солидарности. Среди центробежных сил, порождаемых сражением, ни одна единица не сохранит своего сцепления с остальными без тех тесных связей, которые в конце концов создаются полковой жизнью: взаимным сближением, общими привычками и "честью полка".

Профессиональная армия будет сформирована из отдельных войсковых частей. И это не только на словах или в виде административного средства распределения отдельных индивидуумов, но и в силу непреклонной системы. Производить организацию и распределение по видам оружия, регулировать использование так, чтобы воинские части приобретали наиболее резкие черты постоянства и своеобразия, - это дело военной политики. Никаких перемещений ради "личных удобств", переименований единиц, перебрасывания личного состава из одной части в другую; стрелков, переводимых на роли линейной пехоты; довольно перекрашивания фуражных повозок из зеленого цвета в красный и т.п. Нужно распрощаться с обучением, происходящим в тысяче центров, школ, взводов; с наставниками со стороны, с маневренными единицами, составленными из кусочков. Вместо беспрестанной смены личного состава, калейдоскопа начальников и товарищей должны быть созданы настоящие полки, постоянные в своем составе, незаметно сменяемые прибытием незначительных в каждом отдельном случае пополнений, неизменно объединенные как в гарнизонах, так и в походах. Эти полки должны будут вести ту

внутреннюю жизнь и принять те отличительные черты, из которых проистекает спайка коллектива.

Однажды созданный корпоративный дух не должен оставаться в застое, он должен находить себе приложение. Об этом должно позаботиться соревнование. Спортивные состязания, организуемые среди бойцов, должны быть для этого превращены в соревнование целых полков. В этом случае в ряде крупных испытаний должны противопоставляться друг другу не отдельные чемпионы, а целые воинские части. На специально намеченной местности, в соответствии со строго обдуманной темой каждая такая часть должна будет поочередно и в полном составе привести в действие все свои боевые органы в тесной их связи одних с другими. Количество попавших в мишени пуль и снарядов, качество выполненной маскировки и военно-инженерных работ, открытые путем наблюдения предметы, работа технических средств службы связи, ход снабжения - все это после контроля жюри, вооруженного фотографическим аппаратом, хронометрами и микрофонами, даст возможность выявить качество достигнутых результатов. Эти сравнительные испытания, сознательно торжественные, сделают для спаянности частей несравненно больше, чем все предписания вместе взятые. Санкционируя их ношением соответственных знаков отличия, особым местом на смотрах, шествиях, постоях и даже известной градацией жалования, можно придать полкам жизнь, полную пыла и солидарности. А если кроме всего этого применить систему комплектования отдельных войсковых частей из одних и тех же территориальных районов и суметь соединить с военными соревнованиями самолюбие отдельных провинций, то страстное увлечение ими охватит и все население. Раз мы знаем, чем являются для наших городов и деревень встречи спортивных команд, то для нас будет совершенно ясно и то, где надо искать средство развития корпоративного духа во всенародном масштабе.

Если спаянность надлежит культивировать в особенности в полках, то и дивизии в свою очередь должны приобретать собственную свою индивидуальность еще в обстановке мирного времени. С тех пор как Гибер придумал разбить армию на крупные, взаимно сменяющие друг друга подразделения, снабженные всем необходимым для изолированного боя, логика сражений непрестанно заостряла значение дивизии. Неизбежный результат прогресса вооружений безостановочно ук-

репляет взаимную зависимость различных родов войск точно так же, как механизация ведет к концентрации промышленности. Но раз для всякого очевидно, что ни один род войск ничего не может сделать без другого; что никакого результата нельзя достигнуть, если он не освящен участием пехоты; что пехотинец не двинет пальцем без поддержки артиллерии и танков; что все оказались бы слепыми, если бы самолеты не служили им “глазами”; что все будет парализовано в случае отсутствия технических средств связи и бессильно без содействия обслуживающих организаций, функция которых в том и состоит, чтобы комбинировать все многообразные эти элементы, - то значит организм этот необходимо налаживать заранее. Совершенно недостаточно, чтобы у этого организма командир и штаб лишь имелись где-то; чтобы различные его части были ему только преуказаны и чтобы лишь от времени до времени одна его часть соприкасалась с другой. Дивизия должна жить своей жизнью. Будучи составлена из хорошо обученных войсковых единиц, она сможет оперировать на высших ступенях искусства. Различным родам войск должна быть предоставлена возможность совместных упражнений, а не только собеседований на месте или на карте. Крупные единицы, ежегодно объединяемые на несколько недель и составленные целиком совершенно так же, как это имело бы место во время войны, должны в процессе маневров проходить поочередно одну область за другой.

Шесть дивизий, объединяющих определенные войсковые части, одинаково полные и постоянные, должны служить основой профессиональной армии. Материалом для нее послужат 100 тыс. молодых отборных добровольцев, приводящих в действие необычайно мощное вооружение с необыкновенной, благодаря моторам, быстротой передвижения. Мощный воинский дух вдохнет жизнь в это большое тело. Мы увидим, чего могут достигнуть в квалифицированной системе искусство и доблесть, являющиеся честью вооруженных сил и благоприятствуемые техникой.

II. Применение

В наших исследованиях о способе использования отборной, быстрой, мощной и хорошо оснащенной армии мы должны принципиально и раз навсегда отказаться от тех понятий, кото-

рые господствовали в период мировой войны. В частности, непрерывность фронта, необходимость перерывов в военных действиях для подготовки новых ударов, невозможность развития местного успеха, т.е. все те представления, которые силой вещей сделались основой тактики, поработанной количеством, не могут уже иметь силы в данном случае. Наоборот, самостоятельные предприятия и использование внезапности являются особенно подходящими для нового аппарата. Если бы мы хотели во что бы то ни стало вскрыть аналогию с событиями прошлого, то пришлось бы искать ее отнюдь не в том медленном истощении, которое имело место в течение последней войны, а скорее всего в оперативных действиях больших кавалерийских масс истекших времен.

И в самом деле, армии, подобные тем, какие мы имели в 1914 г., медлительные в движениях и развертывании, обслуживаемые разведкой лишь на коротких расстояниях и тесно связанные с путями сообщения, не смели подставлять противнику ни своих флангов, ни своего тыла. Колонны - стратегически, а цепи стрелков или линии орудий - тактически созданы были для действий в одном направлении. В случае угрозы с тыла или фланга им не оставалось другого выхода, кроме поспешного отступления. Это наблюдалось, впрочем, и с той и с другой стороны. Вследствие этого для каждой отдельной составной части само собою возникло требование держать тесную связь со своими соседями. Неподвижное целое, а следовательно, и вытянутая линия, становились необходимостью. Давать бой "всеми объединенными силами" было строжайшей аксиомой. Никакой передышки противнику, чтобы он не оперся своими флангами в непреодолимые препятствия - в море или в границы Швейцарии.

Вторжение в укрепленные позиции не вносило никаких изменений в принцип непрерывного фронта, даже наоборот, как только путем наступательного действия местного характера удавалось прорвать фронт, все усилия обороняющегося направлялись на восстановление непосредственного соприкосновения. Стыки, косые заградительные позиции, создание нового фронта в тылу, угрожаемые участки, постепенный отход - вот ходячие выражения для военного искусства последнего времени. А между тем нападающий, намерения которого были раскрыты в силу самого его успеха, сдерживал свой порыв по мере продвижения вперед, и у него речь шла уже только о по-

воротах, захождениях, расширении прорыва, обеспеченности флангов и взаимной поддержке. До самого последнего оружейного выстрела враждовавшие стороны представляли собою две разрывающиеся линии. Жестикующая Фоша, ударявшего кулаком в воображаемую неприятельскую линию как бы для того, чтобы вдавить в ней “карманы”, прекрасно изображала военные действия того времени.

Маневренные единицы будущего будут свободны от подобного рабства. Прикрытые органами, достаточно мощными, чтобы разорвать завесу (завесу неизвестности), обладающие чрезвычайной маневренной гибкостью благодаря поставленному на гусеничный ход и моторизованному вооружению, способные необыкновенно быстро появляться и так же быстро ускользать, освобожденные от необходимости возобновлять свои запасы в строго определенных, неподвижных пунктах, короче говоря, способные почти мгновенно изменять свое местонахождение, направление и расположение, - армии будущего смогут проводить самостоятельно довольно продолжительные операции. Профессиональная армия приступит к выполнению возлагаемой на нее роли прежде всего в течение той фазы конфликта, когда противники объединяют средства для своих активных выступлений и формируют силы для первых столкновений. То начальное преимущество, которым она в силу самой своей организации будет обладать, позволит ей захватить в свои руки инициативу как залог победы в первые же дни конфликта.

Стремление к занятию территории, столь распространенное в предшествующие времена, перед последней войной успело уже утратить свое преобладающее значение в глазах французских стратегов. То, что Людовик XIV, например, внезапным ударом занял Фландрию во время войны за испанское наследство и Франш-Конте во время войны с Голландией с хорошими по существу для себя результатами; что Фридрих ни того ни с сего наложил руку на Силезию и не освобождал ее во все 7 лет войны; что Наполеон взял себе за правило неизменно переносить театр военных действий на территорию противника, - все эти уроки прошлого представлялись господствовавшей школе в достаточной мере устаревшими. Само собою разумеется, что все стремления были направлены к действиям наступательного характера и даже исключительно к ним, но особого значения национальности той местности, которая становилась театром

наступления, не придавалось. Все дело сводилось по существу к выигрышу сражения, - безразлично, где бы оно ни произошло. Позволить немцам дойти до Брюсселя, помириться с отходом до нижней Сены, лишь бы расположение армий стало более выгодным, - все это казалось строго логичным. Такое настроение умов составляло, может быть, одну из главных причин хладнокровия, проявленного нашим командованием в момент кризиса. В общем нужно сказать, что события заставили нас довольно дорого расплатиться за эти настроения.

Степень разрушений, причиняемых войною; отзвуки, вызываемые в общественном мнении нашествием или победою; преимущество обладания в момент внешних переговоров захваченной областью; роль, которую та или иная область может сыграть в борьбе благодаря своему расположению или своим ресурсам, - эти обстоятельства вернули территории первостепенное значение. Потерять Тионвиль и Брией - это значило бы отказаться от половины производимого нами железа. Примириться с захватом Страсбурга в самом начале конфликта - значило бы самих себя осудить на разрушение его до основания при обратном завоевании. Как только немцы перейдут через бельгийский Маас, уже неизбежна борьба под Лиллем. Если они достигнут Антверпена и устроят там базу для аэропланов и подводных лодок, с этого момента сильно осложнятся наши сообщения с Англией. Каким образом совершать рейсы между Марселем и Африкой, если будет отнята у нас Корсика? Какие связи сохранились бы у нас с нашими центральными и восточно-европейскими союзниками, если бы из наших рук ускользнул Тунис? И, наоборот, обеспечить за собою Саарскую область, это значит иметь лишних 10 млн. т. угля в год. Добраться до Швабского Дуная, значит предупредить соединение Австрии и Германии. Выходом на Майн мы гальванируем Чехо-Словакию; захватом Трев и Эйфеля мы сразу прикрываем Лотарингию, Бельгию и Люксембург. Тот, кто держит в своих руках Дюссельдорф, может парализовать Рур. Если Лиону угрожает опасность в смысле прохода по швейцарской территории, то предупредить ее можно в Женеве. Кто владеет Сардинией, тот находится в наилучших условиях для господства над Средиземным морем и Западом.

Впрочем, и с точки зрения чисто военной предупредительная (превентивная) интервенция может оказать чрезвычайно важное влияние на результат дальнейших операций. Переходя

с мирного на военное положение, массовые армии переживают состояние кризиса. С какой бы тщательностью ни была подготовлена мобилизация, в каком бы совершенном порядке она ни осуществлялась, она все равно вызывает общее потрясение и расстройство. Все время, пока длится призыв резервистов, распределение колоссального военного оборудования, бесчисленные перемещения и переброски предметов снабжения, малейшее замешательство, вызываемое этим организационным периодом, чревато огромным риском. Что сказать о транспортных средствах, необходимых для сосредоточения боевых сил? В течение целых недель поезда, обозы, корабли чередуются одни за другими по твердо установленным расписаниям и в условиях такой зависимости друг от друга, которые делают всю систему до крайности хрупкой. Достаточно представить себе мельчайшие детали любого плана, хотя бы предусмотревшего различные варианты и всевозможные “заедания”, чтобы одновременно составить себе понятие и о последствиях неожиданных случайностей. Кроме того, загромождение зон назначения, куда непрерывно притекают части, разбитые на эшелоны для удобства их перевозки, и предметы снабжения, более или менее скучивающиеся на месте, делает окончательно непрочным весь период сосредоточения. Войска прикрытия находятся, конечно, на месте и готовы выполнить свою обязанность, но сами они в неполном еще составе, разбросаны в целях обороны и не могут быть достаточно сильны, чтобы помешать сосредоточенным, заранее обдуманым предприятиям противника. Поэтому мудрый Мольтке, допуская возможность стремительного продвижения наших ветеранов, издал приказ, чтобы в этом случае сосредоточение германских армий имело место на правом берегу Рейна. То обстоятельство, что наши прекрасные войска были прикованы к месту нерешительностью командования и тысячами нелепых задержек и опозданий, не должно было помешать тому, чтобы наше первое сражение разыгралось у Майнца.

И как, наконец, не считаться с тем впечатлением, которое может произвести на необстрелянные войска внезапная опасность, открывающаяся перед нами совершенно неожиданно и притом в грандиозном масштабе и в потрясающей форме. Люди, попавшие в августе 1914 г. под град пуль и громовые разрывы тяжелых снарядов, испытывали состояние, подобное

потрясению. Вся их решимость, иллюзии и похвальба, в которые они бронировались, развалилась в мгновение ока, оставив их оцепенелыми от ужаса среди стонавших раненых и убитых наповал. Когда теперь равнодушный историк попытается уяснить себе путаницу первых встреч, пассивность одних, исчезновение и панику других, пусть он также попытается представить себе состояние остоленения, овладевшее людьми при виде смерти и ранений. В дальнейшем новички не подвергались уже ужасам войны таким грубо неожиданным способом. Будучи перемешаны с товарищами, успевшими познакомиться с условиями боевой обстановки, и, проникая постепенно в зону непрестанной угрозы смерти, они по большей части не испытывали уже указанных выше внезапных потрясений. Но если привычка к ужасам войны и могла образоваться у сражавшихся постепенно, на протяжении четырех лет, то не следует забывать, каковы были их переживания вначале. Опыт определенно подтверждает, что жуткое впечатление обстрела на неустойчивые войсковые части может иметь важные последствия. Из этого естественно вытекает, что ударная группа, снабженная самым мощным и изумительным вооружением, должна извлечь из него, не теряя ни единого дня, все возможные для нее выгоды.

Отборные войска, готовые к немедленному удару в контакте с воздушной армией, а в случае надобности и с морским флотом, способные вести самостоятельные операции на фронте протяжением и глубиной в 100 км, будут использовать в грядущих войнах инициативу и захват в качестве главного козыря. С какой легкостью и быстротой они из мирной обстановки будут переходить в боевую, будут овладевать полезными для последующих операций объектами, сеять расстройство в рядах только еще формирующихся сил противника. Объекты (цели) должны быть, конечно, ограниченные и соответствовать наличным средствам. Дело не в том, чтобы первоначальным ударом сразу уничтожить все неприятельские силы, а в том, чтобы получить известное преимущество перед противником. В современных конфликтах, где все зависит одно от другого, где все дает немедленный отзвук, где дрожащие от сдерживаемых страстей толпы реагируют сверх всякой меры, - полезно осуществить испытание без замедлений и посеять ужас по ту сторону границ. В частности, у нас раны, нанесенные вражеским нашествием, слишком еще глубоки.

* * *

Независимая в своих движениях профессиональная армия не будет обладать меньшими возможностями в смысле средств к внезапным действиям. Оперирует ли она самостоятельно или составляет часть целого в общем сражении, ожидаемые от нее удары будут столь же внезапны, как и сокрушительны. Этим путем воскреснет “неожиданность событий”, во все времена служившая критерием для полководцев и только в последнюю войну изгнанная из сражений длительной подготовкой. Даже для самой незначительной операции приходилось соответствующим образом подготавливать исходный пункт последовательных волн атакующих и места расположений резервов, устанавливать многообразные сообщения, сооружать орудийные окопы, наполнять склады, заботиться об устройстве командных пунктов, устанавливать сети связи, подводить людей и подвозить орудия по окопам и ходам сообщения. К тому же еще людям, передвигавшимся на собственных ногах, переносившим на себе оружие, боевые припасы, провиант, приборы, инструменты и разные принадлежности, требовалась масса времени и труда, чтобы, спотыкаясь на каждом шагу по изрытой, изуродованной местности, разместиться в 10 - километровом зоне, где их непрестанно подстерегал обстрел. Вдобавок, прежде чем бросить войска в атаку по открытой местности против укрытых позиций обороняющегося, приходилось при помощи артиллерийского обстрела в течение нескольких дней разрушать эти позиции. Правда, одновременная подготовка всего фронта к наступлению, приобретенный опыт, накопление грандиозных запасов боевых припасов по всем секторам фронта и, в особенности, появление танков, в значительной мере заменивших предварительную артиллерийскую подготовку, - все это дало возможность начинать атаку прежде, чем неприятель подумает принять меры предосторожности. И тем не менее вплоть до самого конца великой трагедии внезапность была исключением. Завтра же, при наличии отборного войска, соответственно вооруженного и сформированного, она будет уже не исключением, а правилом.

Перевозка всего необходимого в район будущих операций, вместо того чтобы производиться по капле, человеческими руками и на вьючных животных, по дорогам, проходам и сапам, будет выполняться в крайне короткий срок по всякой местности

поставленными на гусеничный ход транспортными средствами. В 1917 г., чтобы доставить на место 10 тыс.т. разного материала, необходимого для боя одной дивизии, требовалось 6 суток. Теперь дивизия нового типа будет выполнять ту же работу за одну ночь. Прикованность подготовленных к атаке частей к определенной неприятельской позиции не будет уже тяготеть над атакующими с того момента, как силы их будут состоять из бронированных машин. Эти сухопутные броненосцы, расположенные в прикрытиях вне досягаемости самого мощного обстрела, будут осуществлять непосредственное сближение с неприятелем лишь в последний момент, под прикрытием ночи или искусственных туманов. Обладая, наконец, грозной артиллерией и приспособленные для уничтожения подготовительных работ, они прекрасно обойдутся и без предварительного разрушения неприятельских позиций. Все признаки, оставляемые на местности подготовкой атак, будут отныне ускользать от обороняющихся, которые будут находиться в полной неизвестности до самого момента, когда бронированные чудища ворвутся в их ряды. Царивший с незапамятных времен в военном искусстве захват врасплох, сданный в архив, поскольку силе не хватало стремительности, вновь обретает свою базу, а следовательно, и свое значение.

Но внезапность требует надлежащей организации ее, - и не только с помощью соблюдения тайны, охраняемой во всех приказах, разговорах и совещаниях теми, кто выносит решение и составляет планы, но и благодаря скрытности подготовки под прикрытием густой завесы обмана. В наш век, когда во всякое дело вмешиваются тысячи любителей “половить рыбку в мутной воде”; когда деньги служат более убедительным доводом, чем честь; когда все стремления прессы направлены на получение информации; когда ни одно начинание не обходится без электрических проводов, радиоволн и пишущих машинок, а расшифровка справляется с любым шифром, - мечтать о том, чтобы помешать проникновению к неприятелю каких бы то ни было указаний, было бы почти самообманом. Зато спутать его предположения и догадки вполне возможно.

Обманывая даже своих относительно истинных намерений; вводя в заблуждение и тех, кого предполагается использовать для задумываемого предприятия; применяя для распространения с рассчитанным вперед намерением ложные слухи и вообще применяя все средства, не позволяющие в наши дни од-

ной стороне разобраться в том, что творится у другой, - этими путями всегда возможно скрыть действительность за сетью лжи. Фемистокл, например, воспользовался персидскими шпионами, чтобы вызвать сражение при Саламине. Оставаться до самого последнего решительного момента в заблуждении относительно своей судьбы - это, конечно, жестокое испытание для исполнителей. Чтобы перенести его, необходима вся сила военной доблести. Вот почему массовые армии не примирились бы с таким режимом. Отборным же войскам, приученным к безропотному подчинению, начальники могут обещать отдых в ту самую минуту, когда они решили пустить их в бой; отвергать близость наступательных действий, когда последние уже предрешены; объявить о походе в Эльзас, когда на самом деле вопрос касается Фландрии.

Но как бы высока ни была приспособляемость профессиональных войск к выполнению внезапных заданий, известные к ним приготовления все же необходимы. Нужно считаться с тем, что противник настороже. Тут также недостаточно скрывать людей и технические средства. Необходима хитрость, чтобы заставить поверить, что ты не там, где находишься на самом деле, и что ты хочешь не того, к чему стремишься в действительности. В умышленно избранных зонах вступает в свои обязанности активная маскировка, — хорошо натренированные войска части, методически создающие ложные сооружения. Взоры противников приводятся в смущение видимостью мостов, рельсовых путей, проезжих дорог, подобием батарей, наблюдательных пунктов, земляных работ, войсковых колонн, обозов, скоплений и т.п. Слух его обманывают шумом катящихся повозок, выхлопами и гуденьем моторов. Разум его вводится в заблуждение действующими антеннами, легкоулавливаемыми сигналами и разговорами. Целые участки закрываются дымовыми завесами, дающими основание предполагать атаки, а в действительности ложными. В результате неприятельской стороной овладевает неизвестность, изнурительная и для командования, и для войск первой линии, и для резервов.

А между тем ударная группа, элементы которой остаются рассеянными до самого конца, занимает исходные позиции за одну ночь с тем, чтобы, в большинстве случаев, начать бой на рассвете. Каждая дивизия устанавливает свое исходное положение, откуда наводятся орудия и пехотные пулеметы, а поза-

ди располагается артиллерия, предназначенная, благодаря орудиям с круговым обстрелом, в гораздо большей мере для вступления в дело в зависимости от хода событий, чем для стрельбы в узких зонах по заранее указанным целям. Ее роль заключается прежде всего в том, чтобы окружить танки изолирующим заградительным огнем; окаймление должно быть очень глубоким и очень подвижным, потому что танки передвигаются с большой скоростью, а неприятельские орудия, могущие повредить им, расположены не по одной линии, а как пешки на шахматной доске. Артиллерия, кроме того, обеспечивает себе возможность сосредоточить в любой момент и всюду, где только понадобится, огромную силу огня, достаточную для немедленного господства над таким участком поля сражения, где открылись бы признаки опасности. Для такого рода войск, который в прежнее время действовал преимущественно по заранее составленному плану, гибкость становится в настоящее время правилом. Группировка единиц и калибров, распределение полученных задач, подготовка огня, расположение батарей - все должно быть рассчитано на возможность постоянного изменения.

На значительном расстоянии позади строятся в боевой порядок танки. Вся масса их обычно разбивается на три эшелона: сначала идут легкие танки, первыми вступающие в контакт с неприятелем; затем - боевой эшелон, составленный как из средних, так и из тяжелых танков; фронт его и глубина зависят от характера предпринимаемой операции и от ожидаемого сопротивления; наконец, следует резервный эшелон, предназначенный для замены выбывающих или для самостоятельного использования. Каждый из трех эшелонов состоит из ряда подразделений. В среднем боевой порядок дивизии, включая интервалы, охватывает в ширину 8 км, причем густота расположения отдельных составных единиц вдоль фронта колеблется в зависимости от преследуемой маневром цели. В общем получается от 5 до 6 волн танков, из которых по большей части самой сильной является первая волна боевого эшелона. Если армия состоит хотя бы из 4 дивизий, то 2 тыс. танков на протяжении фронта в 40 км готовы одновременно появиться на месте действия.

И вот этим чудищам подается сигнал. Легкие танки, выйдя из пределов расположения первой линии, быстрым ходом направляются навстречу неприятелю. Их задача - определить

местонахождение и характер ожидаемого в первую очередь сопротивления, разыскать и указать наиболее благоприятные направления, замаскировать дымовыми завесами трудные переходы, короче говоря, служить разведчиками и прикрытием больших “броненосцев”; когда же эти последние примут боевые операции в свои руки, то малые танки освобождают фронт и переходят на защиту флангов или же в тыл, чтобы развернуть там линии связи. При наступлении хотя бы временного затишья они немедленно возвращаются в авангард и вновь вступают в обязанности бдительных охранителей.

Но вот в свою очередь вступает в дело боевой эшелон. Составляющие его крупные групповые объединения маневрируют по лежащей перед ними местности не вытянутыми в одну линию цепями, а самостоятельными частями, оперирующими в зависимости от обстановки. Ось их продвижения в большинстве случаев бывает определено скошенной по отношению к фронту неприятеля, для того чтобы иметь возможность всякое встреченное сопротивление взять под косоприцельный огонь; при этом сохраняется возможность в случае надобности не раз в течение боя изменить свое направление. Эти извилистые линии обстреливают пулеметным огнем поверхность расстилающейся перед ними местности, приберегая орудийные выстрелы для заранее намеченных целей, которые они и стараются подавить, обойдя их с тыла. Каждый маневр и состоит главным образом в том, чтобы обойти все части, которые ведут огонь, и ударить им в тыл; при этом артиллерия прикрывает всю операцию в целом своим огнем, распределяемым вокруг зоны, в которой разыгрывается дело, и выпуском дымовых завес, скрывающих те танки, которые почему-либо должны оставаться неподвижными.

Необходимо во всяком случае избегать чересчур значительных задержек в продвижении вперед из-за медленной очистки местности от неприятеля. Поэтому головные волны занимают этой очисткой лишь постольку, поскольку это требуется, чтобы пробить себе путь, а затем как можно скорее устремляются к конечным целям. Следующие за ними части довершают начатое. Если же и их окажется недостаточно, то необходимую в этом случае помощь окажут резервы и, наконец, пехота закончит ликвидацию. Короче говоря, если сопротивление неприятеля очень упорно, то нападающая сторона в самом скором времени представит собой группы танков, сражающихся

ся на значительной глубине, между тем как первая волна упорно продолжает свое движение вперед, а артиллерия берет под обстрел не только внешнее окружение этого сражающегося целого, но и некоторые пройденные уже островки его.

По мере того как танки выполняют возложенную на них операцию, пехота продвигается вперед. Это продвижение пехота совершает то пешком, то на машинах, поставленных на гусеничный ход. Ее главная задача состоит в том, чтобы вступить во владение завоеванной уже местностью. Осуществляется это путем занятия последовательного ряда позиций, быстро устраиваемых и вооружаемых пулеметами и орудиями. Зачастую пехоте же приходится ликвидировать и последнее сопротивление неприятеля при помощи собственного маневрирования и огня артиллерии сопровождения. Линии пехоты служат иногда опорой и прибежищем для танков, а именно в тех случаях, когда неприятель, проведя тем или иным путем о замышляемой против него операции, также сумеет подвести в необходимый момент и в надлежащем пункте достаточное количество бронечастей и бросить их в контратаку. Само собою разумеется, что оккупация местности производится не непрерывными цепями, а в виде сильных групп, сосредоточенных вокруг пехотных орудий; хотя группы эти и располагаются с большими между собою интервалами, но так, чтобы они могли оказывать друг другу взаимную поддержку.

Все работы производятся, конечно, под прикрытием искусственных туманов.

Вместе с пехотой продвигается вперед и артиллерия. Благодаря гусеничному ходу она имеет возможность перемещаться совершенно свободно. В отношении артиллерии теперь уже покончено с теми «оптовыми» передвижениями, которые во время последней войны еще обуславливались трудностями маневрирования по изрытой местности, отсутствием должной гибкости в ее организации и медленностью в пополнении ее запасов. Вне каких-либо особых случаев дивизион, снявшийся с позиции, через несколько минут займет уже новую, километрах в 8 дальше. С другой стороны, само ускорение хода боя не может уже мириться со свойствами прежней артиллерии: с распределением задач, устанавливаемым раз навсегда в начале задуманного предприятия; с разделением местности на полосы действия, весьма притом ограниченные; с той математической подготовкой обстрела, который требовали от нее ста-

бильные фронты. Наоборот, как только цельность неприятельской позиции оказывается сколько-нибудь нарушенной, огонь приходится открывать в зависимости от стремительно развивающихся событий. Это значит, что артиллерия должна близко следовать за боевым эшелонем, и не только в виде наблюдательных групп или отделений связи, а всей массой, с оружием, иногда же и с обозом. Она также превращается в самодвижущуюся силу, отдельные части которой самостоятельно достигнут наилучших для себя позиций, дающих им возможность действовать с полным сознанием создающейся обстановки и обстреливать под всевозможными углами почти всегда подвижные цели. Снабженная при всем прочем пулеметами и противотанковыми орудиями, она защищается своими собственными средствами. Ее тактика вырабатывается теперь не под влиянием неподвижности, стрельбы по карте и централизации, а на основе инициативы, непосредственного наблюдения и подвижности.

Сражение, протекающее указанными выше ритмами, максимально повышает роль разведывательной авиации. Моторизованные части требуют крайне быстрой разведки. Соответствующая условиям их работы осведомленность может быть получена ими только из сфер воздушных. Для войсковых частей, оперирующих с быстротой и неожиданностью, самолеты станут во всех отношениях не только помощниками, но и проводниками. Когда вопрос идет о том, чтобы операции танков производились именно там, где это нужно, чтобы огонь вражеских орудий сосредоточивался на необходимых пунктах и чтобы моторизованные резервы перебрасывались в надлежащем направлении, ничто не может сравниться с воздушной разведкой, открывающей неприятеля издали, немедленно сигнализирующей нужные цели и тотчас же указывающей местонахождение своих войск. Естественным ходом вещей самолет становится для командования действительным средством своевременного личного ознакомления с положением дел, а легкие аппараты, способные делать посадку повсюду, должны составлять необходимую принадлежность каждого штаба. С другой стороны, сухопутные части и в особенности танки получают в лице авиации ценнейшую поддержку с точки зрения маскировки. Дым, распространяемый с воздушных высот, закрывает в несколько минут обширные пространства земли, а

производимый полетом аэропланов шум заглушает гудение моторов гусеничных машин.

Что касается воздушных эскадрилий, то сотрудничество с ударными армиями потребует от них только коротких, но сосредоточенных действий. Если воздушные разведчики должны связывать свою работу с ползающими людьми, оперировать изо дня в день на одном и том же участке последовательными подразделениями, то с течением времени все возрастающие в числе случайности сильно осложняют их задачу: ответные действия неприятельских истребителей и артиллерии специального назначения, непостоянство атмосферных условий, аварии самолетов, переутомление персонала. Если же они имеют возможность внезапно сосредоточивать свои силы, оперировать в большом числе и в течение сравнительно короткого времени, то успешность их работы удесятится. С другой стороны, и защита их благодаря этому облегчается, потому что если трудно сохранять постоянное господство в воздухе на том участке, где противнику предоставлены все удобства для соответственного реагирования, то захватить в свои руки такое господство врасплох - в пункте и в момент специально избранные - вполне возможно. Тактика новой армии, действующей короткими, неожиданными ударами, будет наилучшим образом отвечать как преимуществам, так и слабым сторонам воздушных разведчиков. В таком виде развертывается бой, являющийся сплетением отдельных, проводимых с большой скоростью действий, из которых каждое требует поддержки подразделенных на мелкие части элементов. Само собою разумеется, что гибкость эта, невзирая на качество личного состава, была бы неосуществима без системы быстрой и высокоэффективной связи. Если бы мы были вынуждены придерживаться образа действий, свойственного последним годам, т.е. уложенных или подвешенных проводов, неподвижных антенн и прожекторов, кодов с условленными сигналами и задыхающихся пеших посыльных, то затруднения, присущие и разматыванию телефонов, и обмену сообщениями по аппаратам Морзе, и бегу эстафет, вызвали бы в ходе сражения такие же замедления. Прогресс, требуя введения быстроты в область применения боевых средств, дает одновременно и средства к надлежащей их между собою увязке. Радиофония усовершенствована настолько, что неограниченное количество постов может разговаривать одновременно, не мешая друг

другу. Избирательность известных аппаратов такова, что делает их способными воспринимать волны только одной определенной длины, позволяет переговаривающимся вступать в сношения без настройки и изолироваться по отношению к другим передачам. Специальные приспособления не позволяют посторонним лицам устраивать путаницу на присвоенной данному посту определенной длины волне. В ближайшем будущем большинство сообщений будут делаться просто на словах. На любом расстоянии, в любой момент с танка, из автомобиля, с самолета и просто из-под дерева или с какого-нибудь угла стены голос командира будет отдавать приказания подчиненным и сообщать соседям и начальникам о сделанных им распоряжениях, а также передавать их распоряжения с такой же легкостью, как некогда это делали крики центуриона. Можно себе представить, какую связанность маневрирования обещают эти возможности, несмотря на подвижность людей и машин.

Тем не менее, случайности борьбы неизменно расстраивают порядок нападающих. Уже спустя несколько часов некоторые группы танков успевают обгонять другие, пехота отстает, артиллерия нуждается в исправлении наводки, подкрепления сбиваются с пути, а органы снабжения разыскивают получателей. Поэтому главный объект действий армий выбирается с таким расчетом, чтобы возможна была перегруппировка. В зависимости от характера операций, предполагаемой степени сопротивления и свойств местности он устанавливается в более или менее значительном отдалении от исходного пункта - в среднем в 50 км. Таково и в действительности расстояние, необходимое для развертывания главных сил армии с целью фланговой операции против соседнего участка. Такова же глубина, благоприятная для работы авиации, если дело касается детальных наблюдений, охраняемых воздушными истребителями. Бронесилы, овладев поставленной им целью, производят всестороннюю разведку при помощи легких машин и окружают себя дымовой завесой, под защитой которой пехота и артиллерийские орудия занимают отвоеванное пространство. После этого танки направляются в тыл выжидательных позиций, где они и приводятся в готовность к новым действиям. Если нет особой надобности во что бы то ни стало продвигаться вперед, то для окончания перегруппировки поджидают вечерних сумерек, и в данном случае вплоть до наступления

ночи защитные облака скрывают от взоров неприятеля определенную часть поля сражения.

* * *

Мы увидим “эксплуатацию” успеха осуществленной на деле, между тем как во время последней войны она была только мечтой. Конечно, и в течение недавних еще сражений бывали случаи, когда, в силу особой настойчивости, атаки пробивали бреши во фронте противника. Перед нападающим открывались пути к грандиозным победам, - таким победам, которые, благодаря глубокому и быстро распространяющемуся эффекту, вызывают в среде неприятеля общее потрясение, подобно тому как разрушение устоя может иногда вызывать обвал всего здания. Те французы, которые 9 мая 1915 г. пробивались до Вими, а 1 и 8 июля 1916 г. прорвали единым порывом германские позиции на юге и 9 августа 1918 г. совершенно сломали противника на Анкре; немцы, которые 23 февраля 1916 г. под Верденом оказались в конце концов перед лицом разрозненной, беспорядочной обороны, затем 24 марта 1918 г. прорвали левый английский фланг, а 10 недель спустя захватили с боя Шмен-де-Дам и зашли далее Шато-Тьери, - все они могли с полным основанием считать, что пробил решительный час, - тот час, когда наступление пойдет ускоренными темпами, когда дозволен всякий риск и даже дерзость, когда воля противника парализована и он полагается уже только на судьбу. Но у победителей этих недоставало того, что могло бы развить и сделать ценным достигнутый успех.

Каким образом продвинуть еще дальше вперед пехоту, доведенную до изнеможения, с сильно поредевшими рядами, за которой не могла следовать артиллерия? Пехоту, которую не могли догнать подкрепления и которую не могли достигнуть даже приказы. Что же касается кавалерии, то она оказалась бессильной оперировать по исковерканной местности, плохо приспособленной к бою в смысле вооружения и в высшей степени уязвимой; ее мечты об атаке в конном строю разбивались о первые же изуродованные пулеметным огнем проволочные заграждения.

В будущем благодаря наличию отборных войск, специально организованных для преследования, дело будет обстоять совершенно иначе. Если мы подумаем о беспомощности обычно-

венных формирований при нанесении им ударов в тыл или во фланг, то мы можем составить себе представление об ошеломляющем действии появления в тылу современной оборонительной позиции массы бронированных чудищ, выбрасывающих потоки огня. Целью такого предприятия по большей части будут сообщения неприятеля. Старое, но обновленное приемами ведения войн правило требует для малейшего дела огромных технических сил и делает армию зависимой от производительных сил страны. Наступательные действия при Мальмезон, если взять только этот один пример, потребовали переброски 500 тыс.т., погрузки 1 тыс. поездов или 100 тыс. больших грузовиков. Отсюда следует, что, перерезав в нескольких пунктах большие железнодорожные или шоссейные артерии неприятеля, мы совершенно его обессилили. Прервать под Верденом его "священный путь" - значило вызвать гибель его самого и его армии. Достаточно было германской кавалерии в сентябре 1915 г. достигнуть Молодечно - железнодорожного узла, где соединялись рельсовые пути, обслуживавшие русских к западу от Полесских болот, - и катастрофа для русских войск казалась неизбежной. Что случилось бы с совершенно расстроенными немецкими войсками, если бы объявление перемирия не помешало началу наступления французов в Лотарингии, намечавшегося на 14 ноября 1918 г.? Захват мостов через Рейн по направлению к Кобленцу и дальше к югу, в тылу истощенного противника, - какой грандиозный Седан вновь отметил бы страницы истории!..

При всяком прорыве фронта в будущих конфликтах мы увидим быстроходные войсковые части устремляющимися в далекий тыл противника, наносящими удары в самые чувствительные места его и опрокидывающими всю его оборонительную систему. Таким путем будет осуществляться стратегическое расширение успехов, достигнутых тактическим порядком, чего за отсутствием надлежащих средств никогда не умели достигнуть ни Жоффри, ни Фалькенгайн, ни Гинденбург, ни Фош и что в былое время составляло высшую ступень военного искусства. Если война по самому существу своему и является разрушительницей, то идеалом полководца все же остается экономия сил, минимальные жертвы для достижения максимального результата, извлечение выгод из страданий, смерти и ужаса для скорейшего достижения целей.

Эта приспособленность к самостоятельным действиям, к внезапности, к использованию достигнутого успеха, которой мотор наделяет сухопутные профессиональные армии, наилучшим образом сочетается с существеннейшими отныне свойствами боевых авиационных сил. Нельзя же в самом деле сомневаться в том, что воздушные эскадры, имеющие возможность действовать на дальних расстояниях, наделенные поражающей быстротой, маневрирующие в трех измерениях, наносящие самые тяжелые - в смысле производимого ими морального впечатления - вертикальные удары, должны будут играть главную роль в войне будущего. Но до настоящего времени они не имели надлежащего себе дополнения на суше, потому что как бы ни был велик эффект, производимый бомбардировочными самолетами, он является до известной степени потенциальным. Этот летающий аппарат не в состоянии извлечь пользу из своего же собственного успеха. Нагроможденные им развалины и тот ужас, который благодаря ему становится хроническим, в конце концов действуют, конечно, на неприятеля, но действие это во всяком случае отраженное. Авиация так же, как и артиллерия, безграничным продлением которой она является, умеет разрушать, но не может занимать, заставлять, принуждать, завоевывать.

До тех пор пока на суше не существует никакой силы, могущей объединиться с воздушным флотом, последнему остается выбор лишь между двумя, по существу неполноценными положениями: или сокращать сферу своих действий в рамках помощи сухопутным армиям, или же, действуя изолированно, способствовать коллективному успеху, хотя бы косвенным путем. Такова была судьба воздушной бомбардировки в течение последней войны. И на той, и на другой стороне она применялась то в тылу неприятельского фронта в пунктах, не особенно отдаленных, причем далеко не использовала всех своих возможностей, то переносилась вдаль, против важных объектов - промышленных центров, портов, железнодорожных узлов, где и производила очень большой, но в общем неопределенный эффект. Из своих налетов на Париж или на Кельн аэропланы и дирижабли возвращались вполне убежденные в том, что посеяли смерть и пожары, но убийства и разрушения не находили себе оправдания, так как ни продвижения вперед для освобождения границ, ни завоевания неприятельской территории налицо не имелись. Не было никакой видимой связи между

такими эпизодами и медленными усилиями тех, кто завоевывал или защищал землю, что только и явилось бы реальным объектом войны.

С того момента, как отдаленные рейды становятся снова возможными, эта неувязанность между войною на суше и воздушной войной оказывается устраненной. Моральные потрясения и материальные разрушения, произведенные боевой авиацией, могут принести немедленную пользу. Расстройство работы Рурского бассейна с помощью вертикальной бомбардировки окажет воздействие на совокупность факторов, составляющих силу сопротивления немцев. Армия, приспособленная к отдаленным операциям, не применит ее использовать надлежащим образом. Захват мостов через Рейн в Кобленце полезен, конечно, при всяких обстоятельствах, но каково будет его значение, если на берегах реки одновременно появятся пулеметы и орудия. С другой стороны, действия воздушных сил будут служить продолжением операций ударной группы. Богатый результатами путь открывается перед “комбинированными операциями”, о которых бесполезно спорят сейчас и комитеты, и теоретики.

Последняя война была свидетельницей достижения мощи невероятной высоты, но могущество это было грубым и однообразным. Прогресс, прибавляя к нему быстроту, обслуживаемую отборными войсками, восстанавливает разнообразие комбинаций.

III. Командование

Изменения в использовании силы преобразуют и работу командования; не в основах ее, конечно, потому что для того, чтобы вести людей в бой - будь они вооружены мечтами или современными танками, - роль начальника все равно заключается в том, чтобы задумать операцию, сообразуясь с обстоятельствами, решить и предписать ее исполнение, насилуя натуру как свою, так и других, а позднее, когда операция начата, от времени до времени возобновлять средства системы, неустанно расстраивающиеся в ходе событий. Повсюду и во все времена существовала известная философия командования, неизменная, как природа человеческая, и являющаяся действительным уроком военной истории. Если Карл XII плакал над рассказами о подвигах Александра Македонского, если Бонапарт изучал походы Фридриха и если Фош указывал на прие-

мы Наполеона, то это значит, что они были проникнуты чувством непрерывности, преемственности. Подняться выше самого себя, чтобы господствовать над другими, а тем самым и над событиями, - это такое усилие, которое неизменно в своей сущности. Зато внешние его приемы радикально меняются.

По правде говоря, до тех пор, пока ведение боя являлось исключительно фактом проявления физических (мускульных) усилий человека и лошади, искусство начальника состояло в сущности в том, чтобы поддерживать расположение своих людей по отношению к неприятелю, к местности и к солнцу таким образом, чтобы одновременность и эффективность их колющих, рубящих и отбивающих чужие удары движений была как можно выше. А так как сила наносимых войсками ударов зависела от их решительности, - ведь страх парализует, а воинский пыл укрепляет тело, - то командование тем самым и должно было возбуждать в своих подчиненных душевные порывы, повышающие энергию ударов. Кроме того, сражение разыгрывалось на коротких дистанциях между тесно сжатыми, стоявшими на ногах людьми, а потому всякий начальник, вплоть до высших, мог простым взглядом охватить всю совокупность боя; другими словами, он мог командовать, не прибегая к посредничеству и воздействовать на поведение сражающихся одним своим присутствием. Тактика заключалась во взгляде (сводилась к кругозору), а престиж - в производимом внешнем впечатлении. Ганнибал выигрывал свои сражения взором и примером.

Появление огнестрельного оружия сразу ввело войну, не менявшую своей формы в течение всех отмеченных историей тысячелетий, в стадию хронических эволюций. Прогрессирующее совершенствование мушкетов, ружей и пушек не прекращалось. Это новое оружие было уже не простым продолжением человеческих рук, как меч и копье. Оно, независимо от ловкости и храбрости солдат, обладало своими внутренними свойствами, которыми надо было уметь воспользоваться, а также и невыгодными сторонами, которыми нельзя было пренебречь. Дальнобойность, настильность, скорострельность, система снабжения боевыми припасами сделались существеннейшими факторами при выборе построений, времени и местности. Принимая, с другой стороны, во внимание то обстоятельство, что вместе с увеличением радиуса действия оружия возрастали дистанции и интервалы, а войсковые части

оказывались вынужденными прятаться за прикрытиями, начальникам в конце концов стало несравненно труднее составлять себе представление о том, что делается вокруг них. Условия, связанные с применением военно-технических средств, приобретали, таким образом, всевозрастающее значение, а с другой стороны, непосредственное воздействие руководителей на исполнителей с каждым сражением все усложнялось. Лучшими генералами оказывались те, чьи распоряжения обеспечивали за огнестрельным оружием максимальную эффективность. Не имея возможности быть одновременно видимыми для всех, они прилагали все усилия к тому, чтобы создать в рядах большой скрытый подъем, а в минуту решительного удара появлялись самолично в надлежащем месте и в надлежащий момент. Таковы были Конде, Гош³⁶, Наполеон.

Мировая война возвела на максимальную высоту господство техники. Никакое мужество не в состоянии восторжествовать над ураганным артиллерийским огнем и огневыми заграждениями. Достигнутая вооружением мощь требовала строжайшего соблюдения каждого предприятия с числовыми данными. В конце концов никакие и самые смелые решения - "во что бы то ни стало", "так или иначе" - в сущности ровно ничего не стоили, если не было предварительно поставлено на позиции известное количество пушек определенного калибра, с определенным, рассчитанным на столько-то выстрелов количеством снарядов, причем действия их должны еще были регулироваться и координироваться по точным таблицам, расписаниям и расчетам. Так как все эти вычисления и измерения обуславливали сотрудничество различных специалистов, то работа генеральных штабов протекала по определенному плану. Кроме того, за исключением редких случаев, эта боевая бюрократия, принимая во внимание тяжеловесность всего механизма, могла не слишком спешить со своей работой. Само собою разумеется, что ответственность оставалась на начальниках, - этого достаточно было для их достоинства и славы, - но что касается идей, то их они извлекали не столько из молниеносных сверканий собственного мозга, как из мелочных детальнейших предложений своих помощников. Наконец, и расширение фронта как в длину, так и в глубину, обязательное вкапывание сражающихся в землю, а если говорить правду, то и привлекательность благоустроенных стоянок мешали непосредственному контакту более или менее высоко стоявших на

иерархической лестнице начальников с подчиненными им войсками. Сколько тысяч человек умирало, даже и в глаза не видел своих генералов. Короче говоря, все способствовало тому, чтобы придать командованию характер чего-то отдаленного, безличного, коллективного, отодвигавшего в тень гений и чувство.

Нет никакого сомнения в том, что в будущем управление составленными из моторизованных механизмов единицами будет носить на себе глубокий отпечаток чисто технического характера. Границы возможного, полезного или абсурдного будут более, чем когда-либо, неподвижны в системах тех сил, которым технические средства будут диктовать свои требования. В самом деле, мощность машин нерастяжима, а их потребности несжимаемы. Тот коэффициент невесомого, который самоотвержение солдат преподносило некогда начальнику в возмещение недостаточности материальных сил, в настоящее время нужно сбросить со счетов. Вновь набранные ополченцы Самбры и Мааса маршировали без хлеба и без сапог. Великая армия делала в 10 дней 20 переходов от Булони до Майнца. В будущем сражающиеся моторизованные механизмы будут останавливаться, как только будет израсходована последняя капля горючего, и откажутся передвигаться со скоростью большей, чем предусмотрено их конструкцией. С другой стороны, сложность механизмов потребует от тех, кто будет ими действовать, все больших и больших чисто технических способностей. В прежнее время говорилось, что начальник не может действовать с пользой, если он не составляет одного целого со своими людьми. Теперь скажут, что он ничего не стоит, если представление о том, что могут и чего не в состоянии дать его технические средства, не стало для него второй натурой. Никакой, конечно, нет нужды, чтобы голова его была полна теми детализированными знаниями, которые требуются от инженера, но он несомненно должен обладать ясным представлением о всех возможных комбинациях механических средств.

Если, с одной стороны, совершенство машин не может не подчеркнуть технический характер войны, то, с другой стороны, оно же воскрешает в применении командования на практике известные черты смелости и стремительности, которые возвратят личности прежнюю ее яркость. Начальники всех степеней должны будут думать и принимать решения с чрезвычай-

ной быстротой, исключаящей возможность отсрочек и совещаний. Они должны будут в несколько секунд взвешивать все обстоятельства, останавливаться на том или ином решении и отдавать соответствующие приказания. Нет никакого сомнения в том, что останутся возможными - больше того, самыми главными - работы, предпринимаемые в предвидении тех или иных случайностей, и работы подготовительного характера, понижающие роль внезапности, но само сражение, раз уже начатое, чаще всего будет разворачиваться такими стремительными темпами, что вмешательство командования должно происходить мгновенно. Никаких заранее установленных маневрирования, никаких отрегулированных, как балет, атак, преобладавших в мировую войну. Грубый разрыв между руководством и выполнением, который регулярно создавался часом "Ч" (моментом начала атаки), уже неприемлем. Покончено с непрерывным пребыванием под землей, когда полный тревоги начальник поджидал, пока расположившаяся за письменными столами канцелярия подготовит ему сводку не вполне достоверных сведений. Вместо этого мы будем свидетелями постоянных неожиданностей, быстрых перемещений чрезвычайно подвижных единиц, начальников, стремящихся узнать, что происходит, и с этой целью циркулирующих на машинах или летающих на аэропланах по всей подчиненной им зоне; одним словом, личные и мгновенные действия, возведенные в принцип на всех командных инстанциях.

Подобные изменения в порядке управления войсками вызывают последствия не только интеллектуального характера. Если умственная работа будет складываться у начальника в соответствии с новыми ритмами, то равным образом и моральные напряжения станут так же более значительными и более частыми. В армии, где самостоятельные действия станут законом, каждый начальник должен будет принимать много решений такого рода, с которыми ему совершенно не приходилось сталкиваться в прежних войнах. Никакой не будет возможности ограничиться одним буквальным исполнением; прежде чем приступить к делу, нужно будет посоветоваться с вышестоящими авторитетами и сообразоваться в своих действиях с действиями соседей. Инициатива, которую расхваливали в устах, но к которой недоверчиво относились в приказах, снова станет царствовать безраздельно. Свойства, столь чтимые

внизу, но внушающие страх наверху, снова водворятся на поля сражений во всем своем величии и славе.

Кроме этого, мы увидим в профессиональной армии возрождение между начальниками и войсками того взаимного знания друг друга, которое было искажено системой масс. Те переходящие толпы, которыми после каждой гекатомбы пополнялись ряды, вряд ли могли проникнуться особыми симпатиями к генералам, мельком разве виденным или посылающим их на смерть через посредство приказов, переписанных на пишущей машинке. Окружающая их среда навязанной дисциплины гарантировала, конечно, послушание, но между людьми, управляющими с такой высоты и так издалека, и теми, которые телами своими образовывали нанесенные на картах черточки и кружочки, не может быть в сущности ничего такого, что напоминало бы те простые близкие взаимоотношения, которые в конце концов характеризовали старинные армии. Нет больше гоплитов, жадно ловивших взгляд Александра Македонского, нет легионеров, умиравших за Цезаря, ветеранов, плакавших над телом Тюреня, наполеоновских “ворчунов”, кричавших “да здравствует император”, рядовых солдат, приветствовавших гриву Канробера. Где же в среде той “серой толпы, доброй скотинки”, о которой говорил Драгомиров, искать тихого сияния уважения, бурного пламени самопожертвования, которые в былое время окружали ореолом командные верхи? Зато над прикованными к военному строю (по склонности или в силу привычки) профессионалами те военачальники, узнать которых ближе у них будет и время и желание, приобретут безусловное, огромное влияние. И наоборот, какую для себя поддержку, а может быть и скрытый стимул, найдут начальники в заслуженно приобретенном среди подчиненных авторитете.

Воздействие будет обоюдным и тем более глубоким, что сам характер сражений будет сильнее сблизать солдат и генералов. Эти последние, стремясь заранее создать необходимое им для командования личное быстрое впечатление, будут беспрестанно показываться своим войскам. Акт личного присутствия, которого даже в течение самых наших мрачных войн не могли осуществлять наиболее пылкие наши военачальники, будет восстановлен катящимся по земле или летящим в воздухе мотором. Вместо того чтобы, как в прежнее время, управлять войсками из центра развернутого веера (потому что там именно находится узел необходимых нитей связи), вожди бу-

дут отныне стоять во главе войск в буквальном, а не только в фигуральном смысле этих слов. Вместе с этим увеличатся и встречающиеся им опасности, а следовательно, и честь подаваемого примера. Впечатление, производившееся в давние времена на сражающихся появлением под огнем неприятельских выстрелов шарфа Конде, вышитого золотого мундира Мюрата и личного значка Мак-Магона, воскреснет вновь при виде командирского автомобиля или самолета. И если в будущем, как в старые времена, списки потерь будут возглавляться длинным рядом генеральских имен, то вполне возможно, что факт этот послужит на пользу установления того товарищества по оружию, которое, невзирая на звезды и галуны, остается самым благородным цветком в венке военной профессии.

* * *

Ценность командования заключается в доведении длительных усилий до благоприятного их окончания. Случайно может, конечно, вмешаться в дело и переменчивое влияние гения. Приходится, само собою, принимать в расчет накопленный армией более или менее сознательный капитал доблести и традиций. Но в те несколько часов, когда два-три раза в течение столетия судьбы целого народа решаются на полях сражения, суждение, поведение и авторитет начальника зависят, главным образом, от умственных и нравственных рефлексов, приобретенных им за всю военную карьеру.

В далеком прошлом, когда войны следовали одна за другой непрерывно, начальники вырабатывались в результате многолетней практики и отбора многократным испытанием. За всю свою жизнь Баярд только на 3 года вложил меч свой в ножны. Катина³⁷ участвовал в 28 войнах. Даву³⁸ сражался 23 года. При таких условиях какая была нужда в организации обучения будущих генералов? Война сама позаботится об этом, точно так же, как и о том, чтобы подчеркнуть достоинства, оттенить заслуги и создать благоприятный случай. Такое эмпирическое формирование могло иногда повлечь за собой умственную пассивность, которая является результатом злоупотреблений той или иной профессией. Для генералов было бы может быть и полезнее, если бы, отрешившись на время от неотложных требований, предъявляемых к ним их функциями, они периодически прорабатывали в виде общих идей огромный запас по

частям накопленного ими опыта. Но живая деятельность поглощала весь их пыл и все свободное их время.

В наше время война приобрела такие размеры, что народы редко прибегают к ней. С другой стороны, каждый последующий конфликт резко отличается от предшествующего, а это значит, что между каждыми двумя испытаниями работе начальников не хватает санкции опыта, а делаемому среди них выбору - критерия результатов. Так или иначе необходимо, однако, чтобы они учились и выделялись; в этом отношении теория преподает уроки и берет на себя задачу отбора. Но тут-то и начинается опасность. Хотя дар предвидения и помог Мольтке создать в период полного затишья генеральный штаб, идеально приспособленный к ожидавшим его задачам, но нельзя отрицать, что и во Франции перед 1914 г. было подготовлено обладавшее действительными достоинствами командование. Это не мешает тому, что в течение ряда лет, когда труд не находит себе применения на практике, тысячи досадных влияний обычно направляют верхушку армии на ложные пути. В результате первые же бои бывают полны ошибок в руководстве войсками и ярко выявляют скрытые и непризнававшиеся до того времени достоинства и недостатки.

Нужно сказать правду, что в современной армии, узнавшей на опыте в течение последней войны, чего стоят и какие результаты дают способности командного состава и как дорого обходится их отсутствие, ведется обширная профессиональная работа на всех ступенях иерархической лестницы. Помимо школ, в буквальном смысле этого слова, бесчисленное количество курсов, стажировок и научных центров периодически собирают офицеров всех степеней. Упражнения кадров непрерывно возрастают, а различных комиссий как научного характера, так и испытательных, прямо не счесть. Единственная среди всех профессий - военная карьера - обязывает своих членов сверху донизу иерархической лестницы к непрерывному совершенствованию раз приобретенных знаний. Общество не без некоторого удивления наблюдает, как поседевшие на службе генералы торопятся на какую-нибудь конференцию с атрибутами студента под мышкой.

Вместе с тем, если взглянуть в основу этой деятельности, то мы увидим, что заботы о будущем несколько уступают здесь уважению к прошлому. Полная страшных уроков недавнего времени военная среда в особенности как будто стремится к

тому, чтобы придать отборной части командного состава форму, наиболее желательную для действий в условиях, аналогичных тем, которые ей только что пришлось пережить. Приучить каждого к надлежащему исполнению роли, предназначенной ему в общей централизованной системе, заставить всех сообразоваться со строгими правилами, неизменно держать в уме хорошие примеры из событий 1918 г. - вот к чему стремится эта работа. Отсюда само собою вытекают замечательное единство и масса удобств. Зато обновление доктрин по мере изменений в средствах, склонность идей следовать за эволюцией предметов, откуда во все время не проистекали победы, найдут в этой неподвижности мало благоприятные для себя условия.

Поразительным является то, что исторические эпохи, когда командование в целом обнаруживало наличие самых высоких достоинств, были как раз такими периодами, когда чисто дидактический порядок оказывал на него наименьшее влияние. Великие полководцы древности, рассказывающие нам о своих деяниях, никогда не ссылаются на полученные уроки. В Анабазисе³⁹ Ксенофонта точно так же, как и в комментариях Юлия Цезаря, мы не встречаем ни малейшего намека на принципы, а исключительно одно изложение событий и решений. Чем же вдохновлялись Густав-Адольф, принц Евгений, Люксембург или Мориц Саксонский⁴⁰, если не собственным своим талантом? Плеяда генералов, одержавших столько побед в эпоху Великой революции и Первой империи, не располагала даже и уставом. Замечательно то, что военачальники, обнаружившие наиболее совершенные таланты, первоначально отличались явной независимостью по отношению к официальным доктринам. Те и другие безусловно обладали знанием средств и основанном на опыте умением использовать интуицию. Творческая искра, ярко вспыхивавшая в каждом отдельном случае, ни из каких кодексов или регламентов не проистекала. Первоисточниками своих действий они обязаны были исключительно самим себе.

Для того чтобы подготовить командиров к руководству в ближайшем будущем войсками, резко отличающимися от тяжеловесных масс последней войны, неизбежно изменение системы обучения начальствующего состава. Эта последняя, вместо того чтобы находить вдохновение главным образом в уже приобретенном, преподанном в виде целостной доктрины ка-

федр, состоящих под надлежащим наблюдением, должна будет поставить себе законом развитие личности.

Без глубины соображения, легкости синтеза и уверенности суждений профессиональные знания были бы напрасными уловками; те, кто обладает зародышами этих свойств, будут плохо развивать их, если будут применять их в одной только военной области. Сила ума требует разнообразия, которого нельзя найти в исключительных навыках определенной профессии. Истинной школой командования является общая культура. Благодаря ей мысль получает возможность упражнения в строгом порядке, может различать в вещах существенное от побочного, замечать то, что является дополнением или просто лишним, короче говоря, подняться на такую ступень, где целое представляется уже освобожденным от влияния оттенков. Не было ни одного знаменитого полководца, который не черпал бы своего искусства из сокровищницы человеческого разума. В основе побед Александра Македонского мы в конце концов всегда находим Аристотеля.

Вместе с тем, как в армии, так и повсюду, человек складывается не только под влиянием науки и обучения. Жизнь также налагает на него свой отпечаток. Возведение на пьедестал инициативы в маневрировании было бы напрасным в сущности делом, если бы вся военная обстановка имела тенденцию к ее обесплочению. Нельзя не согласиться с тем, что режим командования и административного управления, в приложении его к войсковым и служебным частям, отнюдь не поощряет самостоятельных действий. Всеподавляющая централизация господствует как над целым, так и над деталями. Бесчисленное количество правил, непрерывно увеличивающихся в числе, изменяющихся и переделываемых, держит на тугих помочах все ступени военной иерархии, вплоть до высших. Эту чашу, очень удобную для укрытия, не только предлагают, а просто навязывают командирам всех ступеней. Хотя официально и заявляется, что от них ждут тех или иных результатов, но в действительности не требуется ничего, кроме строжайшего соблюдения действующих циркуляров. В результате чрезмерной сложности законы становятся противоречивыми. Нет такой человеческой силы, которая была бы в состоянии удовлетворить одновременно все предписания различных регламентов. Вот почему даже авторитет не опекает, а душит всеми своими требованиями: разбивая порывы, он мало-помалу, в результа-

те чрезмерного количества неуместных вмешательств, теряет свое обаяние.

Само собою разумеется, что военная система масс может в крайнем случае помириться и с таким режимом. Если держаться в границах общего упрощенного или временного, то подобная нивелировка на посредственность в конце концов все же терпима. Но профессиональная армия, предназначенная для быстрых действий, требует иных ферментов. Для получения определенных очертаний в мелких войсковых частях необходимо, чтобы образ начальника оставлял на них свой отпечаток. Твердо установить цель, на которую должна направить свои усилия та или иная войсковая единица, суметь пробудить соревнование и судить о результатах - вот чем должна будет ограничиться высшая власть. Что же касается того, каким способом действовать, - пусть каждый сам распоряжается в отведенной ему области. Единственный путь, ведущий к духу предприимчивости, - это путь децентрализации.

Что касается, однако, достоинств начальников, то каково бы ни было в этом отношении влияние образования и широкой самостоятельности, главным остается, как всегда, личное усилие и скрытое стремление тех, чьи мечты направлены на командование. Если ежедневных занятий и полученного образования достаточно для большей части человечества, то характеры исключительной мощи формируются сами. Созданные для того, чтобы налагать свой отпечаток на других, а никак не для того, чтобы самим воспринимать таковой, они в тайниках своей внутренней жизни сооружают величественное здание своих чувств, концепций и воли. Вот почему в те трагические часы, когда исторические ураганы сметают условности и привычку, они одни оказываются на ногах, а потому и необходимыми. Нет для государства ничего важнее, как суметь сохранить в рядах армии эти исключительные личности, которые в критический момент будут единственной его опорой и прибежищем.

Вызываемое подобной подготовкой напряжение всего существа в обыкновенное время сопряжено с массой испытаний и дает мало выгод. Все, что есть глубокого, оригинального и выделяющего из толпы в человеке, созданном для великих деяний, не вызывает к себе сочувствия вне дней критических. Пусть при соприкосновении с ним другие и ощущают какую-то приподнятость, внушающую к нему уважение, - но такого кон-

такта ищут неохотно. К тому же и способности его, созданные для суровых подвигов, не уживаются с низкопоклонством, интригами и парадами, т. е. со всем тем, что в мирное время по большей части и создает блестящие карьеры. В результате характер такой осужден на захирение или развращение, если в нем не хватает для поддержки могучего стимула - самолюбия. Мы не хотим под этим подразумевать жажду чинов и почестей - это уже чистейший карьеризм, - а имеем в виду надежду того или иного лица сыграть крупную роль в великих событиях.

В этом, между прочим, и заключается одна из причин, делающих абсолютно необходимой для солдат полную уверенность относительно своей воинской будущности. Отборное войско, составленное из лучших представителей военной профессии, быстро придет в состояние упадка, если не будет жить желанием войны. Одной мысли о реванше достаточно было, чтобы в течение 40 лет поддерживать пыл нашего офицерства. Каковы бы ни были внешние цели государства, оно поступит крайне неполитично, если не будет поддерживать в армии мысли о лежащей перед ней великой задаче и склонности к обширным проектам. В противном случае в момент опасности родина будет понапрасну искать людей, заслуживающих победы, потому что слава нисходит только на тех, для кого она составляет предмет постоянных вождлений.

* * *

Хотя создание надлежащим образом оснащенной армии добровольцев необходимо и находится в полном соответствии с тенденциями современной эволюции, оно тем не менее является реформой чрезвычайного размаха. Этим путем подвергнется изменению дух самого установления, точно так же, как политика и техника войны. Во всякой истории французской армии мы сумеем найти самое большее 4-5 преобразований, которые с точки зрения их широты и последствий можно было бы сравнить с интересующей нас реформой. Это обновление не будет безболезненным для армии, а потому ожидать его можно лишь в том случае, если на путь такой реформы армия увлечена влиянием могущественного авторитета.

Ведь в природе своей армия вообще туго поддается переменам. И не потому, чтобы чувство прогресса отсутствовало у ее членов. Не трудно даже доказать, что военная среда из всех остальных профессий поставляет наибольший контингент лю-

дей мысли, науки и действия. Но эта широта ума отдельных лиц не исключает коллективного недоверия. Взращиваемая на устойчивости и традициях армия инстинктивно боится всего, что обнаруживает тенденцию к изменениям в ее структуре. Кроме того, всякий новый проект постепенно профильтровывается там строгой иерархией. Наконец, и свойственные мировому времени заблуждения создают между вырабатывающими решения организмами соперничество, противодействующее нарушениям равновесия. Необходимо, впрочем, добавить, что это благоразумие в достаточной мере оправдывается получаемыми извне резкими толчками. Военный статус страны в силу налагаемого им бремени, неизбежной непопулярности и присущего ему свойства отвечать случайным и относящимся к различному времени требованиям представляет собою объект исключительно благоприятный в смысле его переоценивания. Так как нововведения, предлагаемые под прикрытием шумной риторики, обычно приводят к уменьшению силы, то легко объяснить себе и недоверие тех людей, которым пришлось бы оперировать этой силой. Хотя таких людей и именуют “экспертами”, но в период обсуждения подготовительных мер держат на некотором отдалении и пренебрегают их мнениями; несмотря на это, они же оказываются ответственными за военные события, являющиеся следствием вышеупомянутых мероприятий. Всеми миру известно имя вождя, которому не посчастливилось в первом нашем столкновении на границе, а позднее удалось одержать победу на Марне. Но кто в состоянии перечислить тех бесчисленных министров, репортеров, ораторов, публицистов, теоретиков, преходящие действия которых, разбившиеся по тысячам совещаний, документов, дискуссий, прикрытые фактически анонимным голосованием, играли между тем большую роль в положительных сторонах и в недостатках наших боевых средств.

По различным основаниям постоянного или случайного характера в армии поддерживается, таким образом, опасение великих реформ, а из этого следует, что эти последние обычно осуществляются не в виде естественного жизненного процесса и не по инициативе самого организма. Исторические хроники говорят нам о негодовании старых банд, разогнанных Карлом VII, чтобы заменить их новыми, постоянными войсками. Лувуа, создавая регулярную армию, должен был преодолеть бесконечное сопротивление кадров. Реформа, введенная Карно⁴¹,

не понравилась первоначально ни линейным частям, ни волонтерам. Система 1818 г., которой мы обязаны Тувион-де-Сен-Сиру, находила мало одобрения в армиях Империи. В 1867 г. проект маршала Ниеля, преследовавший цель создания резервов, встретил сопротивление даже в военной комиссии. В организации 1872 г. главную роль играл сам Тьер⁴².

Для того чтобы завтра родилась профессиональная армия и чтобы вместе с новым телом в нее вложен был и новый дух, без чего она будет только “покушением с невыгодными средствами”, необходимо появление вождя, независимого в своих суждениях, неопровержимого в приказах и пользующегося общественным доверием. Такой человек должен иметь в виду только интересы государства. Он должен быть лишен предрассудков, не искать поклонений, уйти целиком в свою задачу, насквозь проникнуться проектами, охватывающими большой период времени, быть всегда осведомленным о людях и вещах, полезных для его дела; он должен быть начальником, составляющим со своей армией одно целое, преданным своим подчиненным и жадно хватающимся за ответственность; он должен быть человеком, достаточно сильным, для того чтобы властвовать над другими, но вместе с тем и достаточно искусным, чтобы их пленять. Он должен быть достаточно крупным для великих дел. Таков должен быть министр, солдат или политик, которому отечество обязано будет будущей экономией своих сил.

Если судить только по видимости, то можно было бы подумать, что те условия, в которых в настоящее время функционирует государство, не оставляют никому ни возможностей, ни времени, достаточных для того, чтобы довести до благополучного конца подобного рода предприятие. В жизни общественной столько различных волнений, раздора и зависимости, что активность даже самого высокого порядка часто не приводит ни к каким результатам. Но как раз такое параличное состояние и начинает пробуждать желание выздоровления. Оппозиция между пылкостью общества и склерозом власти слишком бросается в глаза, чтобы не появилось стремления уничтожить ее или хотя бы уменьшить. Наше поколение, увлекающееся коэффициентом полезной деятельности, - лошадиными силами, рекордами, серийным производством, специалистами, себестоимостью; наша эпоха, требующая ясности во всем, - резкого света, определенных резких линий; наш век, сосредото-

чивший свое внимание на силе конкуренции, картелях, пропаганде, национализме и т.п., - в ближайшем будущем уже не будут мириться с медлительностью, замешательствами и слабостями, с которыми кое-как мирились в более легкие времена. Тысячи признаков указывают на то, что скоро последует приспособление. Нет такой группировки, такой партии или такого политика, которые не призывали бы к новому порядку, к авторитетам, к оздоровлению. Нет никакого сомнения, что в самом скором времени под давлением прогрессирующей нужды взаимоотношение различных установлений откроет дорогу решительным характерам.

Если эта национальная переплавка должна начаться с армии, то в этом не заключалось бы ничего несоответственного порядку вещей. Не только потому, что сила, как никогда еще, необходима нациям, желающим существовать, но так же и потому, что армия является наиболее полным выражением духа всего общества в целом. Понять древний Рим можно лучше всего по истории его легионов. Королевские полки были зеркалом старой французской монархии. Кто в состоянии думать о революции, не вспоминая в то же время о волонтерах? В том тяжелом труде, который обновит Францию, новая армия должна служить опорой и ферментом.

Шарль де Голль. Профессиональная армия.
Перевод с французского. А. В. Плещеева.
М.: Госвоениздат., 1935. - 86 с.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Вар - военачальник древнего Рима в 6-м году нашей эры; погиб со всем своим войском в засаде, устроенной восставшими против его жестокостей германцами.

2. Сувиз (1715-1787) - маршал Франции; был разбит прусскими войсками под начальством Фридриха II при Россбахе.

3. Моро (1763-1813) - один из талантливейших полководцев Франции. Генерал Великой французской революции.

4. Фош - маршал Франции во время мировой войны 1914 - 1918 гг.

5. Рейнская конфедерация - союз прирейнских государств, несколько раз распадавшийся и вновь заключающийся против попыток завоевания их Германской империей.

6. Виттельбахи - баварская королевская династия.

7. Вальми - деревня на р. Марне. При Вальми французские революционные войска под начальством Дюмурье и Келлермана разбили войска интервентов в 1792 г.

8. Гравелотт - местечко недалеко от крепости Метц, где французские войска под начальством маршала Базена потерпели поражение от пруссаков в 1870 г.

9. Сен-Кантен - город на р. Сомме. В 1557 г. осаждался и был взят испанцами; в 1871 г. здесь произошло сравнительно успешное сражение французов против пруссаков.

10. Журдан - полководец наполеоновской эпохи; перед этим - генерал Великой французской революции. Победитель австрийцев при Мобеже в 1793 г.

11. Кобург (1737-1817) - австрийский полководец; воевал совместно с русскими под командой Суворова против турок. Успешно воевал с Францией в 1793 г., но в 1794 г. был разбит французскими революционными войсками в Нидерландах.

12. Блюхер - прусский генерал; главнокомандующий прусской армией в сражении под Ватерлоо в 1815 г.

13. Фон Клок - германский генерал, командовавший 1-й армией в 1914 г.

14. Граф Фландрский Ферран (1751-1825) - публицист, писатель, придворный Людовика XVIII, эмигрировавший из Франции в 1789 г, сторонник Бурбонов.

15. Леопольд - король бельгийский в конце прошлого и в начале нынешнего века.

16. Альберт I - король бельгийский эпохи 1914 - 1918 гг.

17. Войны за испанское наследство - после смерти испанского короля Карла II (из Гасбургской австрийской династии) в начале XVIII в. начались бесконечные войны между Австрией и Францией, считавшими себя вправе претендовать на унаследование испанского престола. Во Франции в то время царствовал Людовик XIV, мать которого была австриячка.

18. Великий Ферре - французский крестьянин из деревни Ривекур; отличился рядом геройских подвигов в боях с англичанами; славился неимоверной физической силой. Народный герой начала XIX в.

19. Жоффр - французский маршал; был первым главнокомандующим в начале войны в 1914 г.

20. Гамбетта (1838-1882) - французский адвокат, буржуазный политик умеренных убеждений; сторонник бескровной революции; член законодательного корпуса в 1869 г. и первого республиканского министерства по свержению Наполеона III.

21. Дантон Жорж (1759-1794) - знаменитый политический деятель Великой французской революции, по профессии адвокат. С 1791 г. всецело отдал себя делу революции. Был казнен в 1794 г. по обвинению в излишней мягкости к контрреволюционерам.

22. Буланжизм - от имени французского генерала Буланже (родившегося в 1837 г. и покончившего самоубийством в 1891 г. после неудачной политической карьеры), который мечтал о монархической диктатуре и готовил государственный переворот; имел много приверженцев - "буланжистов".

23. Клемансо - известный французский политический деятель, многократно министр и министр-президент. Один из "творцов" Версальского договора, ярый противник Советской России.

24. Мольтке (старший) - германский фельдмаршал, военный писатель, политический деятель (1800-1891); один из творцов прусской военной мощи; создатель плана войны с Францией 1870 - 1871 гг. и фактический руководитель операций, закончившихся победой пруссаков.

25. Виллерау - французский маршал; неспособный полководец, но ловкий придворный (1644-1730).

26. Базен - главнокомандующий французскими армиями в 1870 г. Сдал крепость Метц с армией в 140 000 человек; из германского плена не вернулся, так как был заподозрен в измене.

27. Люксембург - маршал Франции, одержал победу при Флерюсе в 1690 г.; отличался инициативой и быстротой своих решений.

28. Вобан - маршал Франции, военный инженер и писатель (1633-1707).

29. Баярд (1476-1524) - французский полководец; отличался личной храбростью; получил прозвище "рыцарь без страха и упрека".

30. Массена (1758-1817) - маршал Франции; начал карьеру простым солдатом; был генералом французских революционных войск в 1793-1794 годах.

31. Роон - прусский фельдмаршал, профессор военных наук, реорганизатор прусской армии эпохи прусско-австрийской и франко-прусской войн 1866 г. и 1870-1871 гг.

32. Садовая - сражение при Садовой между Пруссией и Австрией в 1866 г., окончившееся победой первой, привело к первенству Пруссии среди германских государств.

33. Рошамбе, отец и сын. - Первый (1725-1807) был в 1791 г. командиром северной революционной армии, сын (1750-1813) в 1792 г. разбил роялистов-французов, объединившихся с англичанами в американских колониях Франции.

34. Паскаль (1623-1662) - один из величайших мыслителей Франции, философ, писатель, физик, сын не менее знаменитого отца-математика (1558-1651).

35. Баррес - французский публицист конца прошлого и начала нынешнего века.

36. Гош - генерал времен Великой французской революции; командовал революционными войсками, оперировавшими в 1793-1794 гг. в Вандее против восставших контрреволюционеров.

37. Катина - один из лучших полководцев Франции и военный писатель 2-й половины XVII в.

38. Даву - маршал Наполеоновской эпохи, участник похода Наполеона I на Россию в 1812 г.

39. Анабазис - название исторического сочинения греческого полководца и писателя Ксенофонта (философа, любимого ученика Сократа), описывавшего в нем свое отступление от превосходивших его числом персов. Жил в конце V и начале VI века до н.э.

40. Мориц Саксонский (1696 - 1750) - французский военный деятель и военный теоретик, маршал Франции.

41. Карно - член Конвента; генерал и полководец эпохи Великой французской революции; замечательный администратор и создатель революционных армий; получил прозвище "организатор побед".

42. Тьер - историк, государственный деятель, журналист, многократно министр. Противник наполеоновской авантюры 1870 г. Палач Парижской Коммуны. После падения Империи был до 1873 г. президентом республики.

Франция и армия

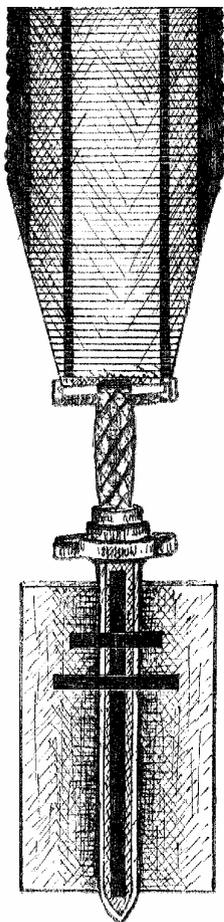
Шарль де Голль

СРАЖАЮЩАЯСЯ ФРАНЦИЯ

(1940 -1944 ГГ.)

Воззвание генерала де Голля к французам

18 июня 1940 г.

Военачальники, возглавлявшие в течение многих лет французскую армию, сформировали правительство. Ссылаясь на поражение наших армий, это правительство вступило в переговоры с противником, чтобы прекратить борьбу.

Конечно, нас подавили и продолжают подавлять механизированные, наземные и воздушные силы противника.

Нас вынуждает отступить не столько численное превосходство немцев, сколько их танки, самолеты, их тактика. Именно танки, самолеты, тактика немцев в такой степени захватили наших руководителей врасплох, что ввергли их в положение, в котором они сейчас находятся.

Но разве сказано последнее слово? Разве нет больше надежды? Разве нанесено окончательное поражение? Нет!

Поверьте мне, ибо я знаю, о чем говорю: для Франции ничто не потеряно. Мы сможем в будущем одержать победу теми же средствами, которые причинили нам поражение.

Ибо Франция не одинока! Она не одинока! Она не одинока! За ней стоит обширная империя. Она может объединиться с Британской империей, которая господствует на морях и продолжает борьбу. Она, как и Англия, может неограниченно использовать мощную промышленность Соединенных

Штатов.

Эта война не ограничивается лишь многострадальной территорией нашей страны. Исход этой войны не решается битвой за Францию. Это мировая война. Невзирая на все ошибки, промедления, страдания, в мире есть средства, достаточные для того, чтобы в один прекрасный день разгромить наших врагов. И хотя мы сейчас подавлены механизированными силами, в будущем мы сможем одерживать победу при помощи превосходящих механизированных сил. От этого будут зависеть судьбы мира.

Я, генерал де Голль, находящийся в настоящее время в Лондоне, обращаюсь к французским офицерам и солдатам, которые находятся на британской территории или могут там оказаться в будущем, с оружием или без оружия; к инженерам и рабочим, специалистам по производству вооружения, которые находятся на британской территории или могут там оказаться, с призывом установить контакт со мной.

Что бы ни произошло, пламя французского сопротивления не должно погаснуть и не погаснет.

Воззвание генерала де Голля, переданное по лондонскому радио

19 июня 1940 г.

В переживаемый нами момент все французы понимают, что обычные формы власти перестали существовать.

Перед лицом охватившего французов смятения умов, перед фактом ликвидации правительства, ставшего прислужником врага, и ввиду невозможности восстановить действие наших институтов я, генерал де Голль, французский солдат и командир, с полным сознанием долга говорю от имени Франции.

От имени Франции я твердо заявляю следующее: абсолютным долгом всех французов, которые еще носят оружие, является продолжение сопротивления.

Сдача оружия, оставление участка фронта, согласие на передачу какой бы то ни было части французской земли под власть противника будут преступлением против родины.

В данный момент я говорю, прежде всего обращаясь к Французской Северной Африке, не захваченной врагом.

Перемирие с Италией - это не что иное, как грубо подстроенная ловушка.

В Африке Клозеля, Бюжо, Лиоте, Ногеса прямой долг всех честных людей - отказаться выполнять условия противника.

Нельзя терпеть, чтобы паника, охватившая Бордо, перекинулась за море.

Солдаты Франции, где бы вы ни находились, поднимайтесь на борьбу!

Манифест, изданный генералом де Голлем в Браззавиле

27 октября 1940 г.

Франция переживает самый тяжелый кризис в своей истории. Угроза уничтожения нависла над ее границами, империей, независимостью, самим ее духом.

Поддавшись непростительной панике, случайные руководители страны покорились врагу. Однако бесчисленные факты говорят о том, что народ и империя не согласны примириться с этим позорным рабством. Миллионы французов и французских подданных решили продолжать войну до тех пор, пока не будет освобождена их родина. Миллионы и миллионы других французов и французских подданных готовы сделать это, как только найдут руководителей, достойных этого имени.

Однако собственно французского правительства больше не существует. В самом деле, орган, находящийся в Виши и претендующий на то, чтобы называться правительством, является неконституционным и подчиняется захватчикам. Пребывая в состоянии рабской зависимости, этот орган не может не быть и в действительности является лишь орудием, используемым врагами Франции в их посягательствах на честь и интересы страны. Поэтому необходимо, чтобы новая власть взяла на себя задачу руководить военными усилиями Франции. События возлагают этот священный долг на меня. Я его выполню.

Я буду осуществлять свою власть от имени Франции и исключительно в целях защиты страны и беру на себя торжественное обязательство отдавать отчет в своих действиях представителям французского народа, как только он сможет свободно их назначить.

Чтобы помочь мне в выполнении стоящей передо мной задачи, я учреждаю с сегодняшнего дня Совет обороны импе-

рии. Этот Совет, состоящий из людей, которые уже осуществляют свою власть на французских землях или которые символизируют самые высокие интеллектуальные и моральные качества нации, представляет страну и империю, сражающиеся за свое существование.

Я призываю к участию в войне, то есть к сражениям и жертвам, всех мужчин и всех женщин на французских территориях, присоединившихся ко мне. В тесном содружестве с нашими союзниками, заявившими о своей решимости способствовать восстановлению независимости и величия Франции, нужно защитить от врага или его пособников ту часть национального достояния, которой мы владеем, нападать на противника повсюду, где это будет возможно, привести в действие все наши военные, экономические, моральные ресурсы, поддерживать общественный порядок и добиться торжества справедливости.

Мы выполним эту великую задачу во имя Франции, охваченные стремлением служить ей и уверенные в победе <..>

Декрет о создании Совета ордена Освобождения

29 января 1941 г.

Генерал де Голль,
Глава свободных французов,
постановляет:

Статья 1. Во исполнение постановления № 7 от 16 ноября 1940 года об учреждении ордена Освобождения создается Совет ордена Освобождения.

Этот Совет, председателем которого будет Глава свободных французов, будет состоять из пяти членов; один из них будет выполнять обязанности канцлера.

Соратниками в борьбе за освобождение и членами Совета назначаются:

Капитан 1-го ранга Тьерри д'Аржанлье;
Генерал-губернатор Эбуэ;
Лейтенант д' Оллонд;
Офицер-радист торгового флота Попьель;
Летчик Букийар.

Капитан 1-го ранга Тьерри д' Аржанлье назначается канцлером ордена.

Статья 2. Совет ордена Освобождения будет собираться один раз каждые три месяца, если это позволят военные операции, и может быть созван на чрезвычайное заседание Главой свободных французов.

Протокол обсуждаемых вопросов будет вести секретарь, который будет хранителем печати ордена.

Совет будет обсуждать все предложения, которые будут переданы Главе свободных французов, и высказывать по ним свое мнение. Последний сможет также проконсультироваться отдельно с одним или с несколькими членами Совета, которые дадут свой ответ в письменной форме.

Статья 3. Знак ордена Освобождения представляет собой щит с мечом, увенчанным Лотарингским крестом, с надписью на обратной стороне:

Patriam Servando Victoriam Tulit*.

Лента из черного и зеленого муара символизирует скорбь и надежду Родины.

Статья 4. Глава свободных французов награждает крестом Освобождения особым декретом после консультации с советом ордена, либо по собственной инициативе, либо по предложению верховных комиссаров, генерал-губернаторов и губернаторов колоний, представителей Главы свободных французов за границей, членов Совета обороны империи и всех других лиц, мнение которых относительно такого предложения может быть запрошено.

Статья 5. Крест Освобождения будет вручаться награжденному Главой свободных французов или от его имени и по его поручению любым лицом.

Иностранцы, которые окажут Свободной Франции важные услуги, могут быть награждены крестом Освобождения и будут считаться членами ордена Освобождения.

Статья 6. Дисциплина в ордене Освобождения будет поддерживаться Советом; последний сможет объявлять выговоры или вносить предложения об исключении из ордена; решение об исключении будет выноситься Главой свободных французов.

Решение об исключении наряду с дисциплинарными и судебными санкциями может быть вынесено за любой несовместимый с понятием чести проступок, совершенный лицами, на-

* Служа родине, одержал победу (лат.).

гражденными крестом Освобождения, независимо от того, был ли инкриминированный проступок совершен после награждения крестом Освобождения или же он был совершен до этого, но выявлен и стал известным Совету после награждения<...>

Речь генерала де Голля на собрании Ассоциации “Французов Великобритании” в лондонском Альберт-Холле

15 ноября 1941 г.

Путник, который взбирается по дороге, ведущей в гору, время от времени останавливается на несколько мгновений, чтобы окинуть взглядом пройденный путь и определить, сколько еще осталось до цели. Так и мы, в результате замечательной инициативы французов, проживающих в Великобритании, сочли нужным собраться сегодня здесь, чтобы в этой демонстрации нашего единства почерпнуть новые силы и твердость, необходимые нам на трудном пути борьбы за родину. Это намерение нам будет легко осуществить, ибо, несмотря на заботы военного времени, мы никогда еще так отчетливо не представляли себе, кто мы, чего мы хотим и почему мы так уверены в том, что выбрали наилучший путь служения Франции.

Кто мы? Нет ничего проще ответить на этот вопрос. Завтра исполняется 17 месяцев с тех пор, как он впервые был поставлен и решен. Мы - французы самого различного происхождения, положения и взглядов, решившие объединиться в борьбе за свою страну. Все мы сделали это добровольно, просто и безоговорочно. Я не совершу бестактности, если подчеркну, что в общем все те, кто встали на этот путь, прошли через страдания и жертвы. Каждый из нас лишь знает и хранит в тайниках своего сердца правду о том, чего ему это стоило. Но именно в этом самопожертвовании, как и в нашей сплоченности, и заключается источник наших сил. Именно из этого очага разгорелось то великое французское пламя, которое, становясь с каждым днем все сильнее и ярче, закалило теперь нас. Ибо призыву Франции повиновались мы. В тот момент, когда все, казалось, рушилось в бездну и людьми овладело отчаяние, речь шла о том, чтобы знать, сумеет ли эта великая и благородная страна, выданная на произвол врага в результате самой чудовищной измены, какую только знала история, найти

среди своих сынов и дочерей мужественных людей, способных поднять ее знамя. Речь шла о том, чтобы знать, может ли французская империя с шестидесятимиллионным населением, не затронутая войной, остаться совершенно безучастной к борьбе за жизнь или смерть Франции. Речь шла о том, чтобы знать, остался ли еще хоть один клочок нашей земли, который хотел бы воевать вместе с нашими храбрыми союзниками, продолжающими сражаться за свое и за наше спасение. Речь шла о том, чтобы знать, умолкнет ли окончательно голос Франции или, еще хуже, будет ли мир считать, что он узнал этот голос в той отвратительной подделке, которую изготовили враги Франции и ее предатели. Речь шла, наконец, о том, чтобы знать, увидит ли когда-нибудь французская нация во мраке рабской ночи свет надежды, чтобы поддержать в ней дух сопротивления и доказать, что она остается солидарной с партией свободы.

Такой была с первого дня наша цель, такой она, без всяких изменений, остается и сегодня. К этой цели мы шли неуклонно и без колебаний. А когда узнают, какими средствами при этом мы располагали, я думаю, что мир выразит некоторое удивление. Мы не имели ни организации, ни войск, ни командного состава, ни оружия, ни самолетов, ни кораблей, у нас совсем не было администрации, бюджета, руководящих кадров, законодательства. Очень немногие во Франции знали о нас, а за рубежом нас считали всего лишь симпатичными отчаянными головами без прошлого и будущего.

Между тем не проходило и дня без того, чтобы мы не росли. Всем известно, каковы были всегда тяжелые, а порой ужасные этапы нашего продвижения вперед. Каждый может представить себе материальные и моральные трудности, которые мы должны были преодолевать. Всем известны размеры территорий, воинские силы и моральный вклад, которые мы смогли внести в войну исключительно в интересах служения своей родине. Мы были распыленной группой людей. Теперь мы едины, как монолит. Мы сами вернули себе право быть гордыми и свободными французами. Сверх всего, мы восстановили в нашем поработанном народе влияние французского единства и волю к сопротивлению во имя мести и возрождения величия Франции.

Ибо это факт, что Франция, несмотря на весь ужас военного поражения, которое заслужили руководители Франции, но не

она сама, несмотря на смятение, охватившее ее душу вследствие измены людей, которых она считала символом чести, несмотря на давление, которое враг осуществлял то в форме беспримерных насилий, то в виде слащавых обещаний уступок и сотрудничества, несмотря на отвратительный режим преследований и полицейского террора, несмотря на упорные усилия растлить умы людей с помощью однобокой пропаганды, - несмотря на все это, Франция ни в коей мере не отрекалась от своих идеалов. Это факт, что Франция сумела разглядеть сквозь кровавый туман и слезы, которыми ее хотели ослепить, что единственный путь, ведущий к спасению, есть путь, избранный для нее оставшимися свободными сынами и дочерьми.

В этом отношении не следует делать ни малейших различий между французами из Браззавиля, Бейрута, Дамаска, Нумеа, Пондишери, Лондона и французами из Парижа, Лиона, Марселя, Лилля, Бордо, Страсбурга. За исключением кучки несчастных и жалких отщепенцев, которые, пользуясь паникой, растерянностью и преследуя корыстные интересы, спекулировали на поражении родины и которые временно господствуют в стране с помощью обмана, тюрем или голода, нация в целом никогда не была столь сплоченной. Буквально можно сказать, что те из французов, кто продолжает жить, живут лишь для того, чтобы добиться национального освобождения, и можно сказать также, что для сорока миллионов французов сама идея победы ассоциируется с победой свободных французов <...>

Мы говорим: “Честь и Родина”, имея в виду, что нация может возродиться только в результате победы, что она может существовать только как великая нация. Мы говорим: “Свобода, Равенство и Братство”, потому что мы хотим остаться верными демократическим принципам, которые дал нашим предкам гений нашей нации и которые являются ставкой в этой войне не на жизнь, а на смерть. Мы говорим: “Освобождение”, понимая освобождение в самом широком смысле этого слова, ибо, если наши усилия не ослабнут до победы и наказания врага, их завершением должно явиться создание для каждого француза таких условий, чтобы он мог спокойно жить, думать, трудиться и действовать с чувством собственного достоинства и в безопасности. Таков третий принцип нашей политики!

Долог и труден путь, идти по которому зовет нас долг, но, может быть, драма войны достигла своего кульминационного

пункта? Может быть, Германия в свою очередь уже начинает ощущать прелести катастрофы, которая до сих пор парализовала лишь ее врагов? Может быть, Италия вскоре опять станет, пользуясь словами Байрона, “печальной матерью мертвой империи”? Но каковы бы ни были итоги победы, мы определили роль, которую должна сыграть наша родина. Наше положение, интересы и честь требуют теперь от нас только одного: до конца оставаться французами, достойными Франции.

Телеграмма генерала де Голля генералу Катру в Бейрут

12 января 1942 г.

В том случае, если наступление союзников в Ливии не приведет ни к каким последствиям во французской Северной Африке и если предположить, что противник не перейдет в ближайшее время в наступление на Востоке, я предполагаю послать в южную Россию после 15 марта значительные французские силы. Последние примут участие в намечаемых на весну операциях союзников на этом театре военных действий. Национальный комитет достиг соглашения по этому поводу с Советским правительством, которое считает наше участие крайне желательным. Военное и политическое значение наших действий в Восточной Европе вам, конечно, понятно. С другой стороны, правительство Великобритании дало на это со своей стороны принципиальное согласие, поскольку это дело его касается.

Французский экспедиционный корпус в России будет сформирован в следующем составе:

- а) Легкая мотомеханизированная дивизия, включающая:
- один разведывательный дивизион;
 - три или четыре пехотных батальона, в том числе один европейский и один африканский;
 - один артиллерийский дивизион двухбатарейного состава;
 - инженерный отряд;
 - отряд связи;
 - вспомогательные подразделения.

Вся дивизия будет в максимально возможной степени механизирована и моторизована. Это та легкая мотомеханизиро-

ванная дивизия, которая находится в настоящее время в Сирии и Ливане.

б) Отряд в сорок французских летчиков-истребителей из состава военно-воздушных сил, находящихся теперь в Англии.

Подразделения, выделенные из состава ваших войск, будут перебрасываться через Тавриз начиная с 15 марта. Для того чтобы сохранить в странах Леванта достаточное ядро французских войск после отбытия 2-й легкой мотомеханизированной дивизии, я решил немедленно направить на восток два полноценных сенегальских батальона и одну батарею из состава вооруженных сил Свободной Французской Африки без ущерба для сенегальских подразделений, которые вы просили для смены войск. Кроме того, я рассчитываю получить возможность отправить вам из Англии после 1 марта хорошо подготовленный и укомплектованный командным составом отряд в составе двухсот специалистов: мотоциклистов, связистов, танкистов и артиллеристов, а также около двадцати кандидатов в офицеры. Я просил бы вас сообщить мне как можно скорее свое мнение обо всем этом. Совершенно очевидно, что этот вопрос потребует затем серьезной работы вашего штаба.

Выступление генерала де Голля по лондонскому радио

20 января 1942 г.

Нет ни одного честного француза, который не приветствовал бы победу России.

Германская армия, почти полностью брошенная начиная с июня 1941 года в наступление на всем протяжении этого гигантского фронта, оснащенная мощной техникой, рвущаяся в бой в погоне за новыми успехами, усиленная за счет сателлитов, связавших из честолюбия или страха свою судьбу с Германией, - эта армия отступает сейчас под ударами русских войск, подтачиваемая холодом, голодом и болезнями.

Сегодня для Германии война на Восточном фронте - это лишь занесенные снегом кладбища, нескончаемые эшелоны раненых, внезапная смерть генералов. Конечно, не следует думать, что с военной мощью врага уже покончено. Однако нет никакого сомнения в том, что он потерпел одно из самых страшных поражений, какие когда-либо знала история.

В то время как мощь Германии и ее престиж поколеблены, солнце русской славы восходит к зениту. Весь мир убеждается в том, что этот 175-миллионный народ достоин называться великим, потому что он умеет сражаться, то есть преодолевать невзгоды и наносить ответные удары, потому что он сам поднялся, взял в свои руки оружие, организовался для борьбы и потому что самые суровые испытания не поколебали его сплоченности.

Французский народ восторженно приветствует успехи и рост сил русского народа. Ибо эти успехи приближают Францию к ее желанной цели - к свободе и отмщению. Смерть каждого убитого или замерзшего в России немецкого солдата, уничтожение на широких просторах под Ленинградом, Москвой или Севастополем каждого немецкого орудия, каждого самолета, каждого немецкого танка дают Франции дополнительную возможность вновь подняться и победить.

Но если в военном отношении до сих пор не произошло ничего более важного, чем поражение, нанесенное Гитлеру Сталиным на восточно-европейском фронте, то в политическом отношении тот факт, что завтра Россия несомненно будет фигурировать в первом ряду победителей, дает Европе и всему миру гарантию равновесия, радоваться которому у Франции гораздо больше оснований, чем у людей другой державы.

К общему несчастью, слишком часто на протяжении столетий на пути франко-русского союза встречались помехи или противодействия, порожденные интригами или непониманием. Тем не менее необходимость в таком союзе становится очевидной при каждом новом повороте истории.

Вот почему Сражающаяся Франция объединит свои возрожденные усилия с усилиями Советского Союза. Разумеется, подобное сотрудничество отнюдь не повредит борьбе, которую она ведет совместно с другими своими союзниками. Как раз наоборот! Но в наступившем решающем году Сражающаяся Франция на всех активных и пассивных участках боя этой войны с врагом докажет, что, несмотря на постигшее ее временно несчастье, она является естественным союзником новой России.

Разумеется, Франция ничего не ожидает в связи с этим от предателей и трусов, выдавших ее врагу, кроме яростного негодования. Эти люди, конечно, не преминут кричать, что побе-

да на стороне России повлечет за собой в нашей стране социальное потрясение, которого они больше всего боятся. Французская нация презирает это очередное оскорбление. Она знает себя достаточно хорошо, чтобы понимать, что выбор ее собственного режима всегда будет только ее собственным делом. И к тому же она слишком дорого заплатила за позорный союз привилегированных лиц и за интернационал академий.

Страдающая Франция вместе со страдающей Россией. Сражающаяся Франция вместе со сражающейся Россией. Повергнутая в отчаяние Франция вместе с Россией, сумевшей подняться из мрака бездны к солнцу величия.

**Письмо генерала де Голля:
национальному комиссару по военным делам
генералу Лежантийому; национальному комиссару
военно-морского флота адмиралу Мюзелье;
национальному комиссару военно-воздушных сил
генералу Валену**

28 февраля 1942 г.

Имею честь направить вам при сем прилагаемую записку по вопросу об организации вооруженных сил Свободной Франции, которую необходимо осуществить в течение 1942 года.

Ход войны в настоящее время представляет собой чередование неудач и успехов союзников. 1943 год может явиться годом общего наступления.

В связи с этим мы должны, не переставая сражаться, организовать французские вооруженные силы, с тем чтобы быть в состоянии к концу этого года принять соответствующими силами участие в предстоящем наступлении на любом театре военных действий.

Это значит, что нужно создать известное число отдельных сухопутных, военно-морских и воздушных частей, способных самостоятельно маневрировать и решать боевые задачи. Организационный план на 1942 год, составленный мною в связи с этим, подробно излагается ниже.

Национальные комиссары по военным делам, военно-морского флота и военно-воздушных сил приступят соответственно к распределению и созданию подразделений, выработке

программы их вооружений, оснащения, укомплектования командным составом, назначений, подготовки и т. д.<...>

Если события внесут более или менее существенные изменения в наши средства, что вполне вероятно, то план организации может быть дополнен. Но при всех обстоятельствах проводимые ниже положения должны быть осуществлены в первую очередь и не допуская отклонений.

Армия

а) Довести 1-ю и 2-ю легкие мотомеханизированные дивизии, находящиеся теперь на Востоке, до следующего состава каждую:

6 пехотных батальонов, из которых три европейских;

6 артиллерийских дивизионов;

1 дивизионная рота ПТО и ПВО;

1 рота связи;

1 инженерная рота;

1 транспортная рота;

вспомогательные подразделения.

б) Создать в Свободной Французской Африке две колониальные маршевые бригады следующего состава каждая:

3 пехотных батальона;

1 разведывательная рота;

1 артиллерийская батарея;

1 транспортная рота;

1 взвод связи;

1 инженерный взвод;

вспомогательные подразделения.

в) Создать на Тихом океане одну маршевую бригаду в составе:

3 пехотных батальонов;

1 разведывательного дивизиона;

1 артиллерийского дивизиона;

1 взвода связи;

1 инженерного взвода;

вспомогательных подразделений.

г) Создать в Леванте следующие отдельные части и подразделения:

1 танковый полк двухбатальонного состава;

1 разведывательный дивизион, состоящий из 1 эскадрона бронемашин и 2 мотомеханизированных эскадронов;

1 дивизион тяжелой дальнобойной артиллерии;

1 транспортную роту;

1 роту связи;

1 инженерную роту.

д) Создать в Англии 6 разведывательных взводов.

Независимо от создания этих подвижных частей и подразделений вооруженные силы территорий должны включать:

Левант

Создать специальные войска следующего состава:

1 полубригада ливанских егерей трехбатальонного состава;

3 полубригады сирийской пехоты (каждая из 3 батальонов);

1 кавалерийский полк Леванта из 4 эскадронов;

3 кавалерийских дивизиона: черкесский, северно-сирийский, друзский;

2 дивизиона полевой артиллерии;

1 танковый батальон;

уже существующие подразделения инженерных войск, связи, транспортные, железнодорожные и т. д.

Свободная Французская Африка

9 пехотных батальонов (3 на территории Чад, 2 в Камеруне, 1 в Габоне, 1 в Убанги, 2 в Среднем Конго);

5 береговых батарей.

Тихий океан

2 пехотных батальона (Новая Каледония, Таити);

1 механизированный эскадрон;

4 береговые батареи (2 в Баити, 2 в Нумеа).

Военно-морские силы

а) Создать 2 дивизиона военных кораблей соответственно на Средиземном море и в Тихом океане, каждый в составе:

2 контрминоносцев или миноносцев;

1 или 2 подводных лодок;

посыльных судов.

б) Продолжать участвовать в конвоировании союзных транспортов (8 корветов) и в постановке минных заграждений (1 или 2 подводные лодки).

в) Держать в Ла-Манше военно-морские силы, необходимые для участия в операциях у французского побережья и для выполнения специальных заданий (морские охотники, катера, быстроходные катера и т. д.).

г) Завершить организацию десантных подразделений:

в Леванте;

на Тихом океане;

в Свободной Французской Африке;
на островах Сен-Пьер и Микелон.

д) Организовать:

- 1 батальон морской пехоты в Англии;
- 1 батальон морской пехоты в Леванте;
- 1 роту морской пехоты на Тихом океане.

Эти подразделения предназначены главным образом для десантных операций.

е) Создать военно-морскую авиацию в составе:

- 1 группы корабельной истребительной авиации;
- 1 эскадрильи гидросамолетов бомбардировщиков и разведчиков на Тихом океане.

Военно-воздушные силы

а) Доукомплектовать 4 существующие авиагруппы: в Леванте: бомбардировочную авиагруппу “Лотарингия”, истребительную авиагруппу “Эльзас”;

в Свободной Французской Африке: сводную группу бомбардировочной и разведывательной авиации “Бретань”;

в Англии: истребительную авиагруппу “Иль-де-Франс”.

б) Организовать истребительную авиагруппу для России (летный состав, командный и административный состав);

в) Организовать 1 новую бомбардировочную авиагруппу в Англии;

г) Организовать 1 батальон воздушно-десантных войск трехсортного состава (одна рота в Леванте).

Речь генерала де Голля в “Комитете общественного содействия национальной обороне” в Лондоне

1 апреля 1942 г.

“Война - это ужасная и захватывающая драма”, - говорил Клаузевиц. Как это верно по отношению к нынешней войне, в которой на карту поставлены не только величие каждого государства, но и судьба каждого человека! Нетрудно понять, что в подобной войне готовность пойти на всяческие испытания и отдать все свои силы обусловлена моральными факторами. Это особенно верно по отношению к Франции, физически отделенной врагами и предателями от того лагеря, злосчастным

авангардом которого она являлась, к Франции, которую лишь вера в себя и доверие к союзникам могут уберечь от отчаяния!

Поскольку вы оказали мне высокую честь, пригласив выступить перед столь авторитетным собранием, как ваше, а также потому, что мы переживаем сейчас момент, когда демократические страны должны либо ясно понять свой долг, либо смириться со своей гибелью, я хочу откровенно высказать здесь некоторые мысли, которые, по-моему, должны лечь в основу отношений между Сражающейся Францией и союзными с нею державами.

В июне 1940 года, одержав победу над французскими армиями, Гитлер решил добиться установления в моей многострадальной стране такого режима, который способствовал бы осуществлению его замыслов. Ему нужна была нейтрализация нашей империи и нашего флота, чтобы, обезопасив себя со стороны Средиземного моря и Африки, получить свободу действия в других районах. Ему нужно было иметь возможность использовать для своих военных нужд наше сырье, нашу промышленность, наше продовольствие, труд наших сынов и дочерей. Ему нужно было путем коррупции заставить французский народ примириться с рабством. Ему нужно было создать лазейку в стан своих врагов, через которую можно было бы, как это стало для него обычаем, отравлять своих врагов ядом бесчестия и подтачивать их волю к борьбе. Но все это нужно было прикрыть националистической ширмой таким образом, чтобы французский народ, обманутый видимостью престижа, подобием суверенитета и фальшивой независимостью, попался вместе с союзными народами на удочку гитлеровских махинаций. Итак, при помощи лицемерия, обмана и нажима на той части французской территории, которая не была оккупирована германской армией, возник режим, прикрывающий и защищающий тылы Гитлера, предоставляющий ему все, что он хочет, и отравляющий, помимо всего прочего, сознание французов ядом нового порядка. О господи! Иные преступления совершаются так ловко, что при виде их даже порядочный человек не смог бы удержаться от какого-то грустного восхищения. Да, за отвратительный шедевр нацистской стратегии, каким является режим Виши, Гитлер заслуживает того, чтобы перед ним сняли шляпу.

Однако вовсе не исключено, что он в свою очередь тоже ответит нам поклоном. Ведь он видит, что непокоренные фран-

цузы сумели сорвать его планы. Непокоренные французы продолжают войну, они объединяют французские территории, с честью дерутся на всех полях сражения. Более того, они выступают не как какая-то второстепенная сила, а как равноправные партнеры своих союзников. Ибо эти французы служат только Франции и больше никому. Они продолжают войну, как продолжает ее сама Франция, не прекратившая борьбы. Они это делают, сознавая, что во всем и везде борются за интересы Франции, за ее дело, говорят и действуют от ее имени, способствуют тому, чтобы не отдельные французы, а вся Франция продолжала оставаться в лагере борцов за свободу.

Вот почему все те элементы французской нации, которые обладали волей к сопротивлению, решимостью возродить и спасти страну, нашли в Сражающейся Франции центр притяжения, выражение своих надежд и чаяний. Священный порыв колоссальных масштабов вспылал в сердцах миллионов граждан, понявших, что победа Франции возможна, потому что Франция продолжает борьбу. Внезапно явилась сила, противостоящая угнетению, пропаганде и лицемерию. Политика сотрудничества с врагом оказалась вдруг бесплодной. Режим Виши вдруг оказался обреченным на прозябание в атмосфере постоянной тревоги, бесчестия и полицейского произвола.

Все в нашей стране сразу же предстало в своем истинном свете: враг есть только враг, предатели остаются только предателями, союзники - союзниками, а Франция, подлинная, народная великая Франция, несмотря на раны обиды и разочарования, остается верной самой себе, то есть свободе.

Однако, господа, не следует думать, что это чудо - Сражающаяся Франция - есть нечто раз и навсегда данное. Не следует думать, что это почти легендарное инстинктивное внутреннее горение, поддерживающее тех французов, которые, оставшись без покровительства законов, без прав, без правительства, презирают смерть, где бы они ее ни встретили - в бою или в застенках палачей, подвергают своих близких репрессиям со стороны врага и жертвуют абсолютно всем, - что это горение может существовать без всяких причин.

Все дело заключается вот в чем: Сражающаяся Франция намерена идти вместе со своими союзниками при одном непременном условии, что ее союзники пойдут вместе с ней. Борясь рука об руку с ними, она стремится восстановить свое величие, независимость, суверенитет и хочет, чтобы этот су-

веренитет, независимость и величие уважались в ее лице. Она делает все, что в ее силах, чтобы содействовать их победе, однако при условии, что их победа будет и ее победой. За полторы тысячи лет Франция привыкла быть великой державой, и она хочет, чтобы все, и в первую очередь ее друзья, не забывали об этом. Словом, пребывание сражающейся Франции в лагере свободы определяется единственной причиной и имеет единственное оправдание, а именно, что Франция остается подлинной Францией, которую признают как таковую ее боевые соратники <...>

Речь генерала де Голля на собрании Ассоциации “Французов Великобритании” в лондонском Альберт-Холле

18 июня 1942 г.

Шамфор говорил: “Рассудительные люди прозябали. Но по-настоящему жили только люди больших страстей”. Вот уже два года, как Франция, которой изменили и которую предали в Бордо, тем не менее продолжает вести войну в лице Сражающейся Франции, ее оружия, ее территорий, ее духа. На протяжении этих двух лет мы жили по-настоящему, ибо мы люди больших страстей.

Я говорю, что мы люди больших страстей. Но в сущности у нас только одна страсть - Франция. Тысячи наших борцов, которые с момента так называемого перемирия погибли за нее на многочисленных полях сражений в Африке и на Востоке, на всех морях земного шара, под небом Англии, Эритреи, Ливии, в ночных сражениях у Сен-Назера или на заре от руки палача, - все они умирали с именем Франции на устах. Миллионы наших борцов не покорились. Они готовят на родной земле возмездие либо поражают врага в бою, или в освобожденной империи работают администраторами, судьями, врачами, учителями, колонистами, миссионерами, представляя всюду ее священный суверенитет, являясь проводниками ее благотворного влияния. Другие работают за границей над сохранением ее дружественных связей и ее славы, и все они хотят только одного - служить Франции, мечтают только о том, чтобы быть верным ей. И так как любое великое дело немислимо без

страсти, то и великое дело, к которому наш долг призывает нас, требует страстной любви к Франции.

Я говорю, что мы “рассудительны”. В самом деле, мы выбрали самый тяжелый, но и самый верный путь - прямой путь.

С тех пор как мы начали осуществление нашей задачи национального освобождения и общественного спасения, мы ни на мгновение, ни словом, ни делом, не отступали от избранного нами пути. И вот сегодня уже 18 июня 1942 года. Что касается меня, то все, что мы сделали, все, что мы говорили с 18 июня 1940 года и по сей день, я готов повторить вновь без малейших изменений.

Не знаю, много ли найдется в мире людей, которые сейчас, по прошествии двух лет, могли бы заявить, что они не раскаиваются ни в чем из того, что было сказано или сделано ими? Но что касается нашего дела, то можно подписаться под всем тем, что мы совершили день за днем, начиная с первого часа.

События доказали, что эта прямолинейность была и остается лучшей политикой из всех возможных.

Нет никакого сомнения в том, что если бы мы в какой-либо степени колебались в выполнении долга, если бы мы допускали какие-либо сделки в отношении взятых на себя обязательств, то могли бы иногда казаться более уживчивыми. О нас бы тогда реже говорили: “Ох, как трудно иметь с ними дело!” Но вместе с тем мы утратили бы и то, что вдохновляет нас и составляет смысл нашего существования: нашу непримиримость в вопросах чести и в служении своей стране. Ибо в том отчаянном положении, в котором оказалась Франция, невысказаны ни полюбовные сделки, ни компромиссы. Что случилось бы с нашим отечеством, если бы Жанна д’Арк, Дантон, Клемансо вздумали пойти на компромисс? От поражения к победе прямая линия является кратчайшим, а также и самым верным путем.

Не проходит дня, чтобы мы не определяли не только на словах, но и на деле ту неизменную справедливую цель, к которой мы продвигаемся шаг за шагом в течение вот уже двух лет и значение, и важность которой теперь понимает весь мир. Но поскольку сегодняшний день является знаменательной годовщиной, мы пользуемся случаем, чтобы лишний раз определить нашу цель.

Мы никогда не признавали, что Франция вышла из войны. Для нас поражение в битве 1940 года, пресловутое перемирие,

так называемая нейтрализация наших сил и наших территорий, отказ от своих прерогатив в пользу единоличной диктатуры, совершенный под влиянием паники и угроз теми лицами, кому народ доверил представлять его интересы, покушение на республиканские институты, свободы и законы Французской Республики со стороны бессовестных узурпаторов, нарушение наших союзнических обязательств в интересах захватчика - все это лишь перипетии, страшные, конечно, но все же временные перипетии той борьбы, которую Франция ведет вот уже скоро тридцать лет, идя в авангарде демократических держав.

Для нас решение, принятое от имени нации теми, кто был на это уполномочен и кто в это время имел возможность свободного выбора, по-прежнему остается в силе. Таким решением является англо-французская декларация от 28 марта 1940 года, санкционированная вотумом доверия французского парламента и с тех пор никогда не отменявшаяся никаким законным правительством. Мы считаем, что взятое Францией и ее союзниками взаимное обязательство не вести никаких переговоров и не заключать какого бы то ни было перемирия или мирного договора без согласия союзников должно выполняться.

Следовательно, мы считаем, что введенные в заблуждение лживыми заявлениями незаконного правительства или обманутые сбившимся с толку авторитетом, или стремящиеся использовать поражение в интересах определенных доктрин французские власти, отказываясь от продолжения войны и препятствуя принимать в ней участие тем, кто от них зависит, глубоко ошибаются и не выполняют свой долг. Для нас наше право и наша обязанность состоит в том, чтобы не только бороться с врагом всюду, где мы можем его настигнуть, но еще и в том, чтобы вовлечь в борьбу все французские территории, все французские силы. Мы не претендуем ни на что другое, кроме как на то, чтобы быть французами, которые сражаются за спасение своей страны, выполняя данный ею приказ. Но на эту роль мы действительно претендуем со всеми вытекающими из нее последствиями, не отступая ни перед какими из них. Конечно, когда два года назад, - об этом уместно сейчас сказать, - мы без оглядки бросились на выполнение своей национальной миссии, нам нужно было, во мраке наступившей ночи, принять на веру, по крайней мере, три момента. Прежде всего нам нужно было положиться на сопротивление Англии, остав-

шейся одинокой и почти безоружной перед натиском Германии и Италии, располагавшими максимумом своих сил. Нам нужно было, затем, верить в то, что алчные стремления врага неизбежно вовлекут в борьбу две другие великие державы - Советскую Россию и Соединенные Штаты, без участия которых невозможно представить себе окончательной победы. И, наконец, нам нужно было быть уверенными в том, что французский народ не примирится с поражением и что, несмотря на немецкое иго и вишистский дурман, наступит день, когда народ воспрянет, чтобы победоносно завершить войну.

Я думаю, что на нас не посетуют, если, говоря о трудностях нашей задачи, я несколько отвлекусь и с удовлетворением отмечу, что мы не ошиблись в своих надеждах. Мы явились свидетелями того, как Великобритания под водительством Уинстона Черчилля стояла твердо, как скала, несмотря на лавину воздушного вторжения. Мы были свидетелями того, как упорно и победоносно она вела величайшее в истории морское сражение, какие огромные усилия приложила на Востоке, в Африке, на Дальнем Востоке и как, наконец, она превратилась в грозный плацдарм для наступления. Мы явились свидетелями того, как русский народ и его армия под руководством Сталина за год непрерывных боев на фронте протяженностью в 2000 километров сломали бешеный натиск Германии и ее так называемых "союзников". Мы видим, как Соединенные Штаты Америки, воодушевляемые Рузвельтом, трудятся над тем, чтобы свои гигантские ресурсы и свой благородный идеализм превратить в фактор военной мощи. Но мы видим также и то, как массы французского народа сплачиваются в рядах Сопrotивления, что вынуждает врага и предателей удвоить свои репрессии и усилить свою лживую пропаганду, чтобы предотвратить возмездие.

Впрочем, все их усилия тщетны, ибо Сражающаяся Франция и Франция, которая готовится к бою, неотделимы друг от друга и составляют одно целое, столь же огромное, как вся нация. И мы громко, по-братски приветствуем сегодня наши доблестные боевые организации во Франции: "Либерасьон", "Комба", "Верите", "Франтирер", "Либерасьон насьональ" и другие. Мы шлем братский привет нашему дорогому и столь успешно борющемуся профсоюзному объединению, нашим университетским дружинам Сопrotивления, их командирам, их бойцам. Во всеуслышание мы обращаемся к многочисленным француз-

ским патриотам, которые от своего имени и от имени своих друзей изыскивают тысячи разнообразных возможностей любой ценой оказать нам свое содействие, используя при этом самые необычные и самые рискованные пути. Во всеуслышание мы обращаемся к миллионам и миллионам французов и француженок, которые - мы это знаем - ждут лишь момента победоносного вступления на родную землю наших авангардов, чтобы встретить их со знаменами, украшенными Лотарингским крестом, и вновь почувствовать себя сынами и дочерьми великого народа, способного быстро воспрянуть от поражения.

Да, именно великого народа, который должен остаться великим как для себя, так и для других. Но разве он мог бы остаться таковым, если бы он был полностью повержен? Как и вокруг кого он мог бы вновь восстановить свое единство, если бы его бойцы не были для него символом его чести, источником бодрости, сосредоточением надежд? О, конечно, если бы этой войне было суждено закончиться победой врага, то все, что мы сделали, имело бы ценность не более чем красивого жеста и было бы проявлением предсмертной агонии великой нации. Но представим себе, какое будущее ожидает французский народ в случае, когда успех выпадает на долю партии свободы, если, удерживаемый недостойными руководителями, пребывающими в состоянии позорного нейтралитета, в итоге войны он окажется лишенным всяких прав, лишенным славы и лавров победителя. Недовольный самим собой, а следовательно, и другими, озлобленный тем, что его огромные страдания оказались напрасными и не снискали ему уважения, униженный своей причастностью к победе, к какому расколу, какой полной анархии и беспредельному шовинизму неминуемо пришел бы этот народ? Люди, имеющие достойную сожаления смелость претендовать на то, что им якобы удалось сохранить национальное единство в условиях позорной капитуляции, это те люди, которые уже сейчас заняты подсчетом того, сколько полицейских, карательных и охранительных войск им понадобится, какая система угроз, цензуры и наушничества должна быть установлена для того, чтобы создать вокруг себя хотя бы видимость общественного порядка. Нет уж, полноте! Национальное единство заключается только в борьбе, в благородных чувствах, в победе, и для нас, избравших борьбу, благородные

чувства, победа, восстановление в ходе борьбы национально-го единства являются первой из наших целей.

Однако среди страшных испытаний французская нация поняла, что существует один фактор, особенно важный для ее будущего и совершенно необходимый для ее величия. Этот фактор - Французская империя. Прежде всего потому, что именно она явилась первоначальной базой для возрождения Франции.

Не подлежит сомнению тот факт, что, используя средства одно отвратительнее другого, иногда обманывая за границу, Виши до сих пор удавалось поддерживать нейтрализацию значительной части наших заморских территорий. Но, несмотря на это, Экваториальная Африка, Камерун, Новая Каледония, Новые Гебриды, Таити, французские владения в Океании, французские владения в Индии, Сен-Пьер и Микелон уже избавлены от оккупации. Несмотря на это, Сирийская и Ливанская республики, находящиеся под мандатом Франции и получившие отныне независимость, уже в ходе этой войны стали ее союзниками, которыми она дорожит и которые пользуются особыми привилегиями. Вот почему, сражаясь, Франция сумела не только сохранить значительные силы, но и удержать территории, где она остается вполне суверенной воюющей стороной. С другой стороны, обнаружилось и то, что, несмотря на неслыханное бедствие, постигшее Францию, население французских владений повсюду доказало ей свою беспредельную верность. Разве это не является лучшим признанием цивилизаторского гения Франции?

Вот почему французская нация осознала все значение своей миссии в колониях и глубокую солидарность, которая связывает Францию с ее империей.

Даже то прискорбное мужество, с которым войска, опутанные ложью Виши, защищают те или иные владения империи от Сражающейся Франции и ее союзников, является извращенным, но несомненным доказательством этой непреклонной воли французов. В самом деле, всякое покушение на суверенные права Франции в ее империи является для Франции совершенно нетерпимым. И если мы осуществляем эти суверенные права в интересах Франции на тех территориях, которые нам удалось освободить, то таких же точно прав мы требуем в отношении всех остальных французских территорий. Постепенно привлекая все ресурсы империи для борьбы на стороне

наших союзников, презирая клевету предателей, которые бросают нам обвинение в том, что мы якобы предоставляем в распоряжение других то, что принадлежит только Франции, мы неуклонно и в интересах нации отстаиваем целостность Французской империи.

Но, если Франция борется за то, чтобы по мере возможности освободиться собственными силами и тем самым восстановить свой престиж, свое единство и территориальную целостность, она это делает не только в своих собственных интересах, но так же и в интересах других. Иден заметил однажды, что “нынешняя война умаляет размеры земного шара”. Замечание это глубоко справедливо. Скорость, мощь, радиус действия современных боевых средств превращают всю нашу планету в единое поле сражения. Тем самым обеспечение обороны каждого отдельного народа все теснее и теснее сочетается с обеспечением обороны многих других народов. Это неизбежное стратегическое следствие общей эволюции, которая непрерывно усиливает взаимозависимость между различными нациями. К какой бы области мы ни обратились, будь то обеспечение безопасности, экономическая деятельность, сообщения и связь, ни в одной из них изолированное существование любого, даже самого большого и сильного государства уже немыслимо. Предатели могут сегодня сколько им угодно кричать: “Только Франция!”, находя при этом вполне естественным, что Франция должна терпеть на своей земле присутствие ненавистных оккупантов. Но сама Франция прекрасно понимает, что, лишившись союзников, она была бы обречена на гибель. И поскольку мы хотим отстоять право Франции на жизнь, мы стремимся сохранить для нее формальные и естественные союзы, которые ей необходимы.

Благородство и надежду нашей эпохи, сколь бы ни была она тяжка для человечества, составляет то, что она раскрыла нациям глаза не только на существующую между ними материальную общность, но так же, и главным образом, на абсолютную необходимость их морального единства. Вот почему по всему земному шару, как над полями сражений, так и на заводах, как среди поработанных, так и среди свободных народов, в сознании простых людей, так же как и в сознании руководителей, над частными интересами, предрассудками и соперничеством хлынуло потоком и разлилось сегодня стремление к международному идеалу.

Если война, “порождающая все”, не позволяет более народам забывать о существующей между ними солидарности, то совершенно ясно, что в мирное время необходимость такой солидарности будет ощущаться в не меньшей степени. Чтобы перестроить мир, ставший сразу таким беспокойным, сложным и тесным, необходимо, чтобы народы, которые объединили свои усилия в войне, сохранили это единство и для созидательных целей. С первого и до последнего часа сражаясь в лагере свободы, Франция тем самым отстаивает свое право и одновременно возьмет на себя обязанность быть участницей общего дела, которое без ее активного содействия заранее оказалось бы в значительной степени умалено. Да, организация международной солидарности на реальных и практических основах, воодушевляясь в то же время вечным идеалом человечества, - в этом и заключается ясно осознанная и совершенно определенная цель Сражающейся Франции. Вот почему с точки зрения практической мы приветствуем союз, недавно заключенный между двумя великими европейскими державами: Советской Россией и Великобританией. Ибо этот союз, не нанося ущерба ни одной из стран лагеря свободы, является важным вкладом Европы в общие военные усилия и в дело послевоенного сотрудничества. Вот почему с точки зрения моральной мы присоединяемся к замечательной программе четырех человеческих свобод, которую президент США предложил народам мира в качестве вознаграждения за все их страдания и в качестве цели, к которой они должны стремиться.

Ибо на самом деле в гораздо большей степени, чем между отдельными государствами, нынешняя война - это война между людьми или, как недавно выразился Генри Уоллес, *the war of the common man**. Именно от каждого мужчины, от каждой женщины потребуются максимальные усилия, чтобы обеспечить победу в этой войне. И поэтому именно мужчина, именно женщина должны явиться победителями. Особенно для Франции, где в результате поражения, предательства, тактики выжидания оказались дискредитированными многие лидеры и высокопоставленные лица и где широкие народные массы, напротив, проявили величайшую доблесть и беспредельную верность Родине, было бы недопустимо, чтобы, несмотря на

* Война простого человека (англ.). - Прим. ред.

ужасное испытание, оставался в сохранности социальный и моральный режим, который действовал против нации.

Сражающаяся Франция верит в то, что победа принесет пользу всем ее сынам и дочерям. Она хочет, чтобы под сенью вновь обретенных независимости, безопасности и национального величия каждому французу были обеспечены и гарантированы демократические свободы, социальная справедливость и безопасность.

В течение двух лет войны непрерывно стремились пробить брешь в рядах сражающейся Франции. Внутри страны пропаганда, гнет и нищета объединились для того, чтобы подорвать ее силы. В области внешней политики ей пришлось преодолеть огромные трудности материального и морального порядка. Но, несмотря ни на что, Сражающаяся Франция вновь становится на ноги. И когда луч возрождающейся славы озарил в Бир-Хашейме окровавленные головы ее солдат, мир признал Францию.

О нет, мы вовсе не считаем, что нашим испытаниям пришел конец. Мы вполне осознаем, что силы и коварство врага далеко не исчерпаны. Мы знаем, что еще потребуется немало времени для того, чтобы лагерь свободы мог полностью развернуть свою мощь. Но после того, как Франция заявила о своей решимости победить, для нас уже не может быть речи ни о сомнениях, ни об усталости, ни об отречении. Сплоченные в борьбе, мы доведем до конца дело национального освобождения. И тогда, завершив свою задачу, исполнив свой долг перед Францией вслед за теми, кто служил ей за ее долгую историю, и раньше тех, кто будет служить ей в ее бесконечном будущем, мы просто скажем словами Пеги: “Мать, посмотри на сыновей твоих, которые так доблестно сражались!”

Письмо генерала де Голля президенту Ф. Д. Рузвельту в Вашингтон

26 октября 1942 г.

Господин президент!

Андре Филип передаст вам это письмо. Он изложит условия, существовавшие во Франции к моменту его отъезда. К информации Филипа о развитии и сплоченности групп фран-

цузского Сопротивления и о состоянии умов в стране хочу добавить следующее:

Вы следили за моральной и политической эволюцией Франции начиная с 1918 г. Вы знаете, что Франция вынесла основную тяжесть последней войны и вышла из нее истощенной. Она глубоко почувствовала, что появившееся в результате этого состояние относительной неполноценности подвергает ее серьезной опасности. Страна убедилась в необходимости сотрудничать с союзниками, чтобы компенсировать свою неполноценность и создать равновесие сил.

Вам известно, в каком состоянии находилась Франция, когда она так нуждалась в этом сотрудничестве. Ее одолевали сомнения в реальности поддержки, которую она могла бы получить против противника прошлых дней и противника в будущем. Эти сомнения и породили политику колебаний и непостоянства и негодную стратегию, которые и предопределили наше поражение. Ошибки в области внутренней политики, разногласия и злоупотребления, мешавшие деятельности наших институтов, — все это только побочные причины, существующие наряду с указанным основным фактом.

Франция глубоко переживает чувство унижения, которому она подверглась, и несправедливости судьбы, которые она испытала. Вот почему Франция хочет вновь занять свое место в бою, и в ожидании этого момента она не должна испытывать чувство заброшенности и отрешенности. Она должна почувствовать, что является одной из тех стран, усилия которых приведут к победе. Это важно, когда война идет, и особенно будет важно после войны.

Если Франция, освобожденная в результате победы демократий, почувствует себя побежденной нацией, то можно серьезно опасаться, что ее горечь, ее унижение и ее раздоры толкнут страну не к демократиям, а к другим влияниям. Вы знаете каким. Это опасность не воображаемая: ведь социальная структура нашей страны будет расшатана испытанными ею лишениями и ограблением ее богатств. Ненависть к “немцу”, сильная сейчас перед присутствующим немцем-победителем, ослабнет, когда побежденный немец не будет на глазах. Мы уже наблюдали это после 1918 г. Во всяком случае, какому бы влиянию ни подверглась Франция, оказавшись в условиях революционной ситуации, реконструкция в Европе и даже послевоенное устройство мира вследствие этого могли бы принять неправильное направление. Победа должна

неправильное направление. Победа должна примирить Францию с самой собою и с ее друзьями, а это невозможно, если Франция не будет участвовать в достижении победы.

Вот почему, если военные силы Сражающейся Франции будут увеличены только на несколько батальонов приверженцев партии свободы или даже будут подкреплены присоединением части Французской империи, все же возможности Сражающейся Франции окажутся ничтожными в условиях большой задачи: включить в войну всю Францию в целом.

Вы скажете мне: "Почему вы ставите такую цель? На чем основано ваше право делать это!"

В момент вишистского перемирия я, в сущности, оказался участником невиданных событий. Входя в состав последующего законного и независимого правительства Третьей республики, я во всеуслышание заявил, что хочу поддержать участие Франции в войне. Правительство, овладевшее властью в обстановке царивших в стране отчаяния и паники, приказало: "Прекратите сражение!" Во Франции и за ее пределами депутаты и сенаторы, представители ассамблей покорились или хранили молчание. Если бы президент республики, если бы парламент и его руководители призвали страну продолжать борьбу, я даже не подумал бы обращаться к стране или говорить от ее имени. Политические деятели, высшие военные руководители могли, при определенных условиях, свободно говорить и действовать, например, в Северной Африке. Но они ни разу не высказали ни своего убеждения в возможности продолжить войну, ни верности своему мандату, который им давал возможность это сделать. Произошло банкротство элиты - таков неоспоримый факт. Французский народ по-своему уже пришел к такому выводу. Но как бы то ни было, я был одинок. Следовало ли мне молчать?

Вот почему я предпринял шаги, казавшиеся мне необходимыми для того, чтобы Франция не прекращала борьбы, для того, чтобы призвать всех французов во Франции и вне ее продолжать битву. Нужно ли говорить, что я сам и мои соратники никогда не выдавали себя за правительство Франции? Никким образом. Мы считали себя временной властью, ответственной перед будущим национальным представительством и применяющей законы Третьей республики.

Я никогда не был политическим деятелем. Всю жизнь я был поглощен своей специальностью. Перед войной я пытался за-

интересовать моими идеями политических деятелей, я это делал с единственной целью: в интересах страны склонить их к осуществлению одного чисто военного плана. В момент заключения вишистского перемирия я обратился к стране прежде всего с военным призывом. Но, так как на наш призыв отвечало все больше и больше людей, так как все больше и больше территорий присоединялось к Сражающейся Франции и так как нам все чаще приходилось принимать решения в качестве определенной организации, мы увидели, что на нас ложится более значительная ответственность. Мы увидели, что во Франции возникает что-то вроде мистики, центром которой являемся мы и которая постепенно охватывает все элементы Сопротивления. Таким образом, силой обстоятельств мы сделали духовной сущностью французов. Такова действительность, и она породила серьезные обязанности для нас; уклониться от них было бы преступлением против страны. В этом случае мы не оправдали бы надежд, возлагаемых на нас французским народом.

Нам говорят, что мы не должны заниматься политикой. Если под этим подразумевается, что нам не надлежит принимать участие в междоусобной борьбе, столь характерной для прошлого, или навязывать стране какие-либо институты, то мы не нуждаемся в таких советах, так как такие притязания противоречат нашему собственному принципу. Но мы не отступаем перед словом “политика”, когда дело идет о сплочении в войне не каких-нибудь нескольких воинских частей, но всего французского народа, когда с нашими союзниками обсуждаются жизненные интересы Франции, - в то самое время, как мы защищаем эти интересы от врага. Кто же, кроме нас, мог бы представлять эти интересы? Или, может быть, хотят, чтобы Франция оставалась немой во всем, что касается ее дел? Или, может быть, хотят, чтобы ее дела обсуждались с Объединенными Нациями людьми Виши в той мере и форме, которые Гитлер сочтет подходящими? С нашей стороны нет и речи о недоверии к союзникам, но нами руководят и над всем доминируют следующие три факта: только французы, и одни они, могут определять свои интересы, они одни могут быть судьями в этих делах; французский народ, конечно, убежден, что мы говорим за него с союзниками; так же как мы сражаемся за него рядом с союзниками; в своем несчастье французы особенно чувствительны к судьбам своей империи. Даже види-

мость нарушения кем-либо из союзников их прав в этой области используется врагом и режимом Виши с целью задеть национальные чувства французов.

Раз такие беспрецедентные в нашей истории обстоятельства возложили на нас большую задачу, есть ли основание говорить, что мы собираемся навязать Франции личную власть, как об этом поговаривает кое-кто за границей? Если бы мы питали такие низкие чувства и стремились обманным путем лишиться французский народ его свободы в будущем, мы тем самым продемонстрировали бы полное незнание своего собственного народа. Французский народ по самой своей природе не приемлет личной власти. Навязать ему ее никогда не было просто. Но на другой день после гнусного опыта Петэна, создавшего при содействии немцев режим личной власти и угнетения французов, после тяжелых лет оккупации абсурдно воображать, будто во Франции можно ввести и осуществлять личную власть. Тот, кто попытался бы совершить такой шаг, возбудил бы против себя единодушное негодование, каковы бы ни были его заслуги в прошлом.

Но никто во Франции и не приписывает нам стремление к диктатуре. Я мог бы сослаться не только на таких людей, как Жуо, председатель Всеобщей конфедерации труда, как Эдуард Эррио, руководитель партии радикалов, Леон Блюм, лидер социалистической партии, но даже на руководителей коммунистической партии, которые предоставили себя в наше распоряжение и заявили, что мы можем рассчитывать на них в наших действиях, цели которых они безоговорочно одобряют. Даже наши противники не только из числа людей Виши, но и всякие Дорио и Дза никогда не обвиняли нас в стремлении к диктатуре. Они упрекают нас в том, что мы якобы являемся наемниками на содержании демократий. Но они никогда не упрекали нас в желании установить во Франции несовместимую с демократией власть личности.

Я позволю себе сказать вам, господин президент, что в этой войне, безмерные масштабы которой требуют сотрудничества и союза между всеми теми, кто борется против общих врагов, мудрость и справедливость предписывают, чтобы Сражающейся Франции была оказана большая реальная помощь. Но независимо от моральной и материальной поддержки, которую союзники могут нам оказать, мы, не упрасывая признать нас в качестве правительства Франции, все же считаем необходи-

мым, чтобы к нам обращались каждый раз, когда дело пойдет о жизненных интересах Франции, или ее участии в войне, или об управлении французскими территориями, которые не могли сразу присоединиться к нам и которые по мере развертывания войны постепенно получают возможность вновь участвовать в военных усилиях. Ваше имя и ваша личность имеют во Франции огромный и неоспоримый авторитет. Франция знает, что может рассчитывать на Вашу дружбу. Но кто же в вашем диалоге с ней может быть вашим собеседником? Может быть, Франция прошлых дней? Но самые представительные ее деятели хотят смешаться с нами. Не Франция ли Виши? Может быть, вы думаете, что ее руководители когда-нибудь смогут взяться за оружие, перейдя на нашу сторону? Увы, я этого не думаю. Но, даже допуская, что это было возможно в прошлом, теперь надо исключить такую возможность, ибо они сотрудничают с Гитлером. При ваших диалогах с ними всегда присутствует этот третий. Может быть, это Франция завтрашнего дня? Но где и какой будет она, эта Франция, коль скоро ее руководители не будут названы свободно избранной ассамблеей. Тем временем не следует ли дать французской нации доказательство того, что она не покинута лагерем союзников и, несмотря ни на что, представлена нами в политическом, военном и территориальном отношении?

Мне рассказывали, что окружающие вас лица опасаются, что признанием нашего существования вы можете помешать участвовать в войне некоторым деятелям, особенно военным, которые в настоящее время зависят от правительства Виши. Неужели вы думаете, что, игнорируя сражающихся французов и оставляя их в одиночестве и без поддержки, вы сможете привлечь кого-либо к участию в войне? С другой стороны, какая опасность появилась бы для Франции, если бы ее союзники спровоцировали разъединение страны, поощряя образование враждебных друг другу ее частей, одних - нейтрализованных с согласия самих союзников, других - борющихся в одиночку за ту же родину! Наконец, разве не показали более чем двухлетние испытания, что все, что отделяется от Виши, либо присоединяется к Сражающейся Франции, либо обрекается на мелочное существование в качестве изолированных одиночек. Французский народ в своем крайне тяжелом положении имеет лишь один выбор - сражаться или капитулировать. Для него борьба олицетворяется Сражающейся Францией, и он ин-

стинктивно стремится к сплочению вокруг тех, в ком он видит символ своих стремлений. В этом и надо искать объяснение того факта, что, несмотря на невероятные трудности, в которых более двух лет живет и борется Сражающаяся Франция, она укрепила и сплотила свои ряды.

Несмотря на капитуляцию и перемирие, Франция сохраняет в мире мощь, которой нельзя пренебрегать. Вопрос идет о том, каким образом Франция снова вступит в войну в лагере Объединенных Наций, преисполненная заботы сохранить свое достоинство и свое единство. Среди проблем войны эта проблема является одной из самых важных. Вот почему я прошу вас согласиться с нашей идеей необходимости обсуждения отношений между Соединенными Штатами и Сражающейся Францией. Какова бы ни была форма обсуждения, я не думаю, что существует другой способ искренне подойти к решению задачи, которая, как я глубоко убежден, должна быть разрешена в интересах священного дела, за торжество которого мы боремся.

Прошу вас, господин президент, принять уверения в моем высоком уважении.

Послание генерала де Голля национальному Совету Сопротивления, по случаю его создания

10 мая 1943 г.

В этой войне, когда решается судьба родины, создание Совета Сопротивления, основного органа борющейся Франции, является событием большой важности.

Единство целей и чувств, уже давно установившееся между основной массой нации, сражающейся на своей территории, и теми из ее сыновей, которые сражаются вне ее, отныне нашло свое выражение в единстве действий.

Именно об этом-то и идет речь. Французы могут завоевать свое освобождение и свою победу только при одном непременном условии - при условии объединения нации для достижения этих целей. Все зависит от этого - и наше сегодня, и наше величественное завтра, и, может быть, даже наша независимость. Все, что порождает распыление сил, разобщение действий, все, что способствует созданию обособленных союзов, в любой области, где французы вкладывают все свои си-

лы в общую борьбу, - все это подвергает опасности одновременно и крепость наших ударов, наносимых врагу, и сплоченность нации. Вот почему важно, чтобы сопротивление на национальной территории стало единым, сплоченным, организованным и концентрированным целым. Это достигнуто благодаря созданию Совета Сопротивления, который является составной частью Сражающейся Франции и тем самым воплощает совокупность всех сил, действующих внутри страны против врага и его сторонников.

Но страшное потрясение, постигшее нашу страну, потрясение политическое, экономическое, социальное, моральное - результат катастрофы поражения, измены, узурпации власти. Оно придет к своему концу лишь тогда, когда немецкие и итальянские войска будут разгромлены союзными войсками. Это потрясение порождено глубокими причинами, и оно будет иметь далеко идущие последствия. Настоящая война подобна большой революции для всех наций и особенно для Франции.

Прежде всего необходимо, чтобы процесс освобождения произошел в условиях порядка и завершился достижением независимости нации: это значит, что оно должно быть подготовлено заранее таким образом, чтобы сразу же было осуществлено управление нацией в соответствии с ее желанием в предвидении момента, когда она сможет нормальным путем выразить свою волю на всеобщих выборах.

С этой точки зрения Совет Сопротивления уже теперь должен оказывать помощь Национальному комитету в подготовке мероприятий, которые могут быть осуществлены по мере освобождения страны. С другой стороны, в момент самого освобождения Совет должен стать как бы первоначальным выразителем желаний и чувств всех тех, кто участвовал в борьбе внутри страны. Таким образом он сможет оказать Национальному комитету нужную поддержку... помощь в выполнении им его долга перед страной и в защите прав и интересов Франции перед иностранными державами.

В конечном счете дело идет о том, выйдем ли мы из хаоса обновленными, чтобы помочь родине вернуть ее величие, ее выдающуюся роль, соответствующую ее гению, и в то же время обеспечить всем ее детям безопасность, свободу, достойный труд и достойную жизнь. Именно Совет Сопротивления, действующий в самом горниле, где в скорби и боях выковывается новая Франция, должен предпринять все необходимое

для того, чтобы вооружить нацию пониманием происходящего и направлять ее руководителей в выборе пути, который приведет страну к достойному будущему.

Такова большая и мужественная задача Совета Сопротивления. Ее значение исключительно. Совет справится с нею, преодолет все трудности, поставив перед собой единственную цель - служить Франции. Он будет постоянно вдохновляться братским единством нации, которое сегодня одно дает ей возможность бороться со своими бедствиями, а завтра поможет ей построить свой дом и обновить основы своего существования.

Речь генерала де Голля в Алжире

14 июля 1943 г.

Итак, после трех лет неслыханных испытаний французский народ снова выходит на арену. Выходит всей массой, сплоченный, ликующий под своим собственным знаменем. Но на этот раз он выступает единым. И единство, которое с таким блеском демонстрирует сегодня столица империи, завтра будет продемонстрировано всеми нашими городами и селениями, как только они будут вырваны из рук врага и его прислужников.

Да, наш народ объединился. Он сделал это прежде всего в интересах продолжения войны. Конечно, мы пошатнулись под мощным напором немецкой техники, плохо подготовленные к страшному удару, который обрушился на нас в момент, когда мы были почти одни, на территории, лишенной естественной безопасности, когда нас предали в момент последнего напряжения сил те, кто использовал катастрофу, усугубляя наше отчаяние, желая обесчестить нас и удушить наши свободы.

И что же? Вопреки всем и вся существовал суверенитет воюющей Франции, существовали французы на всех полях сражений, существовали сражающиеся французские территории, раздавались голоса французов, свободно выражающие волю нации. Вопреки всем и вся существовала Сражающаяся Франция. Когда же огонь войны перекинулся на землю нашей Северной Африки, то там оказалась французская армия, чтобы славно послужить авангардом союзников в Тунисе. Нашлись французские силы для участия в сражениях, начиная от Сирии и берегов озера Чад; нашлись французские суда для участия в

исполинской борьбе за линии коммуникаций на всех морях, французские эскадрильи для нападений на врага во всех воздушных пространствах. Вопреки всем и вся сегодня существует объединенная Французская империя, ресурсы и энергия которой служат родине. Наши армии, снабженные оружием, так же как мы сами в 1914-1918 гг. снабжали оружием по-братски и без всяких условий доблестные армии - американскую, русскую, бельгийскую, греческую, румынскую, польскую, чехословацкую, - будут непрерывно усиливать свое участие в общей борьбе. Когда будут подведены итоги наших усилий и наших потерь, начиная с 3 сентября 1939 г. и кончая последним днем этой войны, и когда с этим будут сопоставлены ужасные условия, в которых мы оказались, тогда станет ясной глубина измены, которая свела на нет столько порывов и вызвала столько жертв, и тогда все увидят, что и эти порывы и эти жертвы стали свидетельством выдающейся заслуги Франции.

Я говорю - Франции! Потому что возрождение нашей великой нации ведет начало от самого глубокого национального инстинкта. Существуют на свете умы, которые считали возможным рассматривать действия французских армий независимо от чувств и воли, рожденных в самых глубинах нашего народа; они воображали, что наши солдаты, наши моряки, наши летчики в отличие от всех солдат, моряков и летчиков вселенной пошли бы в бой, не интересуясь причинами, ради которых они шли навстречу смерти, ради которых они приносили себя в жертву. Эти "теоретики", воображавшие себя реалистами, способны считать, что для французов, и только для одних французов, военные усилия нации могут существовать вне национальной политики и национальной морали. Мы заявляем этим реалистам, что они не знают реальности! Массы французских граждан, которые так или иначе участвуют в войне на протяжении последних четырех лет или последних восьми месяцев, делают это по призыву Франции, для достижения целей в согласии с желаниями Франции. Всякая система, которая строилась бы на иных основах, выродилась бы в авантюру или же проявила бы свою полную беспомощность. Но Франция, та Франция, которая рискует своей жизнью, своим величием и своей независимостью, не примирится в таком серьезном деле ни с авантюрой, ни с беспомощностью.

Она не примирится с ними особенно потому, что нация начала на своей территории ту же борьбу, которую за пределами

страны ведут ее замечательные союзники, штурмующие Европу с востока и с запада. Как ни тяжела эта борьба Франции, мы все же можем сказать, что еще никогда французское Сопротивление столько не сделало и в то же время столько не пертерпело. Никогда на нашей земле не были столь многочисленны и столь успешны смелые выступления героических боевых групп наших организаций, никогда открытое или тайное противодействие всем требованиям захватчика или его сторонников не было лучше и эффективнее организовано, чем это сделано теперь под руководством нашего Совета Сопротивления, который действует в самой Франции в братской согласии с нами. Никогда до этого вооруженное восстание, имеющее целью в нужный момент оказать весьма значительную помощь союзным армиям, не подготавливалось с такой методичностью и решимостью. Но и потери никогда не были столь тяжелыми. В результате совместных действий врага и находящихся у него в услужении предателей десятками тысяч исчисляются храбрцы, отдавшие за Францию свою жизнь на плахах и виселицах; сотни и сотни тысяч наших рабочих, крестьян, буржуа были депортированы; миллионам наших детей, женщин, мужчин навязан режим голода и террора. Пусть же не слишком задерживается освобождение этого народа, протягивающего руки к своим друзьям, авангардом которых он был еще вчера и будет завтра! Пусть как можно скорее французские вооруженные силы будут готовы участвовать в освобождении! Пусть при всяких обстоятельствах будет сохранено достоинство Франции. Да, наш народ объединился для войны. Но еще раньше он объединился в интересах национального возрождения. Только недалекие люди могут воображать, что после того, как было пролито столько крови и слез, перенесено столько унижений, что после всего этого наша страна согласится восстановить режим прошлого, прекративший свое существование, после того, как капитулировали его армии, либо сохранить строй угнетения и доносов, который был порожден катастрофой поражения. Эти недалекие люди, повторяю, хорошо сделают, если освободятся от своих заблуждений: Франция - не спящая принцесса, которую тихо разбудит гений освобождения. Франция - истерзанная узница, которая под ударами палачей в своем узилище поняла причины своих несчастий и по достоинству оценила гнусность своих тиранов. Освобожденная Франция не

вернется на путь, ведущий к пропасти, и не захочет остаться на дороге, ведущей к рабству. Франция уже избрала новый путь.

Она намерена отныне стать свободной и признавать только тот суверенитет, который непосредственно и без каких-либо преград осуществляется ею самою, короче говоря, она хочет вверить себя великому свету подлинной демократии. Эта Франция потребует, чтобы все те, кому она это поручит, выполняли последовательно, энергично и с достоинством ее волю, по мере того как она будет ее изъяслять. Она потребует, чтобы ее правители управляли, чиновники не использовали во зло свои обязанности, солдаты занимались только ее защитой, судьи судили справедливо, ее дипломаты ничего так не опасались бы, как неумелой защиты интересов родины. Четвертая Французская республика потребует, чтобы служили ей, а не она служила кому бы то ни было. Она положит конец всем привилегированным коалициям, преследующим цели наживы, коалициям, которые довели ее до опасного положения, способствовали проникновению иностранных интересов во все области ее жизни, принизили уровень гражданской сознательности и препятствовали социальному прогрессу.

Да, после крушения отжившего строя и перед лицом другой гнусной системы, которая разваливается на наших глазах, громадное большинство французов - мужчин и женщин - испытывают гнев и отвращение к виновникам своих страданий. Нация сумеет добиться, чтобы все, я говорю, все ее дети, могли отныне достойно жить и трудиться в условиях социальной безопасности. Не уничтожая таких рычагов деловой активности, как инициатива и законная прибыль, нация сумеет потребовать, чтобы естественные богатства, труд и техника - три элемента всеобщего процветания - не эксплуатировались в интересах отдельных лиц. Нация сумеет добиться, чтобы все экономические ресурсы ее земли и ее империи были использованы не по усмотрению отдельных лиц, а для общего блага. Если еще существуют Бастилии, пусть они добровольно раскроют свои ворота! Ибо когда начинается борьба между народом и Бастилией, то неправой всегда оказывается Бастилия. Но французы намерены вести свои дела в обстановке порядка и, выйдя из одной войны, не хотят начинать другую - гражданскую.

Объединенный для войны, объединенный для обновления, французский народ также объединен желанием снова вернуть

свое место в мире и свое величие. Увы, мы слишком хорошо знаем, как дорого платит нация за ошибки прошлого, за непоследовательность, проявленную вчера, и за измены, терзающие ее сегодня, как она дорого платит своим врагам и как много она теряет даже в сознании своих друзей. Комитет национального освобождения знает это лучше, чем кто бы то ни было, ибо он осуществляет всю полноту ответственности перед страной за сохранение ее чести и за удовлетворение ее интересов. Он служит Франции и руководит ею, неся тяжелое бремя ошибок, совершенных другими. Но мы знаем нашу историю, мы учитываем действительность настоящего и уверены в будущем.

Нам стоит только взглянуть на карту, представить себе мысленно наши города и деревни, вспомнить, какие сокровища ума и энергии заключены в нашем народе, стоит только послушать сегодня биение наших сердец, чтобы во всеуслышание сказать следующее, не претендуя на дар пророчества: никогда не совершит ошибки тот, кто хочет верить во Францию, и никогда он не пожалеет, что пришел ей на помощь и любил свою страну.

Новая Франция, как никто сознающая священную необходимость укреплять солидарность народов, создать в мире такой строй, который мог бы гарантировать безопасность каждого, рационально использовать богатства вселенной и сблизить между собой всех людей нашей земли, - такая Франция благодаря своему гению, опыту и способностям будет одним из лучших борцов за всеобщий мир. Франция составляет единое целое с Европой, которая после стольких испытаний обретет наконец свое равновесие и свое влияние. Но в то же время наша страна как бы выходит за ее пределы, ибо мы владеем территориями, раскинувшимися по всему миру, и распространяем влияние на умы людей на всех материках. Франция в будущем займет свое место в ряду великих наций, сознающих свои обязательства отстаивать права и свободу всех.

Французы! Вот уже пятнадцать веков мы есть Франция, пятнадцать веков наша родина существует и в своих скорбях и в своей славе. Наши испытания еще не пришли к концу, но уже определяется исход самой тяжелой драмы в нашей истории. Выше головы, по-братски сплотимся друг с другом и пойдем все вместе, борясь и побеждая, к нашим новым судьбам!

Речь генерала де Голля на первом заседании консультативной ассамблеи в Алжире

3 ноября 1943 г.

Приветствуя временную Консультативную ассамблею по случаю ее первого заседания, Комитет национального освобождения прежде всего выражает чувство глубокого удовлетворения в связи с тем, что, невзирая на исключительные трудности, все же удалось созвать это собрание, инициатором которого явился Комитет и созыв которого соответствует желанию нации, ведущей борьбу за свою жизнь и за свою свободу. Вместе с тем Комитет выражает готовность к самому широкому и, разумеется, самому искреннему сотрудничеству с Ассамблеей, ибо она содействует выполнению его большой и трудной задачи, являясь в той мере, в какой это позволяют обстоятельства, выразителем чувств и стремлений французов. И, наконец, Комитет считает нужным засвидетельствовать свое высокое уважение представителям героического французского Сопротивления, а также тем людям, которые, будучи когда-то облечены доверием народа, оказались достойными этого доверия в страшное для Франции и республики время.

Надо сказать, что в тех беспримерных обстоятельствах, в каких находится сейчас наша страна, тщетно было бы искать какой-либо исторический прецедент для создания Консультативной ассамблеи или какие-либо законодательные положения, которые могли бы послужить для нее совершенной юридической основой. Вторжение и оккупация уничтожили те институты, которые Франция для себя избрала. Воспользовавшись бедственным положением народа, потрясенного военной катастрофой, и нарушив к тому же свой собственный долг, некоторые люди вошли в сговор с врагом и установили в метрополии отвратительный режим личной диктатуры, лжи и террора. Опираясь на захватчиков, кичась своим сотрудничеством с ними, пустив в ход все мыслимые средства давления на государственный аппарат и на граждан, эти люди в буквальном смысле слова заточили суверенную нацию за решетку. С этих пор забота о спасении родины стала высшим законом. Нам пришлось создать временные органы власти, с тем чтобы направить военные усилия Франции и выступить в защиту ее прав. Нация, бесспорно, должна будет высказать по поводу них свое суждение, а пока что всюду, где эти органы функционируют в соответствии с законами, которые нация для себя из-

брала, еще будучи свободной, и следят за соблюдением этих законов другими.

Таковы принципы, которые мы для себя установили начиная с 18 июня 1940 г., принципы, которым мы неизменно остаемся верны и которые мы будем осуществлять до того дня, когда освобожденный французский народ сможет естественным путем, то есть путем всеобщего голосования, выразить свою волю. Действуя таким образом, мы стремились лишь к тому, чтобы посреди самых тяжелых испытаний, когда-либо выпадавших на долю нашего народа, сохранить его национальное единство, обеспечив для него тот центр, вокруг которого могли бы сосредоточиться его моральные и материальные силы.

Однако, если всеобщие выборы - это единственный путь, посредством которого в будущем народу предстоит выразить свою суверенную волю, несомненно и то, что, хотя поверженной Франции заткнули рот, она все же находит тысячи возможностей для того, чтобы выразить свои сокровенные чаяния.

Сопrotивление в его самых различных формах стало главным способом противодействия врагу со стороны подавляющей массы французов. Конечно, если учесть, что враг и его сообщники обладают страшными средствами уничтожения, что бойцы внутреннего фронта испытывают острый недостаток оружия и что в немецком плену находятся более двух миллионов наших людей; если учесть систематическое истребление руководителей, многие из которых гибнут в бою или на виселицах; если учесть непрерывные преследования, повсеместный голод, отсутствие возможности собираться, невероятные трудности, с которыми связаны передвижение и переписка; если учесть, наконец, что природные условия нашей страны благоприятствуют быстрой переброске войск, то есть облегчают осуществление карательных мер, - если учесть все эти условия, то будет понятно, почему движение Сопrotивления внутри страны не могло выступить в качестве вооруженной силы, ведущей бои по типу регулярной армии.

Тем не менее оно существует повсюду, действуя решительно и эффективно. Оно существует в организации, созданной в самой Франции и объединяемой нашим Национальным советом Сопrotивления, которому мы шлем свой братский привет. Оно существует на заводах и на полях, в учреждениях и учеб-

ных заведениях, на улицах и в домах, в сердцах и мыслях. Оно существует в героических группах, которые используют любую возможность, чтобы нанести ущерб врагу и покарать предателей. Оно существует в лице тех мужчин и женщин, которые вот уже в течение трех лет трех месяцев и шестнадцати дней, преодолевая невиданные трудности, переходят на нашу сторону и присоединяются к нашим сражающимся войскам. Если к этому прибавить, что по мере своего освобождения империя предоставила для ведения войны все свои людские и материальные ресурсы и весь свой труд, если вспомнить, что никогда еще наши знамена не дезертировали с поля сражения, что в настоящее время 500 тысяч бойцов ждут - и с каким нетерпением! - когда им будет предоставлена физическая возможность встретиться с врагом за морем, то никому не дано право отрицать, что Франция избрала путь борьбы, что во имя своего идеала она приносит неисчислимые жертвы и что ее стремление к победе, ее вера в свободу, ее надежда на торжество справедливости и грядущее обновление безграничны. Сопrotивление - вот в чем прежде всего выражается сегодня воля французской нации.

И хотя демократия может быть восстановлена в своих правах и своих формах в освобожденной Франции, Комитет национального освобождения, едва только обстоятельства ему позволили, счел все же необходимым придать временным органам власти по возможности демократический характер и решил созвать себе в поддержку и в помощь Консультативную ассамблею, в которой наряду с избранниками народа представлены также делегаты движения Сопrotивления, в равной мере обладающие авторитетным мандатом.

Чтобы оценить масштабы стоящих перед Ассамблеей задач и те трудности, которые ее ожидают, достаточно представить себе этапы, отделяющие нацию от ее цели. Этапы эти можно определить уже теперь. Прежде всего мы будем вести войну! Изгнать врага из пределов нашей страны, громить его до тех пор, пока он не сдастся на милость победителей, сделать все для того, чтобы вклад Франции в общие усилия союзников оказался настолько значителен, насколько это позволяют имеющиеся в нашем распоряжении средства, - таков для нас категорический императив. Если Франция дрогнула, то это могло случиться раньше, когда и другим недоставало твердости. Но сегодня священный долг Франции, равно как и всех держав,

объединившихся против стран оси, состоит в том, чтобы в кратчайший срок максимально развернуть наши возможности. Более того, наше национальное возрождение мыслимо лишь в условиях победы, достигнутой при непосредственном участии Франции.

Однако в этой тотальной борьбе военные усилия представляют собою единый комплекс, требующий как моральной сплоченности, так и сосредоточения материальных средств. Франция, ведущая борьбу, приемлет только одну политику, и все то, из чего слагаются силы Франции, должно способствовать осуществлению этой политики. Вместе с нами вы также будете ее выразителями. Сегодня наша возрождающаяся армия, которая из-за негодной подготовки и порочной стратегии еще вчера была обречена на разгром, армия, которую вишистские изменники стремились дезориентировать любой ценой, но которая, несмотря ни на что, хотела сражаться с врагом, - эта армия безусловно является армией нации. Наши боевые знамена, впервые вновь поднятые в боях за Керен, Бир-Хашейм и Феццан, овеянные славой отважных французских эскадрилий, отличившихся в небе Великобритании, Ливии и России, и наших доблестных военных кораблей, совершивших свои героические подвиги под флагом лотарингского креста, соединились в упорных и победоносных сражениях за Тунис и за освобождение Корсики. У меня есть все основания утверждать, что на суше, на море и в воздухе наши славные, отлично оснащенные войска готовятся к тому, чтобы снова и снова дать врагу почувствовать всю мощь французского оружия. Настанет час, - и усилия наших храбрых воинов сольются с усилиями борцов, которые тайно готовятся на территории самой Франции. И те и другие являются средоточением любви и надежд нашего народа. И те и другие служат только нации. Нет необходимости говорить, что Комитет освобождения, поддержанный Ассамблеей, сумеет, если понадобится, позаботиться о том, чтобы ничто отныне не могло лишить французский народ хотя бы отчасти его солдат.

Отдавая всю свою душу, все оставшиеся силы делу народов, борющихся за свободу, Франция, несмотря на постигшие ее бедствия, не утратила сознания того, что она собою представляет, то есть что она является великой державой. Отсюда ее глубокая убежденность в том, что умаление ее прав и ее достоинства было бы, во-первых - и это главное - ошибкой. Мы

не отрицаем, что в числе тех просчетов и заблуждений, которые обрекли мир на невиданные несчастья, есть ошибки, допущенные и нашей страной. Однако, предвидя страшные жертвы, которые несет ей эта война, и понимая, с другой стороны, что пролитые слезы и кровь лишь укрепили в ней решимость быть великой державой и ее волю к действию, Франция сознает необходимость обрести все то, из чего в течение столетий слагалось ее величие. Кроме того, нынешние события убеждают ее в том, что в общих интересах ей по-прежнему должна принадлежать выдающаяся роль в международных делах. Франция считает, что ни один европейский вопрос, ни один важный вопрос мирового значения не может быть удовлетворительно разрешен без ее участия. При этом она исходит из соображений, диктуемых географическими условиями, опытом истории и сознанием народов. Она исходит из того, что урегулирование без ее участия неизбежно окажется несостоятельным, когда Франция рано или поздно вновь обретет свою былую мощь и свое влияние, то есть именно то, что необходимо для установления всеобщего равновесия. Вот почему Комитет национального освобождения уже сейчас настаивает на том, чтобы ему была дана возможность представлять среди великих держав позицию Франции, которая должна быть учтена при разрешении вопросов, связанных с нынешней войной и с организацией послевоенного мира. В этом отношении поддержку и помощь, которую Консультативная ассамблея в состоянии оказать Комитету освобождения, можно уподобить живому голосу, прорывающемуся сквозь кляп.

Напрасны были попытки точно определить, сколько еще недель или месяцев отделяют страну от того дня, когда она вновь станет свободной, однако военные события приняли такой оборот, что срок этот может оказаться довольно коротким. Но независимо от того, как долго продлится война, окончание ее поставит нашу страну в исключительно сложное положение с точки зрения экономической, международной и моральной. Необходимость наладить жизнь в истерзанной войною стране, начисто лишенной запасов сырья и продовольствия; задача восстановить повсеместно, так же как мы это делаем здесь, власть республик, обратив в развалины позорный режим Виши, причем сделать это в условиях порядка, соблюдая национальное достоинство; обязанность сразу же обеспечить государственное правосудие, являющееся единственно

законным и приемлемым; необходимость перестроить центральную и местную администрацию; вернуть на родину наших юношей, попавших в плен или насильно вывезенных за ее пределы, - все это поставит перед Комитетом освобождения множество сложных проблем в тот момент, когда на нашей территории будут находиться безусловно дружественные, но все-таки иностранные войска, чья психология неизбежно в чем-то будет расходиться с нашей психологией. Правда, мы уверены в том, что при выполнении нашей задачи поддержкой нам будет служить доверие всего французского народа, который отлично знает, что единодушное и организованное сплочение вокруг центральной власти для него жизненно необходимо. Верно и то, что при первой же возможности временный орган народного представительства обеспечит узаконенному им правительству возможность утвердиться и окрепнуть. Однако это вовсе не значит, что уже сейчас не следует готовиться к тому, чем придется заниматься в дальнейшем. В этом отношении помощь и советы нашей Ассамблеи будут иметь для нас не-оценимое значение.

Все, что мы делаем сейчас, все, что мы будем готовить для будущего, не имело бы никакого смысла и никакого значения, если бы в нашей деятельности мы непосредственно не вдохновлялись той неодолимой тягой к обновлению, которая втайне воодушевляет французскую нацию. Те люди в нашей стране или за ее пределами, которые полагают, что после освобождения Франция вновь обретет свой прежний политический, социальный и моральный облик, совершают глубочайшую ошибку. Франция так много выстрадала и столь многому научилась на своем собственном опыте и на опыте других, что она не может не встать на путь глубочайших преобразований. Она хочет добиться того, чтобы завтра национальный суверенитет мог проявиться в полной мере, чтобы никакие интриги, никакое давление, отражающее частные интересы отдельных групп, не могли его умалить. Она хочет, чтобы люди, которым она поручит управление страной, обладали возможностью делать это достаточно последовательно и энергично, подчиняя всех граждан внутри страны высшему авторитету государства и проводя за его пределами достойную Франции политику. Она хочет положить конец экономической системе, при которой основные источники национального богатства не принадлежат нации, где важнейшие процессы производства и распределения усколь-

зают из-под ее контроля, где организации трудящихся отстранены от деятельности предприятий, хотя она непосредственно от них зависит. Франция хочет, чтобы ее богатствами пользовались все французы, чтобы на земле ее, имеющей все необходимое для обеспечения каждому из ее сыновей надежного и достойного жизненного уровня, чтобы на этой земле, которую дополняет верная Франции богатая обширными ресурсами империя, не нашлось больше ни одного мужчины, ни одной женщины, которым не были бы гарантированы достойные их условия жизни и работы, достаточная заработная плата, удовлетворительное питание, жилье, одежда, сносные санитарные условия, возможность отдыхать, растить больше детей, учить их, радоваться их счастливому смеху. Франция хочет, чтобы ее заслуги, которым она обязана своим величием и влиянием в мире, были оценены по достоинству. Не подлежит сомнению, что нация сама будет решать вопрос об этих реформах. Однако изучение различных проектов и возможностей, подготовка умов и сердец к их практическому осуществлению - вот чего народ ждет от вас уже теперь. Он знает, что вы собирались здесь, движимые его стремлениями и мечтами, и что даже те из вас, которые находили себе место в условиях старых систем, первыми покажут, сколь глубоко преобразилось сознание французов.

На тернистом пути, которым идет нация и который шаг за шагом приближает ее к спасению и величию, созыв Консультативной ассамблеи знаменует собою выдающийся этап, значение которого очевидно для всех. Созыв ее фактически означает начало возрождения французских представительных учреждений. Уже одно это позволяет оценить, насколько велика лежащая на Ассамблее ответственность. От результатов ее работы, от ее мудрости, от ее преданного служения своей стране в известной мере будут зависеть как судьбы нашей демократии, так и сохранение национального единства в этот беспрецедентный по своему значению период. Национальный комитет освобождения не сомневается в том, что вы успешно выполните задачу, ибо исторический опыт двух тысячелетий подтверждает, что поверивший в гений Франции не обманывался никогда.

Решение генерала де Голля

28 августа 1944 г.

1) Бои за Париж успешно завершены. Но победа еще не завоевана. Предстоящие военные операции потребуют от французской армии новых усилий.

2) В связи с этим боевые формирования внутри страны, созданные для ведения подпольной борьбы и способные принять участие в предстоящих операциях, должны планомерно включаться в состав вооруженных сил по мере освобождения тех районов, в которых они действовали, и придаваться либо полевым соединениям, либо тыловым частям.

3) Имеющиеся в Париже высшие командные инстанции и штабы внутренних сил распускаются с 29 августа 1944 г. Их функции будут выполняться военным губернатором Парижа. То же самое относится к командным инстанциям и штабам внутренних сил, имеющимся в освобожденных департаментах, чьи функции будут выполнять командующие соответствующими военными округами.

4) Немедленно будет произведена регистрация всех офицеров, унтер-офицеров и рядовых внутренних сил на освобожденной территории, а также перепись материальной части и вооружения. Материальная часть и вооружение будут собраны в порядке, устанавливаемом командующими военными округами, а в Париже - военным губернатором Парижа.

Выступление генерала де Голля по парижскому радио

29 августа 1944 г.

Четыре дня назад немцы, державшие в своих руках Париж, капитулировали перед французами. Четыре дня назад Париж стал свободным.

Безграничное ликование, беспредельная гордость овладели нацией. Более того! Весь мир восторженно встретил весть о том, что Париж поднялся из бездны и вновь засиял его яркий свет.

Франция воздает должное всем, кто своим участием содействовал парижской победе. И в первую очередь народу Парижа, который в глубине души никогда, ни на один миг не мирился с поражением и гнетом; отважным людям, мужчинам и женщинам, которые здесь долгое время оказывали упорное сопротивление.

тивление поработителю, а потом помогли разгромить его; солдатам Франции, которые его разбили и уничтожили воинам; которые явились сюда из Африки после множества тяжелых боев, и отважным бойцам, по собственному почину объединившимся в частях внутреннего Сопротивления. Однако прее выше всего Франция чтит тех, кто отдал свои жизни за родину на полях сражений или на виселицах.

Но Франция также воздает должное славным и доблестным союзным армиям и их военачальникам, чье неотразимое наступление позволило освободить Париж и служит залогом освобождения всей нашей территории, когда наши союзники вместе с нами окончательно уничтожат германскую силу.

По мере того как откатываются мутные волны отвратительного нашествия, нация с наслаждением вдыхает свежий воздух победы и освобождения. Изумительное единство проявляется в самых ее глубинах. Нация чувствует, что отныне будущее сулит ей не только надежду, но и уверенность в победе, перспективы обновления, возможность вновь занять то место в мире, которое принадлежит ей всегда, - место в ряду великих.

Но вместе с тем нация понимает, как еще велико расстояние между той точкой, в которой она находится сейчас, и той, которой она хочет и может достигнуть. Она знает, что надо добиться того, чтобы враг был разгромлен целиком и полностью и чтобы вклад Франции в дело окончательной победы был как можно более полным. Она видит, какие страшные опустошения произведены на ее земле, какие глубокие раны нанесены ее телу. Она сознает встающие перед ней огромные трудности в области снабжения, транспорта, вооружения, оснащения, трудности, которые сдерживают ее военные и производительные усилия в освобожденных районах.

Уверенность в победе нашего дела, а вместе с тем и дела всего человечества дает нам основание гордиться и ликовать, но она отнюдь не вселяет в нас блаженной безмятежности. Как раз напротив: мы понимаем, какой тяжкий труд, какие суровые испытания ожидают нас на пути к цели.

Этот труд французы готовы принять на себя, эти испытания они согласны перенести, ибо в совокупности со многими другими лишениями такова цена, которую они должны заплатить за свое спасение, за свою свободу, за свое величие.

Французский народ, так много испытавший на протяжении двух тысячелетий своей истории, инстинктом и разумом пости-

гает два условия, без которых невозможно создать что-либо достойное его страны. Условия эти - порядок и воля. Республиканский порядок при наличии единственно законной власти, власти государства; концентрированная воля, позволяющая в условиях законности, в братском единении воздвигать здание новой Франции. Вот о чем говорят исполненные мужества приветственные возгласы, идущие из недр наших городов и сел, очищенных наконец от врага. Вот о чем возвещает мощный голос освобожденного Парижа.

Шарль де Голль. Военные мемуары. Призыв. 1940-1942 гг. Перевод с французского.- М.: Изд.ин.лит., 1957. - С. 29 - 37, 43 - 60, 64 - 65, 76 - 79, 109 -111, 331 - 334, 371 - 373, 416 - 417, 637 - 639, 657 - 658, 756 - 763, 786 - 789.

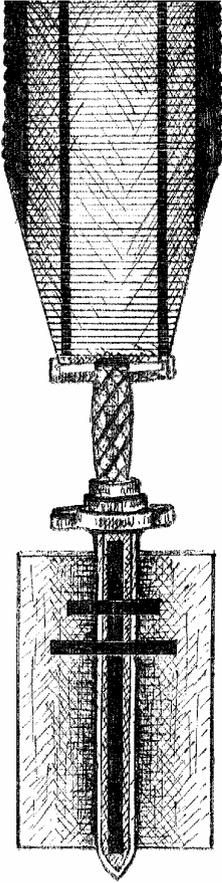
Перевод: А.А. Анфилофьев, Б.С. Вайсман, В.Г. Гак, О.М. Добровольский, К.К. Парчевский, В.И. Свистунов.

Шарль де Голль. Военные мемуары. Единство. 1942-1944 гг. Перевод с французского. - М. : Изд. ин. лит., 1960. - С. 444 - 450, 561 - 563, 608 - 613, 644 - 651, 861- 863.

Перевод: О.Я.Бирюков, Б.С.Вайсман, Н.М.Жаркова, Т.А. Кудрявцева, Н.И.Немчинова, Б.А.Персис.

ОБНОВЛЕНИЕ

(1958-1962 ГГ.)

Франция возникла из глубины веков. Она существует. Ее зовут грядущие столетия. Но всегда, во все времена, Франция оставалась сама собой. Границы Франции могли меняться, однако оставались неизменными ее рельеф, климат, реки и моря, наложившие на нее особый отпечаток. Ее населяли народы, которые сталкивались на протяжении истории с самыми разнообразными испытаниями, но природа вещей, используемая в политике, беспрестанно создавала из них единую нацию. Нация эта существует уже на протяжении многих поколений. И сейчас она состоит из нескольких поколений и породит еще много новых. Но благодаря присущим стране географическим особенностям, благодаря гению населяющих ее рас, благодаря окружающим ее соседям эта нация обрела свойственный ей определенный характер, который заставляет французов в любую эпоху зависеть от своих отцов и нести ответственность за своих потомков. И пока оно не распалось, это единство людей обладает, следовательно, на этой территории, в рамках этого мира своим прошлым, своим настоящим, своим будущим, составляющим неразрывное целое. Поэтому государство, которое несет ответственность за Францию,

должно проявлять заботу одновременно о наследии прошлого, о ее сегодняшних интересах и о ее надеждах на будущее.

Это жизненно важная необходимость, и в случае опасности общество рано или поздно осознает ее. Поэтому законность власти основывается на тех чувствах, которые она вдохновляет, на ее способности обеспечить национальное единство и преемственность, когда родина в опасности. Во Франции все-

гда именно в результате войн Меровинги, Каролинги, Капетинги, Бонапарты, III Республика обретали и теряли эту верховную власть. И верховная власть, которой я в момент страшного разгрома, когда наступил мой черед в истории Франции, был облечен, сначала получила признание французов, отказавшихся прекратить борьбу, затем по мере развития событий - всего населения страны и, наконец, после многочисленных трений и разочарований ее признали правительства всего мира. Благодаря этому я смог руководить страной и привести ее к спасению.

Действительно, выбравшись из пропасти, Франция вновь предстала как независимое и победоносное государство; она снова обладала своей территорией и своей империей; вместе с Россией, Америкой и Англией она приняла капитуляцию рейха; вместе с ними она присутствовала при капитуляции Японии; она располагала в качестве компенсации за нанесенный ей ущерб экономикой Саара и поставками рурского угля; наряду с четырьмя другими великими державами она возвысилась до ранга основателя Организации Объединенных Наций и получила в Совете Безопасности место с правом вето <...>

Но для того, чтобы государство действительно стало инструментом национального единства французов, выразителем высших интересов страны и преемственности в деятельности нации, я считал необходимым, чтобы правительство создавалось не парламентом, иначе говоря, не политическими партиями, а стоящим над ним политическим деятелем, получившим мандат непосредственно от нации в целом и способным выражать ее волю решать и действовать. Без этого множественность тенденций, свойственная нам в силу нашего индивидуализма, нашего разнообразия, ферментов раскола, унаследованных нами от периодов наших несчастий, снова свела бы государство к роли подмоетков, где сталкивались бы между собой беспочвенные идеологии, мелочные соперничества, к призраку внешней и внутренней деятельности без преемственности и результатов. Убедившись, что победа могла быть достигнута нацией только благодаря власти, которая преодолела бы все свойственные ей разногласия, осознав подлинные размеры проблем, выдвигаемых перед ней как настоящим, так и будущим, я понял, что основной бой мне придется вести отныне за то, чтобы дать нации республику, способную нести ответственность за ее судьбы.

Однако я не имел права закрывать глаза на то, что теперь, когда опасность была позади, подобное обновление можно было осуществить только после новых тяжелых испытаний. Тем более что после гнета оккупации и режима Виши, надолго уничтоживших свободу французов, былая политическая игра, получившая определение демократии, безусловно, вновь обрела утраченный блеск. Настолько, что многие мои вчерашние соратники, которые в бытность руководителями Сопротивления кляли политические партии, теперь старались занять в них первостепенное положение. Впрочем, все политические организации, возобновляя свою деятельность, непременно клялись, что осуждают прежние злоупотребления и сумеют отныне избежать их повторения. И поскольку после диктатуры врага и его сообщников я не имел никаких намерений устанавливать свою собственную диктатуру, поскольку я хотел утопить во всеобщем избирательном праве серьезную и непосредственную в те дни угрозу коммунизма и призывал народ организовывать выборы в Национальное Собрание, я должен был предвидеть, что избранное Собрание будет неизбежно принадлежать партиям, что между Собранием и мной сразу же возникнет несовместимость, что мы совершенно разойдемся во взглядах на конституцию, которая должна заменить конституцию покойной III Республики, и что в результате этого власть, которая придет на смену моей — как бы ни была она законной формально, — окажется лишенной национальной законности.

Как только пушки умолкли, я наметил линию своего поведения. Если не принимать мер остракизма по отношению к избранныкам народа, не выступать в роли нового угнетателя, пришедшего на смену предыдущим, если не заняться самоуничтожением, встав на позицию, долго удержаться на которой было невозможно, учитывая общее настроение умов во Франции и повсюду на Западе, я должен был предоставить режиму политических партий возможность на протяжении более или менее длительного времени вновь доказать свою вредоносность, полный решимости при этом не играть ни роли прикрытия этого режима, ни роли его статиста. Итак, я уйду, но уйду ничем не запятанным. Таким образом, когда наступит время, я снова смогу оказаться полезным — или я сам, или мой пример. Однако в предвидении будущего еще до избрания Национального Собрания я учредил институт референдума, заставив народ утвердить, что отныне для того, чтобы конституция мог-

ла вступить в законную силу, необходимо его прямое одобрение. Тем самым я создал демократическое средство, которое в один прекрасный день поможет мне самому создать хорошую конституцию вместо той плохой, которую политические партии сбирались выработать сами и для себя <...>

Итак, в начале 1958 года, как бы ни казалась внешне пассивной масса французского населения, все свидетельствовало о нарастании тревоги. Все чувствовали, что для ликвидации финансовых трудностей необходимы жесткие меры, что во внешнеполитическом плане только иностранцы извлекали пользу из подчиненного положения, в котором мы оказались, и особенно из того, что наша колониальная система, прежде всего в Алжире, превратилась в бесплодную ипотеку. Между тем становилось очевидным даже для наиболее предубежденных лиц, что, поскольку режим бессилён разрешить все эти проблемы, вполне может создаться положение, когда встанет вопрос об общественном спасении. Одновременно в головах многих инстинктивно зарождалась мысль, выражалась ли она громогласно или ее поддерживали молча, выливавшаяся в растущее движение за то, чтобы обратиться к де Голлю<...>

Я снова чувствую себя орудием, избранным судьбой. 18 июня 1940 года, отвечая на призыв вечной родины, лишенной какой-либо другой помощи для спасения своей души и чести, де Голль, один, почти никому не известный, должен был взять на себя ответственность за Францию. В мае 1958 года, накануне разрыва, грозившего погубить нацию, в условиях распада режима, якобы несшего на себе всю ответственность, де Голль, теперь широко известный, но не имеющий в своем распоряжении иных средств, кроме своей законности, должен взять на себя решение судеб страны.

На принятие решения у меня оставались считанные часы. Однако мне надо было выбрать момент, когда же именно, закрыв театр теней, я выпущу “бога из машины”, иначе говоря, когда именно мне надо появиться на политической арене. Что лучше: вмешаться немедленно и задушить надвигающуюся беду в самом зародыше, идя при этом на то, что мои действия впоследствии будут оспаривать и отрицать успокоившиеся люди, или же, наоборот, ждать, когда создавшееся положение насилия и террора обеспечит мне всеобщее и продолжительное одобрение? Оценив издержки того и другого решения, я выбрал немедленные действия. Но как поступить в этом слу-

чае? Ограничиться ли восстановлением определенного авторитета власти, вернуть армию на свое место, обнаружить и восполнить просчеты, чтобы временно облегчить смертные муки алжирской проблемы, а потом уйти в сторону, открыв перед ненавистной мне политической системой расчищенный мной путь? Или же воспользоваться представляющейся мне историей возможностью, а именно банкротством партии, дать государству институты, обеспечивающие ему в современных условиях стабильное существование и преемственность, которых оно было лишено на протяжении последних 169 лет? Сумею ли я сделать так, чтобы появилась возможность решить жизненно важную проблему деколонизации, начать экономическое и социальное преобразование нашей страны в эпоху науки и техники, восстановить независимость нашей политики и нашей обороны, превратить Францию в поборника объединения всей европейской Европы, вернуть Франции ее ореол и влияние в мире, особенно в странах “третьего мира”, которым она пользовалась на протяжении многих веков? Нет никаких сомнений: вот цель, которую я могу и должен достичь.

Пусть будет так! Несмотря на трудности, связанные с моими личными качествами, мой возраст — 67 лет, пробелы в моих познаниях, пределы моих способностей; несмотря на труднейшие препятствия, которые я непременно встречу со стороны нашего вечно подвижного народа, — ведь почти все политические, интеллектуальные и общественные силы будут стремиться повести этот народ в противоположном направлении; наконец, несмотря на сопротивление, которое окажут иностранные государства возрождению могущества Франции, я буду во имя служения ей олицетворять великие национальные стремления.

Если Франция из своих глубин и на этот раз вновь призвала меня стать ее руководителем, то, естественно, я это чувствовал, не для того, чтобы президентствовать во время ее спячки. После ужасного упадка, который она переживала на протяжении более ста лет, необходимо восстановить соответственно гениальности современной эпохи могущество, богатство, величие и блеск Франции путем использования предоставленной ей благодаря случаю передышки, иначе когда-нибудь трагическое испытание на уровне возможностей века уничтожит ее навсегда. А средствами такого обновления являются государство, прогресс, независимость. Итак, моя задача определена, и

определена на все то время, пока народ захочет идти за мной <...>

Французское государство обретает новые институты. Как я создам их с вершины Государства? В значительной степени это надлежит сделать мне. Ибо причины, которые привели меня на эту вершину, и условия, в которых я нахожусь, не истекают ни из какого закона. Более того, они не имеют никакого прецедента в истории. При монархии в силу традиционного принципа, принятого всеми, включая и тех, кто бунтовал против нее, право наследования делало короля единственным источником власти даже тогда, когда он передавал права или поручал осуществлять свои полномочия другим. Плебисциты, которые привели к власти каждого из двух наших императоров, давали им пожизненно абсолютную власть, какие бы институты ни существовали наряду с ними. В противоположность этому при III и IV Республиках президент, избиравшийся на семь лет и только одним парламентом, обладал правом принимать решения всего лишь о помиловании преступников, приговоренных к смертной казни, хотя частично он был облечен видимостью власти, хотя в отдельных случаях он мог оказывать влияние и хотя все законы и указы принимались и провозглашались от его имени. Но я некогда должен был взять на себя ответственность за оборону, за единство и за судьбу Франции по одному лишь ее повелительному, но молчаливому призыву, без наследственного права, без плебисцита, без выборов. И если сейчас я осуществляю высшие функции власти, то именно потому, что с тех пор я являюсь ее гарантом. В этом заключается факт, который наряду с положениями, записанными в конституции, заставляет считаться с собой всех, в том числе и меня самого. Какое бы толкование ни захотели придать той или иной статье конституции, все равно взоры всех французов обращаются к де Голлю. Именно от него ждут они решения стоящих перед ними проблем. Именно ему они высказывают свое доверие или обращают свои упреки. Дабы убедиться, что французский народ связывает свои надежды, так же как и свои разочарования именно с его именем, достаточно послушать речи, разговоры, песенки, достаточно прислушаться к крикам и слухам, прочесть то, что пишут в газетах или прокламациях, расклеиваемых на улицах. Со своей стороны я чувствую, что право и обязанность обеспечить национальные интересы Франции неотделимы от моего собственного существования.

Правда, конституция, принятия которой я добился, определяет назначение и функции различных институтов, но это не противоречит представлению о моих обязанностях, сложившемуся у французского народа и у меня. Тот факт, что президент, как это сформулировано в конституции, является “гарантом национальной независимости, целостности территории, уважения к заключенным договорам и обеспечивает путем своего арбитража нормальную деятельность органов государственной власти и существование государства”, служит лишь прекрасным выражением признания решающей роли, которая, по моему мнению и по мнению всех моих сограждан, принадлежит мне. Конечно, существует правительство, которое “определяет политику нации”. Но все знают и согласны с тем, что правительство назначается по моему выбору и действует только при условии, если оно пользуется моим доверием. Конечно, существует парламент, одна из двух палат которого имеет право контролировать деятельность министров. Но ни народные массы, ни я не видим в этом ничего, что могло бы хоть в чем-нибудь ограничить мою ответственность, тем более, что с юридической точки зрения я располагаю правом распустить в случае надобности оппозиционный парламент, обратиться через его голову к народу путем референдума и в случае опасности для отечества принимать все необходимые, с моей точки зрения, меры. Однако, и именно потому, что функции в том виде, как они установились, проистекают из моей же инициативы и из отношения ко мне, которое складывается в национальном сознании, необходимо, чтобы существовало и сохранялось прочное согласие между народом и мной. Ярким выражением этого согласия и были всенародные голосования, проводившиеся для того, чтобы получить ответ на мои обращения. Короче, ничто ни в моем понимании, ни в народных чувствах, ни в конституционных положениях не затрагивало того, что события некогда установили в отношении характера и широты моих полномочий. Следовательно, мне самому надлежит выработать правила и условия, при которых я буду их осуществлять, и это никак не нарушит того, что записано в законодательных документах.

За исключением драматических обстоятельств, внезапно требующих от государства принятия твердых решений, которые я в этих условиях брал непосредственно на себя, моя деятельность состоит прежде всего в том, чтобы определять на-

правление усилий, намечать цели и давать директивы правительству, представляющему собой организм, который занимается разработкой, подготовкой и осуществлением решений <...>

Мне было совершенно ясно, в частности, что очевидное возрождение Франции только усилит оппозицию всех тех, кто некогда считал себя и кого считали руководителями общественного мнения страны. Все, что мне удастся сделать, не встречает благосклонности ни одной из многочисленных партий Франции, ни одной из множества газет, а едва появились проблески конца алжирской драмы, как злопыхательство удвоилось. Франсуа Мориак, чья приверженность к Франции, чье понимание истории, чье патриотическое и эстетическое одобрение величия, чье искусство проникновенно понимать и описывать тайные пружины человеческих страстей превратили его в несравненного наблюдателя нашей эпохи, констатировал в своем "Блокноте" 12 марта 1962 года: "Отнюдь не сновидение — невероятная сила этого старого человека, падения которого желают, ждут и готовят, как только мир будет достигнут, все сколько-нибудь значительные силы в политике, от правых до левых... но мы отлично чувствуем, что даже его одиночество придает ему силы против окружающей его бессильной и рычащей своры".

По правде говоря, если враждебная коалиция различных комитетов и писак меня иногда огорчала, она все же не наносила мне глубоких ран. Я знаю, что бумага терпит все, что микрофоны могут транслировать что угодно. Я знаю, как тянет профессионалов пера к провокационным словам. Я знаю, что новые государственные институты, мое присутствие во главе государства, мой метод ведения дел лишают значения и не дают возможности вмешиваться в дела руководителям старых политических течений, господствовавших при прошлом режиме и тяжело страдающих от того, что перестали господствовать теперь. В частности, я знаю, как дорого им обходится та дистанция, на которой я считаю долгом держать их от себя - не из презрения, а по принципиальным соображениям. Чтобы настроиться миролюбиво по отношению к ним, когда их злоба не знает меры, я повторяю слова Корнеля, вложенные в уста Октава:

"Как! Ты хочешь, чтобы тебя пощадили,
а сам ты ничего не пощадил!"

Но если я мало чувствителен к ударам, наносимым словом и пером по моей особе, то я гораздо более чувствителен к тому, что удары, наносимые мне, означают, что именно моя идея возрождения нации вызывает столько гнева и недовольства среди видных представителей нации. Все происходит так, как будто старые школы, руководившие ранее нацией, какую бы деятельность они ни развивали, какие бы ярлыки ни носили, какой бы идеологии ни придерживались, сделали ставку на упадок страны: то ли из боязни головокружения при необходимости преодолевать пропасти для ликвидации этого упадка; то ли из убеждения, что его нельзя избежать, они поинтеллигентски возвели его в доктрину, в вызов; то ли потому, наконец, что видели в связанных с этим упадком рутине и слабости надежду сохранить и оправдать свое существование.

Но тем самым встает чрезвычайно настоятельным образом вопрос, что станет со страной, когда я исчезну и вместе со мною исчезнет то своеобразное явление, которое представляет собой реальный авторитет власти во главе государства, узаконенный событиями и слившийся воедино с верой и надеждой французского народа.

Однако, прежде чем перейти к рассмотрению проблемы “наследования”, я должен сказать, что результаты, достигнутые на протяжении первых четырех лет моего правления, кажутся мне ободряющими. Четыре года назад наша страна задыхалась в тисках ужасных политических конвульсий; я хотел заставить ее выбрать такое государство, которое имело бы главу, правительство, равновесие, авторитет. Это сделано! Я хотел помешать стране проливать свою кровь, терять деньги, раздирать единство нации, цепляясь за устаревшее и неоправданное колониальное владычество, я стремился заменить бывшую Империю дружественной и необходимой ассоциацией народов, входивших в ее состав. Мы добились этого! Я хотел избавить страну от безразличия к экономическим вопросам, от финансового дефицита, хронического падения франка, от социального застоя, мешавших прогрессу, который необходим для процветания и могущества Франции. Я хотел, чтобы современная экономика Франции действительно развивалась по плану, чтобы ее бюджет был уравновешен, чтобы ее валюта имела неоспоримо твердый курс, чтобы распахнулась дверь для изменения отношений между ее детьми путем участия всех в деятельности предприятий. Франция достигла этого! Я

хотел, чтобы Европа перестала быть полем ненависти и опасностей, чтобы Рейн и Альпы перестали быть границами политического и экономического раскола, чтобы исчез существующий под предлогом идеологических различий раскол между Востоком и Западом, чтобы возник Общий рынок шести государств и эти государства начали согласовывать свои внешние действия, чтобы возродились естественные симпатии и доверие между французами и славянами. Все это — на правильном пути! Я хотел, чтобы Франция сохранила собственное лицо, не растворяясь в хитрых наднациональных постройках, ибо ей пришлось бы тогда отказаться от своей обороны, своей политики, своей судьбы в пользу атлантической гегемонии и уступить другим районы влияния, сотрудничества и дружбы, принадлежавшие ей некогда в странах “третьего мира”; я хотел, чтобы соседи уважали ее индивидуальность, а она относилась с уважением к ним, чтобы, не отказываясь от союзов, она не допустила установления протектората над собой, чтобы страна приобретала силы возмездия, в первую очередь — ядерное оружие, которое избавило бы ее от опасности агрессии с любой стороны, чтобы Франция вновь появилась на мировой арене со своими мыслями, деятельностью и надеждами, в общем — чтобы она вновь обрела свою независимость и свой блеск. Именно это происходит сейчас!

Франция поднимается по склону. Моя миссия по-прежнему состоит в том, чтобы неуклонно вести ее вверх, тогда как раздающиеся снизу голоса непрерывно зовут ее обратно вниз. Решив во второй раз слушаться меня, Франция вышла из маразма и только что преодолела этап обновления. Но и теперь, совсем так же, как вчера, я не могу указать ей иной цели, кроме движения к вершинам, другого пути, кроме пути непрерывных усилий.

В благодатном 1962 году обновление Франции шло полным ходом. А незадолго перед этим Франции грозила опасность гражданской войны. Ей грозил крах. Мир уже забывал ее голос. Но вот она выпуталась из беды. Государство смогло преуспеть в этом, ибо в результате глубоких изменений оно в настоящее время обладает верховной властью, узаконенной событиями и опирающейся на доверие народа. Однако настоящее не обеспечивает будущего. Система, прочность которой зависит от присутствия одного человека, неизбежно хрупка.

Поскольку опасность уже не угрожала, многие у нас тотчас же настроились на безмятежную жизнь. Некоторые, в частности, все труднее и труднее мирились с единовластием. Вследствие недостаточной прочности созданной системы все, что кажется достигнутым сегодня, может оказаться сметенным завтра. Тем более, что с течением времени наверняка разразятся бури, либо пришедшие извне, либо возникшие внутри страны, которая еще со времен галлов периодически является театром “внезапных и непредвиденных потрясений”, вызывавших удивление еще у Цезаря. Для того чтобы Франция восстановила и сохранила, и не на время, а надолго, свое единство, мощь, свой ранг в мире, без чего она была бы обречена, совершенно необходимо, чтобы режим, который ею правит, оставался постоянным и прочным. Для меня, никогда не прекращавшего думать и действовать исходя из этой национальной необходимости, всегда было ясно, что хорошо организованное в настоящее время государство должно оставаться таковым и в дальнейшем. А для этого необходимо, чтобы оно не оказалось снова жертвой многочисленных, раздираемых противоречиями и враждебных друг другу партий и группировок, которые столь долго господствовали над ним, принижали и парализовали его.

Прежние монархии добивались преемственности власти ценой в ряде случаев многовековой борьбы с вассалами, но им для этого потребовалось ни больше, ни меньше, как право наследования, коронование монархов и абсолютизм. Обе империи смогли на какое-то время помешать распаду, но лишь с помощью диктатуры. Затем Республика, хотя она и располагала в основе своей некоторыми теоретическими гарантиями ее силы и прочности, доверилась партиям, чтобы сделаться таким образом навсегда пассивной. Однако ее беспомощность перед лицом общей опасности, и тот факт, что я оказался призванным покончить с этой беспомощностью, позволили мне, опираясь на прямую поддержку народа, то есть придерживаясь преимущественно основ демократии, привести в действие институты, созданные для обеспечения будущего. Ведь высшие и постоянные интересы Франции прежде всего находят свое орудие и своего гаранта в лице главы государства. Но как можно было сомневаться, что на коренное изменение, давшее Республике главу, которого она никогда не имела, обрушатся все феодалы от политики? Каким образом обеспечить этому

изменению достаточную надежность, которая позволила бы закрепить его в правовом и практическом отношениях на будущее, когда исчезнут драматические обстоятельства и исключительная личность, которые прежде всего вызвали его?

Я уже давно считаю, что единственным средством добиться этого являются выборы народом президента Республики. Последний, если бы он был избран всеми французами, мог бы быть “человеком страны”, облеченным тем самым в глазах всего народа и своих сторонников капитальной ответственностью, строго соответствующей той, какую предписывают ему законы. Кроме того, вне всякого сомнения, необходимо, чтобы сам президент желал и был способен выполнять свои функции. Вполне очевидно, что этого закон не может гарантировать, поскольку всегда и в любой области отсутствие способности у руководителя является само по себе непоправимым и не может компенсироваться значимостью и ролью того или иного института. И наоборот, успех возможен только тогда, когда талант находит свое применение, и нет ничего худшего системы, при которой талант становится бессильным <...>

Внезапно покушение в Пти-Каламаре 22 августа послужило случаем перейти к рукопашной схватке и явилось предупреждением о том, что, по-видимому, терять времени не следует. В самом деле, после покушения, имевшего место в предыдущем году в Пон-сюр-Сен, когда я чуть не был убит, и в предвидении новых попыток, о подготовке которых свидетельствовало все, вопрос о том, что же будет с Францией, если де Голль вдруг не станет, весьма встревожил и взволновал общественное мнение. И мне самому было ясно, что случай может произойти в любой момент. Итак, я счет необходимым ускорить ход событий. 29 августа я известил Совет министров, что “намерен внести предложение об изменении конституции с целью обеспечения преемственности государства”, и эта новость была опубликована. Однако, чтобы не создавать путаницы, я полностью раскрыл свои карты только после моей очень важной поездки в ФРГ. Но сразу же по завершении этого визита 12 сентября, после заседания совета министров, было опубликовано коммюнике, в котором сообщалось, что “генерал де Голль подтвердил свое намерение предложить стране одобрить путем референдума новый порядок выборов президента Республики, согласно которому президент отныне должен избираться путем прямого и всеобщего голосования.”

20 сентября в своем выступлении по радио и телевидению я изложил нации, почему я прошу ее осуществить эту важную реформу и как она сможет это сделать. Я отметил, что “действующие в течение вот уже четырех лет институты ликвидировали в стране хронический беспорядок и непрерывные кризисы, обеспечив преемственность, стабильность, эффективность и уравновешенность органов власти”; что “никто не сомневается в том, что наша страна быстро оказалась бы сброшенной в пропасть, если бы мы, к несчастью, снова, как прежде, занялись бесплодной и никчемной игрой”; что “краеугольным камнем нашего режима является институт президента Республики, назначаемого разумом и чувством французов, чтобы быть главой государства и руководителем Франции”. Напомнив основные функции и прерогативы президента, предусмотренные конституцией, я заявил, что “для эффективного выполнения подобных обязанностей президенту необходимо совершенно недвусмысленное доверие нации”. Что касается меня, то, сказал я, “становясь вновь во главе государства в 1958 году, я считал, что сам ход событий уже сделал это необходимым, и именно поэтому я согласился быть избранным во второй раз. Но совсем по-иному встанет вопрос для других, кто, не имея такой же национальной известности, будет занимать после меня пост, который я занимаю в настоящее время... Чтобы быть способными и быть в состоянии нести бремя высшей власти, каким бы тяжким оно ни было, и чтобы наша Республика продолжала оставаться сильной, сплоченной и народной, несмотря на происки демонов раскола, необходимо, чтобы они получали свой мандат непосредственно от всех граждан”. И тогда было сформулировано предложение, сделанное мной стране: “Когда истечет семилетний срок моих полномочий или если моя смерть или болезнь наступят до их завершения, президент Республики впредь будет избираться путем всеобщего и прямого голосования”. Но каким путем страна должна выразить свое решение? Я отвечаю: “Самым демократичным путем, путем референдума, что просто и ясно предусматривает конституция, глася: “Президент Республики может путем референдума предложить стране любой законопроект (я подчеркиваю, любой законопроект) относительно организации государственной власти.” Заканчивая свое выступление, я сказал французенкам и французам: “Как всегда, я не могу и не хочу предпринимать ничего без вашего участия. Как всегда, я вско-

ре попрошу вашего содействия. И как всегда, именно вы будете решать” <...>

Чтобы с моей стороны все строго соответствовало правилам, 2 октября я обратился к парламенту с посланием, в котором торжественно изложил суть и обоснование принятого мной решения. Отметив, что “институты, которые французский народ получил на протяжении четырех лет после серьезного кризиса и накануне новых опасностей, смогли благодаря стабильности власти и преемственности замысла... разрешить трудные проблемы и преодолеть суровые испытания”, я заявил: “Теперь речь идет о том, чтобы закрепить эти институты. Это означает, что в будущем независимо от того, кто бы ни стоял во главе, государство должно иметь в лице своего главы эффективного гаранта судьбы Франции и судьбы Республики. А такая роль... для того, кто должен ее выполнять, требует прямого и недвусмысленного доверия нации”. И в этом важное значение имеет, указал я, представляемый на референдум законопроект, предусматривающий избрание президента Республики путем всеобщих и прямых выборов. “Я считаю, — сказал я, — что не существует лучшего способа внести в закон, одобренный в 1958 году французским народом, изменение, которое является настоятельно необходимым и касается каждого гражданина”. В заключение, намекая на недавние покушения, я сказал: “Нация, которая недавно вдруг оказалась перед тревожной перспективой, получит тем самым возможность придать нашим институтам новую и торжественную гарантию”.

Мое послание было выслушано обеими палатами в полном молчании, и сразу же все партии — левые, центристы, правые — объявили мне войну. В Национальном собрании депутаты — социалисты, радикалы и сочувствующие им члены МРП и независимые — внесли совместно резолюцию недоверия правительству. Хотя коммунисты и не участвовали в постановке этого вопроса, было очевидно, что они будут голосовать за недоверие. Дискуссия, согласно закону, началась два дня спустя. Никто не сомневался в том, что назревает кризис, который должен быть преодолен страной, и что историческая роль де Голля, его политика, его Республика либо найдут в этом решении свой конец, либо обретут новую силу.

4 октября, не дожидаясь обсуждения и голосования вопроса о доверии, в “Журнале офисьель” были опубликованы декреты,

касающиеся референдума: текст моего предложения и обращение к избирателям. В этот же день, до открытия заседания парламента, я обратился по радио и телевидению непосредственно к француженкам и французам. Моя речь была категоричной. Говоря о конституции, я напомнил, что именно народ дал ее себе, что он вызвал ее к жизни “на другой день после кризиса, который чуть не сбросил Францию в пропасть и чуть не погубил Республику”. Затем я сравнил очевидные результаты, достигнутые благодаря этой конституции, с несостоятельностью режима партий: “Наша государственная жизнь, которая, как известно, еще недавно представляла собой зрелище сделок, всевозможных комбинаций и кризисов, в настоящее время характеризуется стабильностью и эффективностью. Вместо расстроенной денежной системы, финансового дефицита, угрожаемого положения экономики, что еще недавно вселяло в нас чувство постоянного ужаса и унижения, мы находимся сейчас на полном подъеме процветания и социального прогресса на базе прочного положения франка, положительного сальдо в области внешней торговли и уравновешенных бюджетов. Если прежде мы находились в таком положении, когда нам угрожал разрыв нашего национального единства и когда расточались ресурсы нашего военного могущества, когда не была завершена деколонизация, не было покончено с алжирским конфликтом и подрывной деятельностью, угрожавшей государственными переворотами, то теперь установлено сотрудничество между Францией и ее бывшими колониями, к чему в свою очередь стремится Алжир, мы уже можем приступить к реорганизации нашей армии, а страшные заговоры, прежде угрожавшие Республике, теперь уже рассматриваются наряду с такими постыдными акциями, как кража, шантаж и убийство. Наконец, если еще недавно Франция считалась “больным человеком” Европы, то сейчас ее вес и ее влияние признают во всем мире.”

Подчеркнув затем, что именно эта благотворная конституция сделала президента Республики действительным “главой государства и руководителем Франции” и что именно этого главного качества “хотели бы лишить ее сторонники осужденного режима”, так как в этом случае мы вернулись бы к тому, что было вчера, я заявил: “Для того чтобы быть в состоянии по отношению к себе самому и по отношению к другим выполнять эту миссию, президенту необходимо прямое доверие нации”.

“Речь идет о том, чтобы отныне это доверие, которое я имею с 1958 года только лишь в силу исключительной исторической причины”, президент получал в результате всеобщих и прямых выборов.

Я не преминул подчеркнуть все драматическое, что было присуще условиям и моменту, когда народу предлагалось одобрить мой проект. “С самого начала, — сказал я, — я знал, что должен буду до истечения моего семилетнего срока правления предложить стране, чтобы это делалось так, как я указываю. Но весьма серьезные причины заставили меня уже сейчас выступить с этой инициативой, ибо я имею на это право и считаю своей обязанностью это сделать”. Затем я напомнил “о покушениях на мою жизнь, уже имевших место или готовящихся, которые заставляют меня обеспечить, насколько это в моих силах, после себя прочное положение Республики”. Я нарисовал картину “общего беспокойства, порожденного опасностью смуты, которая может внезапно возникнуть во Франции” и которая должна заставить страну засвидетельствовать путем массового голосования, “что она желает сохранить свои институты, что она не хочет, чтобы после де Голля государство снова сделалось жертвой политических интриг и махинаций, которые опять привели бы его к ужасной катастрофе, и на этот раз непоправимой”. Я напомнил также, что мы намереемся сделать в области внутренней политики для экономического и социального прогресса страны, а вовне — для мира во всем мире и согласия между Востоком и Западом; “это огромное начинание требует, чтобы Франция в будущем располагала средством самой избирать тех, кто должен будет поочередно становиться во главе государства... отвечать за его судьбу”.

Наконец, я поставил перед француженками и французами вопрос о доверии к моему “ясному, простому и прямому” проекту, судьбу которого они должны будут решить путем референдума: “Именно ваши ответы, которые вы дадите 28 октября, скажут мне, могу ли я и должен ли я продолжать выполнять свою задачу на службе Франции!” <...>

28 октября 1962 года французский народ значительным большинством голосов решил, что президент Республики отныне будет избираться всеобщим и прямым голосованием. Из 28 185 тыс. зарегистрированных избирателей в голосовании приняли участие 21 695 тыс. человек; ответили на поставлен-

ный вопрос 21 125 тыс.человек, в том числе “да” — 13 151 тыс. (более 62%) и “нет” — 7 974 тыс.человек <...>

Войны порождают и уничтожают государства. Даже в мирное время дух войны витает над ними. Вся национальная жизнь, политический строй, положение в мире определялись для нас, французов, в период между 1815 и 1870 годами враждебной коалицией европейских государств, объединившихся против Революции, блестящими победами Наполеона, а затем его разгромом и, в конечном счете, разорительными договорами, заключенными после множества сражений. Затем на протяжении 44 лет “вооруженного мира” наши внутренние и внешние акции определялись главным образом ощущением разгрома, тайным желанием исправить навязанное нам положение, а также боязнью, что объединенная Германия вновь нанесет нам поражение. Гигантские усилия нашего народа во время первой мировой войны могли открыть нам путь к обновлению, но мы сами захлопнули перед собой дверь, не сумев завершить военную победу, отказавшись от репараций, которые могли бы дать нам средства для индустриализации страны и тем самым для компенсации огромных людских и материальных потерь, и, наконец, замкнулись в пассивной политике и стратегии, которые отдали Европу на откуп честолюбию Гитлера. На чем должна французская нация основывать свои действия и свой путь вперед теперь, после недавнего конфликта, в ходе которого она едва не погибла?

Первой из этих основ является то, что Франция, несмотря ни на что, живет суверенная и победоносная. В этом, безусловно, есть что-то от чуда. Действительно, сколько людей полагало, что Франция никогда не сможет оправиться от душевных и телесных ран после того, как сначала перенесла неслыханный разгром, а затем ее правители пошли в услужение к захватчикам, после того как страна подверглась страшнейшим разрушениям в ходе двух величайших битв войны, а в промежутке между ними подверглась длительному грабежу со стороны оккупантов и систематическим унижениям, навязанным ей властью, основанной на отказе от национального суверенитета и смиренности? Сколько людей было уверено, что после такого поражения ее освобождение, если оно произойдет, может прийти только из-за границы и что потому именно за граница

будет решать, что станет с Францией в области ее внутренней и внешней политики? У скольких людей до такой степени было подавлено чувство сопротивления, что они считали абсурдной надежду на то, что настанет день, когда враг капитулирует не только перед союзниками Франции, но и перед нею самой? Однако в конце концов Франция вышла из драмы, сохранив свое единство и территориальную целостность, оставшись хозяйкой своей судьбы и находясь в рядах победителей. Поэтому ничто не мешает ей сейчас продолжать быть самой собою и вести себя так, как она пожелает.

Тем более, что впервые в ее истории над ней не висит никакой угрозы со стороны ближайших соседей. Расчлененная, поверженная Германия — это уже не грозное государство, стремящееся к господству. Италия горько раскаивается в том, что решила обратить свои честолюбивые помыслы против нас. Союз с Англией, обеспеченный “Свободной Францией”, а затем деколонизация, устраняющая воспоминания о былых претензиях, привели к тому, что ветер подозрительности не дует больше над Ла-Маншем. Симпатии и общие интересы сближают разъединенные Пиренеями успокоившуюся Францию и умиротворенную Испанию. И разве может возникнуть какая-либо угроза со стороны дружественных территорий Бельгии, Голландии, Люксембурга или традиционно нейтральной Швейцарии? Итак, мы освободились от состояния напряженности, в котором держали нас наши опасные соседи и которое тяжким грузом висело над нашей деятельностью.

Правда, если Франция рассталась с горькой привычкой повседневно ощущать опасность, то весь мир оказался во власти постоянной угрозы всеобщего конфликта. Между двумя империями, американской и советской, ставших колоссами по сравнению со старыми державами, происходит непрерывное столкновение сил, борьба за гегемонию и вражда идеологий. Обе империи располагают ядерным оружием, с помощью которого можно в любой момент разрушить весь мир и которое превращает каждую из них в неременного покровителя других стран своего лагеря. Опасное равновесие, которое может в один печальный день вылиться в глобальную войну, если только не начнется эволюция в сторону всеобщей разрядки напряженности! Для Франции, столько пережившей и испытавшей в ходе конфликтов, в которых она участвовала на протяжении двух столетий, оказавшейся вследствие своего географического расположения — самого западного выступа Ста-

расположения — самого западного выступа Старого Света к Новому Свету, — вследствие размеров страны и скученности населения смертельно уязвимой, совершенно очевидно, что мир стал жизненно важной необходимостью. Итак, все призвало ее превратиться в глашатая мира. Действительно, Франция очутилась в исключительном положении: она не требует ничего, что принадлежит другим, и другим нечего требовать от нее; она не чувствует никакой обиды ни к одному из современных гигантов; наоборот, вековая дружба, неоднократно подтвержденная в ходе событий, связывает ее с обоими народами, питающими к ней исключительную симпатию; короче говоря, если существует голос, который может быть услышан, если существуют действия, могущие стать эффективными для того, чтобы установить порядок вместо холодной войны, то это могут быть только голос и действия Франции. Но при условии, что это будет именно ее собственный голос и что ее руки будут свободными.

Одновременно Франции открыли широкий кредит заинтересованности и доверия многие народы, чья судьба только-только устанавливается и которые не хотят подпасть под господство ни той, ни другой гигантской державы: Китай, располагающий такими людскими и материальными ресурсами, что в будущем перед ним откроются любые возможности; Япония, перековывающая, начиная с экономики, свою способность играть присущую ей мировую роль; Индия, решающая сейчас проблемы своего существования, но призванная в один прекрасный день повернуться к внешнему миру; значительное число старых и новых государств Африки, Азии и Латинской Америки, принимающих во имя немедленных потребностей своего развития помощь и с той и с другой стороны, а иногда с обеих сторон сразу, но испытывающих отвращение к идее “присоединения”, — все они сегодня обращают свои взоры преимущественно к Франции. Безусловно, они резко критикуют Францию, пока она еще не закончила деколонизацию, но эта критика смолкнет, как только Франция предоставит свободу своим бывшим колониям. Только от нее зависит привести в действие потенциал притягательности, уважения и престижа, которым она располагает на значительной части земного шара, чтобы, следуя тому, чего от нее ждет весь мир, служить всеобщему делу — достоинству и прогрессу всего человечества.

Итак, та же судьба, которая способствовала спасению Родины во время самых ужасных критических моментов войны, теперь позволяла Франции, несмотря на относительные потери мощи и богатства за последние два столетия, играть первостепенную международную роль, соответствующую ее гению, отвечающую ее интересам и пропорциональную ее возможностям. Естественно, я был полон решимости заставить Францию играть эту роль, тем более, что, по моему убеждению, усилия по внутреннему преобразованию, политическая стабильность и социальный прогресс — без чего она была бы обречена на беспорядки и упадок — требовали, чтобы она чувствовала себя еще раз в своей истории облеченной международной ответственностью. Такова моя философия. Какова же будет моя политика перед лицом практических проблем, стоящих перед Францией в области внешних дел?

Если не считать проблем Алжира и наших колоний, которые надлежало решать только нам, внешние дела благодаря своим масштабам и значению представляли поле для продолжительной деятельности, если только в один прекрасный день война снова не начнет сама разрубать те гордые узлы, которые она повсюду завязала. Значит, действия Франции в области внешней политики должны быть постоянными и решительными, что, в противоположность беспрерывно менявшимся слабым попыткам прошлых лет, стало возможным благодаря нашим новым институтам <...>

По важнейшему вопросу — вопросу о дальнейшей судьбе Германии — моя точка зрения выработана. Прежде всего я считаю, что было бы несправедливо и опасно пересматривать фактические границы, навязанные войной. Это означает, что линия по Одру Нейсе, отделяющая Германию от Польши, является окончательной границей, что не должны признаваться никакие старые претензии на территорию Чехословакии, что новый аншлюс исключен в какой бы то ни было форме. Кроме того, за Германией ни под каким видом не может быть признано право на обладание атомным оружием и его изготовление — от чего, впрочем, она сама публично отказалась. С учетом всего перечисленного я считаю необходимым, чтобы Германия стала неотделимой составной частью организованного сотрудничества государств, сотрудничества, которое, по моему мнению, должно охватить весь наш континент. Таким образом, будет гарантирована безопасность всех народов от Атлантиче-

ского океана до Урала и будут созданы такие перемены в положении вещей, умонастроениях людей и международных отношениях, что у немецкого народа появится надежда объединить три составные части Германии. Пока же Федеративная республика должна играть существенную роль в Европейском экономическом сообществе и в случае необходимости в политическом концерте шести стран. Наконец, я намереваюсь действовать так, чтобы Франция создала тесную сеть предпочтительных связей с Германией, благодаря чему народы обеих стран смогут мало-помалу понять и оценить друг друга, что диктует им их инстинкт в моменты, когда они не растрачивают свои жизненные силы на взаимную борьбу.

Благодаря замечательному совпадению в тот момент, когда я вновь взял бразды правления в Париже, во главе боннского правительства уже давно стоял и еще довольно долго продолжал оставаться Конрад Аденауэр, то есть человек, наиболее способный из всех немцев вести свою страну по одной дороге и рядом с Францией и желавший этого сильнее других. Уроженец рейнской области, он был глубоко убежден, что галлы и германцы взаимно дополняют друг друга, что на этом основывалось когда-то существование Римской империи по обоим берегам Рейна, что именно из этого возникла слава франков и Карла Великого, что этим оправдывались вассальные отношения между королем Франции и принцами, его избравшими, что это чувство заставило Германию вспыхнуть от искр Французской революции, вдохновляло Гете, Гейне, мадам де Сталь, Виктора Гюго и что, несмотря на отчаянные схватки между двумя народами, это чувство не переставало пробивать себе дорогу подспудно. Этот патриот понимает, сколь высоки горы ненависти и недоверия между Германией и окружающими ее странами, воздвигнутые неистовым честолюбием Гитлера и страстной покорностью ему немецкого народа и его элиты; он знает, что среди этих стран только Франция может позволить скрыть эти горы, если она открыто протянет руку своему исконному врагу. Этот политик, сумевший благодаря своей ловкости и настойчивости до настоящего времени сохранить равновесие и прогресс Федеративной республики, маневрирует так, чтобы ни угроза с Востока, ни протекция Запада не нанесли ущерба хрупкому зданию государства, построенного на развалинах, и понимает, какова цена решительной поддержки новой Фран-

цузской республики как внутри Федеративной республики, так и за ее пределами <...>

Если наши соседи отказались прислушаться к призывам Франции создать объединенную и независимую европейскую Европу, то это отчасти потому, что они по традиции опасались главенствующего положения Франции, но главной причиной было то, что в условиях холодной войны, в которой погряз весь мир, для них превыше всего было стремление сохранить американскую защиту, а все остальное отходило на второй план. А именно в вопросе американской защиты наша оценка отличается от оценки других стран. Они продолжают смотреть на вещи так же, как смотрели 15 лет назад.

Безусловно, благодаря Ялте, позволившей сталинской России официально присоединить к себе после краха рейха Центральную Европу и Балканы, можно было опасаться, что у советского блока возникнет стремление к дальнейшей экспансии. В случае подобной агрессии западные государства Европейского континента не смогли бы оказать ему достаточно серьезного сопротивления. Для этого, совершенно очевидно, было бы недостаточно организации европейской обороны, начало которой было положено французами и англичанами в 1946 году путем организации единого командования под руководством маршала Монтгомери. Поэтому не было ничего более оправданного и, возможно, более благоразумного, чем американское содействие, которое — в силу плана Маршалла — дало возможность Западной Европе восстановить свою производственную мощь и тем самым избежать драматических политических, социальных и экономических потрясений, в то время как американское атомное оружие обеспечивало необходимое ей прикрытие. Но почти неизбежным следствием этого было создание НАТО — системы безопасности, предоставлявшей Вашингтону возможность распоряжаться обороной, а следовательно, политикой и даже территорией своих союзников.

Среди этих союзников Германия, лишившаяся Пруссии и Саксонии, находившаяся в непосредственной близости от тоталитарных стран, непрестанно поносивших ее за вчерашние преступления и обвинявших ее в стремлении завтра снова возобновить их, над которой висел дамоклов меч Берлина, рассматривала американский протекторат как свое единствен-

ное спасение. Другим странам не угрожала столь непосредственная опасность, но они справедливо полагали, что выход Советов на Рейн и в предгорья Альп немедленно станет для них смертельным приговором, и потому считали американскую гарантию весьма существенной, тем более что они высоко ценили ту экономию, которую давало им сокращение государственных расходов по военному бюджету вследствие того, что их национальные силы получали подкрепление в виде американских войск, кораблей и самолетов, а также пользовались даровым американским снаряжением. Конечно, временами в душе этих древних и гордых народов возникала тоска по былой независимости. Но выгоды и удобства атлантической гегемонии в мире быстро призывали их к порядку, что бы американцам ни заблагорассудилось сделать. Поэтому никогда не случалось, чтобы правительство страны, входящей в НАТО, заняло по какой-либо проблеме иную, нежели Белый дом, позицию. И если мысль о применении в Европе режима интеграции находила столь большое число сторонников среди наших партнеров, то именно потому, что безродная система не могла иметь собственной обороны и собственной политики и была вынуждена руководствоваться в этом смысле тем, что продиктовано из Соединенных Штатов Америки. И если наши партнеры стремились присоединить Сообщество к Британскому содружеству, раз не удалось создать наднациональную технократию, то именно потому, что этот путь столь же надежно вел их к установлению американского протектората. И наоборот, если не удалось осуществить мой проект европейской Европы, так именно потому, что он вел к освобождению Старого Света, а последний никак не мог рискнуть пойти на это.

Тем не менее я считал, что международная обстановка в 1958 году изменилась по сравнению с обстановкой, существовавшей в момент создания НАТО. Сейчас казалось достаточно невероятным, чтобы Советы предприняли поход для завоевания Запада, после того как все западные государства снова обрели нормальные условия существования и шли к материальному прогрессу. Коммунизм может установиться только в условиях национального бедствия, вне зависимости от того, возникнет ли он внутри страны или будет привнесен извне. Кремль знает это отлично. И зачем ему пытаться навязать его тоталитаризма 300 млн. сопротивляющихся иностранцев, когда

он с таким трудом сохраняет его над втрое меньшим населением своих сателлитов? К этому надо добавить, что извечное чередование угрозы, господствующее над историей русского народа, заставляет его сегодня обратить озабоченные взоры не столько в сторону Европы, сколько в сторону Азии, откуда ему угрожают претензии Китая, тем более тогда, когда угрозы с Запада нет. В довершение ко всему только безумие способно заставить Москву — и любую другую столицу — развязать сейчас мировую войну, которая может привести благодаря использованию атомных бомб к полному уничтожению цивилизации! Но если страны не ведут войны, то рано или поздно они должны заключить мир. Невозможно существование строя, сколь бы жесток он ни был, который бесконечно поддерживает воинственное настроение народов, уверенных, что им не придется сражаться друг с другом. Поэтому все заставляет предполагать, что Восток все более и более ощущает потребность в разрядке международной напряженности и сознает ее привлекательность.

Вдобавок военные условия безопасности Запада полностью изменились на протяжении этих 12 лет. Ибо после того, как Советы обрели способность уничтожить Америку, точно так же, как последняя располагает средствами ликвидировать Россию, можно ли предполагать возникновение в будущем военного конфликта между двумя соперниками, кроме как в самом крайнем случае? Но что может удержать их от использования бомб на промежуточной зоне, то есть в Центральной и Западной Европе? Следовательно, для жителей Западной Европы НАТО перестала быть гарантом их существования. Тогда зачем же вручать свою судьбу покровителю, если полезность его опеки стала сомнительной?

Наконец, кое-что изменилось в международном положении самой Франции. Ибо согласно роли, задуманной мной для нее, исключается атлантическая покорность, практиковавшаяся предшествующей республикой во время моего отсутствия во главе государства. По моему убеждению, наша страна располагает средствами действовать самостоятельно в Европе и во всем мире, и она должна действовать так, ибо в этом-то и состоит, с психологической точки зрения, движущая сила, необходимая для предпринимаемых ею усилий. Совершенно очевидно, что подобная независимость требует для сохранения безопасности страны наличия современных средств возмез-

дия. Хорошо! Необходимо, чтобы Франция создала эти средства!

Следовательно, мое намерение состоит не в том, чтобы освободить Францию от Атлантического союза, сохранение которого, на мой взгляд, необходимо как крайняя предосторожность, а в том, чтобы вывести ее из интеграции, осуществленной НАТО под американским командованием; завязать с каждым государством Восточного блока, и в первую очередь с Россией, отношения, нацеленные на разрядку напряженности, а в дальнейшем — на согласие и сотрудничество; аналогично поступить с Китаем, когда для этого наступит время; наконец, снабдить Францию мощным ядерным оружием, чтобы никто не смог напасть на нас, не рискуя получить сокрушительный ответ. Но я намереваюсь идти по этому пути с осторожностью, связывая осуществление каждого этапа моего плана с эволюцией общего положения и не переставая заботиться о традиционных дружественных связях Франции.

Уже 14 сентября 1958 года я поднял знамя сражения. В личном меморандуме президенту Эйзенхауэру и премьер-министру Макмиллану я поставил под вопрос нашу принадлежность к НАТО, заявив, что эта организация не соответствует более потребностям нашей обороны. Не высказывая прямо сомнений в эффективности защиты территории континентальной Европы с помощью американских и английских бомб, я констатировал в меморандуме, что подлинная организация коллективной безопасности требует ее распространения на весь земной шар, а не ограничения сектором Северной Атлантики и что всемирный характер ответственности и оборона Франции требуют, чтобы Париж непосредственно участвовал в принятии политических и стратегических решений союза, решений, которые в действительности принимает одна Америка после *a parte** консультаций с Англией. Восхождение Франции на эту вершину было бы тем более оправданным, что монополия на обладание ядерным оружием среди стран Запада перестанет в ближайшее время принадлежать англосаксам, поскольку мы сами будем иметь это оружие. Поэтому я предлагал, чтобы руководство союзом осуществлял триумвират, а не дуумвират, а в случае несогласия с моим предложением Франция перестанет в дальнейшем принимать участие в ка-

* обособленный (лат) - прим. ред.

ком-либо новом расширении НАТО и, кроме того, оставляет за собой право в соответствии со статьей 12 договора, по которому была создана эта система, либо потребовать ее изменения, либо выйти из нее. Как я и ожидал, оба адресата ответили на мой меморандум уклончиво. Ничто, следовательно, не мешало нам действовать.

Но обстоятельства диктуют необходимость действовать без конфликтов. Атомных бомб у нас пока еще нет. Алжир висит тяжким грузом на нашей армии, авиации и флоте. Мы не знаем, какой ориентации будет в конце концов придерживаться Кремль в отношениях с Западом. В настоящее время вызывает беспокойство угроза, созданная Никитой Хрущевым, заключить сепаратный мирный договор с Восточной Германией, отдать судьбу Западного Берлина на усмотрение коммунистов из Панкова — что для Советского Союза равносильно обладанию этим городом — и поставить тем самым Соединенные Штаты, Великобританию и Францию, чьи войска оккупируют западную часть города, перед выбором: или защищать Западный Берлин, то есть идти на конфликт, или оставить его, что равносильно ужасному политическому банкротству и унижительному военному поражению. Поэтому с помощью соответствующих мер мы вступили на путь выхода из атлантической организации, поддерживая одновременно прямое сотрудничество с Соединенными Штатами и Англией.

В марте 1959 года наш средиземноморский флот был выведен из-под командования НАТО. Вскоре после этого мы запретили американской армии ввозить на территорию Франции атомные бомбы вне зависимости от того, будут ли они на земле или в самолетах, и не разрешили размещать на нашей территории пусковые установки. Позднее мы поставили под суверенный контроль государства наши военно-воздушные силы и контроль за всеми самолетами, пролетающими над нашей территорией. Возвращающиеся в метрополию из Северной Африки соединения мы не передавали под союзное командование. 16 сентября 1959 года я инспектировал в Военной школе центры, в которых изучались принципы и ресурсы национальной обороны, а также диспозиции и средства действия трех родов войск. Затем я собрал профессоров и слушателей школы и произнес перед ними речь, в которой определялись новые директивы государства своим административным органам и военному командованию по вопросам обороны страны.

“Необходимо, чтобы оборона Франции, — говорил я, — была французской. Если такой нации, как Франция, придется участвовать в войне, то необходимо, чтобы это была ее война, чтобы предпринятые ею усилия были ее усилиями. Безусловно, оборона Франции при определенных условиях может быть совмещена с обороной других стран. Но необходимо, чтобы это была наша собственная оборона, чтобы Франция защищала себя сама, для себя и на свой лад”. Далее я показал, что во Франции государство никогда не имело и не может иметь оправдания своего существования, а *фортиори** длительного существования, если оно не несет прямой ответственности за национальную оборону и что военное командование обладает властью, достоинством и престижем перед нацией и армией только в том случае, если оно само действительно отвечает за судьбу страны на поле брани. Я уточняю: “Это означает, что для Франции система, известная под названием “интеграция”, которую свободный мир осуществлял до сих пор, отошла в область прошлого... Само собой разумеется, что наша стратегия должна быть согласована со стратегией других стран. Ибо в высшей степени вероятно, что в случае конфликта мы окажемся плечом к плечу с нашими союзниками... Но пусть каждому будет принадлежать свое!” Призвав своих слушателей впредь руководствоваться в своей философии и деятельности этой основной идеей, я заявил: “Следствием этого является необходимость создать в ближайшие годы силы, которыми мы могли бы располагать самостоятельно, силы, получившие название “ударных”, которые могли бы нанести удар в любое время по любому объекту. Основной составной частью этих сил будет, естественно, атомное оружие”.

Эта речь, которую я опубликовал в печати, и первые меры по выводу наших войск из-под командования НАТО вызвали широкие отклики. Тем более широкие, что последовавшие затем другие факты подтвердили, что V Республика проводит свою собственную политику. Так, в момент, когда американцы и англичане высаживают свои силы соответственно в Ливане и Иордании под предлогом защиты этих государств от возможной агрессии со стороны Объединенной Арабской Республики, мы остаемся в стороне и посылаем под Бейрут с целью продемонстрировать наше присутствие независимо от них один из

* тем более (лат) - прим. ред.

крейсеров, не имевший ничего общего с этой экспедицией. Так, после признания независимости Конго (Леопольдвиль) и формирования правительства Патриса Лумумбы мы открыто осудили деятельность Вашингтона, проводимую им под прикрытием Организации Объединенных Наций и приведшую последнюю вопреки ее Уставу к вмешательству во внутренние дела нового государства с использованием своих вооруженных сил и своего бюджета. Так, когда Соединенные Штаты порвали отношения с Кубой и призвали нас запретить нашим судам посещать Кубу, мы сохранили свое посольство в Гаване и отказались наложить эмбарго. Так, мы осудили установление американского контроля над южновьетнамскими властями. Так, мы отказались предоставить наши силы в распоряжение создавшейся Организации договора Юго-Восточной Азии.

Наконец, и это было главным, в проходивших в то время переговорах по разоружению мы стали отстаивать собственную точку зрения. Она состояла ни много ни мало в том, чтобы запретить производство, хранение и использование любых средств ядерного уничтожения. Однако, поскольку совершенно очевидно, что подобное осуждение в принципе скорее всего ни к чему не привело бы, учитывая тайные мысли двух ядерных соперников и невообразимые трудности эффективного и всеобъемлющего контроля, мы предложили в качестве первого этапа установить запрет на строительство пусковых установок и специальных средств доставки атомных бомб: ракет, подводных лодок, самолетов. Действительно, обнаружение их появления и проверка их ликвидации входили в область возможного. Ибо если оба лагеря окажутся лишенными средств доставки атомного оружия, они, безусловно, прекратят разорительное производство самого оружия. Такую позицию я принял раз и навсегда. Наш представитель Жюль Мок излагал ее на бесконечных заседаниях комиссии по разоружению сначала в Нью-Йорке, потом в Женеве. Однако американцы преследовали иную цель. По сути дела, они хотели заключить непосредственно с Советами соглашение, замаскированное под международный договор, которое освятило бы монополию двух гигантов, сократило бы их бешеные расходы и воспрепятствовало бы любому другому государству, еще не имеющему атомного оружия, создать или приобрести его. Но поскольку подобная консолидация раздела мировой власти между двумя гигантами не отвечала нашим целям и никак не способствовала продви-

жению вперед дела всеобщего разоружения, мы решили отмежеваться в этом вопросе от американцев, за которыми полудобровольно принудительно следовал весь эскорт западных стран <...>

Ш.де Голль. Мемуары надежд. Обновление 1958 -1962. Перевод с французского. - М.: "Прогресс", 1971. - С. 5-9, 15-19, 30, 236-237, 260-262.

Ш.де Голль. Мемуары надежд. Усилия 1962. Перевод с французского. - М.: "Прогресс", 1972, - С. 5-6, 10-11, 15-18, 27, 144-147, 152-153, 176-182.

ИДЕЙНОЕ НАСЛЕДИЕ ШАРЛЯ ДЕ ГОЛЛЯ

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ГЕНЕРАЛА ДЕ ГОЛЛЯ С ПОЗИЦИИ 1990 ГОДА

Страategи разрабатывают принципы, формулируют правила, исходя из их изучения и анализа практического применения для с целью целесообразного использования этих правил в новых условиях. Эти обобщающие усилия отличают стратега, думающего о будущем, от историка, описывающего и позволяющего понять прошлое, или от тактика, который мыслит и действует в настоящем.

Осенью 1990 года, когда произошло столько изменений в Европе и минуло 20 лет после смерти генерала де Голля, очень интересно сопоставить голлистскую стратегию с сегодняшними реалиями, задаться вопросом ее пригодности в данное время и в ближайшем будущем.

Возрождение национального чувства

Нация, по де Голлю, составляет основной элемент стратегии, функция которой - обеспечить выживание в мире, полном опасностей, защиту против агрессии, независимость, как необходимое условие свободы граждан. Нация, укоренившаяся на созидательной почве определенной культуры, укрепленная перипетиями своей истории, является хоть и не бессмертной, но, по меньшей мере, длительным историческим явлением. Она может выжить в тяжелые времена и даже возродиться после катастроф. Она сильнее идеологий и религий. "Уже поздно, чтобы какая-либо идеология, в частности коммунизм, взяла верх над национальным чувством", - говорил де Голль на пресс-конференции 9 сентября 1968 года. Эта незыблемая уверенность объясняет присущий де Голлю скептицизм в отношении методов революционной войны на внешних оперативных театрах, то есть за пределами национальной территории.

На наших глазах Европа подтверждает слова де Голля. Повсюду возрождается национальное чувство. Не только в странах, задавленных советским империализмом, но и внутри

СССР - в странах Балтии, у этнических меньшинств Кавказа и даже в самых больших по численности населения республиках: России и Украине.

Что касается Германии, то кто мог подумать, что объединение ГДР и ФРГ произойдет за несколько месяцев. Разве не мощное национальное чувство, сдерживавшееся долгое время, помогло преодолеть все внутренние и внешние препятствия? Интересно отметить, что наблюдатели, которые недооценили силу национального чувства, оказались еще и наименее проницательными в отношении протекания и темпа развития событий.

Это возрождение национальных сил на международной арене является небезопасным. Повсеместно возрождаются центробежные, сепаратистские движения, которые рано или поздно нарушат привычную для нас стабильность. Предвосхищая их, де Голль утверждал, что линия Одер-Нейсе, зафиксированная в конце второй мировой войны, должна остаться восточной границей Германии. Вообще говоря, если поддержание мира требует уважения существующих границ, то возрождение национального чувства всегда найдет повод для их пересмотра.

Национальная стратегия Франции по своей природе независима. У правительства должны быть свободны руки для того, чтобы наилучшим образом действовать в непредвиденных обстоятельствах, при которых мы не всегда сможем оставаться безучастными свидетелями. Наша самостоятельность в принятии решения - неотъемлемый момент в отношении ядерного оружия: невозможно себе представить, чтобы от нее отказались Президент Республики или его преемники.

В общем плане она необходима Франции для того, чтобы не быть втянутой туда, куда она не хочет идти. Она полезна и в допущении инициатив в удачный момент. Эта самостоятельность будет парализована интеграцией французских вооруженных сил в некое объединение, где они не будут зависеть от национального командования. Поэтому де Голль в 50-е годы яростно противостоял Европейскому Оборонительному Сообществу (ЕОС) и в 60-е годы вышел из объединенного командования НАТО. Завтра увеличение смешанных воинских частей типа франко-немецкой бригады приведет к своего рода интеграции, так же как и размещение иностранных войск на

нашей территории, если только они не будут находиться под нашим командованием, что мало вероятно.

Союзы и оборона Европы

Другой принцип голлистской стратегии: союзы полезны и порой необходимы, но они не вечны. Даже “хорошие и солидные” они “изнашиваются, ослабляются, так как непрестанно изменяются люди, нации, мир”. “Ничто не может оставить полностью действительным договор, когда изменяется предмет соглашения. Ничто не может заставить остаться союзу таким, как он есть, когда изменились условия, в которых он заключался”. Это заявление, сделанное генералом де Голлем 20 февраля 1966 года на пресс-конференции, обосновывало выход Франции из-под объединенного командования НАТО.

Сегодня мы констатируем, что ликвидация блока Варшавского Договора является по сути результатом “изменившихся условий” после отказа европейских сателлитов Советского Союза от коммунизма, защитить который предназначался этот блок. Именно поэтому, перед лицом возможного противника, который должен решать серьезные внутренние проблемы, который больше не занимает прежних территорий и не обладает прежними союзниками, НАТО, чтобы выжить, должна пересмотреть свою стратегию и перестроить свою организацию. Угрозы с Востока, оправдывавшие ее создание, уменьшились. В то же время появляются новые угрозы, выходящие за рамки поля ее деятельности. Каждый ответственный политик и военный знает это, но никто не делает из этого выводов. Многие во Франции, меньше чем в других странах, смирились с тем, что ответственность за принятие стратегических решений продолжает принадлежать США, которые взвалили на себя эту тяжелую ношу 45 лет назад и продолжают нести ее по сей день. Другие говорят о “европейской опоре альянса”. Идея соблазнительна, хотя не нова и не выдерживает критики. Эта “опора”, планы которой никто не представлял, только утяжелит военную организацию НАТО, и без того весьма сложную. Если это не уловка, американцы не примут идею опоры, ибо они хотят сохранить сегодняшнюю организацию, которую они контролируют и не намереваются реформировать.

Единственная альтернатива НАТО — создание новой организации с тем, чтобы Европа сама защитила себя и своими собственными средствами. Не важно, как это будет сделано: в

рамках обновляемого Западно-Европейского Союза (ЗЕС) или вновь созданной организации. Это была надежда генерала де Голля, который видел в ней необходимое условие существования Европы в противовес великим империям и в первую очередь СССР (называемой де Голлем “Россией”; старый термин, входящий в моду), который, даже лишившись своих союзников и, несмотря на внутренние трудности, будет оставаться великой страной благодаря своему народу, своим естественным богатствам, своей культуре, своим вооруженным силам. Уравновешивая эту великую европейскую и азиатскую мощь, Европа поможет всеобщему миру: “Если народы Европы смогут однажды найти согласие, мир на Земле будет обеспечен” (Слова Шарля де Голля — прим. перев.). Главное препятствие для подлинно европейской стратегии не связано с неуравновешенностью сил СССР, во что некоторые правительства хотят заставить поверить во избежание собственной ответственности. Западная Европа - сильнее, богаче, более населеннее, чем Советский Союз. В случае необходимости она может рассчитывать на США, и это не будет старый механизм использования НАТО для защиты Европы от угрозы агрессии. В данном случае Европа будет иметь для США политическое, экономическое, и, следовательно, стратегическое значение.

У Европы имеются европейские и даже мировые стратегические средства, но она не желает ими пользоваться, так как не существует политически.

Если судьба НАТО ставится под сомнение, то приведет ли это к распаду Атлантического альянса? Де Голль не считал так, говоря на пресс-конференции 21 февраля 1966 года “не о полном разрыве, но о необходимой адаптации”. Доказательством этому служит договор, заключению которого способствовал де Голль (он и сегодня в силе) между начальником штаба ВС Франции и главкомом американских войск в Европе, предусматривающий возможные действия на стороне союзников Первой французской армии, поддерживаемой тактическими воздушными силами. Гибкие формулы такого рода подхода большее будущее, чем тяжеловесные и закостеневшие структуры, унаследованные от блоковой политики и навязанные холодной войной. “Поздно стараться поделить навсегда Европу на два противоположных блока” (пресс-конференция от 9 ноября 1968 года).

Воссоединенная Германия, имея 80 млн. жителей, первая экономическая держава Европы, родина мыслителей, ученых, изобретателей, внесших значительный вклад в прогресс человечества, недавно высвободившаяся из-под власти демонов, может ли она после подписания мирного договора долго терпеть на своей земле иностранные войска? Через 3-4 года после ухода советских солдат дойдет очередь и до союзных сил: французских и английских, бельгийских, нидерландских, а также американских и канадских. Как сказал президент Франции, этот уход не только “логичен”, отныне он неотвратим.

И с момента (1965 год), когда де Голль подал пример выдвижения требований о выводе иностранных войск, Франция будет не права, удивляясь или жалуясь на это.

Но тогда что же делать НАТО, если центр Европы - это центр Альянса? Разбухшие штабы “сбавят обороты”.

Стратегия средств

Голлисткая стратегия - это стратегия средств. Ее цель - создание, организация, поддержка достаточных сил для защиты Франции против агрессии (откуда бы она ни исходила), угрожающей ее жизненным интересам, и в целях соблюдения международных обязательств. Проект, который бесповоротно выводит всю страну, а не только ее вооруженные силы на новый путь скрытых трудностей, связан с ядерным оружием. Поэтому де Голль хотел, чтобы его решение было утверждено народным обсуждением, которого руководство IV Республики ловко избегало. Фактически то, что Раймонд Арон в 1962 году назовет “великим обсуждением”, имевшим место в парламенте и в кругах общественного мнения в течение десятилетия, касалось ядерного оружия Франции. Изучение и размышления над вопросами стратегии вновь оживились и стали открыты тем кругам, которые долгое время не интересовались этим: дипломатии, университету, прессе и даже церкви и столкнувшейся с проблемами морали, возникшими с появлением оружия массового уничтожения.

Чтобы сегодня оценить эту стратегию, нужно по меньшей мере исходить из всей совокупности ее средств. Это мы находим в выписке из решений Совета обороны от 2 мая 1963 года. “Установлены различные ступени развития ядерной стратегической силы: первое поколение будет включать 50 самолетов

Мираж IV, вооруженных плутониевыми бомбами; второе поколение будет состоять из атомных подводных лодок с ракетами-носителями с ядерными боеголовками из урана; связующим звеном между первым и вторым поколением (1968-1972 гг.) будут от 20 до 30 ракет ССБС с ядерными плутониевыми головками...”.

Эти решения не держались в секрете. Как раз наоборот, они афишировались, ибо де Голль знал, что всякая программа вооружения, перед тем, как она будет реализована, производит определенный эффект как на противников, так и на союзников, лишь бы она имела под собой базу, то есть чтобы государство обладало финансовыми, научными, техническими и промышленными ресурсами для ее проведения в жизнь. Через 20 лет инициатива стратегической обороны президента Рейгана покажет, что стратегия средств с момента ее объявления может иметь важные результаты.

Со времени первого французского атомного взрыва стратегия средств нашей страны не изменилась. Программы 1960 и 1965 года, разработанные Генералом, были реализованы вместе. После чего продолжалось наращивание усилий в повышении мощи многочисленных вооружений, их точности и меньшей уязвимости от средств противодействия.

Ядерным программам де Голль придавал столь важное значение, что пошел на трудности, которые они вызывали во внешней политике, став принципиальным элементом франко-американских споров до выборов Никсона. За третьим взрывом в 1961 году в Реггане по инициативе Нигерии последовал разрыв дипломатических отношений, длившийся свыше 5 лет; создание в Полинезии (Муруоа и Фангатофа) центра испытаний, который до этого действовал в алжирской Сахаре, обострило отношения Франции с государствами Тихоокеанского Юга, в частности Австралии и Новой Зеландии, и продолжало давить на них; отказ подписать договор о нераспространении ядерного оружия раздражал наших европейских союзников. Считается нормальным, когда военная стратегия находится на службе внешней политики. В данном единственном случае все оказалось наоборот.

Как появление огнестрельного оружия не привело к исчезновению оружия холодного, так и ядерное оружие не исключило так называемое оружие “классическое”, которое становится все более современным. В начале 60-х годов большая часть

тяжелого вооружения (танки, артиллерия) сухопутных войск, боевых самолетов ВВС и кораблей Национального флота были выпущены в послевоенные годы в Америке. После окончания боевых действий в Алжире де Голль проводит массовое сокращение личного состава вооруженных сил и одновременно осуществляет модернизацию, начиная с выпуска собственного оружия или изготавливаемого совместно, так как его стратегия средств не замыкалась в рамках Франции. Он не отказывается от сотрудничества при создании обычного оружия, чего не скажешь об ядерном. Он предлагает Англии создать совместную ракету, предназначенную для ядерных подводных лодок, но как велико его разочарование, когда премьер-министр Макмиллан отдает предпочтение американскому "Поларису". Но транспортные самолеты "Трансаль", самолеты тактической поддержки "Ягуар", самолеты морского наблюдения "Бреге Атлантик", противотанковые и противовоздушные ракеты "Мартель", "Милан", "Хот" и "Ролан" созданы совместно с нашими европейскими соседями, главным образом с немцами и англичанами.

Сегодня Советский Союз и США, завтра Германия и Великобритания принимают или примут эту стратегию средств, предпочитающую громоздким соединениям меньшие по численности, но лучше оснащенные, а значит более мощные, более подвижные и, надеемся, менее дорогостоящие силы. Это общая тенденция, которая может быть нарушена только новым обострением международной напряженности. Рано или поздно это приведет к созданию армий профессионалов, что не шокировало бы автора книги "Профессиональная армия".

Эволюция стратегии, которая сопровождает или следует за серьезными политическими изменениями, требует времени. Чтобы вывести свои оккупационные войска из Центральной Европы или Восточной Германии, СССР требует 3-4 года. Медлительность частей тылового обеспечения дает хорошие аргументы для политической осторожности. Кроме того, с десятков лет проходит между рождением нового вида оружия и его внедрением. И его уничтожение, если принимается такое решение, дело не одного дня.

Стратегия набирает силу лишь со временем. С этой точки зрения министр обороны Ж.-П. Шевенман прав, настаивая на уважении военных программ развития в противовес тем, кто требует или принимает решение о сокращении кредитов. Ми-

нистр видит явление в развитии, другие - в их сиюминутном состоянии.

Стратегия обороны “по всем азимутам”

Стратегия средств логично выходит на решение проблемы использования этих средств. В этом плане мнение де Голля не менялось: его стратегия - это стратегия глобального сдерживания для поддержания мира. Но он не исходит из идеологии пацифизма, так как знает, что насилие неотделимо от человеческой природы. Как многие прошедшие войну, он видел слишком много смертей и разрушений, страданий и горя. Как француз он понимает, что Франция, участвовавшая на протяжении 30 лет в двух великих войнах, не считая колониальных экспедиций, остро нуждается в мире.

Стратегия сдерживания основывается на угрозе массивного ядерного возмездия. При этом целями являются крупные города агрессора. В 60-е годы она находилась в резком противоречии со стратегией гибкого реагирования, которую выбрали США и которую они навязали своим союзникам. С одной стороны, самостоятельность решений Франции исключала интеграцию ее сил в НАТО, контролируруемую США; с другой стороны, угроза массивного возмездия блокировала систему гибкого реагирования постепенного ответного удара.

За 30 лет обстоятельства потребовали уточнения формулировки французской стратегии, но по существу она осталась сдерживающей и ядерной. С течением времени критика со стороны наших союзников стала менее настойчивой, потому что наши средства, увеличиваясь и приобретая оперативность, демонстрировали большую надежность, тогда как их различные хитроумные средства возмездия все более тяжелым бременем ложились на бюджет и экономику. Для сравнения, бюджет на французскую оборону оставался в рамках разумного: “ударная сила” не была ни “разорительной”, ни “ничтожной”.

Условия полемики изменились с тех пор как США и СССР отказались от так называемого оперативно-тактического ядерного оружия. Это решение вступило в силу в отношении ракет с дальностью, превышающей 500 км, и осталось в стадии обсуждения в отношении ракет с меньшим радиусом действия. Отныне стратегия гибкого реагирования, может быть сдана из-за отсутствия соответствующих средств на склад сувениров и лежать там рядом с предыдущей стратегией, принять которую

Франция отказалась, чтобы не стоять у амбразуры, чего от нее настойчиво добивались.

Что касается французского “тактического” ядерного оружия малой дальности (“Плутон”, воздушные ядерные силы, а в ближайшем будущем и “Гадес”), которые так беспокоят наших германских соседей, то его новое назначение - направить “последнее предупреждение” - является, по всей видимости, возвращением к концепции 60-х годов, согласно которой возможное применение этого оружия показало бы начавшему действия агрессору решимость правительства Франции. Но реальность за этой видимостью состоит в том, что генерал де Голль решил создать вокруг тактического ядерного оружия ударные воздушно-наземные силы, в то время как сегодняшняя стратегия эти силы наоборот отсекает от войск. Голлистская концепция была ясна: поскольку местность и наши средства позволят нам в случае нападения на Западную Европу провести лишь одно сражение, то нужно использовать в нем все средства без исключения. Эта простая и подлинно сдерживающая стратегия наталкивается на возражения немцев, которые боятся разрушения своей страны, и со стороны американцев, которые сами хотят контролировать эскалацию стратегических вооружений. С тех пор, как от этой стратегии отказались, наши тактические ядерные силы стали похожи на ежика, которого неудобно ухватить.

Голлистская стратегия ориентирована не только на Восток. Она охватывает все азимуты. “Поскольку Францию можно уничтожить случайно с любой точки мира, постольку необходимо, чтобы наши “ударные силы” были готовы воздействовать на любой район планеты” (Речь де Голля в Высшей военной школе 3 ноября 1959 года). Выступая 27 января 1968 года перед офицерами Центра высших военных исследований, он возвращается к этой идее: “Кто может сказать, как будет изменяться мир? Кто возглавит США через 20 лет и какой там будет строй? Кто будет править СССР, Германией, Японией, Китаем? Кто может сказать, что произойдет в Южной Америке и в Африке? Из-за этой неопределенности мы и создаем наше ядерное оружие...”

Недавние события подчеркивают правоту стратегии “обороны по всем азимутам”. Блоки дают трещину или распадаются, их стратегия становится неуверенной. В результате риск мировой войны уменьшается, но в то же время возрастает риск ло-

кальных войн, так как сверхдержавы, каждая из которых правит в своем блоке, теряют контроль над своими сателлитами или союзниками. Новые угрозы и конфликты появляются за пределами географических зон НАТО, которая сегодня тоже показывает свою неприспособленность к условиям нашего времени.

Хотя французская стратегия является в первую очередь европейской, она все же никогда не ограничивалась Европой. Из-за своих заморских департаментов и территорий в Америке, на Тихом и Индийском океанах, Франция в силу договоров, заключенных с большинством франкоговорящих государств Африки, должна проводить мировую политику, даже если это не нравится одним или раздражает других. И эта стратегия - не только стратегия сдерживания. Случается, что это еще и стратегия действия. Начиная с метрополии и внешних баз, а также в независимых странах, таких как Сенегал, Кот д'Ивуар, Джибути, она позволяет осуществлять быстрые и часто эффективные интервенции, например, в Габон и Чад.

США принципиально были и остаются противниками французской стратегии "обороны во всем азимутам". Не потому, что они видят угрозу для себя, но потому, что считают, будто Франция, как и все страны мира, кроме самих США и, может быть, СССР, должна довольствоваться региональной ролью.

Преемники генерала де Голля публично не подтверждая эту политику "обороны по всем азимутам", никогда не отрицали ее и даже при случае проводили в жизнь. Жорж Помпиду осуществил военное вмешательство в Чад; Валери Жискар д'Эстен - в Чад, Заир и Колвези; Франсуа Миттеран - в Чад, в Ливан и дважды воздушно-морскими силами в Персидский залив. Эти внешние вмешательства очень разорительны, ибо мобильность стоит дорого, а встречающиеся противники вооружены все лучше. Если Франция хочет последовать их примеру, она должна наращивать свои воздушные и воздушно-морские силы, модернизировать наземный компонент сил быстрого реагирования. В сегодняшних рамках наш оборонный бюджет не позволяет сделать этого.

Постоянно действующие силы

Голлистская стратегия сильна своей тесной связью с внешней политикой. III Республика после 1918 года выбрала оборонительную военную стратегию, опирающуюся на линию Мажи-

но, в то время как внешняя политика союзов с Польшей и Чехословакией предполагала наступательные возможности, которых наша армия не имела. В результате, в 1938 и 1939 годах мы были бессильными и оскорбленными свидетелями разгрома наших союзников.

Ближе к нашему времени, IV Республика втянулась в колониальные войны, провозглашая при этом право народов самим распоряжаться своей судьбой. Она приняла решение войти в состав НАТО, но основная часть ее сил находилась за морем, вне НАТО. Де Голль положил конец этим противоречиям.

Речь не идет о том, чтобы подражать тому, что он сделал, а надо уважать нестареющие принципы и применять их в новых условиях.

Pierre Messmer. Les conceptions stratégiques du général de Gaulle face au monde de 1990. // Défense nationale. - Paris. -1990. - 111. - P. 13-24.

Ф. МОРЭН

ОПРЕДЕЛЕНИЕ И ПРОВЕДЕНИЕ ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКИ

Принципы оборонной политики генерала де Голля можно изложить таким образом:

а) Первоочередная ответственность за обеспечение безопасности государства.

б) Отказ от всякого рода интеграции не противопоставляется возможности действовать в рамках союзов, состав и поле деятельности которых могут развиваться.

в) Наконец, нужно вооружиться военными средствами, позволяющими Франции играть в мире ту роль, на которую она претендует.

Эти принципы были упомянуты в Белой книге 1972 года, основной целью которой являлось увековечивание оборонной политики де Голля после того, как его не стало.

С момента своего прихода к власти в 1958 году генерал де Голль принял все необходимые меры к тому, чтобы как можно

быстрее адаптировать французский военный аппарат к новой политике. Знаменитое январское 1959 года постановление об обороне определило желаемую организацию, а программные законы, относящиеся к снабжению вооруженных сил, будут изданы позже, как это и предполагала новая Конституция. Что касается сроков и количества выпущенной техники, то эти законы были почти что соблюдены, что способствовало быстрому развитию четко определенных приоритетных военных средств. Первым среди них стало создание ядерных сил. Следующим шагом был подъем национальной военной индустрии на уровень, достаточный для того, чтобы гарантировать нашу безопасность. Не исключались все возможности по сотрудничеству в этой области с нашими европейскими соседями.

В отношении военной организации Атлантического блока после 1966 года генералом де Голлем было дано указание на заключение большого числа договоров. В частности, между командованием национальных вооруженных сил и союзниками было принято общее соглашение, предварительно подписанное начальником штаба французских вооруженных сил генералом Айере и Верховным командующим НАТО генералом Лемницером. Французские военные миссии были учреждены при командованиях всех союзников, размещенных в Европе.

Наконец, в 1969 году генерал де Голль перед своим уходом реорганизовал высшее командование и заново определил задачи различных видов вооруженных сил. Начальник штаба вооруженных сил Франции в военное время назывался начальником генерального штаба с соответствующими полномочиями. Назначение на должности командующих оперативными объединениями предполагалось уже в мирное время, а понятие “назначенный (заранее) командир” упразднилось. Сухопутные войска, способные вести боевые действия совместно с союзниками, были перегруппированы в Первую Армию, включающую 2 армейских корпуса, один из которых оставался стационарно в Германии. Были четко определены задачи оперативной территориальной обороны и задачи командующих военными морскими и воздушными округами. Начало создания ядерных сил было предусмотрено некоторыми ответственными политиками до прихода Генерала к власти. Так, еще в марте 1958 года президент Совета Оборона Феликс Гайар решил начать разработку транспортируемой по воздуху ядерной бомбы. Но подлинная национальная программа ядерного воо-

ружения с целью создания сил вероятного сдерживания была запущена только после мая 1958 года решением генерала де Голля. Она предполагала в своем составе три компонента, один из которых, ракеты класса “земля-земля”, долгое время рассматривался как временный. Именно в это время по ядерной программе было принято твердое решение, несмотря на необходимость преодоления технических трудностей и, особенно, вопреки жесткой оппозиции значительной части политических, и, к сожалению, даже некоторых военных сил.

Первым компонентом ядерных сил с 1964 года стали стратегические ядерные силы. С 1964 по 1968 год были быстро взяты на вооружение 62 самолета Мираж IV с ядерными боеголовками.

Второй компонент, по которому принималось решение в 1963 году, - это ракеты класса “земля-земля” с дальностью полета 3 000 км. 9 ракет для первого подразделения были введены в строй в 1971 году, а для второго подразделения - в 1972 году. Это свидетельствует о техническом достижении с исключительной скоростью реализации.

По третьему компоненту, выпуску подводных лодок, решение было принято также генералом де Голлем. Говорят, что когда на заседании Совета Обороны Генерал заявил, что необходимо подумать о выпуске ядерных подводных лодок-ракетоносителей, некоторые члены Совета полагали невозможным реализовать эти планы, так как считали их недостижимыми в техническом и финансовом отношении. Думали, что без внешней помощи не обойтись, а это было исключено. Утверждалось, что Англия смогла поставить в строй только 4 ядерных подводных лодки с многочисленными американскими элементами. Между тем, благодаря этому, как считалось, дерзкому решению, в 1971 году лодка “Редутабль” с 16-тью ракетами была спущена на воду, а вслед за ней последовал выпуск 5 других ядерных подлодок-ракетоносителей, последняя из которых выпущена в 1980 году.

Военная политика генерала де Голля часто представлялась как политика, обращенная исключительно на создание стратегических сил, основанием которых являлась атомная концепция, выраженная формулой “все или ничего”. В сущности было бы неточным сказать, что все остальные силы были принесены в жертву. В самом деле, в меморандуме от 17 сентября 1958 года, адресованном Генералом Эйзенхауэру и Макмил-

лану, де Голль говорил: “Используя мощь в мировых интересах, Франция должна располагать воздушными и морскими средствами, необходимыми для внешних действий, и, как член Атлантического альянса, она должна обладать наземными и воздушными силами, способными к маневру в центре Европы”¹.

Надеюсь, я показал, какие технические и финансовые усилия были необходимы для создания сил, обеспечивающих поддержку внешней политики Франции. В заключение хочу подчеркнуть, что было примечательного в деятельности Генерала: во время своего президентства он, с присущим ему предвидением, поставил ясные цели и постоянно заботился о выпуске средств, соответствующих международной ситуации с 1958 года до настоящего времени.

François Maurin. Définition et conduite d'une politique de défense. // De Gaulle en son siècle. - Paris, 1992. - P. 123-125.

1 Espoir, n.15, juin 1976.

ОБОРОНА: ПРИНЦИПЫ ГОЛЛИЗМА И НОВЫЕ ДАННЫЕ

<...> Чтобы ухватить главную мысль Генерала в отношении проблемы обороны, сопоставить ее с процессами эволюции и потрясений сегодняшнего времени, я остановлюсь на трех в принципе очень простых суждениях:

- основной долг для нашей страны - оборона;
- нам нужно стараться подготовиться по всем возможным вариантам;
- решая проблему согласованности обороны в рамках сотрудничества с другими странами, мы не должны связывать себе руки.

Речь не идет о том, чтобы мы претендовали на утверждение: вот как думал бы де Голль сегодня и как бы поступал. Мы категорически отказываемся от подобных умозрительных рассуждений. Это было бы неосторожно и, я бы сказал, даже нечестно в интеллектуальном плане. Мы не имеем права подозревать, что бы Генерал сказал. И напротив, я думаю, мы можем и должны:

- постараться оценить изменения в международной обстановке и положении Франции, произошедшие со времени, когда жив был де Голль и при этом не выходить за пределы нашей компетенции;
- воскресить в памяти то, что он считал важным в деле обороны и что остается таковым для нас сегодня (а это уже в пределах наших возможностей);
- заняться собственно рефлексией, по крайней мере поставить проблему <...>

Оборонный долг

Защищаться, несомненно, означает желание устоять в своем существовании. Это изначально глубинная форма индивидуального или коллективного эгоизма. Более того. Мы знаем,

что личность в понимании де Голля - это человек христианской веры, человек мужественный и с характером. Личности для него были не только гуманоидами, физическими представителями, но и людьми моральными, естественно неодинаковыми в духовном отношении, с присущим им чувством достоинства. Де Голль выделял нации, а среди наций - Францию, которую он любил так, как мужчина может любить женщину. Своеобразие Франции особым образом проявляется в древности ее истории (сравним с Италией, Германией, Испанией, Великобританией...), в ее единстве (которое не является полным и однообразным, но реальным и дорогим для нас), что выражается в нашем языке, нашем образе жизни, ценностях - в тех признаках, по которым французы узнают друг друга. Государство способствует развитию и поддержанию этого своеобразия.

Поддержание - это не только и, может быть, не столько сохранение, сколько обновление. Это основной долг государства по отношению к нации, а также долг по отношению к народу и в общем к человечеству, так как мы сами, являясь частью человечества, признаем за собой обязанности по отношению ко всем людям, обязанности по сохранению мира, по оказанию помощи, по содействию прогрессу и свободе.

Для выполнения своих обязанностей нация должна иметь собственно свою территорию (включая заморские департаменты и территории) и в целом свою независимость. Оборона - одно из условий, но далеко не единственное для полноценного существования. Де Голль часто говорил и доказывал своими действиями, что оборона - это первейшая обязанность правительств. Если государство пренебрегает выполнением этой обязанности, оно утрачивает право на существование. Государство должно заботиться о том, чтобы оборона была желанна для народа и обеспечивалась соответствующими институтами.

Оборона может стать желанной для народа:

1. Подготовкой и информацией. Словом, отношением и делами руководителей, национальным воспитанием.

2. Определением и проведением демократической оборонной политики. При сохранении некоторых секретов цели, философия, выбор магистральных направлений обороны должны быть известны народу и одобрены им, в частности, путем парламентских обсуждений, принятием законов.

Оборона организуется и обеспечивается политическими институтами, которые не должны перекладывать свою ответственность на других. Так, военные, дипломаты, ученые, предприниматели всегда должны участвовать в консультациях, но не покушаться на область выбора правительственных решений.

Наконец, совокупность действий государства должна соответствовать возрастающему разнообразию обязанностей в сфере обороны. Это реальность, которая сама по себе не нова, но которая набирает силу по крайней мере по двум направлениям:

1. Решение внешнеполитических задач, которые вооруженные силы нашей страны будут выполнять самостоятельно, или, что бывает чаще, участвуя в международных акциях по поддержанию или восстановлению мира или в плане гуманитарной деятельности. Генерал де Голль уже давно придавал значение исполнению задач по оказанию помощи. Сегодня они приобретают такую важность, что наша военная организация должна быть способна к их решению.

2. С другой стороны, растет важность внутренней безопасности от плохо контролируемых иммиграционных течений, терроризма, всякого рода экстремистов и, в частности, религиозных объединений. Собственно военные средства плохо приспособлены к подавлению этих угроз. С ними ведут борьбу в первую очередь полиция, а также различные государственные структуры, от правовых до социальных служб.

Оборонная политика государства должна быть частью общей политики. Между различными элементами общей политики и оборонной политики государства не должно быть не только противоречий (по этому поводу часто вспоминают нашу внешнюю политику и военную политику перед 1939 годом), но должно наблюдаться единство и совпадение. Это единство предполагает гармонию основных национальных балансов. Следует напомнить важность понятия “баланс” в отношении проблем обороны в мышлении де Голля (сбалансированный бюджет, баланс внешних связей, баланс промышленного, научного и технического развития, баланс территориального обустройства и т.д.). Понятие оборонного баланса особенно верно:

1. *В плане финансовом* - забота генерала де Голля о том, чтобы вооруженные силы получали все, в чем они действи-

тельно нуждались, но не более того. Это напоминание об эффективно проводимой политике в данной области, что относится, в частности, к уменьшению расходов на содержание вооруженных сил в связи с сокращением личного состава, по окончании войны в Алжире и в связи с контролем расходов, необходимых для введения в строй ударных сил.

2. В плане человеческого существует две проблемы баланса:

- между профессионалами и призывниками внутри вооруженных сил;

- между людскими ресурсами, проходящими национальную службу; между собственно военным предназначением вооруженных сил и выполнением различных гражданских задач во Франции и за рубежом.

Здесь также учитываются психологические факторы (характер отношений, открытость миру и т.д.), возможность развития нашего международного сотрудничества, целей профессиональной подготовки.

Я думаю, что выбор между армией по призыву и профессиональной армией не должен зависеть только от технических и финансовых обстоятельств. В частности, мне кажется, что из-за различия указанных факторов еще долгое время будут придерживаться решения о смешанной армии.

В отношении понятия оборонный долг в понимании де Голля в целом наблюдаются:

- частично новые элементы;

- основания для того, чтобы укрепить и разнообразить наши действия;

- при этом, мне кажется, нет необходимости изменять оценки наших обязанностей;

- зато мы видим, что следует изменить способы нашей деятельности.

Мы должны готовиться ко всем вариантам

Не было ничего более чуждого духу Генерала, чем дух системы. Он очень хорошо знал Историю, чтобы не быть реалистом. Я вовсе не говорю прагматиком, ибо у него были твердые убеждения и прочные принципы. Он принимал во внимание обстоятельства и хорошо знал, что они меняются. Современный мир особенно казался ему нестабильным и непредсказуемым <...> Де Голль хотел подготовить нашу страну к

изменениям, которые он предвидел и к которым стремился, но о которых иногда не знал сам. Приверженность этому не позволяет нам забывать о необходимости полностью или частично учитывать сегодняшние реалии в соотношении с теми, что существовали во времена де Голля. Некоторые из этих факторов - военного и технического плана. Они далеки от того, чтобы назвать их полностью новыми в сравнении с интерпретацией де Голля, но их звучание усилилось. Так, это касается потери нашей страной стратегической глубины, главным образом в Западной Европе. Исчезло пространство для маневра и развертывания вооружений, способных действовать на дальние расстояния, с небывалой скоростью, обладающих большой разрушительной силой.

Несомненно, сегодня остаются локальные конфликты, кризисы ограниченного масштаба в бывших Югославии и СССР. Но в случае настоящей войны нужно быть готовым к тому, что понятие “охрана границ” во многом потеряет свое значение. “Театр оперативных действий” в классическом понимании станет необъятным. Он выйдет не только за рамки Европы, но и за сухопутные и морские подступы к нашему континенту.

Генерал де Голль, организатор бронетанковых дивизий и французской атомной бомбы, знал истоки этих феноменов, но политические потрясения, которые должны были определить их важность, частично были еще впереди. Эти новые факты полностью проявились через два десятилетия после кончины Генерала. В принципе, они не были неожиданными, но поразили своей внезапностью. Так, де Голль избегал выражения СССР и предпочитал говорить о России. Он был убежден не только в тяжеловесности коммунистических систем, но и в их хрупкости. Он верил, что народы-сателлиты Востока в глубине сердца сохраняли свои национальные чувства и ждут случая, чтобы “придать им размах”. Что смог сделать сам де Голль для побуждения их к этому и какую оказал помощь? Он делал это своей общей политикой, своими встречами с руководителями этих стран и поездками в Польшу и Румынию. Он хотел положить конец блокам и создать в Европе политическое и оборонное единство.

В целом то, что происходит сегодня на востоке и в центре нашего континента, соответствует его догадкам и частично его надеждам, может быть реализованным даже раньше, чем он сам это предвидел:

- больше не существует Варшавского договора;
- больше нет СССР;
- старые страны восстанавливают свою независимость;
- рухнула коммунистическая система;
- больше нет советской угрозы.

Но мир от этого не стал более надежным:

- до сих пор множасьщиеся региональные конфликты могут перерасти себя;

- благодаря распаду СССР (Украина и Белоруссия) и усилиям многих государств, в частности Ближнего Востока, которые вооружаются атомной бомбой и средствами ее “доставки”, становится все больше обладателей ядерного оружия.

Таким образом, порядок, основанный на равновесии между двумя блоками, исчез. Один из них, созданный по принуждению, больше не существует. Другой, естественно, изменил свой характер, потому что противника его уровня больше не существует. Впрочем, все ли мы сказали о данном блоке? Сами Соединенные Штаты находятся в стадии глубоких изменений, в частности, их меньшинств, азиатских и испанских народностей, чьи традиции и интересы глубоко отличаются от американского населения. Я думаю мы ошибемся, если скажем, что США способны в сжатые сроки стать отличными от тех, какими мы их знаем. Что станет с Атлантическим союзом, каким мы хотим его видеть, что мы хотим сделать для его успешного развития в нашем понимании?

Сотрудничество в условиях свободы

Мы должны сотрудничать, так как это необходимо для нашей обороны. Мы должны сотрудничать в условиях свободы, так как было бы недопустимо, если бы оборона, предназначенная для сохранения этой свободы, равно как и национальной независимости, сама принесла бы им вред.

Сотрудничество между странами, решившими объединить усилия в борьбе с общим противником, требует все большего выхода за пределы военных отношений и все большего напора <...>

Единому командованию на поле боя предшествовала иерархическая организация. Сегодня такие формы борьбы, как антиракетная оборона или космическая оборона под силу лишь объединенным в техническом и финансовом плане мощным средствам. Главные по размаху конфликты требуют,

чтобы национальные штабы союзнических стран осуществляли серьезную подготовительную работу, включающую:

- постоянный обмен информацией;
- общие решения стратегического порядка в рамках совместной политики;
- общие средства обработки информации;
- решения о выборе ответственных лиц и т.д.

Предварительное сотрудничество необходимо также для подготовки к совместным действиям за пределами границ. При отсутствии такового для конфликта международного масштаба в первое время может быть характерно:

- или чрезмерный срок бездействия, когда следует наступать;
- или недостаточность (которая может быть губительной) сопротивления, когда дело касается обороны.

Для Франции встает вопрос: с кем и как сотрудничать? Прежде всего с Атлантическим Союзом:

- частью которого мы являемся, даже если мы вышли из военной организации НАТО;
- который одержал значительный успех в противостоянии с восточным блоком (своими решительными действиями, не прибегая к оружию, он способствовал его краху);
- который составляет единый ансамбль военной мощи, экономических и технических возможностей.

Но что мы сегодня ожидаем от Атлантического Союза после исчезновения противника, против которого блок был создан?

Мы можем продолжать видеть в нем оборонительную организацию против тех, кто может представлять угрозу, идущую с Востока. Это не абсурд, ибо, с одной стороны, на Востоке могут разрастаться региональные конфликты, а с другой стороны, русская мощь, сохраняющая большое значение в военном отношении, через несколько лет может быть восстановлена. Но сегодня мало оснований для того, чтобы эта мощь использовалась против Западной Европы.

С другой стороны, в Союзе мы можем найти законную организацию взаимной безопасности как для Северной Атлантики и Западной Европы, так и для всей Европы, а может быть и для стран за ее пределами (турецкая Малая Азия уже входит в Атлантический Союз). Это путь, по которому сегодня продви-

гается НАТО во главе с США и, видимо, с согласия бывших членов Варшавского Договора.

Держась систематически особняком, мы лишимся возможности влиять на будущую организацию мира. Но мы должны быть бдительны, дабы не попасть в подчинение. Когда-то де Голль вывел Францию из военной организации НАТО. Кроме прочих обстоятельств он полагал, что отводимая нам роль в подготовке решений была недостаточной. Мы могли бы изменить позицию в случае удовлетворения наших требований. Мы должны также добиться того, чтобы совместное обсуждение, и в первую очередь с наиболее активными членами Союза, привело к адаптации НАТО к новым веяниям нашего времени во всем, что касается его конечных целей, состава, процесса принятия решений и т.д. ...Эти переговоры об адаптации Союза должны проводиться на уровне правительств. Мне кажется, из-за риска затяжного обсуждения было бы неосторожным начинать встречи дипломатов и военных без предварительного согласования принципов. Это было бы неблагоразумным по отношению к нашей независимости, а также по отношению к единой европейской политике, которую должна дополнять организация европейской обороны.

Пока еще устный характер европейских проектов, различие органов, обсуждающих эти перспективы, печальное югославское дело - все это не должно повлиять на недооценку этих вопросов в нашем будущем. Конечно, мы должны избежать ослабления Союза, но нужно предвидеть случай, когда США, так же как и другие близкие к ним страны, не будут считать себя подвергнутыми угрозам, объектом которых почувствуют себя Франция и, без сомнения, другие государства. Нужно предвидеть также и то, что однажды США и другие страны не захотят участвовать в предпринятой нами военной инициативе по защите наших интересов (чисто национальных или европейских) или при выполнении возложенных на нас международных обязательств. Следует учитывать юридическую возможность таких отношений с нашей стороны и закрепить ее практическими действиями, необходимыми в определенных случаях только нам самим или в союзе с другими государствами:

- для потребностей нашей политики;
- когда мы останемся одни или почти одни перед лицом угрозы (в частности, на заморских территориях);

- для того, чтобы наши военные хорошо знали, что они могут быть призваны защищать нацию и в национальном масштабе (только в этом случае у них появится сознание того, что они будут препятствовать явлению, которого опасался де Голль: видеть наши вооруженные силы отвыкшими действовать в отечественных рамках, рассуждать в духе коалиции, на ее “языке” и ее методами).

Резервы наших вооруженных сил при условии, конечно, лояльности в отношении союзников, должны избегать всякого рода систем (командных, тыловых и т.д.), которые будут нам мешать, стеснять и тянуть назад при достижении собственно французских целей.

Я чувствую себя не способным даже в общих словах предоставить указание способа, каким объединенные в более крупные системы, национальные военные силы могли бы быть выведены из них без серьезного ущерба. Существует вероятность того, что очень совершенные формы объединения (сильно сокращенные национальные части) не позволят государствам в соответствующие сроки и в приемлемых условиях восстановить расположение своих войск. Но, по мнению экспертов, дело, кажется, обстоит иначе, когда сами национальные части являются довольно мощной силой и когда приняты меры предосторожности, позволяющие быстро ввести их вновь в состав национальных объединений, располагающих всем необходимым для управления, тылового обеспечения, а также имеющих системы обнаружения, информации, связи и т.д.

На чем бы я хотел при этом настоять, так это на абсолютной необходимости предвидеть и организовать возможное возвращение в состав национальных вооруженных сил тех элементов, которые входят в состав международных сил. В частности, это кажется актуальным для “Еврокорпуса”, находящегося в стадии формирования. Французско-немецкий “Еврокорпус” является выражением особенно близкого понимания между двумя странами, что конечно является серьезным основанием для завершения работы по его формированию. Какого уровня мы хотим достичь при создании такого корпуса? Должны ли мы предусмотреть возможность нашего участия в создании других “Еврокорпусов” на аналогичных принципах? Вот те вопросы, по которым мы должны занять очень сдер-

жанную позицию, а по второму пункту, по моему мнению, - негативную.

Наконец, сила нашего ядерного сдерживания и дальше должна зависеть только от воли нашего государства, что будет являться условием доверия к нему. Несомненно также, что этот принцип не относится к категории незыблемых.

Сегодня сила сдерживания может принять следующий характер: более разнообразный; менее бесчеловечный и массовый; более открытый для защиты наших основных интересов за пределами границ Франции и даже для защиты наиболее близких нам государств.

Но огромная ответственность в связи с применением ядерного оружия может быть возложена только на одного человека, который может быстро и с необходимой степенью секретности привести в действие эту силу. Любая форма коллективного решения, национального или международного, с необходимостью сопровождается задержками и колебаниями, несовместимыми с эффективностью устрашения, которому подвергается противник.

Среди стоящих перед нами вопросов, касающихся сдерживания, я выделю три.

Должно ли ядерное сдерживание применяться только в случае ядерной провокации? Казалось, во времена де Голля был дан положительный ответ, который продолжает оправдываться желанием не быть банальным при случайном применении атомной бомбы и выхолащивании, таким образом, понятия "сдерживание". Но надо признать, что существуют некоторые средства уничтожения в виде химического или биологического оружия, которые могут быть сравнимы с ядерной бомбой. Несомненно, будет очень опасно, если правители, имеющие возможность применения таких средств, смогут чувствовать себя защищенными от ответного ядерного удара. Так же как и в случае со сдерживанием, следует поддерживать у противника неуверенность в риске, которому он может себя подвергнуть.

Нужно ли по финансовым соображениям отказаться от обладания одновременно средствами наземного, морского и воздушного нанесения атомного удара? Известно, что под угрозой прежде всего находится наземная база. Само рассмотрение возможной экономии средств является законным. Но при всей важности экономии необходимо сделать так, что-

бы сопровождающие этот процесс недостатки не скомпрометировали доверие к силам сдерживания. В этом отношении пусковые установки в районе плоскогорья Альбион следует рассматривать (по крайней мере в Западной Европе) как единственную сухопутную базу. Такого рода база, более чем морские и воздушные средства, является залогом поддержания ударной силы. Не вызовет ли отказ от этой базы опасного подрыва доверия к нам?

В ближайшем будущем встанет вопрос о возобновлении наших испытаний в Тихом океане. Мы хорошо знаем, что в данной области будет трудно иметь особую позицию, противоречащую другим державам, которые могут воспользоваться случаем для возобновления выполнения соглашений против распространения ядерных вооружений. И это в то время, когда мы еще далеко не ликвидировали начальное отставание в разработке этих вооружений. Но не должны ли мы в силу международных политических причин, подталкивающих нас к временному или окончательному отказу от таких испытаний, возобновить их? Возобновить не как рутинные процессы, а как исключительно кратковременные операции, необходимые для проведения испытаний, для пополнения нашего ядерного оружия с тем, чтобы сделать неэффективными вражеские средства уничтожения или чтобы в короткие сроки достичь высшего уровня эффективности? Что касается меня, то я бы ответил на эти вопросы утвердительно.

То, что именно в области ядерного сдерживания мы находим наиболее яркое воплощение преемственности мыслей и действий Генерала, не должно удивлять, как и новизна в военной истории этого оружия, которое сильно изменилось за полвека. Понятие сдерживания, заключающее в себе очевидную всем угрозу и приемлемый риск, базируется на психологии и на признанных ценностях, имеющих более устойчивый характер, чем технические нововведения. В этом отношении де Голль оставил нам нестареющее наследие. Но этот человек, который ввел столько нового, также показал и то, насколько верность идеям и чувствам со стороны государственного деятеля требует для своей эффективности учета новых факторов, связанных с развитием нашего мира.

Уважение к мыслям Генерала, восхищение силой его характера, нежная память о его личности требует постоянных

усилий воображения. Как мне кажется, это первый урок, который можно извлечь из моих сегодняшних размышлений.

В эпоху, когда мы постоянно не удовлетворены ходом политических дебатов во Франции, я полагаю, не безразличен совместный поиск или непосредственно истины, или, по крайней мере, серьезных и честно представленных в ней элементов, которые могут помочь каждому из нас получить представление о том, что есть истина.

Bernard Tricot. La défense: principes gaullois et données nouvelles. // *Éspoir*. - Paris, 1993, 194. - P.41-47.

ЯДЕРНОЕ СДЕРЖИВАНИЕ: ДОКТРИНА А PRIORI ИЛИ ДОКТРИНА ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

Делая ссылку на “силу вещей” в книге “*На острие шпаги*”, являющейся фундаментальной работой для понимания этого активного размышления де Голля, которое будет составной частью дела служения Франции, будущий политический руководитель с новой силой превозносит эмпиризм и прагматизм, которых он придерживался в “*Раздоре в стане врага*”.

Военный руководитель должен учитывать обстоятельства: “действие - это находящиеся среди обстоятельств люди”, что оправдывает то почтение, которое оказывалось Наполеону как великому полководцу. “Усвоить обстоятельства, приспособиться к ним, использовать их - такова была основа замыслов Наполеона. Напрасно в его планах и приказах искали теорию способа действий”¹. И здесь же де Голль пишет: “История военных кампаний предлагала сотню примеров страстной энергии, которую он использовал для понимания обстоятельств... разнообразия, противоположности, гибкости выстраиваемых им замыслов”². Но это вызывает суровую критику де Голля в отношении теоретической мысли XVIII века, несущей стране беды: “(французский дух) непрестанно стремится создать доктрину, которая позволит ей *a priori* управлять действием и понять его без учета обстоятельств, которые должны лежать в основе этого действия... Полагать, что мы в состоянии обладать средством, позволяющим избежать опасности и неожиданности обстоятельств и господствовать над ними - это значит давать разуму повод для успокоения, к которому он постоянно тяготеет, иллюзию возможности пренебречь тайной неизвестного... Несомненно, состояние французского духа в большей мере объясняется его склонностью к абстракции и к системе, его культом безусловности и категоричности, которые обеспечивают ему явные преимущества в порядке умозрительного построения, но вводят его в заблуждение в процессе действия... Военный ум, создающий доктрину *a priori* и, несмотря на случайности, утверждающий обязанность действовать, исходя из абсолютных выводов, представленных аб-

страктно, должен был увидеть тот период нашей истории, когда политика в основу своей внешней деятельности заложила принцип национального самоопределения и долгое время надеялась найти решение всех проблем внутри страны в свободе и возможность заменить ее реальностями организации и долга... Уже в XVIII веке появились абсолютные теории в области тактики. Этому способствовало общее движение идей и склонность к системе, которые заставляли так восхищаться *Энциклопедией* и *Социальным договором*³.

Читатель того времени, убежденный в этой мысли, не мог, следовательно, найти в этой книге* рецепты для улучшения организации, функционирования, даже технического оснащения вооруженных сил. И хотя теории, преподававшиеся в Высшей военной школе, изрядно “поизносились”, однако Шарль де Голль остерегался предлагать другие, взамен имеющихся.

Напротив, одновременно он сожалеет о том, что “французский воинский дух противоречит признанию того, что военное действие должно носить главным образом эмпирический характер” и что идеи а priori привлекают военные кадры так же, как sireны привлекали Одиссея <...>

Однако в своих размышлениях он идет дальше, от частного, военного дела, к общему. В связи с тем, что доктрина может поразить одновременно и разум человека, и его действие, де Голль заключает: “На войне, как в жизни, можно применить *panta rei* греческого философа. То, что было, уже никогда не произойдет, и действие, каким бы оно не было, может вообще не произойти или быть другим”⁴.

Еще в 1932 году Ш. де Голль писал: “Этот характер случайности готовит к военному действию, создает трудность и величие понимания. Под видимостью общей простоты оно (действие) ставит перед человеческим разумом самую трудную из проблем, так как для ее разрешения ему необходимо сойти с проторенных путей, превозмогать самого себя. В самом деле, именно ум, природа которого состоит в том, чтобы схватывать и рассматривать постоянное, неподвижное, определенное, избегает подвижности, непостоянства, различия. Бергсон описывает и в то же время анализирует смятение ума при взаимодействии с изменяющейся реальностью: “Мы хорошо пони-

* “На острие шпаги.” - Прим. перев.

маем, что никакая из категорий нашего мышления не применима в точности к положению вещей в жизни. Напрасно мы вталкиваем живого человека в те или иные рамки; все рамки трещат, они очень узкие, очень негибкие, особенно для того, что мы хотим туда поместить. Отсюда наш вывод: то, что является надежным при движении среди инертных вещей, вызывает неудобство на новой почве⁵.

Сформулированная таким образом голлистская мысль, выраженная в форме осуждения в афоризме, который де Голль записал в своем дневнике в 1924 году: “самая страшная умственная распущенность - видеть вещи только такими, какими бы мы хотели их видеть”⁶, показывает, что всю свою жизнь Генерал исповедывал только одну доктрину, доктрину обстоятельств, то есть доктрину, опирающуюся исключительно на условия действия. И это касается не только *res militaria* (военного дела. - Прим. перев.): “Принципы, определяющие использование средств, имеют значение только тогда, когда они адаптированы к обстоятельствам. Впрочем, это утверждение не имеет сугубо военной специфики и определяет любой порядок действий, будь оно (действие - прим. перев.) военным, политическим, промышленным”⁷. Управленческий реализм будущего президента де Голля полностью содержится в этих “принципах”.

Но мы здесь не ошибаемся. Его доктрина использования обстоятельств не допускает, чтобы эти обстоятельства “инспирировали” доктрину. Необходимая способность адаптации важна только на заключительной стадии: утверждении Франции, которая не должна была выбрать другого лагеря, кроме своего собственного. Конечно, в определенных ситуациях она может объединяться с другими державами, ее оборона может даже “при случае быть сопряжена с обороной других стран, это в порядке вещей”, но она не должна в военном отношении интегрироваться ни в какую систему, кроме своей. Поскольку военное дело - это продолжение политики, военная интеграция в составе другой державы с необходимостью означает присоединение к политике этой державы или солидаризации, при отсутствии таковой. Исходя из этого, де Голль указывал: “нужно, чтобы оборона Франции была французской”⁸. Обстоятельства могут, конечно, повлиять на способ выполнения, даже на принятие решения, но не могут воздействовать на принцип целевой направленности этого решения, так как речь идет

о фундаментальном выборе, выборе *свободы*. “Если бы было по-другому, если принять, что оборона Франции надолго перестала бы существовать в национальных рамках, и если бы она растворилась или смешалась с каким-то другим явлением, мы не имели бы возможности сохранить свое Государство”⁹.

12 октября 1945 года генерал де Голль примет к сведению цезуру (паузу - прим. перев.), образованную в ходе истории взрывами в Хиросиме и Нагасаки: “Эта бомба сократила войну. В данный момент надо отдать ей должное. Сегодня мы должны сделать так, чтобы ядерное оружие не привело к мировому катаклизму”¹⁰.

Возвращенный к делам бурей, он постарается напомнить, что впредь “наше время и наш мир - во власти (случая атомной угрозы)... огромного события, которое делает неопределенной судьбу каждого народа и каждого индивида”¹¹. Но поскольку англосаксы и Советы, обладающие ядерным оружием, не приступают к разоружению, “мы в свою очередь, считаем *необходимым* создать силу ядерного сдерживания”¹².

Сознание необходимости де Голль свяжет с другим моментом - с исключительным характером нового оружия, с равновесием, которое оно создает между “Америкой и Россией, снабженных атомной бомбой... Но это равновесие реально касается лишь их самих, а не других стран мира, оказывающихся связанными могущественными государствами. Супердержавам может показаться не стоящим дело и ценность каждой из союзных стран, сокрушая противника, рискуя не быть сокрушенным самим. И все же те, кто стремится к одной из двух великих держав, вынуждены приравниваться к ним, находясь в стратегической, а отсюда и в политической зависимости, в которой они видят единственный шанс своей безопасности”¹³.

Таким образом, оценив всю ненадежность обороны Европы и особенно Франции, сомневаясь в реакции Америки в случае конфликта, де Голль возвратился к высшей степени политическому восприятию новых стратегических данных: “В течение того длительного времени, пока амбиции Советов и природа их режима довлеют над свободным миром с одной и с другой стороны Атлантики, Франции угрожает опасность уничтожения и завоевания. Нет никакой уверенности, что американские союзники, сами непосредственно подвергнутые смертельной опасности, смогут ее избежать. Запрещение для Франции

иметь собственные силы сдерживания от внезапного нападения противника, если она в состоянии их иметь, будет означать навлечь на себя гром, совершенно лишившись громоотвода. Еще это будет означать - полностью положиться на их оборону и, исходя из того, что она существует, на их политику в заграничном протекторате и оставаться в неопределенности. Нет! Мы достойны лучшего, чем это!"¹⁴

Отказ от подобного шага приведет к новому действию: "Принципы и реальности представляют Франции возможность оснащаться собственной атомной силой... Разумеется, это совсем не будет исключать совместных действий этой силы с аналогичными силами союзников. Но для нас всякого рода интеграция - вещь невообразимая"¹⁵. Он избавил Францию от НАТО, несмотря на все водовороты, которые могло вызвать такое решение не только за рубежом, но и внутри страны. Средства своего отказа от участия в Альянсе ему предоставило всемирное Ялтинское соглашение.

Не следует смешивать то, что может казаться позой и что является глубинным мотивом: "Речь идет совсем не о разрыве, но о *необходимой адаптации*", - скажет он, объявляя одновременно о выходе Франции из военной организации Альянса и о его поддержке.

Отсюда он высказывает и одновременно доказывает мысль: "Ничего нельзя сделать, кроме как принять поправку к закону, который больше не соответствует реальности. Никак нельзя сделать, чтобы договор оставался полностью действительным, когда изменяется его объект. Никак нельзя сделать так, чтобы союз оставался прежним, когда изменились обстоятельства, в которых он был заключен. Значит нужно *адаптироваться к новым данным* закона, договора, союза, без чего тексты, лишенные сущности, будут не более чем пустыми архивными бумагами, разве что показывающими чудовищный разрыв между *устаревшими формами и живыми реальностями*..."¹⁶. Кроме того, наша страна, став в свою очередь с помощью собственных средств ядерной державой, способна взять на себя обширную политическую и стратегическую ответственность, природа и размеры которой, очевидно, неразрывно связаны"¹⁷.

Появившись в силу обстоятельств, французская ядерная сила явилась средством *необходимой адаптации* к факту наличия атомного оружия и, наконец, в связи "с желанием, чтобы

Франция сама обладала им, желанием, без которого она вскоре перестала бы верить в свою мировую роль и возможность быть полезной для других...¹⁸.

Но что можно сказать собственно о стратегии сдерживания. В самом деле, в книге “*На острие шпаги*” де Голлем был предусмотрен случайный характер фаз вооруженного конфликта только в процессе вступления в войну.

Однако, справедливо будет заметить, - и это знает каждый - что ядерное сдерживание состоит в поддержании мира, то есть в отсутствии всяких военных операций. Сдерживание означает борьбу за эффективность угрозы использования оружия. “Поскольку человек и страна могут погибнуть только один раз, существует сдерживание. Оно существует с тех пор, как появилась возможность смертельно ранить своего вероятного агрессора, если он очень решительно настроен и если он уличен”¹⁹, - должен был заявить президент де Голль. И так, стратегия сдерживания в общих чертах излагается в теоретических моделях, которые через теоретически возможные воображаемые представления о военных операциях стремятся сделать вооруженный конфликт невероятным.

Другими словами, и здесь мы цитируем генерала Пуарье: “В ядерную эпоху, как и раньше, быть прагматичным прежде всего означает познать природу вещей. В данном случае впервые в истории это означает необходимость признания того, что *теория - это действие*”.

Может быть из этого следует сделать вывод, что де Голль, вынужденный “теоретизировать”, основывал безопасность Франции на доктрине *a priori*? Если бы способ сдерживания, закрепленный в нашей стране, включал только ядерные средства, то без всякого сомнения речь бы пошла о новом проявлении векового влечения к заданным схемам. Каким бы ни был размах агрессии, в действительности мы обречены на известное “все или ничего”, что является едва прикрытой формой доктрины *a priori*.

На ум приходит и другой вопрос: какие приоритетные “обстоятельства” представлял себе де Голль, чтобы решить, что сдерживание рухнуло и что следовало бы прибегнуть к *применению* ядерного оружия? Выдвижение малейших элементов ответа на подобный вопрос будет означать признание существования заранее установленных правил, а следовательно, вновь скатывание в колею доктрины *a priori*.

Действительно, вся военная и стратегическая проблематика с появлением ядерного сдерживания была поставлена с ног на голову. Как говорил еще генерал Пуарье: “Речь идет только о противопоставлении своих необходимых и достаточных способностях реагирования способностям современных и предполагаемых действий противника, одним словом - соотношений потенциальных сил в диалектике возможного”²⁰.

Поистине гений де Голля состоял в том, что с появлением ядерного оружия в мировой политико-стратегической игре он распознал тот факт, что наследие Истории в своей основе будет поставлено под угрозу. Впредь необходимо предвидеть будущее, поскольку действие - это теория, стратегия средств - в некоторой степени предшествует действию. Но этот ученик Бергсона, который всю свою жизнь провел с желанием защитить Францию перед новой эпохой, имел это “общее понимание вещей”, умел проникнуться их “непостижимой гармонией”, что способствовало отождествлению его с передовым в Истории. Это было нашей удачей.

Когда де Голль писал книгу “*На острие шпаги*”, речь шла не о том, чтобы доказывать, а чтобы дать образец. Его труд адресовывался разуму, источнику действия, разуму, который должен отвергать отдых. В эпитафии он поместил такие слова Фауста Гете: “В начале было слово? Нет! В начале было действие”. И если его действие вначале было вербальным, оно не выражало меньшую созидательную деятельность разума в непосредственном воздействии на реальность.

В 1932 году, не оформив еще свою теорию обстоятельств, де Голль писал: “Французская военная мысль может противостоять вековому влечению к *a priori*, к абсолюту, к догматизму. Она может, не поддаваясь этому, основываться на классическом порядке. Она может черпать из него эту склонность к конкретному, этот дар меры, это чувство реальностей, которые высвечивают отвагу, вдохновляют маневр и оплодотворяют действие...”²¹.

Каких-то 27 лет спустя, выступая перед слушателями Института высших исследований Национальной обороны, Центра высших военных исследований, Высших общевойсковых курсов и трех Военных школ, он заявит:

“Военное действие, действие на поле боя - это завершение обороны. Но оно является тем результатом, от которого, в свою очередь, все зависит. Эти стратегические или тактиче-

ские военные действия, операция готовятся. Вы готовитесь к ним благодаря тем знаниям, которыми овладеваете. Исходя из успешно изученных многочисленных гипотез, вы стараетесь определить доктрину, которая, возможно, даст вдохновение военному действию и методу, который позволит управлять этим действием. Это превосходно, ибо действительно необходимо практиковать гимнастику ума, развивающую способность принимать решения. Кроме того, разумеется, нужно приобретать как полные знания, средство, которым можно располагать, о территории, на которой мы должны будем действовать, о противнике, с которым мы будем иметь дело так получать возможную практику. Это то, что вы делаете благодаря вашим упражнениям.

Но вы хорошо знаете, что не стоит тешить себя иллюзиями, будто благодаря совокупности предписаний, установленных в мирное время, в сумме своей *a priori* по содержанию, можно наверняка охватить все случайности войны. Военное действие всегда случайно, то есть оно является непредвиденным, постоянно меняющимся, никогда не имеющим прецедентов. Поэтому полностью готовясь к нему, осмысливая его, действие командира в конечном итоге зависит от его личности. То что будет сделано или не будет сделано, то что получится или не получится, определяется не дидактикой, а умами и характерами.

Те, кто намеревается быть военачальниками, первым делом должны стараться быть людьми, людьми достойными и способными в неожиданных условиях отвечать на драму, которая обрушится на них и за которую они, каждый на своем уровне, будут нести ответственность”²².

Мы знаем, насколько спорно сопоставление различных текстов, написанных в разные эпохи, в различных условиях. Но каждый также знает, что генерал де Голль придерживался, как он говорил, мощных и обширных “принципов”, которые безошибочно выражали его логику.

Де Голля следует воспринимать не столько в плоскости его воспоминаний, сколько в плоскости его мышления, чтобы день за днем поднимать на поверхность его последовательные воплощения мысли.

Alain Lebourg. La dissuasion nucléaire “Doctrines a priori ou doctrine des circonstances?” // L’aventure de la bombe. De Gaulle et la dissuasion nucléaire (1958-1969). - Paris, 1985. - P. 212 - 218.

Примечания

1. Charles de Gaulle. Le Fil de l'épée (FE). - Paris, Plon, 1971. - P.131
2. Ibid. - P.141.
3. Op. cit. - P.126-129
- 4 FE. - P.126.
- 5.FE. - P.20-21.
6. Charles de Gaulle. Lettres, notes et carnets (LNC), t.II. -Paris, Plon, 1980.- P.214.
7. FE. - P.125.
8. Charles de Gaulle. Discours et messages (DM), t.III. - Paris, Plon, 1970. - P.126.
9. Ibid. - P.127.
10. DM, t.I. - P.637-638.
11. DM, t.III. - P.402-403.
12. Ibid. - P.414.
13. DM, t.IV. - P.231.
14. Ibid. - P.206-207.
15. Ibid. - P.73.
16. DM, V. - P.17.
17. Ibid. - P.18.
18. Ibid. - P.18-19.
19. DM, t.IV. - P.233
20. L.Poirier. Essais de stratégie théorique, n.22, P.65.
21. FE. -P.159.
22. DM, t.III. -P.128.

АРМИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ОБОРОНА: ПРЕОБЛАДАЮЩИЕ И НЕИЗМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ МЫШЛЕНИЯ ШАРЛЯ ДЕ ГОЛЛЯ

Офицер, писатель и военный мыслитель де Голль постоянно размышлял над вопросами места и роли вооруженных сил в нации, равно как и над проблемами обороны. Его предвоенные произведения, даже если в них идет речь об истории, посвящены французским вооруженным силам и национальной обороне. Практически с момента вхождения его в состав правительства как помощника секретаря военного министра и до сложения президентских полномочий генерал де Голль, «главнокомандующий вооруженными силами», стремился совершенствовать, затем вновь создавать, модернизировать, перестраивать армию. Он с блеском определил и развил оборонную политику Франции.

Место и роль вооруженных сил во французской нации

В своих многочисленных сочинениях де Голль подчеркивал опасности, которым страна подвергается из-за своей географии, уязвимости северо-восточной границы своих немецких и бельгийских соседей («это историческая закономерность, что великие национальные беды всегда приходили к нам с Рейна.»¹), психологии ее жителей и правителей, слабости отечественной дипломатии, переменами в ходе истории страны. «Все то, что вызывает неувязки в территории, абсурд в политике, слабость в характере, она (Франция) - в конечном итоге может компенсировать только военным искусством, умением войск, страданием солдат.»²

В «Военных мемуарах» де Голль говорит, что военная мощь в течение четырнадцати веков была второй натурой Франции. В своем знаменитом меморандуме 1940 года де Голль заявляет, «что каждой нации в конечном счете воздается по заслугам ее армии». Он постоянно утверждал мысль о первостепенной роли вооруженных сил»³. «Новая армия будет служить

опорой и ферментом в напряженном деле обновления Франции. Ибо шпага - это ось мира, и она неотделима от ее величия” - подчеркивает де Голль в книге “За профессиональную армию”.

Императивы национальной обороны

Государство и ответственные политики обязаны определять и организовывать оборонную политику. Это категорический императив. С 1927 года де Голль отмечает: “Не может быть великого государственного деятеля без войны, которая бы его освятила”⁴. Затем в книге “На острие шпаги” он продолжает: “Среди ярких военачальников нет людей, которые бы не проводили большую политику, как и знаменитых государственных деятелей, которые бы не придавали блеск обороне страны”⁵. А выступая в Институте высших исследований национальной обороны в 1969 году, он подчеркнул: “Нужно будет поставить на карту все ради всего. Будущая воинская слава достанется тому, кто, сделав это, выиграет”⁶.

Те же заботы и даже те же слова мы вновь обнаружим в речи от 14 июня 1952 года: “Оборона! В действительности именно она является первоосновой для существования государства”⁷. В одной беседе с Генералом Пьер Мессмер согласился, что в течение двух веков во Франции ни один режим не пережил серьезного военного поражения. Это служит доказательством того, что на первое место страна ставит обязательства по отношению к национальной обороне и не прощает руководителей, допускающих послабления в этой важной области: “С момента зарождения государства всегда проявлялись заботы и потребности обороны... Если же правительство снимало с себя главную ответственность, оно одновременно переставало оправдывать себя”⁸.

Среди государственных деятелей, которыми восхищался де Голль, фигурируют прежде всего те, которые отдавали приоритет вопросам национальной обороны. Можно назвать Леона Гамбетта, Раймона Пуанкаре и Жоржа Клемансо, в прежних эпохах - Карла VII, Лувуа, Карно, Гувьена, Сен-Сира.

Когда он касается оборонной деятельности, то говорит о ней как “о самой достойной среди всех видов деятельности”⁹. Это требует “прежде всего определенного состояния духа нации и властей”¹⁰. Для обдумывания, затем принятия законов по организации властных полномочий. О всеобщем характере

войны и о ведении войны в частности де Голль размышлял с 1917 года. Для обеспечения и координации усилий нации во время войны необходимо “верховное руководство”. “Этот вопрос основной и включает в себя все другие вопросы”¹¹.

Правительство страны, и только оно может и должно обеспечить руководство общим ходом ведения войны, которое отличается от руководства операциями на ТВД. Если “ведение войны, как всякий род действий, зависит прежде всего от случайностей и личного состава”, то существуют “постоянные элементы, являющиеся по сути физическим и моральным компонентами Франции”¹², даже если соотношение абсолютного и относительного в положении Франции подвержено глубоким изменениям”.

Де Голль как всегда опирается на исторические примеры, идущие от победоносного Ганнибала в войне с Карфагенской республикой и к Людовику XIV и Наполеону. Но более глубокие размышления, особенно касающиеся ведения войны и организации управления, возникают у него в период войны 1914 - 1918 гг.

Нужен “цельный план”. В 1933 году де Голль пишет записку, которая по существу является проектом организации нации на период военного времени. Но этот план не будет учтен в тексте закона 1938 года. Постановление 1959 года конкретизирует эти ориентации, но еще раньше его идеи будут углублены в “Проекте закона организации нации на военное время”(1936 г.), в лекции, которую подполковник де Голль прочтет в Институте высших исследований национальной обороны, а также в статье, посвященной экономической мобилизации страны и в его же “Заметке о военных идеях Поля Рейно”, составленной подполковником де Голлем. Наконец, в фундаментальной и малоизвестной статье, содержащей идею создания “Министерства ведения войны”.

Следует осуществить необходимую гармонизацию дипломатической и военной деятельности (один из “рычагов” внешней политики) и наблюдение за кризисными ситуациями и управление ими, а в случае войны - создание министерства ведения войны, состав, структуру и функции которого определил де Голль.

Все это приводит де Голля к размышлению об отношениях гражданских и военных властей. Затем, после второй мировой войны и особенно с появлением ядерного оружия - о более

точных ролях Президента Республики, правительства, начальника генерального штаба вооруженных сил, Совета обороны, Генерального Секретариата национальной обороны, штабов трех видов вооруженных сил, наконец, к редактированию декрета 1946 года и к ордонансу 1959 года.

С 1940 года де Голль всегда был Главнокомандующим вооруженными силами и, в каких бы ситуациях он ни находился, отвечал за оборону страны. А с 1942 года де Голль напоминает о первенстве правительства, о том, что политическая власть должна заниматься подготовкой и ведением войны. В короткой заметке он уточнял: “Президент Республики, “гарант независимости и целостности нации”, отвечая за “преемственность государства”, возглавляет Совет Обороны и является Главнокомандующим вооруженными силами. Он принимает решение либо единолично, либо в Совете Обороны, либо в Совете Министров”¹³ <...>

Генерал де Голль определил национальную оборону как глобальную, всеобщую, всеобъемлющую, всегда актуальную. Речь идет о мобилизации людей и ресурсов (экономических, научных), которая требует участия, согласия всего народа, ибо “защитить можно тот народ, который, объединившись, сам страстно желает защитить себя”¹⁴. Нет более абсолютного различия между мирным и военным временем. Цель обороны - в любое время, в любых обстоятельствах и против любой формы агрессии обеспечить безопасность и целостность территории, равно как и жизнь населения (из ордонанса 1959 года).

Наконец, что касается территорий, требующих пристального внимания. Это “левый берег Рейна и Нидерланды”, те два рубежа, которые придавали нашей стратегии мировое значение. Искусно применяя обширные знания истории и географии, интуитивные и логические геополитические рассуждения, касающиеся “стабильных данных” и “тяжеловесных тенденций”, генерал знает, что “курс континента”, Франции обязательно пролегал через авантюру мировых масштабов¹⁵.

Франция несет мировую ответственность. Кроме этого, она выбирает в политике морской курс, так как “она единственная европейская нация, которой открыт широкий простор для выхода в четыре моря”¹⁶. Уже в военных идеях, высказанных Полем Рейно, мы находим мысль о том, что “национальная оборона не ограничивается только масштабами

французской территории (“шестиугольником”). Каждому государству необходимо стратегическое “жизненное пространство”: внешние базы, дальние точки поддержки, сторожевые линии, коммуникации”¹⁷. Именно это привело к опровержению возможной зоны действий, жестко закрепленной в рамках Североатлантического Союза, что не отвечало уже политическим и стратегическим потребностям... “будто неделимые обязанности Франции не простираются в Африку, Индийский и Тихий океаны”¹⁸.

У де Голля очень рано вызрела идея выработки мировой стратегии.

Национальная независимость

Главная цель национальной обороны - обеспечение национальной независимости и, исходя из этого, национального единства. Эта традиция идет еще от Канетингов. В письме герцогу Леви-Мирпуа Генерал писал: “Во все времена независимость Франции была основным предметом спора. Ее поборники, такие как король Филипп Прекрасный, сумели дорого заплатить за свою национальную роль. В конце концов они победили”¹⁹. Затем это была политика Людовика XI, Ришелье, в известной мере якобинцев. Эти идеи были выражены такими писателями, как Боссюэ, Мишеле, Ренан, Барре, Пеги, Бэнвилль. Вооруженные силы позволяют также Франции играть международную роль (со времен канетингов, при Людовике XIV, при Наполеоне) и распространять великие идеи (крестовые походы, революционные армии). Разве не Пеги подчеркнул, что армия имеет культурный ореол и не Мишеле заявлял о мировом призвании Франции? <...>

Для “своего собственного прикрытия, для участия в прикрытии Европы” и для того, чтобы национальная оборона “перестала быть угрызением совести, а стала реальностью”²⁰ генерал де Голль предлагает создать достаточный объем французских сил. По меньшей мере - 15 постоянно боеготовых дивизий, 5 дивизий внешнего дислоцирования, 40 - по мобилизации, каждая предназначенная для обеспечения в военное время непосредственной обороны и безопасности, 5000 самолетов, военно-морские силы (около 350.000 тонн общего тоннажа современных кораблей) и военно-воздушные силы, необходимые для защиты портов и основных конвоев <...>

Такая французская армия, способная нанести мощный удар, по согласованию с нашими союзниками, станет стержнем западной стратегии. Оборона Европы должна опираться на Францию (а не на Лондон) и под руководством француза. Главное, что у Франции есть свои собственные средства проведения политики в отношении обороны: “Если нужно, чтобы Франция имела шпагу, необходимо, чтобы эта шпага была французской”²¹. Нужно, чтобы у Франции была своя собственная национальная оборона, свои собственные вооруженные силы, “автономная и уравновешенная система обороны”²².

“Нужно, чтобы оборона была французской... Если такой стране, как Франция, придется вести войну, нужно, чтобы это была ее война. Нужно, чтобы ее сила была своей силой”²³. Де Голль рассуждает так, что национальная оборона должна оставаться французской и что “будет соблюдаться жизненный интерес каждой нации”²⁴. Нужно, чтобы Франция знала сама и поставила в известность других: если на нее нападут, она будет защищена! Она использует все свои маневренные наступательные и оборонительные средства как на суше, так на море и в воздухе”²⁵.

Данная позиция никак не мешает заключению союзов, созданию общей стратегической системы, функционированию атлантического пакта, который имеет практическую значимость лишь в той мере, в которой Франция вновь станет хозяйкой своей судьбы и будет обладать своей национальной обороной. Нужны еще планы, обязательства, а не только заявления о намерениях. Нужны еще гарантии и учет противоположных мнений. Нужно, чтобы “в Альянсе не играли друг против друга, в частности в Африке и на Востоке”²⁶.

На первых порах все западноевропейские нации смогут принять в этом участие; как и Испания, так и Германия. Это ведет к созданию “Европы свободных людей и независимых государств”. Свободный, сплоченный и организованный мир, конфедерация немецких государств, но не IV Рейх, европейская Конфедерация и общая ответственность - вот результат совместных усилий.

Именно в этом смысле следует понимать борьбу де Голля против Европейского оборонительного сообщества (ЕОС), которое стремилось восстановить немецкую армию в то время, как не существовало немецкого государства. Некоторые

тексты, касающиеся ЕОС, мало знакомы. Например, речь, произнесенная 28 января 1950 года в Маро, где де Голль сказал: “Мы претендуем быть Францией в свободной и независимой Европе, старой Европе, которая, если ее по необходимости переделать, найдет все необходимое, что касается ресурсов, интеллекта, воли для независимого существования от двух сегодняшних держав. Это не говорит о том, что перед лицом нависшей угрозы, исходящей от советской России и ее сателлитов, мы не хотим иметь друзей и союзников. Мы считаем естественным, что в случае нападения на нас американцы защитят Европу: это выгодно для них и для нас. Мы находим совершенно естественным, что американцы, не подверженные разрушениям войны, будут оказывать свое экономическое содействие до нашего восстановления. Это, конечно, желательно, но мы не хотим оказаться у них в кармане. Мы хотим остаться независимыми, мы хотим иметь друзей и союзников, но мы не хотим сюзеренов, и мы не нуждаемся в вассалах <...>. В течение пяти лет я стремился поддерживать авторитет Франции перед лицом союзников, которые могли быть благосклонны к французскому народу, но которые, я вас в этом уверяю, исходили лишь из своих собственных интересов”²⁷. Говоря о том же самом 3 марта 1952 года Квиллану, де Голль заметил: “Мы хотим, чтобы американцы были союзниками, но мы не хотим, чтобы они были хозяевами”²⁸.

Своему сыну он говорит, что “создание армии, называемой европейской, было бы величайшей глупостью”. А своему товарищу, генералу Бетуару, он заявляет, что в его глазах ЕОС является “колоссальным надувательством и попыткой национального отречения [...] Для существования союза необходимо, чтобы у него была душа, тело и его члены. Построить Европу можно только начиная с наций. Те, кто пытаются [...] создать ЕОС, мешают делать Европу. Их можно сравнить как карикатуру с противостоящим портретом”²⁹. Маршалу Жуэну он напоминает “о долге, обязывающем сделать все для того, чтобы Франция сохранила свою армию” <...>

А 30 декабря 1951 года он пишет Полю Клоделю: “Что касается “Плана Шумана” и “европейской армии”, то я их осуждаю от имени Европы, карикатурными элементами которой они являются [...] Никакой союз - будь он с США - ничего не будет стоить для Франции и Европы, если они действительно считают себя Францией и Европой”³⁰. Союз - это не подчине-

ние, и мы не можем прибегать к риску быть “захваченными противниками и быть в господствующей зависимости от союзников”³¹ <...>

“Среди всех наций, имеющих армии, Франция будет единственной страной, которая потеряет свои вооруженные силы, и все это для того, чтобы создать странную военную смесь, носящую название европейской, а на самом деле находящейся под каблуком, занесенным американским генералом”³² <...>

“Из века в век французы показывали, как они под своими знаменами, со своими военачальниками и способными правителями умеют бороться и умирать за Францию. А чего они, потерянные и смешанные в денационализированной армии, будут стоять? Но подобное изобретение не признает традиционные источники службы и самопожертвования... Франция должна сохранить Сухопутные войска, Флот и ВВС”³³. “Защищают только те народы, которые сами себя защищают, страстно объединяясь в единое целое. Отрицать это - значит допускать серьезную ошибку в создании проекта “Европейской армии”³⁴. “Название “европейская армия” - это обман [...] Прежде всего Европа должна существовать”³⁵. Такая страна, как Франция, должна иметь свою собственную систему обороны: “В самом деле, для могучей державы, даже если она с кем-то в отношениях согласия или союзничества, характерна независимость. Франция должна быть великой державой, или она перестанет быть Францией. Начиная с развала Римской империи она всегда была великой державой и какой великой! В результате сформировалась ее душа. Она потеряет свою душу, она будет ненавистна сама себе, если откажется от такого призвания”³⁶ <...>

Армия живет во имя какого-то идеала и лучшим остается оборона страны <...>

Это желание обосновывает абсолютный отказ от интеграции, в особенности что касается принятия высших решений в области обороны. Заключительные выводы по поводу возврата к национальному суверенитету нашей обороны де Голль делает в фундаментальной статье 24 февраля 1966 года. Он разрешает проблему Алжира, чтобы развернуть реальную военную мощь в Европе.

Это не исключает возможных союзов, равно как и межсоюзнических соглашений для верховного оперативного руководства войной, видения международной стратегии <...> В этом

случае межсоюзническое командование должно подчиняться французскому правительству в интересах французской обороны <...>

Средства

Чтобы проводить такую политику, чтобы удерживать соответствующий “уровень” и чтобы играть соответствующую роль в мире, необходимы соответствующие средства. Для защиты, прикрытия, обороны нации страна должна обладать всеми средствами: наступательными и маневренными, механизированными и специализированными, - средствами мощной обороны, изначально связанными с территорией. “Противопоставить нападающему на северо-восточную границу границу хорошо подготовленные войска, поддержать мощными укреплениями сопротивление и маневренность этого прикрытия - таков был первый пункт французской военной политики во все времена”³⁷. Чтобы решить эти задачи в обычных условиях нужен действенный, маневренный инструмент. По существу - это концепция бронированного корпуса (1934 г.), разработанная перед войной и расширенная в послевоенные годы в концепции бронетанковой и моторизованной армии, способной к немедленным боевым действиям (1945 г.).

Начиная с закона 1927 года говорили о “ците” Франции, но никогда о ее “шпаге”. Однако де Голль предпочтение отдает шпаге, использование которой прикроет Францию и с помощью маневренных вооруженных сил страна будет спасена... Нужно отвечать ударом на удар и немедленно прийти на помощь нашим друзьям ³⁸. Это предполагает наличие маневренного, наступательного и боевого инструмента, которого мы не имели, начиная с 1930 года, и который мы пытались воссоздать с 1936 года. Когда страна имеет военные средства для проведения своей политики, - она мощная держава. Сегодня уже не те обстоятельства, в каких оказалась Франция после 1918 года. Причины здесь разные: разброс военных объектов в Германии, Северной Африке, Ливане, Индокитае, дипломатическая изоляция, недоброжелательность англосаксонских держав, невозможность оказания помощи, финансовые трудности, неповоротливость правительства, склероз верховного командования, разрыв между армией и нацией, пацифистские иллюзии...

Война, при помощи которой одно государство старалось навязать свои законы другому, сегодня способна уничтожить его одним ударом. В 1938 году он говорил лишь о “мгновенно смертельных ранах” или о мгновенных глубоких разрушениях. Согласно де Голлю, как бы прочен и хорошо защищен ни был укрепленный фронт, было бы наивным считать его непреодолимым и следовало бы помнить о преодолении Лим (оборонительных линий Трояна) и о разрушении средневековых фортификаций. Концепция сплошного фронта также изжила себя.

При всех обстоятельствах следует учитывать, что события могут меняться предельно резко. Использование вооруженных сил будет “всякий раз носить характер предельно быстрого и резкого использования”³⁹, требуя немедленных и категорических решений. Более чем когда-либо остается полная неуверенность в том, какой будет война⁴⁰.

Взгляды де Голля на возможный характер войны не менялись с 1917 года по 1969 год. Он не переставал противостоять догматическим взглядам, готовиться по всем возможным вариантам (всем азимутам). “Характер нашего времени в силу природы оружия вызывает полную неуверенность в том, какой будет война. Это усложняет доктрины, подготовку и организацию войск”⁴¹. Де Голль стремится использовать ценную “гибкую логику” Пеги и, вопреки весу и цене современной техники, которую он хочет совершенствовать, Генерал знает, что в конечном счете все зависит от реакции, воли и способностей принимающих решения, то есть от характера командования. Все зависит и все будет зависеть от обстоятельств и воли тех, кто должен (и кто будет должен) управлять ходом событий: “Оборона заканчивается военным действием. Какими бы ни были его природа, размах, форма, оно должно отвечать тем же условиям, что и человек, ибо действие осуществляется собственно человеком [...] Действие продуманное, желаемое, предписанное и ответственное со стороны командира, подготовленное, сориентированное, проведенное в жизнь штабом под руководством командира. Техника необходима [...] Но в конечном итоге всегда все зависело, зависит, будет зависеть от одного человека, несущего бремя ответственности [...] Нет такой школы, которая бы сделала из человека командира. Этот человек должен сформировать себя сам. Значительную роль при этом играет сила характера: стремление к чести и величию командования”⁴².

Захватывающая речь, произнесенная в Вобане в 1968 году в связи с созданием силы устрашения, представляет синтез деголлевского мышления: “Вобан в наше время укрепил все границы Франции, Пиренеи, Альпы, наши порты... и даже Бельгию. Мы вступили в Мадрид, в Берлин, в Москву... Конечно, мы не вошли в Лондон!... Но мы воевали в Европе, на Востоке, в Америке, в Африке, в Азии...” Нет оснований считать, что эта стратегия, во все времена защищавшая нас от всех врагов, не сохранится.

Оружие является выражением мощи и свободы действия. Глава государства принимает решение на его применение: ”По сравнению со всем тем, что мы знали раньше - это совершенно новое вооружение, которое означает коренные военные изменения и изменения мощи страны”⁴³.

В частности, вездесущий, скрытый военно-морской компонент позволяет наносить удары по всем азимутам. Гипотеза применения его против СССР была лишь временной.

Французская военная мощь, гарант национальной независимости и величия Отечества, остается объективным критерием, определяющим все другие. Речь идет не о полном, а о приоритетном национализме. В качестве средства проведения нашей политики, выполнения наших обязательств и защиты от всевозможных угроз, которые довлеют над нашим временем и нашей независимостью, нужно иметь военный инструмент. Необходимо создавать его на долгое время, делать не только с расчетом на завтра, но и на поколения.

Национальная оборона остается государственным приоритетом. Она должна быть суверенной, независимой и свободной. Кроме того, она должна служить идеалу свободы человека и поддерживать уровень мировой ответственности Франции. Не существует никакой политики, пусть самой великодушной, которая бы предполагала отказ от силы, даже если эта сила остается пропорциональной, самостоятельной и сбалансированной⁴⁴.

“Если Франции суждено выполнить “Деяния Божьи”, то необходимо навсегда порвать с застарелой привычкой существования сателлита”⁴⁵.

Даже в атомную эру - это доминанта нашей эпохи - Франция, развивая разрядку, понимание и сотрудничество в рамках европейского соглашения, может способствовать безопасности.

Alain Larcen. Armée et défense nationale, concepts et dominantes de la pensée de Charles de Gaulle. // De Gaulle en son Siècle. Paris. Plon.1992. - P. 19-31.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Lettres, notes et carnets (LNC), t.III. - Paris, Plon, 1981. - P.437.
2. Vers l'armée de métier (AM). - Paris, Plon, 1971. - P.45.
- 3.См.: LNC,1969-1970. -P.273.
4. LNC, t.II. - P.289.
5. Charles de Gaulle. Le Fil de l'épée (FE). - Paris, Plon, 1971. - P. 202.
6. LNC, 1966-1969, P. 284.
7. Charles de Gaulle. Discours et messages (DM), t.II. - Paris, Plon, 1970. - P. 527.
8. DM, t.III. -P.126.
9. LNC, 1966-1969, P. 283.
10. DM,t.II,P.294.
11. LNC, 1905-1918, P. 460.
12. LNC, 1919-1940, P. 364.
13. LNC,1961-1963, P. 273-274.
14. DM, II, P. 537.
15. MG,I P. 45.
16. LNC, 1966-1969, P. 283.
17. LNC, 1940-1941, P. 442.
18. LNC, 1958-1959, P. 83-84.
19. LNC, 1966-1969, P. 296.
20. DM, II, P. 391.
21. DM,II, P. 387.
22. Ibid, P. 606.
23. DM,III, P. 123-129.
24. Ibid, P. 174.
25. Ibid. -P.185, 525.
26. Ibid. -P. 511.
27. LNC, 1945-1951, P. 395-397
28. LNC, 1951-1958, P. 64.
29. LNC,1951-1958, P. 188.
30. LNC, 1969-1970, P. 401.
31. DM,II, P.435.
32. Ibid, P. 471.
33. Ibid, P. 525.
34. Ibid, P. 537.
35. Ibid, P. 565.
36. LNC, 1961-1963, P. 165.
37. LNC, 1940-1941, P. 437.
38. Ibid, P. 443.

39. LNC, 1966-1969, P. 284.
40. LNC, 1961-1963, P. 164.
41. LNC, 1966-1969, P. 166.
42. Ibidem.
43. L'aventure de la bombe. Paris. PLON, 1985. P. 210-211.
44. DM, II, P. 606.
45. Charles de Gaulle. Mémoires d'espérance (ME), t.I. -Paris, Plon, 1970. - P. 201.

ВОЕННЫЕ ТРУДЫ ШАРЛЯ ДЕ ГОЛЛЯ

Военное общество и его "Специальный кодекс ценностей"

"С момента зарождения мира назначение страдать и призвание идти на жертвы присущи армии. В них находят смысл ее бытия, видят ее притягательность. Это то поле, которое она возделывает одна, чтобы оставить урожай другим. Но как жить в обособленной сфере, исповедовать исключительный идеал без упорядоченности чувств, особого хода мысли, специального кодекса ценностей и отношений?"

Очевидность того, что генерал де Голль до 50 лет оставался кадровым офицером сухопутных войск, где он нормально получал воинские звания, иногда затушевывается той участью, которая при трагических обстоятельствах возложила на него обязанности высшего руководителя и на десятилетия связала его жизнь с жизнью всей нации. Прежде всего я солдат, говорил он Ж. Обертэну <...>

Де Голль всегда уважал своего врага, особенно солдат, погибших в сражениях. Многократно в его произведениях просматривается идея профессионала об интернационализме солдат. В "сыром виде" она появляется в 1920 году. Он полагает, что воинский дух, определенный кодекс чести также формирует армейскую солидарность по обе стороны границы.

"Самые различные виды вооруженных сил составляют своей общностью инстинктов и традиций самый реальный "интернационал" и "скорость заключения последнего перемирия (1918 года) обязана этой интернациональной солидарности солдат".

Призвание, обучение, продвижение по службе, многообразие задач, управление подразделениями, командование на все более ответственных должностях, подготовка "десантников", редактирование военных сочинений характеризуют главный период "безвестных лет" Шарля де Голля. Мысль, которая вырабатывается и уточняется, опыт, который накапливается, мастерство, которое утверждается в рамках суровой и вооду-

шевленной гарнизонной жизни, нашли свое выражение в "Военном порядке".

Как вспоминает Ж. Бюи, де Голль говорил, что эта армия, "к которой я принадлежу", была к тому времени, когда он вступил в нее, "одной из самых важных вещей в мире". "Между столетней и тридцатилетней войнами Франция имела лучшую армию в мире". "В конце века она была предметом "национального культа", а "настоящая элита" почитала за "честь службу в армии".

По мере последовательных назначений по службе де Голль сталкивается как с самыми обыденными проблемами, так и с проблемами самого высокого порядка. Он сближает действующую мысль и осмысленное действие. Следуя словам Пеги, "человек действия является в то же время, и только поэтому, и единственно исходя из этого, человеком познающим". Он мог предаваться размышлениям, которые, вне всякого сомнения, в значительной мере - насколько это было ему дано - способствовали впоследствии служению Франции" <...>

Армия - это организованное, иерархическое общество, состоящее из солдат, то есть людей, рекрутированных и обученных на случай ведения войны. Ее назначение как в мирное, так и в военное время, состоит в обеспечении обороны силой оружия. Она иерархизирована, богата командным составом и военачальниками. Наконец, она сплоченна. Это "огромная машина, которую приводят в движение, которая убивает и которая страдает" (А. де Виньи). Шарль де Голль знал этих солдат и не забывал их. Он сам прослужил один год, не сохранив об этом воодушевленных воспоминаний, в качестве простого солдата, как это предписывалось в то время замечательным положением Сен-Сира. Затем он был командиром взвода и командиром роты в пехоте. В "Военном ремесле" он напишет: "Подготовка начальников невозможна без управления войсками". В статье "Философия командования" он также скажет об обычае жить вместе с войсками <...>

Де Голль знает, что армия - это "хорошая книга для познания человечества" (А. де Виньи). При написании великолепной книги "Франция и ее армия", которая должна была называться "Человек с ружьем", он подчеркивает важность слов Пеги: "Мать! Посмотри на своих сыновей, которые так сражались!" На протяжении веков не было недостатка в волнениях, и мы

были поражены безмолвным страданием войск, как никто лучше воплощавших борьбу страны за ее мощь и ее свободу.

"Чтобы лучше узнать Рим, надо знать историю его легионов. Королевские войска были зеркалом нашей старой монархии. Кто может думать о Революции, не вспоминая о добровольцах"?

Он помнит о несчастьях войск, в частности в Алжире: "Армия, бедная армия, до конца расточившая сокровища своей доблести". Наконец, огромные жертвы в 1914-1918 годах. Де Голль приводит здесь бесчисленные примеры. Дань была такой тяжелой, "какой не платил ни один народ", говорил он.

В связи с событиями 1870 года он восхваляет прежде всего армию: "Войска храбрые... войска сознательные... войска крепкие... войска, умеющие воевать... войска верные... бедные войска, несправедливые беды которых остаются неизгладимым уроком для тех, кто управляет и командует ими". Он восхищается пехотой, которая знала "всегда и везде, что такое грязь, окопы, бремя". Через общение с войсками он узнает качества и недостатки французов. Войска, писал он, "проявляют пылкость в больших делах, но небрежность в деталях". Они обладают доброй волей, вкусом независимости. Они чувствительны к персональным действиям и к престижу своих начальников.

Он также говорит об этом "бедном народе, который, никогда не сгибаясь, из века в век несет на себе самое тяжелое бремя горестей. Старый народ, который, накапливая опыт, не искоренил свои пороки, но который беспрестанно восстанавливает силу новых надежд".

Таким образом, только через войска, как простой солдат, как офицер, затем как командир части, де Голль узнает французов. Он умеет говорить с ними как в индивидуальном порядке, так и с коллективом. Ему нравится узнавать человека по лицу, знать профессию, заботы каждого. Часто говорили, что он знал наизусть военные тетради своих солдат.

Такое отношение, возможно усиленное религиозными и философскими убеждениями, позволяло ему рассматривать своих собеседников как "личности". Через их многочисленные судьбы он познавал национальную душу, ибо, как писал Пеги: "Солдатом измеряется количество земли, на которой говорят на родном языке, где правят нравы, дух, душа, культ, раса. Солдатом измеряется количество земли, где может свободно

вздохнуть душа, где народ не умирает". И "французская гениальность, то небрежная, то ужасная, отражается в зеркале своей армии" <...>

Развитие тактики, современных средств связи, мощь и возросшая точность оружия требуют "больше чем когда-либо воинской сплоченности и духа". Поддержание сплочённости - это требование боя, но оно всегда под угрозой, ибо "среди центральных сил, вызванных боем, ни одно подразделение не останется вне тех отношений, которые были сотканы на протяжении всей полковой жизни", и де Голль в своей книге "За профессиональную армию" ратует за "истинные полки", "всегда собранные в гарнизоне и в походе, устойчивые по своему составу, своим ритуалам и символам, нечувствительно обновляемые с прибытием или убытием части личного состава". В 1940 году, к несчастью или по иронии судьбы, де Голль был призван командовать "неподготовленной, недоукомплектованной" дивизией, и он должен был бросить в бой части, которых не знал сам и которые не знали друг друга до момента своего прибытия... Нужно было вернуть полкам "кипучую и сплочённую жизнь". "Коллективная симпатия обретается из "внутренней жизни частей, из их моральной сплоченности. Он придавал большую важность включению каждого в дело сплочения коллектива, эффективность которого предполагает совместную подготовку, обновление, солидарность, наличие конечной цели, взаимное участие. Части должны "обретать черты постоянства и оригинальности". Сплоченность должна быть вновь обретена на уровне крупных частей. Ибо очевидно, пишет он, что "никакой род войск не стоит ничего без других". Начиная с мирного времени, дивизия должна иметь свою собственную индивидуальность. Солидарность с армией так же должна выражаться в обществе, где она является гарантом социального мира <...>

На всех уровнях нужно уметь выполнять приказы, так же как и проявлять инициативу в более или менее жестких рамках. При наличии общих указаний не следует довольствоваться ожиданием приказов, подражанием действиям соседей, вспоминая многочисленные и противоречивые уставы. Во всяком деле нужно определить место инициативы, "которую восхваляют уставы, но которой опасаются приказы". Нужно уметь избегать "ловушек, послабления". Это активное повиновение, результатом которого является ответственность. "Те, кто вы-

полняют какие-то серьезные задачи, часто идут дальше создания видимости дисциплины", отказываются от софизмов, оправдывающих уклонение от подчинения <...>

Если уставы являются глупыми, их надо менять. Не избежал этого и де Голль. Общий дисциплинарный устав, подписанный им 1 октября 1966 года, исключает немедленное пассивное подчинение и предоставляет каждому подчинённому право отказа от выполнения противозаконного приказа (статья 22). Примером тому служит реакция контингента солдат на путч генералов в Алжире <...>

Армия - это иерархическое сообщество, где отсутствует равенство - это сообщество порядка в паскалевском смысле, но не в классовом. Это сообщество без привилегий, и вместе с тем элитарное.

Де Голль часто говорил о воинском порядке, о его мощи, о его властном характере, о его плодотворной строгости. Он умело разрабатывает эту тему, считая, что "воинский порядок болен в корне". Очевидно, только на похоронах маршала де Латра Тассиньи он очертил размеры этой болезни. То, "что воинский порядок одновременно включает в себя блеск и отталкивание, пыл и послушание, воодушевление и меланхолию, представляет собой внутреннюю борьбу, являющуюся честью и болью тех, кто служит в армии..."

Воинский порядок, который облагораживает менее убежденных, во время Революции", следуя своим обычным правилам, совершил грандиозное дело во благо Родины, изменив практически необузданные страсти эпохи, направив их в новое русло". Но воинский порядок получает встречный удар развивающегося общества: машинизм, презрение к тому, что иерархизировано. Воинский порядок может потерять и вновь обрести "общественные симпатии" и "официальное доверие". Воинский порядок должен быть оплодотворён светом высших идей.

Де Голль "выше всего ценит инициативу и вкус к исполнению обязанностей". Несмотря на то, что эта точка зрения не представлена в его литературном наследии, нужно признать средневековый характер деголлевской традиционной концепции места армии в государстве и нации. В этом смысле можно утверждать, что Шарль де Голль всегда был за сообщество граждан, а не за коллективную массу. "Солдат, поддерживае-

мый благотворной строгостью воинского порядка, продвигается к своей судьбе твердой поступью"<...>

Де Голль часто прославляет благородство вооружённых сил, внешняя привлекательность которого пленяет воинов, великолепие добродетели вооруженной силы. Он неоднократно говорит о бессмертной гордости за принадлежность к вооруженным силам. "Эта организованная толпа содрогается от сознания принадлежности к вооруженным силам". "Никогда воинская гордость не была ни более оправданна, ни более необходима". "Мы представляем вам возможность испытать радость службы, гордость за вооружённые силы, надежду на великие дела".

Впрочем, поступление на военную службу, профессия военного "облагораживает" тех, кто не принадлежит к знати от рождения. "Вооруженные силы имеют в высшей степени облагораживающую добродетель". Одной из забот де Голля, как известно, было повышение престижа ордена Почетного легиона. Де Голль учредил два ордена: орден освобождения и национальный орден за заслуги.

А.Сангинетти остроумно замечает, что не случайно смешиваются понятия "солдат" и "аристократ", причём в той мере, в какой только аристократ способен действовать против своего собственного интереса. Ардан дю Пик также подчеркнул этот духовный аристократизм, присущий офицерскому корпусу <...>

В то время как преобладающими и противоречивыми страстями французов являются "желание иметь привилегии" и "склонность к равенству", армия в действительности не знает ни равенства, ни привилегий. Для военного характерно "стыдливое честолюбие".

Никакого фаворитизма, что - нормально и абсолютно обязательно. Не следует учитывать ни социальное происхождение, ни политические взгляды, ни вероисповедание, ни рекомендации. И не напоминая об одном из основных качеств солдата - бескорыстии, о котором говорил Вобан, великий солдат бессеребренник де Голль солидарен с большей частью армии в плане отказа от денежных привилегий и "равнодушия к ценностям материального порядка".

Армия организована таким образом, что может функционировать относительно автономно. У нее свой особый порядок комплектования, свои уставы, своя территориальная и оперативная организация, свое обеспечение и так далее.

Начиная с определенного уровня ответственности, задачи становятся разнообразными и динамичными. "Военная деятельность с каждым днем все больше приобретает разнообразный характер"¹ <...>

Инспектируя в Оране 2-ю бронетанковую дивизию, де Голль говорил собравшимся солдатам: "В будущем мире у военных будет много работы". Он знает, что их использование носит временный и случайный характер. Многократно подчеркивая недостатки личного и семейного плана, он замечал: "Постоянно быть нигде не обоснованным", "быть вечным путешественником", "вечным скитальцем". В сущности, у солдата печальная участь - вечно скитаться. Но нужно принимать свою судьбу. Это самое прекрасное и самое необходимое - уметь перевозмочь себя².

Де Голль также знает, что такая жизнь не всегда позволяет выполнять длительную работу, требующую много времени. Этот динамизм, мобильность неизменно приводят его к парижским и провинциальным назначениям по службе. Как отмечает Буадефр, он ведет себя скорее как провинциал, держась особняком от парижского общества, и потому остается вдали от его "подводных камней": снобизма и особенно светских развлечений...

Армия, наконец, - это общество, которое самым серьезным образом ведет учет при отборе кандидатов на выдвижение по службе, исходя из их способностей и оценок. Она элитарна по принципу добровольности и осознанности. Увы, представители элиты обманули и предали де Голля. Франция была предана правящей элитой и этими привилегированными людьми (1942 г.). "Военной элите пора вновь осознать свою выдающуюся роль"³. "Элита предчувствует все, что воинский порядок дает ей в области энергичных действий. Необходимо, чтобы доблесть придавала воинскому порядку идеал обновления, сообщала ему с помощью элиты единство стремлений, вызывала страсть и оплодотворяла талант..."⁴.

"Представитель элиты устремлен также к совершенству. Он презирает посредственность, неточность, давку, в которой наши кадровые офицеры и унтер-офицеры теряют представление о хорошо исполненной работе, добросовестной службе, строгой дисциплине <...> Пора военной элите осознать свою роль, сконцентрировать внимание на своем основном деле, каким является война, чтобы она вновь подняла голову и об-

ратила свой взгляд к вершинам... Ей необходимо наметить высокие цели, видеть важное, иметь широкие представления”⁵
<...>

Армия представляет “среднее между благородством и достоинством, что может быть недоступно никакой социальной категории”, и именно в ее недрах самое большое число людей мысли и действия⁶<...>

Де Голль знает, что это может быть достигнуто благодаря углубленной и постоянной работе по отбору, обучению, повышению квалификации на всех уровнях: военных и технических училищах, в высшем военном образовании. Можно подумать, что из всех своих занятий де Голль предпочитал инструктаж и преподавание. Он многократно подчеркивает, что кадры должны культивировать все формы мысли и действия⁷. Эта “постоянная подготовка” необходима для профессиональных команд, которые все больше составляют армию де Голля. “Наступает время элитных солдат и отборных команд”⁸. “Мы увидим, - говорит Поль Валери, - как будут развиваться начинания небольшого числа избранных людей, действующих группами, вызывающих за несколько мгновений, в непредвиденном месте, в определенный час потрясающие события”⁹.

Де Голль, впрочем, замечает, что масса, - имеется в виду масса аморфная, - не имеющая командного состава, не обученная, отступает на задний план, ибо “отборный личный состав, обладающий максимумом в высшей степени мощной и разнообразной техники, имеет необыкновенное превосходство над находящимися в замешательстве массами”¹⁰. Мы знаем, что при решении споров военным путем он стоял на позиции качества, выступал за профессиональную армию <...>

Важно подчеркнуть роль общей подготовки в военном обучении и, вероятно, ее влияние на выполнение де Голлем своих ответственных обязанностей. Образование не является чисто техническим, профессиональным. Требуемая культура основывается не на эрудиции, которая представляет собой накопление знаний по ограниченному кругу вопросов или размышления о высоких материях, что характерно для высшего образования, не на желании блеснуть поверхностными познаниями в словесном состязании, говоря обо всем уверенно и “оригинально”. Предназначение культуры - подготовка солдат и командиров. Она носит утилитарный характер, но в определенных пределах. “Сила разума содержит в себе богатство

разнообразия, которого отнюдь не найти исключительно в профессиональной практике... Подлинной школой командования является общая культура...¹¹. Нет ни одного знаменитого полководца, который бы не ощущал себя частицей достояния человеческого разума...¹².

Для достижения такой “высшей философии военного искусства”, которая дает подобную широту видения, необходима строгая интеллектуальная подготовка¹³.

Де Голль с удовлетворением подчеркивает, что перед 1914 годом армия обретает вкус к работе, который у нее прежде отсутствовал, исчезает презрение к книге <...>

“В наш необузданный век традиционные добродетели в армии остаются необходимы более, чем когда-либо”¹⁴. Де Голль уважал воинские традиции, если они были благородны и хорошего происхождения. Однако он не исключает возможности “выбить из них пыль”, оставаясь больше верным духу, чем букве. Эта верность воинской традиции с блеском и язвительностью изучается Сангинетти. “Шарль де Голль - это франк, избранный своими вассалами, которых он называет товарищами, это офицер, чей взгляд обращен на восточные рубежи, презирующий ничтожную и блистательную армию Африки и не верящий в империю как элемент могущества; это человек обычных правил, который абсолютно не считается с писаными правилами. Как представитель Севера, он относится с недоверием к южным народам, которые платят ему тем же, кроме тех, которые не познали катаризма.” (Катаризм - еретическое движение XI-XIII в.в. - прим. перев.) Он, знает, что такое сила, а также интерес, границы и иногда опасность, грозящая состоянию духа корпуса (а не корпорации). Он осуждает очень частые перемещения ради “личных удобств”. В этом плане он опасается “переводов военнослужащих из подразделения в подразделение, очень быстрого обновления личного состава, стремительных перемен и расформирований, оскудняющих, по мере осуществляемых изменений, воинский дух частей”¹⁵. Он не хочет переименовывать части, заставлять перекрашивать фуражные повозки из зеленого цвета в красный, менять отличительные флаги на знамена, переименовывать гусаров в драгунов, стрелков в линейные войска и т.д.¹⁶. Если и идет на подобные изменения, то возможно реже и с большими предосторожностями.

Он не жалуется эти постоянно реформирующиеся, вновь создаваемые, перемешанные воинские части, в которых все не прочно, даже номера на петлицах... О солдате прежде всего говорят: "он из такой-то части". "Патриотизм неизменно носит характер чего-то местного, каждая религия возводит свои собственные храмы, культ оружия требует корпоративного духа, который сводится к объединяющей жизни, совместным действиям и страданиям"¹⁷.

Ардан дю Пик в своих "Исследованиях боя" вспоминал этот корпоративный дух, который должен формироваться и поддерживаться до зарождения доверия, "которое не забывается в моменты действия и которое единственно делает людей подлинными бойцами". В письме к де Латру вновь встречается выражение "честь корабля" (10. 01. 50 г.)¹⁸.

Де Голль знает, что подразумевается под "взаимным познанием, общими привычками". Это "честь корабля". Во время инспектирования французских интервенционных сил (ФФИ) полковника Декура в Лионе де Голль с удовлетворением отмечает: "Воинская традиция впитала в себя ту силу, которая возникла сама по себе". Констатируя стремление ФФИ укрепить свои подразделения, их усилия по улучшению внешнего вида и выправки, де Голль подчеркнул, как много в воинском порядке "доблести и эффективности"¹⁹.

Но никто лучше него не знает, какой смертельный риск косности и затвердения могут содержать в себе некоторые привычки, принимаемые за традиции. Ему известна та печальная логика, которая запаздывает за войной или режимом... Ему известен военный консерватизм, избегающий изменений в структуре, в организации, в призыве, в технике и т.д.

В военной сфере (как впрочем и в других) нет деятеля, который мог бы быть лучшим революционером, чем де Голль. "Иногда я мысленно задавал себе вопрос, не являюсь ли я по сути дела единственным революционером?"²⁰. Он докажет это в двух случаях: при создании бронетанковой армии и введении ядерного оружия. Следы "корпоративного духа" этого столичного пехотинца мы без труда увидим в его делах, в его деятельности <...>

Для военной профессии, более чем для других, характерно величие и исполнение тяжелых обязанностей. Де Голль, как и Вовенарг и Виньи, и даже значительно лучше их, узнал оттачивающие и славные стороны этой профессии, "всегда сверх

меры почитаемой или обесславленной” (Альфред де Виньи). Он познал путь без горизонтов, мрачную работу в качестве подчиненного, монотонные трудности будней, суровые границы служебных и административных обязанностей. Ему знакомо до смешного медленное “продвижение”, а также “сладость” продвижения. В работе “На острие шпаги” он пишет: “Продвигаться приятно. Но вопрос состоит не в этом, а в том, как отличиться”²¹. “Посредственность денежного содержания, это назначение жить в бедности, горечь чувствовать себя в упряжке, отвращение к стадной жизни, мрачное исполнение обязанностей, добровольный отказ от определенной части формальной свободы и наличие даже жесткой зависимости”, непрерывно принуждающий закон, потеря прав жить там, где им хочется, говорить то, что они думают, одеваться по своему вкусу. Де Голль также хорошо знает трудности семейной жизни, и, когда не станет мадам де Голль, каждый раз будет подчеркивать, что прежде всего она была женой офицера...

Он умеет подчеркнуть “некоторые внешние черты, а также какие-то предвзятые мнения, которые в течение последних лет сумели скрыть от общества профессиональные заслуги военных и значение выполняемых ими обязанностей”²². “И тем не менее, престиж, беззаботность, удовлетворенность коллективной жизнью, тройное денежное содержание и давние привилегии профессиональных военных жестко взвешены в сегодняшнем обществе”²³.

Ему знакомо чувство необычности положения военного в обществе, неприятное ощущение “любопытства к своей персоне, заставляющего оборачиваться людьми”. Как и Виньи де Голль замечает, что “самыми частыми выражениями лиц военных являются скука и недовольство”. Он также писал о чувстве одиночества командира: “командир всегда один перед лицом злой судьбы”²⁴. Но он подчеркивает абсолютную бескорыстность военного и преданность тем “людям, которые не считают ни то, что дают они, ни то, что дается им”²⁵. В своей речи 24 марта 1942 года де Голль скажет: “Мы видим, как появляются и собираются люди, которые могут идти вперед не отступая, без расчета, без формулы”²⁶. Он знает о мужестве и высшей самоотверженности, так же как о зародившемся в древности чувстве покорности судьбе, этот аскетизм воли и в определенной мере этот христианский стоицизм, оставивший неизгладимый след в жизни Генерала (о чем недос-

таточно говорят исследователи). Это также было связано с семейным воспитанием и духовными занятиями Игнеция Лойолы. Разве не говорил он “об этом непрерывном принуждении, которому подвергаются самые сокровенные чувства личности” и “которое не перестает постоянно ранить душу, как разрывающаяся при каждом шаге власяница”²⁷. Ему знакомы радости достижения жизненного идеала, награды, особенно морального плана, что навеяно воинским духом.

Он подчеркивает необходимость внимания и уважения, которые требуются для достаточной устойчивости армии, ибо заслуги военнослужащих оплачиваются престижем²⁸.

Наконец, ему знакомы “эстетический характер военной жизни, касающейся самых глубоких чувств... впечатляющие спектакли, в которых солдат является одним из актеров, волнующие символы, которые ему дано увидеть и соприкоснуться с ними, горестный звон и музыка, в которых поет душа, смешиваясь с общим хором”²⁹. “Это находит проявление в парадах, организуемых для восхваления солдата, в знаменах и фанфарах, облагораживающих военную службу”³⁰.

Де Голль верен обрядам. Усидчивый и внимательный читатель Ардана дю Пика и Гюстава Лебона, он познал важность влияния престижа и моральных факторов на людей и на толпу, и, по крайней мере дважды, он вспомнит о пролитых слезах в последние дни военной карьеры и мечту о славе под воинскими знаменами. Среди самых волнующих событий в военной карьере де Голль считает прощание с вооруженными силами: “впечатление новобранца, гордость зрелости, слезы, проливаемые в последний день военной карьеры, составляют радость жизненного пути в воинской профессии”³¹. Он прославляет гордость войск, построенных под своими знаменами. В 1956 году в Коэткидане он частично использует положения, те слова, которые мы находим в работе “За профессиональную армию” и в речи в 1939 году в Метце перед 507-ым противотанковым полком: “Действительно, в этой профессии есть горькие часы, тяжелые дни, иногда и годы печали. Но взамен она дает вам впечатления новобранца, гордость зрелости, слезы, проливаемые в последний день службы, что составляет сладость жизненного пути. Она дает вам радость служения, надежду на великие дела. Она дает вам также самую красивую мечту, мечту о славе под сенью знамени. Нет! Я не жалею вас”³².

18 июня 1945 года де Голль отметил в связи с парадом войск, воевавших в Германии: “Восторженно настроенный народ, плачущий от радости, и де Голль. Так выглядел этот волшебный поток, порожденный великим и всеобщим волнением”³³.

Ему известны все особенности и даже сепаратизм воинской профессии. Как и Психари, он знает, что часто не подчиняется духу времени. Ардан дю Пик подчеркнул сложность существования представителя военной аристократии внутри демократического общества. В западных обществах армии опозорены, поскольку они постоянно выражают идею смерти, напряженности, жертвенности. “Обучение, информационные средства, общественная организация, индивидуальное поведение, моральные понятия - все это сегодня стремится противостоять принципам военного общества” (А. Сангинетти). Перед войной де Голль писал: “Для власти наше время является тяжелым, обычаи идут на нее напором, законы стараются ослабить ее...” Но он также хочет, чтобы армия была продуктом, образом, квинтэссенцией нации, и знает, что неразумно, если военный человек будет отделен от гражданина (А. де Виньи).

Престиж, уважение, почести. Для того чтобы солдат согласился на принуждение и состояние зависимости, взамен ему следует предоставить уважение. “Эта своего рода высшая гордость, которая в общем представляет воинскую честь, содержит в себе существенную потребность в уважении. Военный человек считает оправданным и необходимым, что его заслуги оплачиваются престижем”³⁴.

Целая глава в книге “На острие шпаги” касается проблемы авторитета, движущей силы командования. Это волнует де Голля с 1916 года. “Личный авторитет становится обязанностью командования”. “Авторитет для командира - это его способность внушать доверие в свои возможности”³⁵. Престиж вооруженных сил в глазах общественного мнения способствует блеску армии... “Военный человек считает правильным и необходимым, чтобы его заслуги оплачивались престижем. Поэтому, с тех пор как существует мир, воины, как говорится, воздают себе почести”³⁶.

Де Голлю известна эстетика и строгое величие парадов. Он возглавлял многочисленные церемонии вручения знамен и штандартов. Он знает и напоминает о значении воинского

приветствия, знаков уважения (кодекс чести). Он сам заботится о почестях.

Общество не должно “торговаться о цене их славы”. Престиж в общем так мало стоит и приносит такие плоды. Следует оказывать этим недоверчивым воинам “знаки общественного уважения”. “Естественная поддержка военных - это “то, что они нравятся народу и о них заботятся власти”³⁷.

Впрочем, самые сильные правительства, строго держащие армию в своих руках, отличались тем, что оказывали ей самое высокое уважение.

Провозглашая права политиков, де Голль очень сдержан, когда дело касается “уступок армии”, и здесь он внесет изменения в протокол проведения церемоний. Он отмечает, что в системе иерархии военным отводится ничтожная роль - в книге “На острие шпаги” он говорит “посредственная” - и удивляется, что в 1930 году известные всему миру генералы (Гийома, Гуро, Девеней, Дегутт, Вейган) должны следовать сзади в одном шаге от префектов³⁸ <...>

Жертвы, награды, упоминания в приказах. Де Голль знает величие высшей жертвы солдата, убитого в бою. Большое внимание он уделяет катакомбам 1914-1918 гг. и, в частности, потерям, которые понес 19-й стрелковый батальон. Он знает, что лучших “первыми и больше всех убивают на войне”³⁹. Говоря об упоминаниях в приказах, он видит в них данные о понесенных потерях, перенесенных страданиях, но также и обретение славы, выходящей за пределы воображения⁴⁰.

Самая высокая оценка воинского труда по де Голлю - воинские награды, и особенно отличия и награждения за проявления храбрости и преданности королю, республике, императору, нации <...> Во время войны 1914-1918 гг. де Голль был счастлив и горд получить военный крест и три благодарности в приказе <...> Он стал кавалером ордена Почетного легиона и получил очень лестную выписку из приказа. По примеру императора, он хочет вернуться на службу Почетному легиону. В 1930 году он подчеркнул, что Почетный легион “открытый на всех ступенях в меньшей степени для тех, кто рискует своей жизнью ради Родины, чем для тех, кто не идет на такой риск, теряет в силу этого свой авторитет...”⁴¹.

Де Голль очень заботится об условиях награждения этим орденом, не желая награждать никого, когда в боях противостоят друг другу французские силы. Он считает, что “Военный

крест” может быть наградой за подвиги только против врага⁴². Он грубо вмешивается в дебаты Национальной ассамблеи относительно наград, присужденных во время высадки американцев в Северной Африке.

Учреждение Ордена освобождения навеяно средневековым (крестовые освободительные походы). Он предназначен для награждения лиц или воинских и гражданских коллективов, которые проявят себя в деле освобождения Франции и ее Империи. Решение и мотивы учреждения этого ордена и описание самой награды изложены в письме полковнику Фонтену 15 ноября 1940 года, где речь идет о “крестоносцах” освобождения. Они становятся объектом специального ордонаса от имени народа и французской Империи, где их называют “товарищами” по освобождению <...>

Военная профессия имеет значение только в силу своего величия, радости служения и гордости за свое назначение. Именно благородство вооруженных сил, что имеет высшую “привлекательность”, пленяет воинов⁴³. Де Голль прославляет плодотворную строгость воинского порядка, результат преодоления себя и итог господства коллектива, сочетание в воинском порядке вспышки славы и спада интереса, страсти и послушания, восторженности и меланхолии. Он превозносит также возвеличивание долга и чести, являющихся “поэзией и даже таинством долга” (А. де Виньи). Личная и коллективная честь - главные побуждения его действий⁴⁴.

“Военная служба не может проходить без проявлений доблести, которая отличает и возвышает людей и которая накладывает на всех до единого сражающегося свой отпечаток”⁴⁵. Де Голль часто говорит о воинской доблести, одной из самых прочных традиционных добродетелей, “старых основ общества” <...> Он знает, что военной профессии присущи доблесть, привлекательность, которыми она одна обладает, и что сила оружия и солдат зиждется на доблести<...>

“Военная сила, доблесть оружия и служение солдат. Без этого нет ни одной твердо стоящей на ногах или вновь поднимающейся страны”⁴⁶.

Пеги говорит о старом представлении воинской чести, сложном социальном чувстве, вытекающем из идеального представления о природе человека. Это честь служения своей стране и созданным ею институтам. Именно это чувство долга и чести, надежда на великие действия, мечта о славе инстинк-

тивно руководят солдатом и офицером. Альберт Сорель писал по поводу долга офицеров: “Служить отечеству, защищать его границы, обеспечивать его независимость, социальный мир, гарантии и условия любой работы и общественной собственности. Цель - Франция, девиз - честь, средства - дисциплина, наука и мужество...”

Но если порой при исполнении долга возникает конфликт, в любом случае следует признать существование высшего долга, состоящего в верном и честном служении трансцендентальному, высшему принципу, королю, императору, Республике, объединяющим понятия государства, нации, родины, определенного типа цивилизации. Во времена Старого режима Монлюк писал: “Наши жизни и наше благосостояние принадлежат нашим королям, души - Богу, а честь - нам”. Независимый и привилегированный порядок посвящен и предназначен служению стране и родине.

“С тех пор как государство и нация избрали свой путь, воинский долг определен раз и навсегда”⁴⁷. Армия должна оставаться верной своему долгу, непримиримой к тем, кто предает. Чтобы ни случилось, “ее долг, ее честь, смысл ее существования был служить и повиноваться”⁴⁸. Армия должна оставаться лояльной по отношению к правительству. Офицеры должны быть безусловными служителями страны. Это строгий “голос” чести <...>

Именно чувство долга и воинская честь обязывают сопротивляться и отказываться от поражения до тех пор, пока не исчерпаны в бою все возможные средства. Мы никогда не раскаемся ... в служении идее, великой задаче, обширным намерениям. Быть великим означает всегда уметь выстоять в великом споре...⁴⁹. Совмещение неизменного интереса Франции с великим гуманным идеалом - вот что было бы хорошо и в то же время полезно⁵⁰ <...>

Всегда надо иметь идеал, к которому вы стремитесь, идти к вершинам, никогда, ни при каких обстоятельствах, не отказываться от задуманного. Идти прямо к своей цели по самому короткому пути и никогда не сдаваться.

Этот военный (Ш. де Голль - прим.перев.) с традиционной военной подготовкой, достиг вершин, своей непреклонностью и в значительной степени потому, что в начале своей карьеры он лучше чем кто-либо ощутил “военные” чувства: храбрость и преданность, самоотверженность, суровость и бескорыстие,

честь, включая страдание во имя высшей цели, каковой является нация...

Часто приводимые примеры были заимствованы у крупных военачальников, занимавших высокие командные и управленческие должности, в частности у Лувуа, Карно, Оша, Бюжо, Шанзи. И никто лучше солдата не мог размышлять над судьбой человека века “катастроф”, более чем когда-либо отмеченного “войной”, ставшей “мировым законом” (Ж. де Мэстрэ). определенная военная гордость, “гордость своего назначения” вдохновляет его, приводя к мысли : “нигде ничего не совершается, как на войне, нигде ничто не выковывается, как в огне”.... “Франция появилась благодаря ударам шпаги... Наши отцы вошли в историю с мечом Бреннуса” <...> “Нет, никогда воинская гордость не была ни более оправданна, ни более необходима”⁵¹.

La société militaire et son “Code speciale de la valeur et des rapports” //Pierre Messmer. Alain Larcen. Les écrits militaires de Charles de Gaulle.-Paris, PUF, 1985. - P. 393-419.

Стратегия

Стратегия является как искусством комбинирования действий военных сил для достижения цели войны, определенной политической властью, так и искусством координации действий военных, политических, экономических и моральных сил, используемых при ведении современной войны. Этимологически это еще и искусство полководца. Заметим, что де Голль никогда, и очевидно намеренно, не цитирует высказывание Клаузевица: “Война - это лишь продолжение политики другими средствами.” Несомненно, он это делает намеренно. Но по поводу Лувуа он замечает: “Признавая дух Королевского режима, он в буквальном смысле делает из войны продолжение политики”⁵².

Во время Второй мировой войны де Голль соглашается со “всеобщим, глобальным, взаимозависимым” характером войны. Он подчеркивает ее “неделимый” характер. Она образует единое целое, в котором успех или неудача одного являются успехом или неудачей других, и ее исход представляет собой ничто иное, как общую победу или всеобщий крах (13 января

1942 года)⁵³. Также часто он подчеркивает единый и всеобщий характер войны как “внутри страны, так и за ее пределами”. “Французская война - это все” (30 января 1944 года)⁵⁴.

Уже в XVII веке стали говорить об общих мероприятиях, но заслуга рассмотрения стратегии, как искусства составления военных планов, соответствующих возможностям государства, - принцип, предугаданный Макиавели, который вводил демографические и экономические факторы, - принадлежит Жильберу. Большое значение стратегии, как “искусству войны”, придавал Наполеон. Мы знаем, что после 1815 года Клаузевиц, углубляя основные мысли о стратегии, видит в ней силовое средство достижения политических целей государства. Целью войны является уничтожение врага. Руководство войной должно стремиться уничтожить как материальные, так и моральные силы противника. Известно, что Фош и французская военная школа хотели лишить понятие стратегии ее всеобщего характера и вернуть ее в рамки чисто военной мысли, касающейся ведения сражения с целью уничтожения противника. Фош провозгласил следующие основные принципы ведения войны:

- принцип мощи, состоящий в стремлении полководца создать систему сил и подчинить этой цели все действия;

- принцип безопасности, требующий, чтобы силы, готовые противостоять предпринимаемым шагам противника, были начеку;

- наконец, принцип экономии сил, позволяющий полководцу достигать мощи, соблюдая безопасность.

Для этого он должен разумно распределить силы, создать мощные резервы, минимум средств использовать для второстепенных действий и максимум - для достижения главной цели. Всякая победа является результатом маневра и силовых действий, которые проводятся для того, чтобы вывести противника из равновесия и парализовать его.

Де Голль часто обращается к этим мыслям об оперативной стратегии, но цельного произведения по этому поводу у него нет. В книге “Франция и ее армия” он так определил сущность стратегии: “Победы можно достичь только сочетанием проводимых без ограничения мер. Для этого необходимо такое соединение всех усилий в одно целое, такое упорство в постоянном удваивании ставки, такая страсть к риску, которые составляют сущность стратегии”⁵⁵. (Отметим попутно склонность

де Голля к употреблению игровых терминов: удвоить ставку, сорвать куш и т.д.)

Де Голль практически не цитирует Клаузевица, начальника Прусской военной школы, вдохновителя Шлиффена, Людендорфа и Кейтеля. Его имя называется только один раз в речи, произнесенной 1 апреля 1942 года в Лондоне на завтрак Комитета общественного интереса к национальной обороне. Кроме того, в некоторых речах де Голля встречается цитата, которую он не берет в кавычки: «Война, - говорил Клаузевиц, - это страшная и захватывающая драма. Для сегодняшней войны очевидно то, что ставкой является не только величие каждого государства, но и судьба каждого человека»⁵⁶. Однако эта цитата, приводимая де Голлем по памяти и используемая весьма редко, не является совершенно точной... Но это не выражение вольности в отношении произведений Клаузевица. И напротив, основные принципы Фоша, в силу очевидности не приводимые в явном виде, познаны и усвоены де Голлем. Принципы могущества, безопасности и экономии сил лежат в основе оперативной стратегии, которая становится возможной благодаря моторизованной армии. Стратегия, по де Голлю, должна обеспечиваться прежде всего возможностью развития результатов, достигнутых тактикой, ибо стратегическое развитие результатов собственно тактического порядка составляет «высшую цель и благородство искусства».

Он замечает, что если война «по сути своей разрушительна, то идеалом полководца остается экономия сил, минимальные жертвы для достижения максимального результата»⁵⁷.

В стратегии, как и в тактике, следует соразмерять ставку и средства, ибо «будет ли приемлема стратегия, если ей недостает средств?»⁵⁸ и всегда держать в памяти понятие высшей ставки.

Необходимо уметь охватить целостные системы, придать ее элементам определенную степень важности, увидеть связи и границы⁵⁹. Эта близость с мыслями Мунье поразительна: наивысшая политическая доблесть - не потерять смысл целого. Ставится цель - прежде всего «помешать нашим соседям навредить нам». «Установить политическую систему, которая помешала бы нашим соседям нанести нам вред, - вот по каким параметрам в течение тысячелетия во Франции подводятся итоги разработки планов и заключения договоров»⁶⁰. Прежде чем уничтожить военный потенциал противника, устрашаю-

щий элемент у де Голля, кажется, берет верх над собственно наступательным элементом. Но если вступило в действие средство войны, необходимо использовать достигнутые военные и политические результаты.

Нужно уметь воспользоваться победой и задумываться над вечным уроком, преподанным Махарбалом Ганнибалу... Де Голль сожалеет о том, что не используется опыт сражений 1914 -1918 г.г. и особенно наступательных действий союзников с 1915 по 1918 годы. Он мечтал о “гигантском Седане”, который должен был венчать неудавшееся наступление в Лотарингии. Это является аргументом в пользу создания танкового корпуса... Только моторизованная армия может достичь одновременно эффекта внезапности и прорыва. Она является маневренным, репрессивным и превентивным инструментом, адаптированным “к современной стратегии и потребностям страны”⁶¹. В 1941 году его убеждение подтвердилось. Сегодня лучшей политикой является самая ясная политика, как лучшей стратегией - самая простая и самая грубая стратегия (31 декабря 1941 года)⁶².

Размышления над различными конфликтами часто приводили де Голля к противопоставлению ограниченной и всеобщей войны. Он нередко критикует понятие “вооруженная нация”, исключительная система которой приводит к конфликтам с высокими ставками, возобновления которых надо избегать в будущем. Чтобы противостоять политике свершившегося факта, нужно обладать корпусом немедленного вмешательства. Так, французская армия была не способна противостоять врагу, сумевшему... “чрезвычайно быстро овладеть вождеденным залогом” (Австрией, Судетами, Данцингом, Мемелем ...) и поставить противника перед альтернативой: либо смириться со свершившимся фактом, либо взять на себя риск ведения истребительной борьбы. В предвоенные годы этот корпус назывался бронетанковым или просто танковым, в 1945 году - интервенционными силами, а позднее - силами быстрого реагирования.

Впредь задача подготовки всеобщей войны является лишь вынужденной мерой в случае провала действий сил оперативного вмешательства.

В книге “За профессиональную армию” де Голль подчеркнул, что только одна профессиональная армия, то есть сила оперативного вмешательства, способна захватывать в залог,

осуществлять превентивные и немедленные действия, обеспечивать развитие успеха и т.д.

В определенной мере де Голль близок с Дельбруком и другими мыслителями, которые противопоставляли две формы войны, или скорее стратегии. Одна из них - уничтожение, где единственной целью является сражение, а другая - изматывание, раздваивающееся между маневром и сражением. К тем, кто признает первую форму, относят Александра Македонского, Цезаря и Наполеона. К сторонникам второй - Перикла, Беллизера, Валенштейна, Густава-Адольфа, Фридриха Великого, маршала де Сакса и др.

Кажется, что де Голля больше вдохновляют Фолар, Пюисегюр, де Сакс, чем Гильбер или Клаузевиц (и такие их последователи, как фон ден Гольц, Бернгарди, которых де Голль много читал). Ему наиболее близка одна из тенденций, но, исходя из опыта 1914-1918 гг., он не игнорирует факта, что разумный бой военной элиты часто затмевается абсурдом и кровавым столкновением масс <...>

Он отмечает, что начиная со второй мировой войны Америка является вдохновителем большой стратегии. Рождается мысль о том, что политики принимают эстафету от военных стратегов. "Стратеги сегодняшних дней - не полководцы, как прежде, а руководители народов... Современная стратегия должна быть инспирирована и управляема довольно крупной и довольно гуманной политикой, отвечающей чаяниям заинтересованных масс"⁶³.

Наконец, заметим, что стратегическая мысль генерала де Голля по своему характеру очень "западная". Он не цитирует никаких недавно живших русских авторов (Драгомиров, по его мнению, тактик) и, кажется, он забыл знаменитое "Военное искусство" Сун Цзы, впервые опубликованное во Франции в конце XVIII века и которое, кажется, читал Наполеон.

Stratégie // Pierre Messmer, Alain Larcen. Les écrits militaire de Charles de Gaulle. - Paris, PUF, 1985.- P. 377-381.

Тактика

Поскольку тактика является искусством управления наземными, морскими и воздушными боями, применяя и комбини-

руя маневр и действия различных боевых средств, для достижения определенного результата вместе с материально-техническим обеспечением она составляет исполнительскую часть стратегии. Главным образом в книге “Франция и ее армия” и в некоторых других произведениях де Голль очень внимательно исследовал эволюцию тактики на протяжении веков: единую тактику “Копья” феодальных войск, затем преобладающее значение кавалерии, а позднее пехоты в средние века, важность “искусства, дисциплины, вооружения”, а также опыта и стечения обстоятельств при королевском строе, основополагающую роль изменений вооружения в соответствующей трансформации тактики ведения боя (появление пороха и пушек, прогресс в достижении мощи, сосредоточения и эффективности огня, бронетанкового вооружения, моторизации и т.д.). Он знает и подробно рассматривает классический союз холодного оружия, пищаля, мушкета, затем винтовки, появившейся перед исчезновением кавалерийских сражений с холодным оружием; постоянное противостояние между оружием и тактикой обороны (“шпагой” и “щитом”) <...>

В процессе доказательства де Голль подробно рассматривает также точные факты относительно боевых порядков в ХУІІІ веке, отражающие знаменитый спор между глубокими и линейными боевыми порядками. Ему известно, что сосредоточение огня пехоты и артиллерии ведет к тщательному изучению позиций, состояние которых не должно рассматриваться как застывшее а priori (так было в 1870 году), и что мощь современного оружия требует маневренной поддержки в расчлененном боевом порядке. <...>

Возможно, изучение общей тактики рельефно высветили преобладающие качества прагматизма и реализма, которые мы охотно признаем у де Голля и, как следствие этого, его отказ от догматизма доктрины а priori. С первых слов книги “На острие шпаги” де Голль утверждает, что военные действия носят главным образом случайный характер. Война никогда не протекает по заранее составленному плану, - писал Туцидид. Гильбер добавляет, что “все зависит от обстоятельств” и от способностей военачальников. А Мольтке-старший отмечал: “Ни один план операции не может определенно предвидеть развитие событий, которые произойдут после первого столкновения”.

Де Голль подчеркивает, что Гильбер, Брогли “определенно умели заставить большинство умов принять реальную доктрину”. “В военном деле Наполеон никогда не теряет чувства реальности... Гений Наполеона проявляется благодаря тому, что он сам порождает событие, оставляя за собой право выбора средств, определения подходящего момента и соответствующей формы”⁶⁴. Как и большинство великих полководцев, де Голль часто подчеркивал в высшей степени случайный характер войны, ее изменчивость, при этом по возможности соединяя гибкую ценную логику Пеги и философию реальности Бергсона.

“Действие представляет ценность только в силу обстоятельств, которые никогда не повторяются”⁶⁵. “Нельзя связать формулами обстоятельства действия”. Далее де Голль продолжает: “Очень возможно, что действие, каким бы оно ни было, может не произойти или проявиться по-другому, оно имеет характер возможности, характер в высшей степени изменчивый, оно может быть или не быть”⁶⁶. Только в книге “На острие шпаги” де Голль обращается к понятию случайности 12 раз.

Война представляет собой бесконечную цепь частных случаев. Поэтому всегда следует определять задачу и измерять средства, степень риска и конкретно фиксированную цель, выбирать пропорции в соотношении ставки и средств, определять основную форму действий всякого подразделения, управляемого общими директивами⁶⁷. Здесь идет речь о принципах, которые де Голль применял при подготовке атак пехоты в 1915-1916 гг., которые заложил в проект создания бронетанкового корпуса, которыми руководствовался при проведении боевых операций в Монкорне или в Абевиле. Он ратует за боевой порядок, который “позволяет в наилучших условиях использовать все средства, одним словом, быть “открытым и гибким” и действовать поэтапно или скачками”⁶⁸. И поэтому следует всегда иметь обоснованные знания местности, которые, как и соотношение сил, никогда не остаются неизменными, и руководствоваться скорее здравым смыслом и суждением, чем теорией и обычаями.

Нужно понимать и схватывать меняющуюся реальность, умея превозмочь самого себя, зная, что “противник может проявить себя неожиданным образом” и что “средства, которыми управляют, не имеют абсолютного значения”. Кроме

того, нужно “по возможности выявить систему его средств, которые постоянно меняются под влиянием событий”⁶⁹.

Надо уметь “поймать” случай, ибо “на войне случай не ждет”. Надо уметь использовать обстоятельства, приспособляться к ним, использовать их, при случае “творить событие, использовать или преодолевать его”. Эта способность оценивать обстоятельства, этот инстинкт своевременности, это понимание того, что возможно и что невозможно, составляют ощущение войны⁷⁰. Особенно необходимо не терять инициативу маневра, используя для этого мобильность сил. В военном деле быстрота обычно бывает более полезной, чем храбрость. В апреле 1944 года, находясь в Оране, де Голль писал: “На войне всегда стоит вопрос выбора между методом и скоростью”. При совершении маневра нужно, чтобы войска обладали “этой непреодолимой силой, которая требуется для сокрушительных ударов”, как это было при Наполеоне.

Необходимо сохранять за собой возможность внезапных действий. “В наше время, когда в дела впутывается тысяча смутьянов”, внезапность следует организовывать”, - писал де Голль в книге “За профессиональную армию”. Далее он продолжает: “Даже среди своих скрывать свои истинные намерения”, вводить в заблуждение “даже тех, кого мы собираемся использовать”⁷¹. И наконец, “хранить при себе какой-то неожиданный, всегда готовый к реализации, рискованный план”. В связи с этим вспомним молниеносный визит в Баден в мае 1968 года, который де Голль совершил неожиданно для всех.

Тактика предполагает не только искусство ведения боя, выбор местности, определение условий действий авангарда, использование успеха, но также и искусство отступления (отход Шанзи был верхом хладнокровия) и, возможно, “отказа от боя”, который так ценил маршал де Бервик.

Кроме того, тактическая мысль предполагает совершенную подготовку и тренировку по всем возможным ситуациям, начиная с самых неприятных. Наконец, надо уметь рассмотреть все варианты решений (картезианский принцип) до принятия лучшего... или наименее неудачного решения, и, начиная с этого момента, строго придерживаться его, ибо чаще всего опасно пересматривать ранее принятое решение, в соответствии с которым уже были отданы приказы.

“Основными чертами военного искусства являются: предвидение, метод, организация, затем, когда завязывается дей-

ствии с его обычным потоком тревог и хитростей, молчаливое спокойствие, которое не должны поколебать ни потрясения, ни миражи, и на которое подчиненные, встревоженные в глубине души, отвечают своей самоотверженностью⁷², - говорил де Голль в речи 29 мая 1966 года, посвященной пятидесятилетию Верденской битвы. Этот прагматизм и этот реализм усилены неизменным отказом де Голля от доктрины a priori.

Он многократно приводит примеры систематических ошибок, являющихся следствием тактической догмы, преподаваемой и распространяемой среди кадров как незыблемая истина. Такой догмой он считает доктрину позиционной обороны 1870 года, исключительно наступательную доктрину 1914 года и, наконец, доктрину оборонительной войны 1939 года, опирающуюся на линию Мажино.

До 1870 года среди военных подчеркивалось "огромное преимущество, которое в некоторых случаях предоставлялось в результате занятия заранее выбранных позиций, позволяющих вести стрельбу на широком участке и где имелась возможность в лучших условиях использовать мощный огонь пехоты"⁷³ <...>

Затем "военное поколение убедилось в том, что непреходящую ценность имеет наступление. Каковы бы ни были обстоятельства, атаке придавался характер верховенства, которому склонны были верить беспрекословно<...> В противовес наступлению иногда допускали оборону, но без особой убежденности. В данном случае борьба на месте не должна была рассматриваться как основной способ. Для сохранения территории прежде всего следовало рассчитывать на контратаку"⁷⁴ <...>

Интересно напомнить позицию де Голля в отношении обороны и сплошного фронта. Признавая достоинства и преимущества обороны в определенных условиях, мы должны сказать о постоянном недоверии Шарля де Голля в отношении систематической обороны. Отсюда его главный упрек штабу, закону 1927 года, Петену и Вейгану. Какой бы мощной ни была оборона, ее недостаточно для безопасности страны и, напротив, следует отдать предпочтение если не наступлению, - вспомним его упреки перед 1914 годом в адрес теоретиков систематического наступления - то маневру, "так как именно... маневрируя, мы можем прикрыть Францию"⁷⁵. "Маневр необ-

ходим для того, чтобы силой или хитростью насколько можно оттеснить противника, захватить территорию”⁷⁶ <...>

“Наша страна была спасена маневренной армией и, если бы в 1918 году мы были ограничены рамками обороны, немцы по-прежнему находились бы в Нуаене”⁷⁷. Де Голль, этот апостол мобильности, восстает не только против фортификаций, но и против стабильных и сплошных фронтов. Следует избегать сплошных фронтов, которые с точки зрения искусства не оправдали себя в последней войне (1914 года)...⁷⁸ и справедливо, что совершенная, быстрая, мощная машина “переворачивает старые понятия пространства и времени, на которых правительство основывало “безопасность”, а штабы “надежность”⁷⁹. Он полагает, что концепция сплошных фронтов, которая была аргументом неподвижности, устарела... К тому же в 1940 году Делестрен и де Голль не были пропитаны “мистикой сплошного фронта”. Но были другие, такие как Бессон, Фрер, которые хотели выровнять силы в линию, убрать “мешки”, обрезать “пальцы перчаток”, установить рокады, распределить танки, используя их как “подвижные казематы”.

Tactique // Pierre Messmer. Alain Larcen. Les écrits militaires de Charles de Gaulle. - Paris, 1985, - P. 367- 372.

Экономика и промышленность

Де Голля всегда обвиняют в том, что он далек от экономики и не компетентен в ней. Однако, этот военный деятель никогда не игнорировал экономику, которая обеспечивает развитие страны и позволяет ей поддерживать военный потенциал, достаточный для защиты своей независимости. Отношениями между экономикой и национальной обороной он интересуется с финансовой и технической стороны.

Дело в том, что де Голль хорошо знал содержание военного бюджета. В книге “Франция и ее армия” он рассматривает финансирование программ за период, предшествующий 1914 году⁸⁰. Он подсчитал стоимость маневренной механизированной армии <...> Бюджетные наброски по маневренному корпусу были даны в общих чертах: 3 млрд. франков на подготовку корпуса и “возмещение убытков на уже предвиденные многочисленные, обязательные по характеру, расходы” <...>

В своих исторических трудах, касающихся в частности войны 1914-1918 гг., де Голль подчеркивает неподготовленность Франции в различных технических областях, показывает последствия оккупации противником части территории, наконец, гигантские усилия нации по преодолению отставания, и, в конечном итоге, взятие верха над Германией, этой индустриальной нацией.

Он подробно говорит о материальных трудностях перед 1914 годом, связанных с огромными расходами и проблемами, присущими разработкам и выпуску военной техники, а также с “привычной медлительностью технических служб”. Не смотря ни на что, финансовый вклад значителен и достигает 80 млн. золотых франков⁸¹.

Де Голль, будучи родом с Севера Франции, хорошо знал богатства этой части страны. Он особенно переживал оккупацию противником северо-восточных провинций: “Отступление на Севере означает обнажение жизненно важных мест Франции”⁸². “Вот потеряны Лиль и другие города, угрожают портам Ла Манша, оставлены наши шахты и рудники, наши лучшие земли, дающие пшеницу и свеклу”⁸³.

Но промышленность в полной мере обретет свою производительность, выпуская в большом количестве и качественную военную технику. Де Голль тщательно изучает вопросы осуществления этих достижений, напоминая, что “если учесть, что захват Севера и Востока лишает нас 50% угля, 64% литья, 62% стали, обычно производимых нашими шахтами и заводами, то результаты тем более будут заслуживать похвалы...”⁸⁴ <...> Преодолевая все трудности, Франция, несмотря ни на что, сумела выковать боевое оружие и теперь “чьи пушки, чьи самолеты, чьи танки лучше наших?”⁸⁵.

Говоря о проблеме моторизованной армии, де Голль знает, что необходимо “придать военным действиям такой же промышленный и научный ход, который характерен для эпохи в целом”⁸⁶. Довольно подробно он говорит о принципе машинизма: “Всегда готовая помочь подруга, машина правит сегодня нашей судьбой... Машина управляет всеми областями жизни современников... игры и желания одержимы моторами”⁸⁷ Де Голль понимает, что, несмотря на разные протесты, постоянный прогресс военной техники и оборудования никогда не будет остановлен и “ничто не возьмет верх над духом времени”⁸⁸ <...>

Техника требует сформировавшихся, квалифицированных, опытных людей. Следовательно, необходимо располагать “отборным личным составом, извлекающим максимум из чрезвычайно мощной и разнообразной техники”⁸⁹.

Может быть, немного идеализируя, де Голль полагает, что Франции предназначено блистать в сфере качественной техники. “Наша страна небесного оттенка, разнообразного рельефа, плодородной земли со своими сельскохозяйственными угодьями, снабжающими нас прекрасной пшеницей, добрым вином, отборным мясом, со своей точной промышленностью, совершенной продукцией, предметами роскоши, нашим даром инициативы, приспособления, самолюбия делает из нас расу в высшей степени блистательных действий и отборных групп”⁹⁰
<...>

Наконец, подготовка народных войн, сменяющих войны, ведущиеся армиями, требует тотальной национальной обороны и “использования всех ресурсов страны”⁹¹ (1. 01. 1934 г.) Работая по заданию Секретариата Национальной обороны, де Голль изучил экономическую мобилизацию за рубежом на примере трех стран: Америки, Италии и Бельгии. Он подчеркивает “размах и сложность решаемых проблем, большая часть которых обуславливается различными видами деятельности. Наконец, особенностью является то, что эти проблемы могут иметь случайный характер, и обнаруживаются они в хаосе других дел, кажущихся с первого взгляда более срочными”⁹². Он излагает программы трех стран, различающихся политическим строем, географическим положением и экономическими ресурсами. Совершенно очевидно, что наибольший интерес представляет глава, посвященная США. В связи с этим возникает вопрос: не на этом ли материале основывал де Голль свою уверенность в запоздалом, но решительном вступлении Соединенных Штатов в войну? “Обеспеченные огромными ресурсами сырья, производственных мощностей и рабочей силы, обладая экономической организацией, позволяющей достигнуть высокой производительности, способные добиться грандиозного трудового накала среди всех групп населения ради прибыли и труда, Соединенные Штаты располагают в лице своих производственных возможностей могучей военной силой... В сфере промышленности, как и в других областях, у них есть время, территория и средства”⁹³.

В этом исследовании де Голль рассматривает проблему подготовки промышленности к выпуску военной продукции, что предполагает заключение предварительных соглашений и контрактов, например, договоров или обязательств между государством и промышленниками (бельгийские “отсроченные” контракты), введение в действие “комитетов по исследованию” (США), направление военных наблюдателей на промышленные предприятия, определение основных отраслей промышленности для национальной обороны... учет предметов первой необходимости... определение энергетических потребностей и средств их удовлетворения”.

Де Голль отмечает, что особенностью Америки является ее явно выраженное стремление к материальной выгоде, в то время как для Бельгии характерна проблема валютных расчетов. Он подчеркивает почти неизбежную сложность “адаптации” администраций, обычная деятельность которых касается проблем мирного времени и которые “силой должны заставить себя оценить чрезвычайные обстоятельства конфликта”⁹⁴.

В этой статье, посвященной зарубежным странам, де Голль проникается императивами промышленной, коммерческой и научной мобилизации и особенно сложностью ее подготовки и усилий, необходимых для ее проведения.

Economie et industrie // Pierre Messmer. Alain Larcen. Les écrits militaires de Charles de Gaulle.- Paris, PUF, 1985. - P. 357-360.

Военное обучение

В жизненном ритме Шарля де Голля самой характерной чертой является чередование состояний ученик-учитель, ибо среди всех профессий карьера военного обязывает тех, кто ее избрал сверху донизу иерархической лестницы постоянно совершенствовать раз приобретенные знания. “Общество не без некоторого удивления наблюдает, как поседевшие на службе генералы торопятся на какую-нибудь лекцию с атрибутами студента под мышкой”⁹⁵.

Де Голль учился в Сен-Сире и стажировался в Военной школе (с 3.11.1922 г. по 31.10.1924 г.). При традиционном инспектировании школы в 1959 году он скажет: “Эти места мне знакомы”. Подполковник Нашен говорит, что некоторые его товарищи на вопрос, чему они научились в Военной школе,

отвечали: “Познанию де Голля”. Нашен пишет, что капитан-воспитанник поразил своих учителей и своих товарищей зрелостью своего ума, твердостью своих мнений, индивидуальностью своих суждений, а также иногда пугающей независимостью своих взглядов. Именно с этим периодом следует связывать сделанное им признание во время посещения Военной школы 15 февраля 1963 года. Он вспоминал идеи, работы, размышления, которые “вне всякого сомнения в большой степени способствовали моей последующей службе Франции”⁹⁶

<...>

Он был также, и это особо следует подчеркнуть, наставником. Этот сын учителя сам неоднократно выступал в роли учителя. Прирожденный лектор, он очень рано внес свой вклад в педагогику, в частности, в 33-ем пехотном полку (лекция о патриотизме, прочитанная перед младшими офицерами), затем в плену (лекции, слушатели которых, в частности Р. Рур и другие, сохранили живое воспоминание о войне, о высшем руководстве войной (1917 г.), о сокращении вооружений (1918 г.) и лекция о французско-польском союзе, прочитанная в Рембертуве перед польскими офицерами (1919 г.). Но наиболее содержательные и наиболее проблемные лекции были прочитаны им в качестве преподавателя истории в Сен-Сирском училище в 1921 году. Мы же их знаем по его дневникам (ч.II): 1805, 1813, 1866 годы, Виссембург, Фрошвиллер, Седан, 1915 год. Особое значение имеют его выступления в Военной школе в 1925 году. Их основные идеи нашли свое отражение в книге “На острие шпаги”: качества командира, принципы, методы и роль командования, о руководстве I-ой и II-ой мировыми войнами, об активности, о престиже.

Наконец, в 1927 году в этой же школе состоялась последняя его лекция на тему “Сила польской армии”. Но в 1929 году он был отправлен в Ливан, поскольку, как говорили, преподаватели школы угрожали коллективной подачей в отставку, если де Голль будет находиться среди них <...>

В книге “Франция и ее армия” он нарисовал картину военного строительства и рассмотрел проблемы военных учреждений, войск и их командиров. Он также причастен к подготовке командующих крупными соединениями, к “этой высшей подготовке, без которой нельзя охватить высшие сферы военного искусства”⁹⁷. Он точно определил цели изучения военной истории в Высшей военной школе. “На военных событиях,

имевших место в прошлом, изучать, какие проблемы должно было решать командование, как эти проблемы ставились, какие решения и положения были в результате приняты. Таким образом понятая военная история способствует прежде всего развитию личности. Она предоставляет великолепный материал для размышления и показывает, как влияют на события действия личностей. Кампаниями, из которых извлекают самые полезные уроки с этой точки зрения, являются те, в которых оставили свой след самые великие военачальники. Надлежит выбрать небольшое число таких кампаний для возможно более полного изучения проблемы командования. С другой стороны, есть необходимость выбрать их из разных эпох, чтобы показать, как характер войны связан со своим временем”⁹⁸

Он знает недостатки высшего командования Второй империи и приветствует создание в 1875 -1876 гг. под руководством Леваля Высшей военной школы, “центра, воздействие которого ощущает вся армия”, где развернулась напряженная интеллектуальная деятельность и “которая теперь возделывает поле разума”⁹⁹. Для де Голля это великий период французского военного духа. Действия и дело Генерала будут находиться под его влиянием. “Под влиянием Кардо, Майяров, Жильберов, Груаров, Бонналей, дело которых продолжили Негрие, Ланглуа, Фош, Колэн, Модюи, Монтень, Мэйер и другие, история войн времен революции и Империи, события недавних войн, технические и тактические проблемы изучены и обсуждены с усердием, превышающим профессиональные рамки и достигающим уровня общественного мнения”¹⁰⁰.

Обратимся к книге “На острие шпаги”. Работы Бонналей, Кардо о военных кампаниях Первой империи и 1870 года представляли великолепный материал для размышления. Здесь (в Военной школе) именитые мэтры, такие как Кардо, Майяры, Бонали, привнесли юношеский задор в сознательное изучение истории.

Изучение тактики по Майяру было возможно с помощью двух дополнительных методов.

Исторический метод берет факт, результат которого известен. Изучаются причины этого явления, его развитие и последствия и выводятся заключения.

Позитивный метод состоит в изучении априори имеющихся сил, сферы их действия и в выведении заключения.

Роль истории - разъяснить характер войны, указать на то, что возможно, заставить понять влияние внешних обстоятельств, всех перипетий войны. Она выявляет устойчивые принципы тактики... Она определяет места, на которые следует обратить внимание. Она дает материал для анализа ситуаций.

После Майяра (1882-1891 гг.) исторический метод получил особое развитие в деятельности Бонналя (1888-1896 гг.), Ланглуа, Ланрезака и Фоша (курс военной истории, стратегии и общей тактики). Этот метод был дополнен методом обстоятельств (ситуаций, дающих уроки и узаконивающих главные принципы руководства войсками).

Педагогика Военной школы также использовала и позитивный метод, в частности в цикле лекций по родам войск (Петэн для пехоты, Фэйоль и Рюффей для артиллерии, Шефис для кавалерии, Пьеррон де Мондесир для инженерных войск и т.д.)

Де Голль прочитал труды всех вышеназванных авторов и следовал учениям некоторых из них. Вместе с тем, он критикует тенденцию к догматизму, присущую училищным доктринам и "усиленную силой военного приказа, который повелевает с необходимостью"¹⁰¹. Он иронизирует над притязаниями создать доктрину на основе анализа фактов прошлого, которые могут отбираться произвольно. Эта тенденция, уже отмеченная до 1914 года, вновь появляется после победы в 1918 году. "Если взглянуть в основу этой деятельности, то мы увидим, что заботы о будущем несколько уступают здесь уважению к прошлому. Под влиянием страшных уроков недавнего времени военная среда как будто тяготеет к тому, чтобы придать отборной части командного состава форму, наиболее желательную для действий в условиях, аналогичных тем, которые ей только что пришлось пережить"¹⁰².

Система - "централизована", правила - "строги". Это дает работе "замечательное единство и массу удобств"¹⁰³. "Зато обновление доктрин по мере изменений в средствах, склонность через идеи следить за эволюцией явлений, откуда во все времена проистекали победы, найдут в этой неподвижности малоблагоприятные для себя условия"¹⁰⁴. Тогда де Голль несколько противоречивым образом и с определенной иронией замечает, "что поразительным является то, что исторические эпохи, когда командование в целом обнаруживало нали-

чие самых высоких достоинств, были как раз такими периодами, когда чисто дидактический порядок оказывал на него наименьшее влияние”¹⁰⁵.

Не следует доверять принципам, уставам, кодексам, официальным доктринам: “Замечательно то, что военачальники большой войны, обнаружившие наиболее совершенные таланты, первоначально отличались явной независимостью по отношению к официальным доктринам”¹⁰⁶. Система обучения начальствующего состава... “вместо того, чтобы находить вдохновение главным образом в уже приобретенном, преподанном в виде целостной доктрины кафедрами, состоящих под надлежащим наблюдением, должна будет поставить себе законом развитие личностей”¹⁰⁷. Следует формировать личную интеллектуальную дисциплину, включающую прежде всего изучение, затем синтез, направленный собственно на поиск сущности, тренировку воображения. “Глубина мышления, легкость синтеза и уверенность суждений, без которых профессиональные знания были бы напрасными уловками”¹⁰⁸ могут только расширить строго военные категории.

“Сила ума требует разнообразия, которого нельзя найти в исключительно профессиональной деятельности. Истинной школой командования является общая культура”¹⁰⁹. “Не было ни одного знаменитого полководца, который не черпал бы своего искусства из сокровищницы человеческого разума. В основе побед Александра Македонского мы в конце концов всегда находим Аристотеля”¹¹⁰.

По окончании своего пребывания в Высшей военной школе, состоя в штабе маршала Петэна, де Голль напишет интересный очерк именно об обучении в этом учебном заведении. В этом программном очерке излагаются материалы лекций, впоследствии перегруппированных в философию командования (будущая книга “На острие шпаги”). В предисловии де Голль напоминает назначение Высшей военной школы: давать высшие военные знания и знания общего порядка, которые способствуют подготовке командного состава, готовить штабных офицеров, непосредственных помощников командиров, “обладающих одновременно обширными знаниями и практическими навыками, которые требуются от них исполнением их обязанностей”¹¹¹.

Это обучение должно “способствовать развитию личностей, методически развивая мышление, суждение, способность

принимать решения” и “остерегаться всякого рода теорий, которые под видом единства доктрины будут претендовать на установление критерия военных действий или систематизацию способов действий”¹¹².

Вступительные экзамены должны выявлять способности “к суждению, методическому мышлению, проявления общей культуры кандидата”¹¹³.

“Работа по использованию тактики вовсе не имеет целью оценить “доктрину” кандидата при решении поставленной задачи”¹¹⁴. Далее следуют детали, касающиеся обычных вступительных экзаменов, войсковых стажировок, наконец программы обучения в Высшей военной школе, которую он разделяет на изучение тактики, военной истории, философии командования, социологии, иностранных языков. Вызывает удивление, что в этом перечне отсутствует физическая география.

Здесь мы вновь находим основные идеи де Голля: постоянство и изменчивость военных обстоятельств, в высшей степени недоверчивое отношение к системным тенденциям, к догматизму, изложение общих идей, ссылки на конкретные факты, роль личности в развитии событий, влияние временного фактора на проблемы войны, искусство командования, сочетающее опыт и мышление. Интересно отметить социологическую программу, ориентированную на французское общество: социальная структура, демография, интеллектуальная и моральная жизнь, политическая, экономическая и общественная жизнь; а также программу, охватывающую общую политику и географию: исследования больших масс населения, в частности США, Испании и Латинской Америки, Дальнего Востока и стран Тихоокеанского бассейна, исламских государств, Британской империи, Центральной Европы, Италии, России, тенденций к созданию международного сообщества.

Наряду с Высшей военной школой де Голль в равной степени интересовался также организацией, которая сегодня называется Институтом высших исследований Национальной обороны.

Действительно, вспомним отрывок из книги де Голля “На острие шпаги”: можно подумать, “что для руководства нацией на случай войны предусмотрительное государство захотело подготовить в общей системе обучения политическую, административную и военную элиту” по программам гражданского обучения (свободная Школа политических наук, Высшая нор-

мальная школа...) и по военным программам, направленным на "ведение войны" и даже на создание основ доктрины национальной обороны.

L'enseignement militaire // P.Messmer.A.Larcan.
Les écrits militaires de Charles de Gaulle. - Paris,
1985. - P.360-365.

Философия командования

"Повсюду и во все времена существовала своего рода философия командования, неизменная, как человеческая натура, и являющаяся подлинным уроком военной истории"¹¹⁵.

И именно эту философию душ и командования де Голль великолепно определил в книге "На острие шпаги", а также в статье "Подготовка войны - это подготовка командиров". Подготовка командиров является самой важной проблемой, стоящей перед нацией.

Ведение войны, как и ее подготовка, предполагает не только наличие материальных и моральных средств, но так же, и прежде всего, командиров.

"Сегодня (1921 г.) как и всегда, и в той же мере, моральные и материальные ценности существуют только в силу наличия их у командиров" - эти слова мы находим в материалах конференции, которая так и называется "Подготовка войны - это подготовка командиров". Именно командиры приводят в действие средства. "Распознавание цели, достигаемой благодаря их усилиям, их ориентация, управление и координация действий - вот в чем роль командиров"¹¹⁶.

От подготовки их на эту роль, их доблести, их воли, их авторитета зависит судьба наций. "И настоящее, и будущее всего народа, всей цивилизации зависит от его характера, его ума, его знаний"¹¹⁷.

Много требуется для подготовки командиров, и прежде всего в плане умственного развития: "постоянное совершенствование знаний", логичное, индуктивное, дедуктивное, гипотетическое рассуждение, сравнения, основанные на систематическом сомнении. И не нужно покоиться на "жесткой подушке" уверенности, а наоборот, исходя из картезианских принципов, ценой внутренних рассуждений, мощной способности к рефлексии применять эти правила и постоянно тренировать свою

память, воображение, выносить суждения, принимать решения.

Необходимо, писал де Голль, “рассуждать изнутри”. “Все великие люди действия размышляли. Все обладали способностью в высшей степени сосредоточиваться, размышлять внутри себя”¹¹⁸. Далее он продолжает цитируя Наполеона: “долго и усиленно рассматривать одни и те же объекты, не уставая при этом... особенно необходимо приобрести способность охватывать объекты в целом”¹¹⁹.

Понятие “в целом” кажется базовым в мышлении Генерала. “Высшая” способность - это способность охватить предмет в целом. Это выражение “охватить в целом” постоянно вырывается из-под его пера. Понятие целого более важно, чем понятие деталей, и это просматривается в его различных сочинениях.

В равной степени следует тренировать свою память. Де Голль произносит пламенную речь о пользе общей культуры. Известна его великолепная фраза: “Подлинная школа командования - это общая культура”¹²⁰, ибо его мышление формируется на классической основе, согласно методу, форме и последовательности классицизма, здравому рассудку и всеобщности. “Возможно, генералы были бы более совершенны, если бы, освобождаясь время от времени от непосредственного выполнения своих функций, они выработали общие идеи, как результат собранных воедино поучительных фрагментов”. “Офицерам все больше недостает приверженности общим идеям, понимания взаимных отношений вещей, которые высвечивают самые высокие степени действия... необходимости размышления применительно к обширному полю наблюдения.”

“Дискуссия, оригинальность, даже инициатива (у военных) становятся особенностями, достойными порицания”¹²¹.

Не только разум, классический картезианский дух, но и романтическое сердце в сочетании с духовными и инстинктивными ценностями, которые можно назвать интуицией в условиях меняющейся реальности, могут служить жизненным порывом, могут быть созидательным воображением, не забывая, что они подвержены интеллектуальному грузу Бергсона. Этот инстинкт в действительности уподобляется “дарованию, быстрому взгляду, чутью” военачальника, тому, что Александр на-

зывал “своей надеждой”, Цезарь - “своей фортуной”, а Наполеон - “своей звездой”¹²².

Как это тонко замечает Рувье, он умеет сочетать сократовскую сметливость и “энергию” Аристотеля. Это позволяет установить “жесткие рамки” в “потоке текущей жизни”.

Недостаточно иметь ум и интуицию, нужен, и нужен обязательно, характер. Характер - это основополагающее отношение между мыслью и действием, и ничто лучше чем это отношение - здесь можно было бы привести целые страницы антологии - не говорит о характере. Союз ума и характера был многократно прославлен от Мармона до Фоша. Де Голль тонко соединил рациональную логику с логикой чувств. Характер заключается в том, что “накладывает на действие свой отпечаток, принимает его в расчет, обязывает делать свое дело” перед лицом событий, чтобы реагировать со страстью. Это божественная игра героев, ибо “решать - это участь одного”, “обсуждать - удел многих”¹²³.

Первое значительное упоминание об этом мы находим у де Голля в его дневниках. В 1916 году он писал: “Нужно обладать стойким характером. Лучший способ, или скорее необходимое условие добиться успеха в деятельности, - уметь постоянно владеть самим собой”¹²⁴. Но умение владеть самим собой должно стать своего рода привычкой, моральным рефлексом, достигаемым постоянной тренировкой воли, особенно в незначительных вещах: в манере держаться, в разговоре, в процессе мышления, в методе поиска и применения его ко всем вещам, в особенности в работе.

“Говорить нужно мало. Это абсолютное требование. Преимущество быть блестящим собеседником не стоит малой доли того, чтобы уметь мысленно сосредоточиться, даже с точки зрения общего влияния. У сильного человека мышление должно быть концентрированным и, действуя, следует молчать. Командир - это тот, кто не пустословит”¹²⁵.

Нужно закалять свой характер и характер других. Нужно иметь “вкус к предприимчивости”, “страсть к самостоятельным действиям”, “пылкое желание”, “зависть к решительности”¹²⁶, вкус к ответственности. Необходимо противостоять ходу событий и влиять на него.

Командир должен иметь склонность к инициативе, той инициативе, которую превозносят уставы, но “которой опасаются приказы”. Он должен стремиться показать себя на деле, а не

просто понравиться, проявить стремление к трудностям, преодоление которых требует серьезных усилий.

“Подняться над самим собой, дабы влиять на других, а затем и над событиями. Это то усилие, которое в сущности своей неизменно”¹²⁷.

Требовательность по отношению к самому себе имеет значение образцовой добродетели. Нужно уметь “оценить риск, уточнить цель”, и когда она определена, настойчиво добиваться ее достижения, ибо риск - это то, что дает командиру и человеку со стойким характером честь, мощь и славу, “суровую радость ответственности”, “привилегию подчинения” и дарует “право повелевать”, “гордость от послушания ему”¹²⁸.

“Влиять на события, накладывая на них свой отпечаток, брать на себя ответственность за их последствия - это именно то, что прежде всего ожидают от командира”¹²⁹.

Обращаясь к сен-сирцам де Голль говорит “об этом постоянном, волнующем приключении, каким является командование и где смешиваются действие, риск, ответственность”¹³⁰.

Ответственность на войне “приобретает такой вес, что мало кто способен выдержать его, ибо в конечном счете принятие решения - явление морального порядка”¹³¹.

Характер порождает “преданность”, “доверие маленьких людей”, он кристаллизует вокруг себя все, что есть в душах: скрытые веру, надежду, самоотверженность”¹³², ожидающие его. И только “маленькие” люди ожидают этого, но не представители иерархии, эти “доверенные лица”, которые меняют свои убеждения без зазрения совести”¹³³. Именно авторитет, являющийся следствием сильного характера, придает ему свой ореол и своего рода мощный потенциал, “магнетизм”, доверие и даже иллюзию. Наличие личного авторитета выступает движущей силой, средством командования и таинственности, божественным элементом власти. Человек с твердым характером придает деятельности доблесть: “Без него - мрачная работа раба, благодаря ему - божественная игра героя”¹³⁴. Именно характер в случае успеха позволяет полностью воспользоваться славой, но именно он в равной степени помогает стойко перенести возможные неудачи.

В “Военных мемуарах” де Голль писал: “Командир всегда один перед лицом скверной судьбы”, ибо он принимает события такими, какие они есть. Провал и успех не являются терминами, критериями голлистской этики. Нужны не только го-

ловы, но и характеры, способность реагировать на катастрофическую ситуацию, ибо характер “доблестных трудных времен” поистине проявляется тогда, когда события значительны и когда этого требуют интересы общего спасения. Тогда прибегают к человеку, которому уготована эта участь, о котором Черчилль говорил как о “человеке бурь”. “Девятый вал” приводит к власти человека трудной судьбы, имеющего беспокойный, нелюдимый, суровый, резкий характер. “Эта суровость - обычно обратная сторона мощных натур... Лучше предпочесть стойкие и спокойные сердца душам покладистым и бездейтельными”¹³⁵.

Вот он, характер, “почитаемый снизу, но вызывающий опасения сверху”, вновь поднимается во всей своей славе на щит сражений”¹³⁶. “Своеобразный девятый вал выносит в первые ряды человека с твердым характером”¹³⁷.

Приказы не могут и не должны быть строго предписаны, особенно для самых высших эшелонов командования, высшей властью или уставом. “Нужно способствовать тому, чтобы вызывать “предприимчивость”, которая у командира никогда не несет в себе опасности”¹³⁸. Для де Голля преувеличение инициативных действий является первой причиной отсутствия или вялости решений высших эшелонов. Нужно “уметь сохранить полную свободу их решений”, независимость духа и воли.

В высшей степени важным является момент, касающийся проявлений нарушений дисциплины. “Те, кто совершают нечто великое, зачастую проходят мимо нарушений дисциплины”¹³⁹.

Нет такого софизма, который, исходя из понимания противозаконности действий, оправдывал бы уклонение от повиновения.

“Командир, не способный принимать решение, легко находит в понимании противозаконности повиновения софизмы, выступающие аргументами и кажущиеся ему оправданием его уклонения”¹⁴⁰.

Не следует довольствоваться лишь общими инструкциями, ожиданием приказов, сообразовываться с наставлениями, часто многочисленными и противоречивыми... “инициатива, которую превозносят уставы и которой опасаются приказы, вновь обретет верховенство”¹⁴¹ <...>

Де Голль остерегается массового повиновения, косности, инерции и “неврастении”, пассивности и отказа. Он хочет отдать предпочтение инициативе, мобилизовать активность,

стремительность, дух инициативы. Он поражен фактом, что именно военная жизнь ведет к оскудению инициативы. “Чем дальше мы идем, тем больше Франция погружается в океан глупости, лени и административной наглости! Самые простые вещи до смешного становятся сложными. И никто, независимо от занимаемого места, никто не делает свое дело”¹⁴². В мирные времена “подавляющая централизация довлеет над целым и над частями”¹⁴³.

Де Голль говорит об этих “меняющихся, переписывающихся, бесчисленных, без конца увеличивающихся текстах, которые держат каждый эшелон, вплоть до самого высшего, в узких рамках. Он говорит о чаще, которая становится укрытием, о преградах в противовес обязанностям. От военных не ждут больше результатов, а только строгого соблюдения действующих циркуляров”¹⁴⁴. Такое же замечание он делал в июне 1938 года в письме к Л. Нашену: “Командир... использует свои средства... для того, чтобы оградить свои кадры и свою добрую волю от сумбура приказов, циркуляров, предписаний, правил, главным образом абсурдных и всегда противоречивых, которые скорее сведут на нет усилия различных армейских групп в случае их применения”<...>

В книге “За профессиональную армию” он также писал: “Но, чрезмерно усложняясь, закон становится противоречивым”¹⁴⁵. Никакая человеческая сила не способна одновременно исполнять все предписания различных наставлений <...>

“Впрочем, начиная с тех эшелонов, которые предписывают и регламентируют, все знают, как это делается в действительности. Гобино замечал приблизительно так: “Устанавливать правила, не веря в них, но “предписывать” их исполнение, зная, что они будут “мертвой буквой” - такова философия нашего времени”. В книге “На острие шпаги” де Голль уже говорил о чрезмерной, противоречивой из-за ее мелочности регламентации. Он писал: “Власть сама себя подтачивает ворохом бумаг и потоком речей”¹⁴⁶ <...>

В своих “Дневниках” де Голль отметил фразу Шарнхорста, которую мы находим в книге “На острие шпаги”: “Умы, устроенные механически, превосходят в мирное время тех, кто талантлив и способен чувствовать” и “выбор, который управляет карьерами, чаще охотно падет на того, кто нравится, чем на того, кто достоин”¹⁴⁷. И представители элиты, привлекаемые деньгами, отворачиваются от армии.

Надо учитывать традиционное недоверие правительств по отношению к военачальникам. Отбор стоящих командиров становится тем труднее, чем вероятнее кажется мир.

“Это отнюдь не обычные люди, которых достаточно во Франции, чтобы победить”¹⁴⁸. Все это может обернуться катастрофой, ибо “это настоящее, это будущее всего народа, всей цивилизации, которые зависят от его (командира) характера, его ума, его знаний”. Де Голль напоминал о чрезвычайной ответственности плохо подготовленных командиров и об ожидающих их наказаниях: позоре или бесчестной смерти.

Конвент снес головы несчастных генералов. Базэн был разжалован и осужден на смерть... Царь Николай II был расстрелян. И де Голль заключил: “Горе народу, который не будет призываться на воинскую службу, готовить и ставить на первое место командира, бесстрашного и непреклонного, способного направлять и координировать усилия своих армий в моральной буре”¹⁴⁹.

Для него подготовка к войне - это прежде всего подготовка командиров и, можно сказать буквально, что “армии, как и народы зависят от превосходных командиров, все остальное приложится”¹⁵⁰.

Почти идентичную фразу мы находим в статье “Подготовка войны - это подготовка командиров”. “Народам, которые сознательно ищут достойных командиров для использования своей военной силы, все остальное приложится”¹⁵¹.

Этот характер “честолюбия первого ранга”, как старательный художник и как закваска для теста, стоит на службе идеи, идеала, великой цели.

Стремиться к вершинам - вот суть видения проблемы генералом де Голлем <...>

Philosophie du commandement // P.Messmer.
A.Larcan. Les écrits militaires de Charles de
Gaulle. - Paris, PUF, 1985. -P. 425-432.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Charles de Gaulle. Articles et écrits (AE).4. Ibid, P. 60.
- Paris, Plon, 1975. - P. 300. 5. LNC, III, p. 418.; FE, P. 16, 100.
2. Lettres, notes et carnets (LNC),t.II. -6. FE, P. 204.
Paris, Plon,1981. -P.25. 7. AE, P. 300.
3. Charles de Gaulle. Le Fil de l'épée (FE).8. Vers l'armée de métier (AM). - Paris,
- Paris, Plon, 1971. -P.16. Plon, 1971. -P.67.

9. Ibid, P. 91-92.
10. Ibid.
11. AM, P. 238.
12. Charles de Gaulle. Mémoires de guerre (MG), t.III. -Paris, Plon, 1954. -P. 93.
13. FA, P. 205.
14. AM, P. 162-163.
15. Ibid.
16. Ibid.
17. AM, P. 159.
18. см. LNC, VI, P. 390.
19. MG, III, P. 11-14.
20. MG, II, P. 153.
21. FE, P. 60.
22. AE, P. 301.
23. AE, P. 150.
24. MG, I, P. 65.
25. FE, P. 61, 121.
26. Charles de Gaulle. Discours et messages (DM), t.I. - Paris, Plon, 1970. - P.174.
27. FE, P. 102.
28. AE, P. 146.
29. DM, III, P. 277.
30. Ibidem.
31. AM, P. 157.
32. LNC, II, P. 351; DM, II, P. 652.
33. MG, III, P. 253.
34. AE, P. 146.
35. LNC, I, P. 370.
36. AM, P. 146.
37. AE, P. 151.
38. FE, P. 171.
39. AM, P. 155.
40. см. LNC, II, P. 326.
41. AM, P. 152.
42. LNC, III, P. 168.
43. AM, p. 157.
44. AE, p. 137.
45. DM, IY, p. 12.
46. MG, II, p. 273.
47. DM, III, p. 371.
48. Ibid, p. 307.
49. AM, p. 242.
50. LNC, II, p. 361.
51. FE, p. 117.
52. FE, p. 190.
53. DM, 1, P. 163.
54. Ibid, p. 363.
55. Charles de Gaulle. La France et son armée (FA). -Paris, Plon, 1971. -P. 275.
56. DM, 1, p.177-485.
57. AM, p. 209.
58. FE, p. 164.
59. FE. -P.31.
60. FA, p. 3.
61. AM, p. 133.
62. DM, 31.12.41.
63. LNC, IV, p. 460.
64. FA, p. 136.
65. Ibid., P. 205.
66. FE, P. 19,20,21,22,24,26,126,139.
67. LNC, II, P. 250, 279.
68. FE, P. 64-182, 131,125,21.
69. FE, P. 22.
70. LNC, II, P. 278.
71. AM, P. 189.
72. DM, V, P. 36.
73. FE, P. 135.
74. Ibid., P. 142-143.
75. AM, P. 49.
76. LNC, III, P. 438.
77. Ibid., P. 439.
78. MG, I, P. 121-129.
79. Ibidem.
80. FA. -P.218-219, 233-235.
81. Ibid, P. 233,235.
82. FA, P. 245.
83. FA, P. 245.
84. FA, P. 270-271.
85. Ibidem.
86. AM, P. 78.
87. Ibid, P. 57-59.
88. Ibid, P. 66.
89. Ibid, P. 91.
90. Ibid, P. 126.
91. Charles de Gaulle. Trois Etudes (3 Et). -Paris, Plon, 1971. -P. 162-223.
92. Ibid, p. 170.
93. Ibid, p. 171-172.
94. Ibid, p. 190.
95. AM. -P.234.
96. DM, t.IV. -P.84.
97. FA. - P.205.
98. LNC, t.II. -P.265.
99. FA. -P.205.
100. Ibid. -P.206.
101. FA. -P.205.
102. AM. -P.234-235.
103. Ibid. -P.235.
104. Ibidem.
105. Ibidem.
106. AM. -P.236.
107. Ibid. -P.238.
108. Ibidem.
109. Ibidem.

110. Ibid. -P.239.
 111. LNC, t.II. -P.262.
 112. Ibidem.
 113. Ibidem.
 114. Ibidem.
 115. AM, p. 218.
 116. AE, P. 60-61.
 117. Ibid., P. 62.
 118. FE, P. 32.
 119. FE, P. 31, 66-118.
 120. AM, P. 239.
 121. FA, P.206; 162-163; AE, P.155, 300.
 122. FE, p. 29.
 123. LNC I, p. 473.
 124. Ibid., p. 336.
 125. Ibidem.
 126. FE, p. 64,62,67,78.
 127. FE, p. 64.
 128. Ibid., p. 96.
 129. Ibid., p. 64,96.
 130. DM II, p. 652.
 131. FE, p. 38.
 132. Ibid., p. 65,96,98.
 133. Ibid., p. 98.
 134. FE, P. 63.
 135. Ibid., P. 49,66.
 136. AM, P. 226; FE, P. 66.
 137. Ibidem.
 138. FE, P. 43.
 139. Ibid., P. 68.
 140. FE, P. 39.
 141. AM, P. 226.
 142. LNC II, P. 15.
 143. AM, P. 240.
 144. Ibidem.
 145. Ibidem.
 146. FE, P. 48.
 147. Ibid., P. 49.
 148. AE, P. 66.
 149. Ibid., P. 63.
 150. AE, P. 64.
 151. Ibidem.

Сведения об авторах

Алэн Ларкан - профессор университета Нанси I.

Пьер Мессмер - бывший премьер министр, бывший министр вооруженных сил Франции.

Франсуа Морэн - генерал ВВС, бывший начальник генерального штаба Вооруженных Сил, почетный государственный советник.

Алэн Лебугр - член Института Шарля де Голля, адвокат Парижского суда.

Бернар Трико - член института Шарля де Голля.

Шарль Мийон - министр обороны Франции.

Перевод и публикации Сергея Климова

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ ШАРЛЯ ДЕ ГОЛЛЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ОБОРОНА ФРАНЦИИ

Деятельность генерала де Голля определялась “идеей Франции”. Сущность этой идеи состояла в особом предназначении страны, нации, ее значимой роли в мире. Эту идею, как знамя, как крест, он пронес через всю свою жизнь. Ее реализация виделась де Голлю на пути создания мощной армии. В работе “Франция и ее армия” он пишет: “С тех пор, как в 1439 году так называемым “орлеанским” королевским указом, законность которого была подтверждена Штатами королевства, Карл VII учредил постоянную армию, история Франции неотделима от истории ее армии. Централизованное государство и регулярная армия способствовали выработке большей части ценностей французского общества, от обязательного подчинения правилам до чувства общественного служения. На протяжении веков меняются люди, правительства, сама форма ведения войны, но неизменной остается необходимость сражения, и армия Франции является верным отражением ее геня”.²

Особая роль в обеспечении национальной обороны страны отводилась **профессиональной армии**. По мнению де Голля, она должна базироваться на новом качественном принципе специализации, который предусматривал, во-первых, наличие в армии современной техники, во-вторых, обслуживание ее элитными военнослужащими, то есть профессиональными солдатами.

До сих пор остаются незабываемыми деголлевские положения:

- профессиональная армия должна иметь под собой реальную социально-политическую, экономическую и военнотехническую основу;
- нужна разработанная по времени, средствам и по направлениям концепция профессиональной армии, соответствующая задачам вооруженных сил;
- необходимы политические и военные лидеры, способные взять на себя ответственность и осуществить идею перехода

² Ch. de Gaulle. La France et son armée // Le Fil de l'épée et autres écrits. -Paris, PLON, 1994. -P.346.

военной системы на профессиональную основу из теоретической области в собственно практическую плоскость.

Мысль Шарля де Голля, зафиксированная в высказывании: “Мы должны создать армию не на основе наших привычек, а в соответствии с нашими потребностями”³, стала базовой при концептуальной проработке программы профессионализации современной французской армии.

В книге Ш. де Голля “Раздор в стане врага” нашел свое решение до сих пор актуальный принцип функционального разделения управленческих полномочий между правительством и военным руководством:

1. “В верховном руководстве войной следует различать общее руководство и оперативное руководство.

2. Общее руководство войной должно обеспечить правительство, так как оно обладает необходимыми для этого серьезными политическими, дипломатическими, финансовыми, экономическими элементами.

3. Руководство военными операциями обеспечивает командование на каждом оперативном ТВД.

4. Для принятия решений в сфере военного управления правительство должно быть в курсе дел и иметь с этой целью военного советника.

5. Правительство не должно ни позволять военному командованию решать задачи общего руководства войной, ни вмешиваться в собственно руководство военными операциями”⁴.

Таким образом, четко определенные сферы действий, предусматривали осуществление общего руководства военными действиями со стороны правительства, в то время как каждый командующий операцией на ТВД имел полную свободу действий. Воплощение этих идей в жизнь, их развитие было осуществлено позже.

Весьма значимо наследие генерала де Голля в сфере воинской этики. Во многом и здесь он опережал свое время. Это четко прослеживается в проведении через парламент закона от 20 декабря 1963 года, который предоставлял право лицам,

3 Le modèle d'armée 2015 // “Armée d'aujourd'hui” n. 208, mars 1996.

P.20-22.

4 Ch. de Gaulle. Lettres, notes et carnets, t.I. -Paris, PLON, 1980. - P.470.

отказывающимся от несения воинской службы по религиозным мотивам, нести гражданскую службу.

Разработанный в 1966 году под его руководством “Общий дисциплинарный устав вооруженных сил” отличался от предыдущих документов подобного рода тем, что содержал совокупность правил, распространявшихся на всех военнослужащих, независимо от воинского звания, рода войск, места дислокации. По сути дела текст устава являлся тем “специальным кодексом воинских ценностей и отношений”, о необходимости которого утверждалось еще в книге “На острие шпаги”.

Во французской воинской этике, как впрочем и в воинской этике вообще, доминирует долг повиновения. Устав 1924 года, подписанный Мажино и верный более чем столетней традиции, требовал от подчиненных “полного и мгновенного подчинения” (ст.1). Новый устав, начиная с преамбулы, определяет повиновение как “активное и неуклонное содействие, оказываемое подчиненным начальнику” и уточняет, что “долг повиновения никогда не освобождает подчиненного от обязанностей, налагаемых на него законом”⁵.

Здесь же были разработаны положения, касающиеся невыполнения незаконных приказов, определены случаи, когда приказы считаются незаконными установлено, что начальникам запрещено отдавать подобные приказы, а подчиненным выполнять их. Параграф 3-ий статьи 21 устава классифицирует их в три категории:

- действия, противоречащие законам и обычаям войны;
- действия, подпадающие под состав преступлений и правонарушений против безопасности государства, Конституции и общественного мира;
- действия, наносящие ущерб жизни, свободе, целостности людей или праву собственности в случаях, не обоснованных применением закона⁶.

Все вышеупомянутые положения впоследствии были приняты за основу постановлений от 28 июля 1978 года, 12 декабря 1979 года и продолжают оставаться руководством к действию французских военнослужащих в наше время⁷.

5 De Gaulle en son siècle, t.4.-Paris, PLON,1992. -P.14.

6 Ibid. -P.15.

7 См.: De Gaulle en son siècle, t.4.-Paris, PLON, 1992. -P.13-16.

Де Голль-стратег выработал оригинальную концепцию национальной обороны. Он указал на противоречия, обусловленные географией страны, национально-психологическими особенностями, слабостью дипломатии. Поддержание равновесия в отношениях с другими государствами требовало военного искусства, всегда готового к защите государства военного инструмента. Исходя из этого, генерал де Голль четко определил цели национальной обороны: с одной стороны, служение человеку, его свободе и интересам, с другой - возложение Францией на себя ответственности за урегулирование мировых проблем. Выработка направлений и путей достижения этих целей позволила в концентрированном виде сформулировать основные приоритеты в области национальной обороны:

1. Государство и высшие государственные деятели несут ответственность за оборону, как главное условие существования нации. Еще в 1927 году де Голль отмечал: "Не может быть государственного деятеля без войны, которой он себя посвящает"⁸, а позднее в книге "На острие шпаги" писал: "Среди ярких военачальников нет людей, которые бы не проводили большую политику, как и знаменитых государственных деятелей, которые бы не придавали блеск национальной обороне"⁹. Этот рефрен много позже звучит в речах президента V Республики: "С момента зарождения государства всегда проявлялась озабоченность и необходимость обороны... Если же правительство снимало с себя главную ответственность, оно одновременно переставало оправдывать себя"¹⁰. И постдеголлевская Франция ставила оборону на ведущее место, что находит свое подтверждение в "Белой книге" по вопросам обороны Франции 1994 года, где подчеркивается, что "оборона - это непрерывное коллективное действие. Ответственность за нее несет правительство..."¹¹.

2. Национальная оборона носит всесторонний, всеобъемлющий, глобальный, всегда актуальный характер. Де Голль считал, что оборона не может существовать вне других видов

8 Lettres, notes et carnets, t.I. -Paris, PLON,1980. -P.289.

9 Le Fil de l'épée. -Paris, PLON, 1971. -P.202.

10 Ch. de Gaulle. Discours et messages (DM), t.III. -Paris , PLON, 1970. -P.126.

11 Белая книга по вопросам обороны Франции - 1994. -М.: МИД, 1994. -С.5.

деятельности, среди которых она занимала самое достойное место. В настоящее время при разработке концепции глобальной обороны Франции вновь сделан упор на то, что оборона не является некой изолированной сферой, она должна “быть постоянной составляющей нации”¹².

Это требует участия и согласия всего народа, так как “можно защитить только тот народ, который, объединившись сам, страстно желает защитить себя”¹³. Развивая эту мысль, французы сегодня понимают: нужно сделать так, чтобы народ знал, понимал, желал и стремился к обороне. Для этого нужен ряд условий: ответственное отношение самих высших политических и военных руководителей к вопросам национальной обороны; эффективное функционирование системы национально-патриотического воспитания; соблюдение демократических процедур в проведении военной политики, когда выбор основных путей обороны известен народу через парламентские обсуждения и законы; широкое освещение оборонных проблем в средствах массовой информации. В современных условиях дух обороны, опирающийся на открытый патриотизм, представляет собой силу тогда, когда “он объединяет нацию”.

3. Национальная оборона должна быть самостоятельной и независимой. Отдавая предпочтение не “щиту”, а “шпаге” в виде маневренных, технически совершенных вооруженных сил, де Голль выступал за то, чтобы эта шпага была французской. Он считал так: “Нужно, чтобы оборона была французской... Если такой стране, как Франция придется вести войну, нужно, чтобы это была ее война. Нужно, чтобы ее сила была ее силой”.¹⁴

Приверженность деголлевским идеям ярко проявляется и в отношении нынешней Франции к блоку НАТО. Независимость в управлении своими ядерными силами, самостоятельность в оценке условий безопасности в период кризисов, свобода выбора средств при ведении боевых действий - вот те принципиальные положения, которые были определены де Голлем еще в 1966 году и которые в своей основе сохраняют свою значи-

12 Там же. -С.28.

13 DM, t.III. -P.126.

14 Ibid. -P.123.

мость сегодня¹⁵. Более того, одним из его политических достижений явилось появление “европейской политической индивидуальности”, которая основывается на обороне. В “Заметке о плане Европы”, написанной 17 июня 1961 года, он подчеркивал, что “оборона всегда базировалась на политике” и что “Европе следует иметь свою индивидуальность, равно как и свою собственную оборону... Соединиться с Америкой посредством связей “другого НАТО”¹⁶. При этом Франции отводилась определяющая роль.

4. Национальная оборона должна опираться на следующие стратегические принципы:

Принцип национального возрождения. Де Голль считает нацию и целью национальной обороны, и средством ее обеспечения. Нация, которая вырастает и укрепляется на почве всей предшествующей культуры, способна пройти через все перипетии истории и при этом обрести прочность. Она может возродиться даже после катастроф.

Именно возрождающееся национальное чувство в начале XX века двигало многими молодыми людьми, встающими под армейские знамена, чтобы смыть позор с Франции за поражение в прусско-французской войне 1870-1871 годов. Именно возрождающееся национальное чувство, чувство патриотизма, было присуще большинству французов, поднявшихся на борьбу с фашизмом. Именно возрождающееся национальное чувство принимал во внимание де Голль, когда ответил на призыв своего народа возглавить Францию в 1958 году. И именно благодаря точному учету этого возрождающегося национального чувства, способствуя его развитию, де Голль вывел страну в число великих держав, каковой она сегодня продолжает оставаться.

Принцип обороны “по всем азимутам”. Идея, высказанная генералом де Голлем в Высшей военной школе в ноябре 1959 года о том, что “Франция может быть уничтожена с любой точки земного шара”¹⁷, стала основой для концептуальной разработки проблемы обороны “по всем азимутам”. Сущность ее

¹⁵ См.: Белая книга по вопросам обороны Франции - 1994. -М.: МИД, 1994. -С. 25,49.

¹⁶ François de Rose. La sécurité de l'Europe (1958-1990) // De Gaulle en son siècle.t.4. -Paris, 1992. -P. 83.

¹⁷ L'année politique, économique et diplomatique en France 1959. -P, 1960. -P.632.

состоит в том, что система обороны не направлена против какого-либо определенного противника, а имеет глобальную ориентацию. Франция имела слишком много традиционных противников - Испанию, Великобританию, Германию, Россию, - чтобы надеяться на то, что когда-нибудь будет только один. Данный принцип, имеющий прежде всего политический смысл и направленный на обеспечение независимости страны, стал одним из базовых, положенных в основу военной доктрины, созданной де Голлем.

Нынешняя Франция не отрицает целесообразность использования стратегии действий "по всем азимутам", но уточняет ее применительно к новым геополитическим условиям. Современное развитие мира укрепляет эту идею в сознании французов: будущее не является безопасным. Имеются значительные дестабилизирующие элементы как на Европейском континенте, так и на Востоке. Много нерешенных демографических, экономических, культурных, политических проблем на Юге. "Защита, если понадобится, самостоятельных жизненных интересов против любой угрозы, откуда бы она ни исходила"¹⁸ остается приоритетной задачей современной французской оборонной политики.

Принцип выбора приоритетных средств. В вопросе выбора средств обеспечения национальной обороны де Голль постоянно выступал новатором, а не догматиком. Он показал, как государственный деятель должен учитывать новые факторы, связанные с постоянным развитием мира, действовать инициативно, нестандартно и предвидеть события. Принимая во внимание консервативность военной организации, как всякого административного института, носящего немного застывший характер, де Голль полагал, что вооруженные силы должны подпитываться новыми идеями, что даст возможность соответствовать постоянно возрастающему уровню технического развития. Он всегда старался найти и выделить те средства, те элементы национальной обороны, которые гарантировали оптимальную и эффективную защиту нации. В 30-е годы этим средством виделась профессиональная армия, а в 50-60-е годы, во времена президентского правления, преобладающее место в проведении оборонной политики заняло ядерное ору-

¹⁸ Белая книга по вопросам обороны Франции - 1994. - М.: МИД, 1994 -С. 25.

жие.. Появившись в силу послевоенных военно-стратегических изменений в мире, французская ядерная сила сама явилась необходимым средством, адекватным существующим реалиям. Что касается использования ядерных средств, то изначально это была стратегия сдерживания, основывающаяся на угрозе ядерного возмездия и направленная, по замыслам де Голля, на поддержание мира. Эта стратегия продолжает составлять стержень оборонной политики Франции, что подтвердил в своей речи в Институте высших исследований национальной обороны президент республики Жак Ширак: “Ядерное сдерживание остается, конечно же, основным элементом нашей обороны и нашей безопасности ... мой первый долг состоял в том, чтобы гарантировать нашей стране надежную силу сдерживания столь долго, сколько потребует наша безопасность”¹⁹.

Принцип союзов. Во имя мира и безопасности де Голль проявлял готовность к заключению договоров. Патриотизм Генерала был несовместим со всякой идеей верноподданничества или подчинения. Законное союзничество, но на равной основе, - да, вассал или второсортный элемент - никогда! Он исходил из принципа стратегического реализма: защита жизненных интересов Франции в современных условиях должна осуществляться не в одиночку, а коллективными усилиями: “Само собой разумеется, что наша стратегия должна быть согласована со стратегией других стран, ибо в высшей степени вероятно, что в случае конфликта мы окажемся плечом к плечу с нашими союзниками”²⁰ .

Проводя политику заключения договоров для достижения общих интересов, де Голль думал об обеспечении независимости Франции. Он выделил и основные критерии “хорошего, доброго союза”: сотрудничество, а не подчинение; гибкость, а не закостенелость; равенство прав и обязанностей; конкретность союза по месту, времени, цели. В настоящее время французская внешняя политика при выработке, заключении договоров и выполнении союзнических обязательств следует принципиальным положениям генерала де Голля: “Взаимозависимость наших интересов и интересов наших основных

¹⁹ Из речи президента Франции Ж.Ширака в Институте высших исследований национальной обороны 8.06.96.

²⁰ DM, t.III. -P.127.

партнеров непрерывно возрастает. Относительный вес нашей страны в содружестве наций побуждает нас искать наиболее подходящие союзы и средства для умножения нашей мощи”²¹.

Корректировка в сторону гибкости, динамичности, гуманности применения этих принципов позволяет Франции занимать достойное место в Европейском и мировом сообществе.

Духовное наследие “великого француза” осмысливается в научной литературе, отражается во многих военно-политических документах, является предметом многочисленных дискуссий как во Франции, так и за ее пределами. Оно определяет смысл и направленность глубокой военной реформы Франции. Об этом убедительно свидетельствуют факты.

Во-первых, созданный в 70-е годы сторонниками генерала де Голля Институт Шарля де Голля активно работает по изучению деголлевского наследия и реализации его идей в жизнь.

Во-вторых, в 1990 году, ознаменовавшему 100-ю годовщину со дня рождения Ш. де Голля, 50-ю годовщину со дня призыва 18 июня 1940 года* и 20-летие со дня его смерти, во Франции под эгидой ЮНЕСКО проходили деголлевские дни и был организован коллоквиум по теме: “Де Голль в своем веке”. Участники из более чем 60 стран мира в течение 6 дней изучали, анализировали 500 представленных текстов-первоисточников де Голля. Политики, военные, экономисты, социологи, писатели, деятели науки, журналисты - разные по возрасту, культуре, образованию, - обсуждали актуальность его мыслей и дел. В совокупности материалы данного коллоквиума составляют 6 томов с широким спектром проблем: Том 1. В памяти людей и народов. Том 2. Республика. Том 3. Модернизировать Францию. Том 4. Безопасность и независимость Франции. Том 5. Европа. Том 6. Свобода и достоинство народов.

В-третьих, военно-политический курс Франции после смерти де Голля осуществлялся под постоянным (сокрытым и явным) влиянием этого великого француза. Объективная необходи-

21 Белая книга по вопросам обороны Франции - 1994. -М.: МИД, 1994.-С. 24.

* 18 июня 1940 года генерал Ш.де Голль выступил по лондонскому радио с призывом ко всем французам к борьбе за освобождение оккупированной фашистами Франции. Прим.С.К.

мость проведения военного реформирования в 90-х годах воскресила в памяти французов деголлевские взгляды на национальную оборону, военную доктрину, его мысли о создании профессиональной армии.

С.Климов

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ОБОРОНЫ И ВОЕННОЙ РЕФОРМЫ ФРАНЦИИ

БЕЛАЯ КНИГА ПО ВОПРОСАМ ОБОРОНЫ ФРАНЦИЯ-1994

(отдельные положения)

<...> Двадцать два года отделяют нас от времени выхода в свет Белой книги по вопросам обороны, опубликованной г-ном Мишелем Дебре в тот период, когда президентом Франции был Жорж Помпиду. В том первом издании излагались и уточнялись принципы политики в области обороны, сформулированные генералом Де Голлем. Для вооруженных сил Франции Белая книга того времени ознаменовала переход от болезненного периода деколонизации к современной эре. Многие ее страницы сохранили до сих пор свою актуальность и свою непреходящую ценность. Однако события, имевшие место со времени падения Берлинской стены, исчезновение Организации Варшавского Договора, стремительные изменения, происходящие в Европе и в мире, прогресс техники и экономики побудили меня, с согласия Президента Республики, подготовить новую Белую книгу, работу над которой я рассматривал как одну из приоритетных задач правительства Франции.

Учитывать возможные сценарии развития международной обстановки, излагать цели и стратегию французской политики в области обороны, очертить рамки, в которых действуют ныне вооруженные силы Франции, определить объем ресурсов, которые государство может выделить на нужды обороны, — такова высокая цель этой книги.

Главная задача вооруженных сил заключается в обеспечении независимости страны и в защите ее жизненно важных интересов. Выбор, сделанный Францией в пользу ядерных сил сдерживания, надежных и постоянно совершенствуемых с учетом меняющейся внешней угрозы, гарантирует выполнение этой задачи. Стратегия ядерного сдерживания, которая еще раз подтверждена в данной Белой книге, вызывала и продолжает вызывать оживленные дискуссии. Ее значение и эффективность нашли, на мой взгляд, блестящее подтверждение в новой стратегической обстановке.

В то же время наши обычные вооруженные силы призваны решать новые возросшие задачи. Теперь линия обороны Франции не совпадает больше с ее национальными границами. Безопасность страны зависит в значительной мере от ме-

ждународной стабильности и от предотвращения кризисных ситуаций в Европе и за ее пределами, способных поставить под угрозу наши национальные интересы и нашу безопасность. Отсюда необходимость совершенствовать готовность наших обычных вооруженных сил, предвидеть и упреждать события, действовать часто за пределами национальной территории. Для этого мы должны располагать собственными необходимыми средствами, чтобы иметь возможность в любой момент присоединиться к своим союзникам. Мы должны также активно содействовать становлению общеевропейской системы обороны.

В связи с вступлением в силу Договора о Европейском Союзе наша военная политика должна способствовать поэтапному строительству общей обороны Европы. Рано или поздно политическая идентичность Европейского Союза должна найти свое подтверждение и воплощение в области обороны. Задача создания полюса интеграции и стабильности на западе европейского континента представляет собой важнейшую политическую и стратегическую цель. Конечно, последствия ее реализации проявятся не сразу. До тех пор нам придется рассчитывать только на собственные силы. Мы должны приложить необходимые усилия для обеспечения нашей безопасности, для того, чтобы Франция продолжала играть важную роль в осуществлении проекта Европейской обороны.

В заключение Правительство подчеркивает, что проблемы обороны имеют глобальный характер и не сводятся к чисто военному аспекту, хотя он и является самым важным. Гражданская оборона и экономическая безопасность должны оставаться предметом неослабного внимания. Альтернативная военная служба будет способствовать укреплению общественного правосознания в вопросах призыва в армию. В более широком плане следует постоянно крепить связь между нашей обороной и нашей концепцией нации. Общие ценности объединяют французских граждан. Оборона будет прочной и надежной только тогда, когда она строится на верной политической концепции, справедливость которой не вызывает сомнений в глазах всей нации.

Эдуард Баладюр, премьер-министр, 1994 г.

* * *

Несмотря на печальный опыт, накопленный после падения Берлинской стены и распада Организации Варшавского Договора, все еще наблюдается стремление принизить роль обороны. Как и древняя латинская мудрость, история нашей страны подсказывает, что мир — это одно из следствий надлежащей обороны, а не наоборот. Нестабильность границ, союзные договоры, нашествия, сопротивление, освобождение своих земель — история Франции и военная история часто повествуют об одних и тех же событиях. Они оставили глубокий след на нашей территории, в нашей коллективной памяти, в нашей культуре. Именно уроки истории побудили Премьер-Министра и составителей данной Белой книги рассматривать подготовку этого документа как один из приоритетов Правительства. Чтобы объяснить французам смысл требуемого усилия, определить сферу деятельности и поставить задачу вооруженным силам.

Мое внимание сконцентрировано прежде всего на Европе, где возникают не только бесчисленные вопросы, но и надежда на лучшее будущее. Эйфория, вызванная объединением Германии и обретением свободы в Европе, вернувшейся к своим историческим и культурным границам, уступила место сомнениям. К сожалению, пробуждение народов сопровождается казалось бы навсегда забытыми устремлениями и военными конфликтами в Европе. Споры, связанные с границами или с национальными меньшинствами, порождают вооруженные столкновения или угрозу войны, иногда в непосредственной близости нашей территории. Эта нестабильность не может не сказываться на нашей безопасности и бросает вызов реализации политического проекта, символом которого является Договор о Европейском Союзе. По моему глубокому убеждению, Франция должна стать примером для других народов. Но не в качестве отдельной державы в соответствии с понятиями XIX века, а как неотъемлемая часть Европы. Осуществление Европейского проекта возможно лишь при активном участии нашей страны, при условии, что Франция сыграет свою важную роль и возьмет на себя все тяготы, связанные с такой ролью. Она заключается не в противостоянии с другими государствами, а в осуществлении — впервые в истории европейского континента — взаимного укрепления мощи всех во имя защиты Европы и коллективной безопасности для каждого государства, участвую-

щего в ее строительстве. Эта высокая цель определяет основное содержание Белой книги и долгосрочных решений Правительства. Со временем последствия реализации этой цели проявятся в значительном масштабе.

Более чем когда-либо политика в области обороны отвечает ответственности Франции на международной арене. Французское присутствие на заморских территориях, влияние Франции в Африке, наши прямые и косвенные интересы во многих районах мира не позволяют нам ограничивать нашу стратегию пределами европейского континента. Я считаю, что основные направления Белой книги должны достаточно определенно учитывать глобальную составляющую нашей политики. Речь не идет о формулировке целей, непосильных для такой державы, как Франция. Необходимо дать четкое определение характера специфических задач, стоящих перед французскими вооруженными силами.

В обстановке, сложившейся после окончания холодной войны, демократические государства должны объединить свои силы во имя мира и принять соответствующие меры, чтобы компенсировать свойственные им слабости. Защита наших ценностей, наших идеалов в новых условиях, иногда вдали от нашей территории, часто будет являться передовой линией нашей обороны. Однако не может быть и речи о проведении интервенционистской и авантюристической военной политики, не пользующейся национальной поддержкой, необходимой для безопасности нашей страны.

Ядерное сдерживание остается одной из основ нашей обороны. Франции следует быть готовой к тому, что ее решения в этой области будут постоянно наталкиваться на негативное отношение других стран на международной арене, особенно после исчезновения советской угрозы. Но мы не можем отказаться от наших ядерных сил, потому что сегодня от них зависит наша безопасность, а завтра, возможно, — безопасность всей Европы <...>

Франсуа Леотар, министр обороны

1994 г.

Стратегический контекст

<...> Основные данные стратегической эволюции, которые непосредственно затрагивают интересы национальной обороны и характеризуют нынешний переходный период, могут быть вкратце сформулированы следующим образом:

1. Глобальная советская угроза больше не существует. Но в Европе Россия останется мощной военной державой, и мы не можем это игнорировать при анализе стратегической ситуации. Кроме того, локальные или региональные кризисы, способные перерасти в войны классического типа, могут повлиять на переход европейского континента к новому равновесию сил.

В общем основную угрозу безопасности представляют теперь региональные конфликты, способные сорвать усилия по стабилизации международной обстановки и по стимулированию более равномерного и справедливого экономического развития всех стран.

2. Следует ожидать, что в начале следующего столетия степень военного оснащения многих региональных держав заметно повысится не только в сфере обычных вооружений, но и в области оружия массового поражения, в том числе ядерного, вследствие более широкого распространения соответствующей технологии.

3. Угрозу национальной безопасности будут представлять также и не чисто военные факторы, которые следует учитывать при разработке политики в области обороны, в частности, деятельность террористических и мафиозных организаций.

4. Стратегия обороны должна принимать во внимание всемирный характер международных обменов, а также роль средств массовой информации в урегулировании кризисов.

5. Система международного правопорядка не может оставаться неизменной перед лицом перемен, происходящих в мире. С исчезновением биполярного антагонизма роль всемирных и региональных организаций должна существенно возрасти. В этом контексте Франции следует выдвинуть ряд инициатив, способных повлиять на ее политику в области обороны.

6. В предстоящий двадцатилетний период Соединенные Штаты останутся важнейшим полюсом международной безо-

пасности. Западная Европа, располагающая отныне необходимой политической базой, должна утвердиться в военном плане; азиатские державы, группирующиеся вокруг Японии и Китая, будут играть более значительную роль в международном балансе сил и должны будут определить соответствующим образом свою стратегию <...>

Защита интересов Франции

Следует отметить, что основные цели оборонной политики мало изменились. Франция должна быть в состоянии гарантировать защиту своей территории и своих интересов в мире. Она намерена сохранить свой статус великой державы, свое присутствие во многих точках за пределами Европы. Это объясняется многими историческими и географическими факторами, а также результатами ее экономического развития. Первейшая цель оборонной политики состоит в защите национальных интересов. И если эти интересы остаются более или менее постоянными, то способы их защиты во многом зависят от изменения ситуации в мире и от международного статуса Франции.

Взаимозависимость наших интересов и интересов наших основных партнеров непрерывно возрастает. Относительный вес нашей страны в содружестве наций побуждает нас искать наиболее подходящие союзы и средства для умножения нашей мощи. Именно поэтому Франция все более активно действует в рамках международных объединений, таких как Европейский Союз, Северо-Атлантический Союз, СБСЕ, ООН и т.д. <...>

Согласно традиционному определению, наши интересы носят “имущественный” характер и связаны прежде всего с собственностью: территорией, экономическими богатствами, коммуникациями, присутствием граждан нашей страны за границей. Естественно, мы намерены защищать нашу собственность, где бы она ни находилась и иметь к ней беспрепятственный доступ. Эта категория интересов практически не изменилась за последние двадцать лет. Однако конец раздела мира на два противоположных блока внес некоторые изменения в понимание наших национальных интересов. Например, действия Франции в Африке могут рассматриваться скорее как выполнение ею своих международных обязательств в зоне,

где она может оказать свое влияние, чем как защита своих стратегических интересов.

Концепция интересов Франции постепенно меняется. Во-первых, потому что во многих случаях, в частности, в вопросах экономического развития или в вопросах снабжения энергией, интересы Франции и ее соседей или западных партнеров связаны самым тесным образом. Во-вторых, потому что к материальным интересам добавилось постоянно растущее число интересов нематериального характера, связанных, к примеру, с защитой основных принципов международной жизни и с нашим статусом постоянного члена Совета Безопасности.

Концепция интересов становится все более глобальной. Наряду с традиционными интересами, связанными с географическим и имущественным подходом, она объединяет также нематериальные, но от этого не менее реальные интересы. Естественно, не все они в равной степени связаны со средствами нашей оборонной политики, в частности, с военными средствами. Необходимо сделать трудный выбор и выделить самые важные, во имя которых Франция готова прибегнуть к силе оружия.

С жизненными интересами связана сама возможность существования нации, следовательно, первой задачей нашей оборонной политики является защита, если понадобится — самостоятельно, наших жизненных интересов против любой угрозы, откуда бы она ни исходила.

Территориальная целостность страны, включая метрополию, а также заморские территории и департаменты, ее воздушные и морские пространства, ее суверенитет и ее население — вот сегодня основные из наших жизненно важных интересов. Не следует, однако, пытаться дать им чрезмерно точное определение, чтобы не стеснять свободу действий и оценок руководителей государства в случае возникновения угрозы нашим интересам.

При защите своих жизненных интересов Франция не может полагаться на постороннюю помощь. Однако не следует при этом игнорировать перспективы создания совместной европейской обороны в рамках Европейского Союза. Вполне возможно, что в будущем, по мере сближения интересов европейских государств, французская концепция жизненных интересов может совпадать с аналогичной концепцией ее соседей.

Грань между жизненно важными интересами Франции и ее стратегическими интересами не может быть определена заранее. И те, и другие должны защищаться с одинаковой решимостью. Разграничение интересов на две категории является прерогативой политического руководства страны, которое должно сохранять полную свободу действий в их оценке. Тем не менее, можно указать, что наши стратегические интересы заключаются в следующем:

- с одной стороны, в поддержании мира на европейском континенте и в зонах, прилегающих к нему с востока и с юга, причем особое значение придается средиземноморскому бассейну и Ближнему Востоку;

- с другой стороны, в гарантии экономической активности страны, в гарантии свободы внешней торговли и коммуникаций. Должно быть обеспечено надежное снабжение из внешних источников, в частности, безопасность морских путей. Как и другие страны ОЭСР, Франция зависит от регулярных поставок нефти с Ближнего Востока, где себестоимость нефти самая низкая и где сосредоточено 65% мирового запаса “черного золота”. В отношении поставок газа наша зависимость от Алжира и России постоянно растет. Кроме того, товары, составляющие 82% импорта и 56% экспорта Франции в торговле со странами, не входящими в состав Общего рынка, перевозятся морским путем, в основном через Средиземное и Красное моря и через северную часть Индийского океана. По причинам экономического и политического характера эти регионы рассматриваются во всех случаях как зоны стратегических интересов Франции.

Охрана наших стратегических интересов является своего рода гарантией предотвращения угрозы нашим жизненным интересам.

Кроме этих двух категорий интересов, непосредственно связанных с вопросами безопасности, Франция имеет интересы, отвечающие ее международным обязательствам и ее статусу мировой державы.

Международные обязательства Франции вытекают из ее прерогатив постоянного члена Совета Безопасности, из ее истории, из особой роли, которую она призвана играть в мировых делах. В качестве постоянного члена Совета Безопасности Франция должна более энергично, чем другие страны, содействовать поддержанию мира и соблюдению норм между-

народного права. Будучи сторонником демократических ценностей, Франция стремится тем более активно продвигать их во всем мире и готова защищать их в случае необходимости, т.к., по ее мнению, эти ценности представляют собой гарантию стабильности и международной безопасности. Политика в области обороны способствует достижению этих целей.

Обеспечить независимость страны и выполнение ею международных обязательств, укреплять демократию и правопорядок — таковы задачи, связанные с поддержанием международного статуса Франции. Как и для любой другой страны, ее международный престиж гарантируется особым сочетанием факторов не только экономического и военного характера, но и дипломатического, научного и культурного. Степень влияния Франции в мире объясняется широким распространением французского языка, а также нематериальными элементами, связанными с силой идей, с той ролью, которую она призвана играть в мире. Не лишне напомнить, что история Франции и ее военная история часто повествуют об одних и тех же событиях.

Таким образом, важнейшая цель оборонной политики Франции заключается в том, чтобы защищать жизненные и стратегические интересы страны, а также те интересы, которые связаны с нашими международными обязательствами и с нашим статусом мировой державы. Разумеется, защита вышеупомянутых интересов будет осуществляться не только военными средствами. Но без адекватной системы обороны их постоянство невозможно гарантировать <...>

Разработка глобальной концепции обороны

Изменения, происходящие в международной обстановке и затрагивающие национальную оборону, не ограничиваются военно-стратегическими аспектами. Они сказываются на жизни всего общества. Социальная сфера, быт населения и экономическая активность могут быть подвержены влиянию нестабильного международного климата. До такой степени стали уязвимы демократические страны в конце текущего столетия.

В связи с этим возникает все более насущная потребность разработки глобальной концепции обороны. На современном этапе оборона не является некой изолированной сферой; она должна охватывать все виды деятельности и быть постоянной

составляющей жизни нации. Тем самым подтверждается основная идея Постановления от 7 января 1959 года, регламентирующего общую организацию обороны страны. Статья 1 данного документа гласит: “Целью национальной обороны является обеспечение — в любое время, при любых обстоятельствах и любых формах агрессии — безопасности и территориальной целостности страны и жизни ее населения. Национальная оборона должна гарантировать также выполнение союзнических обстоятельств и соблюдение международных договоров и соглашений”.

Глобальная концепция обороны включает в чисто военное понятие обороны ряд других составляющих: гражданскую, экономическую, социальную и культурную. Благодаря координации гражданских и военных средств, только этот подход гарантирует адекватный ответ на всю совокупность факторов, угрожающих нашему обществу. Таким образом, оборона включает в себя целый ряд очень важных невоенных аспектов.

Национальное единство

К счастью, национальное единство является характерной чертой Франции. Страна должна сохранить это наследие прошлого и залог своего будущего. В наши дни национальное единство постоянно подвергается испытанию на прочность вследствие изменений социального, экономического и международного характера. Тем не менее, оно было и остается важнейшим условием обороноспособности страны.

Мощь любого государства зависит не столько от размеров территории, сколько от общественного устройства, уровня культуры ее жителей, их солидарности и объединяющих их духовных ценностей. В этом смысле оборона неразрывно связана с идеей нации. Она включает в себя французскую модель интеграции и общественного устройства, духовные ценности республики, их международное признание и распространение французского языка в мире.

Глобальная оборонная политика должна в первую очередь способствовать сохранению и упрочению национального единства.

Гражданская оборона

Важнейшими задачами гражданской обороны являются защита населения, поддержание общественного порядка и со-

действие органам власти в области управления. В современных условиях роль гражданской обороны еще более возрастает в связи с появлением новых неблагоприятных факторов.

Защита населения предполагает предупреждение стихийных бедствий и технологических катастроф и устранение их последствий. Органы гражданской обороны должны выполнять свою миссию при любых обстоятельствах как в мирное, так и в военное время. За последние годы им не раз приходилось действовать во время наводнений, утечки нефтепродуктов в море, загрязнения участков земли, лесных пожаров и т.д. Каждый гражданин вправе ожидать, что государство обеспечит принятие мер по предупреждению опасных ситуаций и будет располагать необходимыми средствами для помощи жертвам стихийных бедствий и катастроф.

Поддержание и восстановление общественного порядка — задача особой важности. В первую очередь это касается местных органов власти, в частности, мэров, как представителей государства. Общественная потребность в обеспечении безопасности граждан и имущества становится все более острой. В широком смысле слова поддержание общественного порядка предполагает непрерывность функционирования системы государственных служб, без которой не могут нормально работать ни общественный механизм, ни экономика.

Сохранение непрерывности управления начинается с охраны инфраструктур, имеющих важнейшее значение для жизни населения и для обороноспособности страны. Разветвленность и уязвимость сетей и установок жизнеобеспечения делают их приоритетной целью террористических актов. При возникновении чрезвычайных ситуаций силы обороны должны быть способны отразить агрессию, чтобы обеспечить правительству непрерывность управления территорией.

В общем, гражданская оборона имеет огромное значение для страны, и ее потребности должны учитываться всеми заинтересованными государственными структурами.

Экономическая оборона

В соответствии с Постановлением 1959 года, экономическая оборона должна обеспечить снижение уязвимости страны в мирное время и целесообразное распределение ресурсов в период кризисов. Речь идет в первую очередь о безопасности ресурсов и об их регулярном воспроизводстве. В настоящее

время к этому добавилась задача сохранения основ экономической деятельности и контроля над передачей технологий.

Некоторые отрасли, в частности, энергетика, телекоммуникации, транспорт, а также банки и информатика играют фундаментальную роль во французской экономике. Прекращение деятельности любого из вышеперечисленных секторов может парализовать практически всю экономическую жизнь и серьезно нарушить социальное равновесие в обществе. Именно эту опасность должна предотвратить экономическая оборона.

Технология стала важным фактором мощи любого государства. Она является основой экономического роста и обороноспособности страны. Поэтому контроль за передачей высоких технологий представляет собой важный фактор безопасности и является составным элементом экономической обороны.

Разумеется, обороноспособность Франции обеспечивается в первую очередь военными средствами. Гражданская экономическая составляющая имеет свое бесспорное значение и придает глобальный характер концепции обороны. При этом играет определенную роль и культурный аспект, что придает обороне поистине национальный масштаб. В предстоящие годы невоенный фактор будет постоянно учитываться в нашей оборонной политике <...>

Обновленный Атлантический Союз

В отношении обновляющегося Атлантического Союза Франция будет по-прежнему придерживаться следующих принципов:

- НАТО должно стать основой европейской структуры обороны и безопасности. Это подчеркивается, в частности, в декларации, принятой 11 января 1994 года Главами государств и правительств 16 стран НАТО, где имеется прямая ссылка на положения Договора о Европейском Союзе. Укрепление европейской структуры придаст необходимый динамизм связям между государствами Европы и Северной Америки, что, безусловно, послужит делу мира и безопасности на нашем континенте. Это предполагает более тесное согласование политики европейских стран в рамках НАТО, а также возрастание их ответственности за состояние дел в организации. Западно-Европейский Союз, призванный усилить опору НАТО в Европе, должен стать важнейшим инструментом этих изменений.

- Следует энергично продолжать адаптацию структур НАТО к новым стратегическим условиям. Отсюда необходимость более тесной координации между политическими и военными инстанциями всех шестнадцати стран-участниц, что способствует возрастанию роли многосторонних органов согласования и управления, предназначенных для урегулирования кризисных ситуаций.

Военная организация НАТО должна соответствовать требованиям времени: стать более гибкой, обрести модульную структуру, приспособиться к многообразию возможных военно-политических ситуаций и театров боевых действий. Так, следует предусмотреть средства и организационные меры для использования в ходе операций, выходящих за рамки статьи 5 Северо-Атлантического Договора. Для действий такого рода могли бы применяться силы стран, которые не входят в интегрированную военную структуру, таких как Франция и Испания, или даже стран, не являющихся членами Атлантического Союза, таких как новые демократические страны центральной Европы или скандинавские страны.

- Североатлантический Союз должен стать важнейшим центром консультаций между государствами Европы и Северной Америки по всем вопросам, прямо затрагивающим безопасность стран-членов НАТО. Этот диалог не должен замыкаться в рамках традиционных тем совместной обороны против агрессии, его участникам следует учитывать другие факторы риска, которому могут подвергаться союзники по обе стороны Атлантики.

- Необходимо установить отношения сотрудничества на уровне правительств в области безопасности и обороны с другими европейскими странами, в частности с государствами центральной и восточной Европы. Для этого предполагается уточнить роль и назначение Совета по североатлантическому сотрудничеству (ССНА), учрежденного в 1991 году. С государствами, которые стремятся конкретизировать свои связи с НАТО и готовы принять на себя соответствующие обязательства, может быть установлено военное сотрудничество.

Однако происходящие перемены не могут повлиять на особое положение Франции в рамках НАТО. Принципы, заложенные в 1966 году: неучастие в военной организации, возможность беспрепятственно распоряжаться своими войсками и своей территорией, независимость наших ядерных сил, сво-

бодя оценки условий нашей безопасности в период кризисов, свобода выбора средств при проведении операций — по-прежнему будут определять наши отношения с интегрированной военной организацией Североатлантического Союза.

Это постоянство не мешает Франции принимать активное участие, начиная с 1991 года, в выработке основных направлений обновления НАТО, включая адаптацию ее военной организации к новым задачам. Отсюда логически вытекает ее стремление быть представленной на заседаниях руководящих органов НАТО в тех случаях, когда предметом обсуждения является участие французских вооруженных сил или интересы Франции. Решения о присутствии министра обороны Франции на сессии Совета НАТО, наряду с Министром иностранных дел или начальника французского Генерального штаба на заседаниях Военного комитета принимаются в каждом отдельном случае Президентом Республики и Премьер-Министром. Эта позиция отражает намерение Франции способствовать усилению роли многосторонних форумов, где каждое государство свободно высказывает свое мнение.

Обновленная стратегия

Модель сбалансированной обороны

В соответствии с вышеизложенными целями наша стратегия обороны должна гарантировать защиту жизненных интересов Франции, подтвердить ее выбор в пользу европейского строительства и соответствовать ее международному статусу. Являясь одновременно континентальной и морской державой, Франция должна быть в состоянии защищать свои интересы, самостоятельно или вместе со своими союзниками, во многих районах мира, не претендуя при этом на возможность проведения глобальных операций. Это вытекает как из ее географического положения, так и из характера ее стратегических потребностей и ее международных обязательств великой державы. Указанным важнейшим целям отвечает модель сбалансированной обороны, позволяющая избежать двух крайностей.

С одной стороны, стратегии, основанной исключительно на обороне национальной территории. Теоретически такое решение было бы возможно в результате разрядки напряженности после отвода войск бывшего СССР. Но оно означало бы отказ

Франции от своей роли в мире и от своего международного статуса.

С другой стороны, стратегии, направленной только на осуществление операций по поддержанию мира и международного правопорядка. Это привело бы к созданию своего рода экспедиционного корпуса, основанного на двух ненадежных и опасных гипотезах:

- нация поддержит выбор в пользу политики вмешательства в делах других стран;

- Западная Европа окончательно избавилась от сколь угодно серьезной угрозы для своей безопасности.

Фактически такая стратегия привела бы к отказу от средств ядерного сдерживания и к потере самостоятельности в вопросах обороны, так как для нашей защиты мы были бы вынуждены полагаться только на гарантии Североатлантического Союза.

Только сбалансированная модель, гарантирующая нашу независимость и позволяющая нам участвовать в поддержании международной стабильности, наиболее полно отвечает интересам и намерениям нашей страны в меняющемся мире. Основные характеристики новой стратегической обстановки должны быть учтены при построении такой модели<...>

*Новая взаимодополняемость между
средствами сдерживания и обычными войсками*

Фундаментальный выбор, сделанный Францией в 1959 году в пользу ядерной стратегии, основывался на двух основных положениях: на стремлении защитить наши жизненные интересы от угроз, исходящих от более мощных держав, и на стремлении обеспечить при любых обстоятельствах нашу независимость и нашу свободу действий в политике.

Недавние изменения, произошедшие в международной обстановке, затронули в какой-то степени обе эти мотивации. После распада Советского Союза значение первой несколько уменьшилось, зато вторая стала основополагающей. Обладание независимым ядерным вооружением, приспособленным насколько возможно к факторам риска предстоящего периода, явится для Франции важнейшей гарантией свободы действий при защите своих интересов. И наша независимость, и независимость Европы обусловлены во многом наличием такого оружия в арсеналах Франции.

Но условия стратегической самостоятельности могут несколько измениться. В течение будущего десятилетия она не будет основываться только на средствах ядерного сдерживания, роль которых в какой-то степени уменьшится по двум причинам. Во-первых, не столь очевидной стала угроза нашим жизненным интересам. Во-вторых, силы и средства французской армии будут все чаще привлекаться для проведения внешних операций по предупреждению или урегулированию кризисов без прямого риска ядерной эскалации и без перспективы превращения конфликта в тотальную войну.

Подобная эволюция позволяет сделать следующие выводы:

Наша стратегическая самостоятельность будет зависеть во все большей степени от нашей способности выполнять без использования ядерных средств несколько важнейших функций:

- изучение обстановки, в том числе средствами разведки, что позволит предвидеть и независимо оценивать события, оперативно принимать решения на основе точного анализа данных;

- управление сложными ситуациями, включающими политические, военные и региональные составляющие стратегического характера;

- стратегическую мобильность, обеспечивающую свободу маневра и своевременную переброску войск в нужное место.

Характер взаимодействия ядерных средств и обычных вооружений должен измениться. В соответствии с концепцией 1972 года обычные войска включались в общий маневр сил сдерживания, причем обычные и ядерные средства особенно тесно взаимодействовали в основном сценарии, предусмотренном на случай тотального конфликта в Европе. По этой концепции обычные войска были организованы так, чтобы они представляли собой прежде всего неядерный эшелон сдерживания, тогда как защита наших интересов в мире и обеспечение наших международных обязательств оставались на втором плане. Теперь приоритеты в определении роли обычных войск, сформулированные в Белой Книге 1972 года, поменялись в соответствии с изменениями геополитической обстановки.

Таким образом, эволюция затронула каждую категорию вооружений: ядерные системы должны гарантировать эффек-

тивность сдерживания в более разнообразных обстоятельствах, чем это было в прошлом, обычные войска призваны решать в некоторых случаях собственные стратегические задачи.

В настоящее время жизненные интересы Франции не подвергаются больше непосредственной угрозе, тогда как интересы международного сообщества, от которого зависит наша безопасность, по-прежнему нуждаются в защите. В этой ситуации обычные войска, входящие в систему коллективной безопасности, начинают, естественно играть более заметную роль. В конечном счете, ядерное сдерживание гарантирует, что обычные войска не будут обойдены в новой ситуации: та функция, которую они выполняли во времена холодной войны, возложена теперь на ядерные силы; преемственность стратегии остается, меняются только роли, предназначенные соответственно ядерным средствам и обычным войскам.

В нашей оборонительной стратегии устанавливается новый баланс между сдерживанием и действием. С учетом изменившейся обстановки акцент переносится на второй термин, хотя появляются дополнительные ограничения из-за возросшего риска, связанного с интервенцией: должна соблюдаться четкая иерархия приоритетов при защите наших интересов за рубежом, прежде всего жизненных и стратегических интересов. Силы сдерживания по-прежнему составляют основу нашей стратегии. В концепции обороны акцент переносится на меры предупреждения <...>

Концепция сдерживания

Анализ вышеизложенной эволюции подтверждает справедливость концепции сдерживания и правильность выбора, сделанного Францией в пользу ядерного вооружения. Обладание ядерным оружием в новой стратегической обстановке остается важнейшей гарантией национальной независимости как в политическом плане, так и в военном, с учетом существования факторов риска, может быть не столь очевидных, как прежде, но тем не менее сохраняющихся и, возможно, имеющих тенденцию к росту в будущем. Кроме того, ядерное оружие дает возможность в случае необходимости компенсировать отставание в других областях и позволяет избежать гонки обычных вооружений, противоречащей нашей оборонной политике и разорительной с финансовой точки зрения.

Французская концепция обороны будет по-прежнему основываться на нашей решимости и способности нанести любому агрессору, какими бы средствами он ни обладал, неприемлемый ущерб, несоизмеримый с возможным выигрышем в результате конфликта, при любом покушении на наши жизненные интересы. Только ядерное оружие, благодаря своей мощи и неотразимости, гарантирует обладание такой способностью. Поэтому ядерное оружие дает возможность предотвратить всеобщую войну, “сделать невозможным использование тотальной войны в качестве активного инструмента политики” (Белая Книга 1972 года).

Наш потенциал сдерживания должен использоваться для защиты наших жизненных интересов, независимо от происхождения и от формы угрозы. Как уже указывалось, не следует давать им слишком точное определение (см. главу 2), чтобы не стеснять свободу действий высших руководителей страны. Тем не менее, можно сказать, что суверенитет, гарантия целостности нашей национальной территории, неприкосновенность ее заморских владений, воздушных и морских путей составляют ядро наших жизненных интересов.

Чтобы компенсировать эту неопределенность, мы должны обладать способностью в любой обстановке отметить при необходимости пределы наших жизненных интересов, недвусмысленно выразив свою решимость защищать их: эту роль призвано сыграть последнее предупреждение.

Изложенная выше концепция сдерживания остается неизменной. Она предполагает, что при любых геополитических переменных наша политическая решимость и наша материальная способность дать решительный отпор не должны вызывать ни малейших сомнений. Любой агрессор должен сознавать, что политическое руководство Франции готово в любой момент отдать приказ о нанесении сокрушительного удара, последствия которого будут несоизмеримы с ожидаемыми результатами нападения. Для этого политическое руководство Франции постоянно должно иметь в своем распоряжении необходимые и достаточные средства, надежные и адекватные различным возможным ситуациям. Логично предположить, что эти средства всегда будут несколько превосходить порог достаточности по отношению к угрозе, чтобы избежать такого положения, когда политическое руководство оказалось бы в тупике или было бы парализовано.

Наряду с ядерным сдерживанием, важное место в нашей оборонной политике отводится поддержанию нашего технологического потенциала на уровне требований международной обстановки и научно-технического прогресса. В противном случае это негативно скажется со временем на надежности и эффективности сил ядерного сдерживания. С этой целью будет продолжена наша программа математического моделирования ядерных испытаний, являющаяся одной из приоритетных. Соответствующее финансирование уже предусмотрено в бюджете на 1994 год и будет продолжено в последующие годы.

Боевой порядок ядерных сил

Если основные принципы стратегии сдерживания остаются неизменными, поскольку они соответствуют постоянным потребностям ядерной эры, то используемые для этого средства и их боевой порядок претерпевают заметную эволюцию.

Из проанализированной ситуации мы можем сделать следующие выводы относительно наших ядерных средств:

- Ядерные силы должны быть постоянно готовы к выполнению двух основных задач:

- нанесению сокрушительного удара, в том числе ответного;

- нанесению превентивного ограниченного ядерного удара в качестве последнего предупреждения.

- Эффективность и надежность нашего потенциала сдерживания основывается на наличии достаточно гибких и разнообразных средств, предоставляющих Главе государства возможность широкого выбора решений в момент кризиса.

- Основные элементы ядерного потенциала должны адаптироваться к изменениям в международной обстановке, к техническому прогрессу, к состоянию оборонительных средств противника, при неуклонном соблюдении принципа достаточности;

- уровень боеготовности, а также число подводных лодок, находящихся на боевом дежурстве, должны соответствовать степени угрозы нашей стране.

Новая стратегия использования обычных вооруженных сил

Роль обычных вооруженных сил должна быть коренным образом пересмотрена. На данном этапе следует обратить особое внимание на их использование вне ядерного контекста, что не исключает возможность их участия — особенно в начале будущего века — в операциях многонациональных сил по урегулированию кризисов, в которые втянуты региональные ядерные державы, или же вероятность возникновения в более отдаленном будущем, новой серьезной угрозы для Западной Европы.

Естественно, их функция по усилению средств ядерного сдерживания остается неизменной, но на первый план выходит их способность участвовать в урегулировании региональных кризисов. Это означает, что отныне неядерные войска рассматриваются как самодовлеющие вооруженные силы, призванные способствовать предупреждению, ограничению и урегулированию — применяя оружие, если необходимо — региональных кризисов и конфликтов, не представляющих угрозы ядерной эскалации. Как только возникнет вероятность ядерного конфликта, обычные вооруженные силы начинают выполнять свои традиционные функции в рамках стратегии сдерживания, материализуя решимость защищать наши жизненные интересы и позволяя нам определить решимость и средства потенциального агрессора.

В соответствии с этим обычные вооруженные силы призваны выполнять следующие три стратегические функции: предупреждения, действия и защиты.

Предупреждение. Это приоритетный элемент нашей оборонной стратегии; здесь же наши недостатки проявляются в наибольшей степени. Гамма способов действия весьма широка: дипломатические, экономические, военно-политические, военные и т.д.

Эти средства могут использоваться, в частности, для:

- предупреждения возникновения потенциально опасных ситуаций и прямой или косвенной угрозы;
- предупреждения случаев применения силы;
- предотвращения эскалации кризисов и конфликтов на возможно более низком уровне.

Применяются различные превентивные средства в зависимости от предполагаемой длительности воздействия на кризисные и конфликтные ситуации.

Для долгосрочного предупреждения кризисов и конфликтов используются прежде всего невоенные средства. Естественно, этому способствует укрепление договоров и соглашений об ограничении вооружений, о разоружении, о мерах доверия. С точки зрения оборонной политики развитие, развертывание и использование средств разведки имеют принципиальное значение для предупреждения, прогнозирования и правильного анализа конфликтов, для оценки эффективности стратегии предупреждения, и, наконец, для подготовки и ведения действий в случае необходимости. Фактически разведка оказывается задействованной на всех стадиях.

Для предупреждения конфликтов в среднесрочном плане военно-техническое сотрудничество и предварительное развертывание сил и средств представляют собой основные инструменты, которыми располагает Министерство обороны. Соответствие между боевыми порядками наших войск и нашими стратегическими интересами, а также эффективность и условия нашего технического сотрудничества являются предметом регулярного анализа и корректировки.

Для срочного предотвращения кризисов используется постепенное приведение в боевую готовность предварительно развернутых сил и средств, оказывается оперативная помощь или осуществляются специальные операции в зависимости от обстановки. Для этой цели применяется также присутствие морских, воздушных или наземных войск, чтобы продемонстрировать готовность к вмешательству или отпору.

Использование предварительно развернутых войск или переброска сил в район кризиса представляют сдерживающий фактор для потенциального агрессора. Если этого оказывается недостаточно, стратегия вступает в фазу действия.

Действие. Анализ возможных случаев применения наших сил и эволюции стратегической концепции выдвигает новые требования к войскам сравнительно с предыдущим периодом:

- возросшая необходимость взаимодействия различных видов войск и войск разных национальностей;
- достижение достаточно заметного технологического превосходства в области обычных вооружений, что обусловлено

частичным разъединением обычных и ядерных сил в соответствии с новой стратегической обстановкой;

- способность выполнять новые задачи, вытекающие из возросшей роли операций по поддержанию мира с целью гарантировать международную безопасность и стабильность. Эти задачи требуют наличия специальных средств, приспособленных к условиям конфликтов низкой и средней интенсивности (т.е. промежуточному состоянию между открытой войной и мирной обстановкой), протекающих в сложных условиях местности, часто в населенных пунктах.

Исходя из вышеизложенного, следует предусмотреть несколько способов действия:

- ограниченная военная акция с целью предупреждения на самом низком уровне эскалации открытого или зарождающегося кризиса; она может носить превентивный или ответный характер и должна позволить существенно сократить военный потенциал противника. В подавляющем большинстве случаев подобные операции возможны лишь под эгидой какой-либо международной организации, имеющей право разрешить применение силы;

- боевые или военные операции в ответ на акт агрессии или в ходе вмешательства за рубежом по поручению компетентной международной организации;

- операции по поддержанию или по восстановлению мира, под эгидой ООН или региональных организаций вроде СБСЕ, которым более свойственны действия по поддержанию порядка, даже связанные с риском для жизни участвующих в них солдат и офицеров, чем настоящие военные действия.

Во всех этих случаях французская стратегия делает акцент на способность вооруженных сил остановить войну, ограничить конфликт, а не ведением долгих и дорогостоящих военных действий с непредсказуемым результатом.

Защита. Защита — это еще один аспект Франции, где необходима модернизация. Защита национальной территории и ее морских и воздушных коммуникаций является постоянной задачей вооруженных сил и важнейшей целью нашей оборонной политики.

Возможное распространение оружия массового поражения (ядерного, биологического, химического), а также средств его доставки ставит новые проблемы перед нашей системой обороны как в плане защиты национальной территории, так и в

плане защиты французских войск, развернутых за границей. Такой же угрозе подвергаются большинство других европейских стран и стран-участниц НАТО.

Риск, связанный с распространением оружия массового поражения разных типов, не может быть нейтрализован каким-то одним универсальным средством. Необходимо предусмотреть широкий спектр действий, сочетая меры предупредительного характера, международные санкции, политику сдерживания, а также используя некоторые чисто защитные средства.

Для отражения этой угрозы следует обеспечить в рамках военной стратегии правильное сочетание мероприятий по сдерживанию потенциального агрессора, превентивных акций и запретительных мер, а также возможных мер защиты. В области противоракетной обороны изучаются методы обнаружения и перехвата воздушных целей, в частности, с помощью космических средств. Эта технологическая задача будет иметь огромную важность в течение всего периода, рассматриваемого в данной Белой Книге. Предусматривается также совершенствование некоторых новейших систем ПВО и превращение их в системы противоракетной обороны.

С учетом разнообразия форм, в которых может конкретизироваться угроза, — средствами доставки оружия могут быть самолеты, крылатые и баллистические ракеты — приоритет в этой области будет отдан разработке концепции и средствам глобальной противовоздушной обороны.

После описания основных тенденций развития стратегической обстановки и главных направлений нашей оборонной стратегии нам представляется логичным изложить наиболее вероятные гипотезы, связанные с применением наших сил. Изложение не претендует на исчерпывающую полноту, однако выбор сценариев дает некоторое представление о возможных вариантах.

Таким образом, мы можем более конкретно рассказать о задачах, которые стоят перед оборонной политикой Франции, внести уточнения в наш анализ, проверить логичность и совместимость наших концепций, постепенно выявить баланс стратегических сил, наилучшим образом отвечающий предполагаемым ситуациям <...>

Задачи французских вооруженных сил

Новая стратегическая обстановка, выводы, сделанные из возможных сценариев использования силы и из обновленной концепции обороны, позволяют внести уточнения в задачи, стоящие перед вооруженными силами Франции. Это определение задач учитывает постоянные факторы и новые цели оборонной политики.

Будучи гарантом безопасности Франции, ее вооруженные силы являются свидетельством твердой решимости обеспечить защиту страны и способствовать осуществлению целей Правительства, направленных на сохранение мира, на поддержание международной стабильности, на соблюдение принципов международного права.

Организованные, оснащенные и подготовленные к операциям более разнообразным, чем это было в прошлом, вооруженные силы должны быть готовы к выполнению задач четырех типов:

Защитить жизненные интересы Франции против любой формы агрессии:

- гарантируя территориальную целостность, свободу граждан, суверенитет страны и развитие ее экономики, поддерживая на высоком уровне боеспособность средств сдерживания благодаря тесному взаимодействию ядерных сил и обычных вооруженных сил;

- способствуя эффективной деятельности структур государственной власти и правительства при любых обстоятельствах, перед лицом любой прямой или косвенной угрозы;

- обеспечивая оборону территории страны, ее воздушного и морского пространства против различных форм угрозы, включая терроризм.

Вносить свой вклад в дело безопасности и обороны Европы и Средиземноморья, с учетом проведения в будущем единой европейской политики в области обороны:

- предупреждая появление любой угрозы посредством укрепления стабильности в Европе, в Средиземноморье и на Ближнем Востоке;

- способствуя предупреждению и урегулированию кризисов, в том числе путем участия в военных операциях различной интенсивности, длительности и характера;

- содействуя формированию общеевропейской оборонительной структуры путем укрепления всестороннего сотрудничества и обменов с нашими партнерами по Западноевропейскому Союзу;

- участвуя в рамках Атлантического Союза в обороне Европы в случае агрессии.

Способствовать упрочению мира и соблюдению принципов международного права:

- обеспечивая присутствие Франции в мире, защищая ее права на принадлежащие ей территории, защищая граждан и интересы Франции, в частности источники и пути ее снабжения;

- выполняя соглашения об обороне и сотрудничестве;

- участвуя, в случае необходимости, в операциях по поддержанию мира и правопорядка под эгидой ООН или других компетентных международных организаций;

- участвуя в акциях гуманитарного порядка по решению международных организаций или по просьбе заинтересованного правительства.

Оказывать помощь и содействие государственным структурам, в частности службам гражданской обороны:

- участвуя в защите гражданских структур, сооружений и средств, созданных для жизнеобеспечения населения;

- принимая по просьбе властей меры по защите населения от стихийных бедствий и технологических катастроф, оказывая необходимую помощь пострадавшим;

- участвуя в случае необходимости в обеспечении безопасности административных органов и властных структур.

Постоянная система безопасности

Постоянная система обеспечения безопасности охватывает весь комплекс мер, принимаемых для того, чтобы при любых обстоятельствах обезопасить страну от агрессии даже ограниченного характера, направленной против ее территории и ее ближайших интересов. Наряду со средствами сдерживания она включает средства предупреждения, обороны, комплектования сил и изменения их численного состава.

Постоянная система безопасности может варьироваться в зависимости от оценки уровня опасности, которая в свою очередь зависит от международной и внутренней обстановки. Эволюция этой обстановки может побудить к усилению сил и

средств, обычно обеспечивающих безопасность, за счет выделения сил из состава групп войск.

Сдерживание. Сдерживание зиждется на способности при любых обстоятельствах, во-первых, нанести несоизмеримый ущерб и, во-вторых, сделать последнее предупреждение.

Подводные лодки составляют тот компонент ядерных сил, который лучше всего приспособлен к нанесению ответного удара; кроме того нужно располагать вооружениями, отвечающими следующим специфическим требованиям:

- обеспечивать разнообразие в плане способности нанесения ответного удара и с учетом уязвимых мест, характерных для каждой системы оружия, в частности, с учетом параметров систем обороны противника.

- обладать такими техническими характеристиками, дальностью действия, точностью, которые позволяют ему поразить определенные цели противника, угрожающего нашим жизненным интересам, в качестве последнего предупреждения.

Способность сдерживания должна быть обеспечена полной национальной автономией действий. А это предполагает наличие надежных средств управления и связи, использующих особенно надежные методы обмена информацией и обработки данных.

Для безопасности ядерных сил и их обеспечения требуются наземные, военно-морские и военно-воздушные средства, которые, кроме того, содействуют обороне и всей национальной территории.

Предупреждение. Сегодня предупреждение имеет стратегическое значение. Его главная цель - предвосхитить и не допустить возникновения ситуаций, способных перерасти в конфликты.

Методы действий здесь, в первую очередь, политические: укрепление демократии, смягчение экономического и социального неравенства, поддержание стратегического равновесия путем заключения союзов, борьба с распространением вооружений и т.д.

Это также военные методы: разведка, борьба с распространением оружия массового поражения, контроль за выполнением договоров, техническое сотрудничество и техническая помощь дружественным армиям, заблаговременное размещение сухопутных сил, авиации и флота. Наши силы должны

быть способны постоянно осуществлять эти меры и усиливать их в случае ухудшения ситуации.

Постоянная система, образуемая заблаговременно развернутыми и наличными силами, может быть дополнена, в зависимости от обстоятельств, превентивным развертыванием сил в море. В целом она насчитывает порядка двести тысяч человек, одну или две авиационных группы боевых самолетов, военно-транспортные и патрульные противолодочные самолеты и около двадцати кораблей. Эти силы опираются на наши базы за пределами континентальной Франции и иностранные базы, используемые во исполнение соглашений об обороне. Кроме того, эти базы содействуют оказанию поддержки силам, направляемым в качестве подкреплений с целью противостоять кризису или не допустить его обострения.

Кроме того, в рамках сотрудничества, в дружественные страны направляются группы технической или оперативной помощи. Они работают в рамках важнейших военных структур и могут действовать превентивно, стараясь обезвредить истоки кризиса, вести эффективную разведку. С этой целью осуществляются также специальные операции.

Оборона. Оборона национальной территории остается постоянной задачей. От нее зависит безопасность ядерных сил и одновременно действенность внешних операций, поскольку она предохраняет национальную территорию от ответных ударов и любых форм шантажа. Анализ стратегических перспектив и различных сценариев применения военной силы доказал ее важность.

Оборона нацелена главным образом на:

- контроль воздушных и морских подступов, а также сухопутных границ с помощью средств обнаружения и отражения агрессии;
- обеспечение со временем средств обнаружения и оповещения против баллистических ракет;
- развитие средств наблюдения и защиты от ядерного, биологического и химического оружия.

Она обеспечивается средствами наземной обороны, обороны с моря, ПВО и т.д., что составляет в мирное время по трем видам вооруженных сил в метрополии и в заморских департаментах и территориях порядка 50.000 человек. Кроме того, защита населения обеспечивается, главным образом,

полицейскими силами и силами гражданской обороны, а также национальной жандармерией в рамках ее задач по обеспечению общей безопасности и общественного порядка. В случае необходимости вооруженные силы оказывают помощь гражданским властям в соответствии с предусмотренными процедурами.

Формирование сил, изменение формата. Появление новой крупномасштабной угрозы для Западной Европы, нацеленной против наших жизненных интересов, потребует, по мере ее подтверждения, постепенной адаптации нашей обороноспособности, создания необходимых средств, возможно даже изменения численности наших сил.

Сегодня очень трудно оценить эти потребности, но нужно заранее определить и подготовить этот процесс и необходимые меры предосторожности.

Для осуществления этой программы потребуются, главным образом, достаточно длительное время, сравнимое с процессом осознания угрозы, хотя сроки будут различны в зависимости от вида вооруженных сил и типа военной техники.

Что касается военной техники, возможность дооснащения будет зависеть от состояния промышленного производства на момент принятия решения и, по-видимому, придется прибегнуть к закупкам на “рынке наличного товара”. В этой перспективе должны быть приняты во внимание стоимость сохранения резервных производственных мощностей и сохранения возможностей профессиональной подготовки персонала. Последствия закупок “на рынке наличного товара” должны быть тщательно оценены с точек зрения совместимости с уже находящейся на вооружении техникой, возможности ее поддержания в боевой готовности и общего взаимодействия.

Что касается личного состава, сроки, необходимые для набора и подготовки пополнений, которые могут быть мобилизованы, будут намного меньше сроков пуска законсервированного промышленного производства. Однако необходимо сохранить принцип комплектования на основе всеобщей воинской обязанности и незначительное превышение численности командного состава в мирное время.

Помимо мер, общих для трех видов вооруженных сил, в частности, в плане личного состава, потребуются еще специфические меры для каждого из них, а также в области управления — для сухопутных войск, задач материально-технического

обеспечения и некоторых инфраструктур — для ВВС, возобновление ряда функций — для ВМС (например таких, как боевые действия под водой, минная война) <...>

Общая схема (формат) вооруженных сил

Общая схема (формат) вооруженных сил вытекает из учета задач, определенных в трех областях:

- силы быстрого развертывания, требующие незамедлительных усилий;
- постоянные силы и средства обеспечения безопасности, которые должны сохраняться на минимальном уровне, но достаточном для того, чтобы позволить сразу же усилить их мощь в надлежущий момент;
- общее обеспечение, в рамках которого должны быть предложены усилия по сокращению и рационализации.

На этой базе можно определить цели и задачи каждого вида вооруженных сил на ближайший пятнадцатилетний период.

Национальная жандармерия, главным предназначением которой остается выполнение задач, относящихся к сфере постоянной системы обеспечения безопасности, и задач поддержания общественного порядка и гражданской обороны, должна быть способна выполнять свои обязанности в мирное время, имея численность 95.000 - 100.000 человек .

Для сухопутных войск должны быть предприняты усилия по целому ряду направлений вследствие изменений стратегической обстановки и важности, которую приобретают ныне гипотезы регионального конфликта в Европе или за пределами;

- сухопутные войска должны продолжать и усиливать развитие своей способности обеспечивать переброску более крупных сил, чем в прошлом;

- кроме того, выявляется целый ряд приоритетов:

- * наращивание средств, обеспечивающих длительный и постоянный контроль за естественной и человеческой средой в сложной окружающей обстановке, принимая в расчет оборону во всех ее формах и используя высокую технологию, в частности, в плане повышения точности;

- * необходимость располагать огневыми средствами, позволяющими оказывать самую непосредственную поддержку частям;

* усиление средств обеспечения, в частности, в медицинской области.

Учитывая характер потребностей в легкой и тяжелой технике, а также необходимую численность личного состава боевых частей и частей поддержки, численность сухопутных войск, постоянно готовых к переброске, должна составлять 120.000 - 130.000 человек. На базе этого потенциала смогут постоянно выделяться для переброски две-три дивизии, оснащенные тяжелым или легким вооружением соответственно обстоятельствам в каждом конкретном случае.

Эти 120.000 - 130.000 человек, составляющие 8 - 9 дивизий с их обеспечением, опираются, впрочем, на поддержку частей и органов, предназначенных для обороны национальной территории, подготовки и общей и территориальной поддержки.

В ВМС усилия должны быть направлены на предупреждение кризисов и переброску сил; одновременно должен сохраняться на достаточно высоком уровне их вклад в постоянную систему безопасности на базе океанских стратегических сил.

Задачи господства на море и быстрого реагирования будут обеспечиваться группой авиации ВМС и ударными ядерными подводными лодками. Для их выполнения необходимы такие качества, как автономность, слаженность и продолжительность действий. Особый акцент будет сделан на военные транспорты специального назначения, наряду с использованием гражданских средств, наблюдение и контроль за обширными районами, средства снабжения боевых кораблей, материально-техническое обеспечение. Боевой потенциал морской авиации должен сохраняться, насколько возможно, на постоянном уровне.

В целом задачи, возложенные на ВМС, включают поддержание на оптимальном уровне средств переброски и средств ПЛО, - необходимых, в частности, для охранения океанских стратегических сил, — а также повышения оснащенности боевых кораблей, в частности средствами ПВО и РЭБ. Должна также поддерживаться способность к ведению минной войны.

ВМС должны насчитывать около 100 кораблей, включая средства морской авиации и подводные лодки. В их состав должны входить 65-70 крупных (океанских) кораблей, в том числе, около 50 боевых, а также флотилий патрульных противолодочных самолетов и вертолетов.

Помимо авиационного прикрытия территории и способности нести ядерное оружие, — задачи, которые должны постоянно обеспечиваться с национальной территории, — ВВС должны будут развивать свой потенциал стратегической маневренности для ведения действий с территории метрополии или опорных пунктов за ее пределами. Новые характеристики этих задач требуют следующих корректив:

- должен обеспечиваться контроль над обширными районами, расположенными на большом удалении от метрополии, причем основное ядро средств наблюдения и боевой авиации должны составлять тактические самолеты, оснащенные системой AWACS;

- должны быть повышены продолжительность дежурства в воздухе и способность нанесения удара на большом удалении, что требует, в частности, существенного увеличения парка самолетов-заправщиков;

- должна быть обеспечена возможность действий на большую глубину в любых метеоусловиях с ограниченными потерями, т.е. сочетая систематическое использование оборонительных и наступательных средств ведения РЭБ с ведением огня на безопасном удалении;

- необходимость преодоления побочных эффектов требует развития, наряду со средствами нанесения массированных бомбардированных ударов, высокоточного оружия для действий на большую глубину, но также при поддержке и в контакте с сухопутными войсками;

- требуется обновление и существенное увеличение транспортных средств для всех видов вооруженных сил, в частности, для обеспечения переброски первых эшелонов сил, которые не могут быть зависимы от гражданских средств (транспортные самолеты с большим радиусом действия, военные грузовые самолеты тактической авиации).

В целом ВВС должны будут насчитывать порядка 20 авиационных групп боевых самолетов, в том числе 12 авиагрупп, позволяющих осуществить в любой момент переброску и замену от 6 до 9 из них. К этому следует добавить истребители-перехватчики и авиационные группы самолетов-носителей ядерного оружия. Кроме того, около 20 самолетов-заправщиков и около 100 транспортных самолетов тактического назначения и обеспечения тыла обеспечат требуемые возможности переброски, мобильность и поддержку.

Таковы общие цели на рассматриваемый период. Они должны позволить обеспечить выполнение задач вооруженных сил, изложенных выше. Выбор максимальных уровней средств будет зависеть от определения правительством масштабов и активности возможного участия наших сил в боевых действиях, исходя из эволюции стратегической обстановки<...>

Выбор армии смешанного состава

Вооруженные силы должны располагать средствами - личным составом и техникой, — необходимыми для выполнения возложенных на них задач. Эти средства включают весь комплекс сил, способных осуществлять вмешательство за пределами национальной территории, их структуры обеспечения, а также весь комплекс средств, приданных постоянной системе обеспечения безопасности страны. Воинская повинность — решение, наиболее соответствующее численности, определенной для наших вооруженных сил, задачам, которые они должны выполнять, средствам, которые страна готова выделять на это. В то же время следует усиливать профессионализацию вооруженных сил и добиваться того, чтобы национальная повинность носила подлинно всеобщий, универсальный характер.

Национальная повинность: необходимые рамки

Призыв на военную службу способен и всегда будет способен, в силу своего внутреннего потенциала, обеспечивать **людские ресурсы**, дающие возможность комплектования вооруженных сил такой численности, которая позволяет противостоять, благодаря всем этим средствам, будущим факторам риска.

Национальная повинность остается наилучшим залогом приверженности страны и граждан своей обороне. Она укрепляет тем самым надежность сдерживания, которое осуществляется ядерными силами, но которое зависит также от демонстрируемой французами решимости сохранить существование своей страны. Она усиливает легитимность действий за пределами национальной территории, предпринимаемых Францией во имя уважения правового государства, прав человека, демократии.

Призыв — это также средство, обеспечивающее резервы, содержащие достаточное число специалистов. Тем самым этот принцип обеспечивает одно из главных условий возможного комплектования сил и изменения их численности.

Точно так же призыв играет важную роль в обороне территории, делая непосредственно причастным к ней все население в целом. Участие воинских частей призывного контингента в осуществлении гражданской обороны и, в частности, в выполнении таких общегосударственных задач, как защита населения и имущества, укрепляет это чувство солидарности.

И, наконец, все прекрасно понимают роль, которую военная служба играет в укреплении национальной самобытности и в защите республиканского государства. Перед лицом трудностей, вызванных как городской поляризацией французского пространства, так и посягательствами на социальную сплоченность, — хотя это само по себе еще не оправдывает сохранение национальной повинности, — она все же способствует борьбе с исключениями. И служба в армии должна оставаться горнилом интеграции, школой гражданственности, образцом принадлежности французов к Франции.

*Армия смешанного состава:
сообразное решение*

Итак, национальная повинность должна быть сохранена. Однако способы набора в ряды французской армии должны меняться с тем, чтобы повысить ее профессионализацию.

Урегулирование внешних кризисов, в которые Франции, возможно, придется вмешиваться, требует сегодня профессиональных частей достаточной численности. В самом деле, эти профессиональные части, обладая большой гибкостью в использовании, позволяют осуществить незамедлительное реагирование на любых ТВД.

Таким образом, в предстоящие годы необходимо обеспечить постепенное повышение уровня профессионализации за счет добровольного поступления на военную службу и развития форм прохождения службы по долгосрочному контракту. Это должно обеспечить создание сил, которые могут быть задействованы незамедлительно. И это позволит, кроме того, лучше оценивать наши реальные возможности комплектования личным составом.

Армия, состоящая почти исключительно из призывников или резервистов и лишь в весьма ограниченной степени из кадровых профессионалов (так называемая “швейцарская” модель), уже не отвечала бы нынешним и будущим потребностям Франции в области обороны. Будучи хорошо адаптированной к обороне национальной территории и отражению крупномасштабной угрозы в Европе, она не обладает требуемой гибкостью в использовании для урегулирования кризисов, хотя бы уже по причине своей недостаточной способности обеспечить незамедлительную переброску сил.

Требования, предъявляемые профессиональной армией

Профессиональная армия не позволила бы обеспечить выполнение всего комплекса упомянутых задач без таких бюджетных затрат и такого притока добровольцев, которые кажутся безрассудными, или же просто нереальными.

Только для сухопутных войск, общая численность личного состава в 230.000 человек позволяет в современных условиях, — если учитывать участие в других формированиях (межармейских, межведомственных...), не боеготовый личный состав, личный состав обеспечения и административных служб, — иметь в строю, т.е. в боевых частях и соединениях, порядка 130.000 человек. Этой численности едва достаточно для выполнения задач с учетом необходимой сменности и расширения наших обязательств. Следовательно, в случае полной профессионализации пришлось бы обеспечивать содержание большой численности добровольцев, что потребовало бы очень крупных дополнительных затрат.

Помимо этих бюджетных трудностей, профессиональная армия создает еще реальную трудность комплектования. Она предполагает увеличение вдвое, а для сухопутных войск даже втрое числа желающих служить в армии добровольцами. В самом деле, в настоящее время кадровый состав и добровольцы по контракту составляют в сухопутных войсках лишь 43% (62% в авиации, 71 % в ВМС, 86% в жандармерии). А из 20 тысяч добровольцев, ежегодно поступающих на военную службу, половина подписывает контракт при призыве, так что этот источник комплектования будет трудно заменить. Кроме того, становится проблематичным набор на 100 тысяч должностей невоенного характера, занимаемых призывниками-

специалистами, причем нередко — высокого уровня; разве что придется прибегнуть к привлечению гражданских лиц, что еще увеличит вышеупомянутые дополнительные расходы.

Возможно, что снижение численности сухопутных войск до существенно более низкого уровня — 160-180 тысяч человек — соответствовало бы реальным возможностям комплектования. Но такая численность, хотя и позволяет, — если сосредоточить личный состав в боевых частях и соединениях, — обеспечить выполнение рассматриваемых задач, заставит возложить все другие задачи на гражданских лиц. Такая новая конфигурация, совершенно очевидно, означает полный разрыв со всей историей и образом жизни и функционирования сухопутных войск, если ограничиться хотя бы только этим видом вооруженных сил.

Помимо набора добровольцев создание профессиональной армии предполагает и набор большого числа гражданских лиц взамен призывников. Следовательно, потребуются существенное увеличение расходов на содержание личного состава в ущерб расходам на оснащение и инвестициям. Так, если общую сумму окладов и денежного содержания (без учета расходов на социальные нужды) личного состава условного формирования в 100 человек с соответствующим командным составом во Франции принять за 100%, то в Соединенных Штатах эти расходы составят 195%, а в Великобритании — 273 %. Таким образом, переход в нашей стране к профессиональной армии примерно той же численности вызывал бы полное нарушение равновесия в военном бюджете между текущими затратами и инвестиционными расходами, что неизбежно сказалось бы на оборонной промышленности.

Таким образом, профессиональная армия, которая смогла бы в предстоящие годы соответствовать задачам, возлагаемым на наши вооруженные силы, потребовала бы чрезмерных бюджетных расходов и создала бы серьезные проблемы комплектования. А если привести два последних фактора в соответствие с нашими бюджетными и людскими возможностями, уже нельзя было бы выполнять поставленные задачи.

Итак, какую бы гипотезу мы ни рассматривали, условия ее осуществления и последствия перехода к профессиональной армии оказываются нереальными. К тому же такая ориентация лишила бы нас благотворных нравственных аспектов национальной повинности, о которых уже упоминалось <...>

Расходы на оборону

Эволюция и отличительные особенности расходов на оборону Франции и ее партнеров

Анализ расходов на оборону партнеров Франции выявляет характерные особенности каждой страны и позволяет определить наше положение, также подчеркивая его специфические особенности.

Расходы на оборону крупных промышленно развитых стран

Соединенные Штаты, благодаря усилиям, предпринятым за 80-е годы, обеспечили себе ни с чем не сравнимые опережения и технологическое превосходство. Поэтому они снизили в последние годы уровень своих расходов на оборону с 6,6 до 4,8% ВВП, сократив численность своих ВС. Тем не менее, вооруженные силы США остаются весьма значительными. Кроме того, более чем когда-либо делался акцент на качество вооружений. Представляется несомненным, что даже при показателе в 4.8% ВВП и военном бюджете на 1995 г. в 250 млрд. долл. по текущему курсу Соединенные Штаты будут оставаться первой и единственной мировой военной сверхдержавой, тем более, что их ВС оснащены самой современной техникой во всех областях.

Экономия средств обеспечена главным образом за счет закрытия баз и сокращения численности ЛС (порядка 30%), затронувшего примерно в равной степени три вида вооруженных сил и гражданский персонал.

Германия, чей бюджет на оборону составляет 48 млрд. марок (163 млрд. фр. фр.), сократила свои военные расходы до 2,04% ВВП. Конечно, здесь трудно проводить сравнение с Францией в силу разных реальностей. Так, Германии не приходится нести ядерные расходы и ее ВМС несравнимы с нашими. Она обязана сократить численность своих ВС (и в западной, и в восточной части) в соответствии с положениями договора, достигнутого в рамках переговорного механизма "2+4". Кроме того, ее бюджет на оборону не включает, как у Соединенных Штатов, расходы на жандармерию. Основную долю немецкого бюджета составляют расходы на сухопутные войска и на ВВС. Ответственные деятели считают, что в тех

бюджетных условиях, в которые они поставлены, не удастся содержать вооруженные силы численностью 370.000 человек при современном уровне оснащения. Примером тому служит постановка под вопрос программы европейского истребителя EFA, вполне вероятно, что со временем Германия вновь повысит уровень своих расходов на оборону.

Великобритания расходует на оборону средства, составляющие 3,76% ее ВВП. Это — страна, положение которой наиболее близко к положению Франции, поскольку она также располагает ядерными силами и ее ВМС и ВВС сопоставимы с нашими, во всяком случае, по своей численности. Наоборот, численность полностью профессионализованных сухопутных войск в два раз ниже нашей; кроме того британский бюджет не включает ни расходы на жандармерию, ни расходы на государственные промышленные предприятия. Тем не менее, среди сопоставимых держав британский военный бюджет наиболее близок к нашему: не считая ядерной и космической областей, Великобритания в состоянии оснастить свои силы “национальной” техникой. В противовес весьма внушительному уровню ВМС и ВВС, численность сухопутных войск жестко ограничена. Великобритания, как и Германия, использует гражданский персонал пропорционально намного большей численности, чем Франция (на 50%)...

Япония, поддерживая уровень расходов на оборону порядка 1% своего ВВП, в реальном выражении ассигнует на свой оборонный бюджет средства примерно того же порядка, что и Франция, Германия или Великобритания. Но ее бюджет полностью посвящен созданию и модернизации обычных сил “самообороны”, уровень оснащения которых мог бы сделать Японию лет через десять страной, обладающей одной из самых могущественных в мире армий, оснащенных обычным оружием.

Расходы Франции на оборону

Уровень, цели и особые характеристики расходов на оборону требуют долгосрочной политики и глобальной, военной и экономической, взаимосвязности.

Уже давно стоит вопрос о некоем синтетическом показателе расходов на оборону, его годности для международных сравнений. Решение этого вопроса осложняется различиями,

присущими историческому развитию каждой страны, в частности, сложными отношениями между государством, военной промышленностью и экономикой в каждой из них. Оценка глобальных финансовых усилий каждой страны через процентное отношение общего объема расходов на оборону, включая пенсии, к внутреннему валовому продукту представляется наиболее приемлемым из возможных вариантов. Такой метод оценки принят в НАТО и установился на международном уровне. Его преимущество — в том, что он основан на едином принципе изменений во времени и по странам, чего не обеспечивает никакой другой способ оценки <...>

В 1977 г. расходы на оборону, включая жандармерию и пенсии, составляли 3,56% ВВП. Вплоть до 1982 г. этот показатель возрастал и достиг 3,98% ВВП. После чего он постепенно снижался и составляет сегодня 3,38 % ВВП. Эта эволюция затронула все виды вооруженных сил, численность которых сократилась за 1991 и 1992 гг. на 40.000 человек, но особенно сухопутные войска.

- Сухопутные войска: расформированы 4 из 13 штатных дивизий, 2 армейских корпуса, полки ядерных ракет "Плутон" и 21 территориальный штаб;

- ВВС: число боевых самолетов сократилось с 450 до 390;

- ВМС: сокращены программы оснащения двух атомных ракетных подводных лодок нового поколения, двух ударных атомных ПЛ и целого ряда кораблей меньшего значения;

Следует отметить, что изменение расходов на оборону в большую или меньшую сторону на 0,1% ВВП выражается в цифре порядка 7 млрд.фр. в год, что за десятилетний период составит разницу приблизительно в 70 млрд.фр., т.е. сумму, эквивалентную стоимости некоторых крупных программ.

Сравнение с расходами на оборону наших соседей весьма полезно для оценки особенностей этих расходов нашей страны. С этой точки зрения выявляется три отличительных характеристики:

- Франция — единственная военная держава среди других сравнимого уровня, которая ассигнует более 50% своего бюджета на инвестиции (в 1993 г. - 52%). Это своеобразие Франции, безусловно, связано с выбором политики ядерного сдерживания (25 % инвестиций) и независимой промышленной политики. А то, что наша страна могла ассигновать такие

средства на инвестиции, является в значительной мере результатом выбора модели армии смешанного состава.

- с 1989 г. все наши партнеры в большей мере, чем мы сократили свои военные бюджеты. Если взять за 100% уровень 1990 г., то в 1993 году военный бюджет Франции сократился до 95,7%, Великобритании — до 94,4, Германии - до 84 и Соединенных Штатов - до 83,3%. Эти различные уровни сокращения в национальных рамках отразились, правда в иной пропорции, на расходах Североатлантического союза. Отныне государства-члены ЗЕС обеспечивают в целом 28% этих расходов, в то время как в 1985 году этот показатель составлял 36%.

- распределение этого сокращения расходов на оборону по статьям расходов на оснащение и текущих расходов, а также в рамках этих последних осуществлялось в каждой из стран по-разному. Выявилось, что в плане текущих расходов Франция больше, чем ее партнеры, урезала расходы на личный состав. Все ее партнеры предпочли весьма существенно сократить расходы на оснащение. Это относится к странам-членам ЗЕС и, в частности, к Великобритании. И особенно это относится к Германии, которая так сильно сократила расходы на оснащение (-40%), что ей придется, видимо, изменить через несколько лет тенденцию, чтобы иметь возможность заменить старую технику, находящуюся ныне на вооружении. И наконец, Соединенные Штаты также сократили свои расходы на оснащение, но параллельно решили смягчить последствия этого для своей промышленности путем предоставления кредитов на конверсию. Кроме того, они, судя по всему, приняли меры, обеспечивающие поддержание их способности к модернизации и сохранение уровня ноу-хау, чтобы гарантировать свое превосходство почти во всех областях<...>

Гражданская оборона

Развитие международной обстановки и появление новых источников опасности заставляют нас разрабатывать новую глобальную концепцию обороны, в которой гражданская оборона занимает соответствующее ей важное место.

Задачи гражданской обороны решаются обычно министром внутренних дел, который имеет в своем распоряжении соответствующие средства, систему гражданской безопасности и

национальную полицию. Главной задачей дирекции гражданской безопасности является защита населения. Она располагает для этого специальными средствами - самолетами, вертолетами, оборудованием для обезвреживания мин — и частями саперов-пожарных, насчитывающими 230 тыс.человек, среди которых число профессионалов постоянно растет. Национальная полиция, насчитывающая в своих рядах 130 тыс.человек, обеспечивает поддержание порядка и наблюдение за территорией, а также охраняет режимные объекты. В свою очередь воздушно-пограничная полиция обеспечивает пограничный контроль.

Для поддержания порядка и охраны режимных объектов министр внутренних дел пользуется постоянной поддержкой национальной жандармерии. Вооруженные силы участвуют в общей системе безопасности через свои специальные части, такие как саперы-пожарные Парижа, морские пожарные Марселя, подразделения инструкторов и срочной помощи в области гражданской безопасности.

Министр внутренних дел может заручиться поддержкой и помощью вооруженных сил в различных чрезвычайных ситуациях.

Для выполнения задачи защиты населения необходимо использовать имеющиеся в непосредственном распоряжении силы, крупные контингенты и специальные средства, которыми не располагают гражданские службы государства. Год от года случаи оказания такого рода поддержки становятся все чаще.

Участвовать в охране общественного порядка, обеспечиваемого главным образом полицией и жандармерией, армия по-прежнему должна лишь в исключительных случаях и только при возникновении острой кризисной ситуации. Но вооруженные силы могут в случае необходимости внести решающий вклад в осуществление минимальных функциональных планов. Если надо, они выделяют личный состав и транспортные средства.

С целью обеспечения бесперебойности государственного управления вооруженные силы могут участвовать в охране нуждающихся в особой защите объектов (приоритетные оборонные объекты, охраняемые объекты первой и второй категории). Наконец, необходимость обеспечить бесперебойность государственного управления, защитить население и сохра-

нить необходимые для национальной обороны органы могут заставить правительство принять решение о введении в действие системы оперативной обороны территории (DOT). Полностью эта система вводится в действие только в случае агрессии извне или явно выраженной угрозы. В таком случае по мере необходимости она объединяет активные силы нации с целью противостоять любой агрессии, направленной против национальной территории, в любой ее точке. Морская оборона территории, воздушная оборона территории, комплекс гражданской обороны и оперативной обороны территории образуют Оборону Территории. Ее организация носит глобальный характер. Она реализуется в соответствии с обстоятельствами.

Заключение

Сегодня война вернулась в нашу повседневную жизнь. Как в своих наиболее скрытых, так и в самых отталкивающих формах: неустойчивые общества, региональные, межэтнические, культурные или межконфессиональные конфликты.

Отстаиваемые нами ценности — демократия, правовое государство, права человека — разделяются не всеми. Франция входит в число привилегированных, составляющих меньшинство стран, идеалы которых, являющиеся основой духа обороны, должны утверждаться с особой энергией.

В постоянном диалоге между прошлым и современностью мы должны думать о новых формах завоевания коллективного сознания, без которого нет ни гражданственности, ни самобытности. Сегодня гражданственность и самобытность открыты, а не закрыты, как это было в XIX веке. В современном демократическом обществе это является условием для того, чтобы гражданин, действующее лицо общественной жизни, понимал, что оборона является общим, а значит и его делом; чтобы в условиях ослабления социальных связей вооруженные силы осуществляли функцию объединения французов любого происхождения через единство их судьбы и надежд.

Эта “культура обороны” не является обязательным консенсусом, основанном на иллюзорном чувстве безопасности.

Гражданин должен прежде всего знать обо всем, что требует финансовых, технических, интеллектуальных усилий, а также общего участия и гражданских, и военных, осознавать осо-

бое положение нашей страны, несущей ответственность за состояние дел в мире.

Кроме того, он должен осознавать тот факт, что оборона опирается на благоразумие, что она требует некоторых жертв. Сегодняшний, пусть даже относительный комфорт не может быть оплачен ценой завтрашнего ущерба безопасности перед лицом внешней угрозы или национального краха.

Он, наконец, должен осознавать силу связи, существующей между политикой бдительной и эффективной обороны и внешней политикой, основанной на сохранении и развитии мира на земле.

В точке, в которой сходятся государственная стратегия, ценности общества и понимание ситуации, рождается культура обороны. Решение именно этой задачи и преследует данная Белая книга по вопросам обороны, которая, по замыслу, ее авторов должна быть отмечена влиянием и престижем Франции, ее памятью, ее достоянием и ее историей.

Белая книга по вопросам обороны. Франция - 1994. - Посольство Франции в России, Министерство иностранных дел, 1994. - с. I - IV, 6, 22-31, 34-37, 49-60, 69-70, 78-81, 86-92, 130-133, 145-146, 154.

ВОЕННАЯ РЕФОРМА ФРАНЦИИ (основные положения)

ЖАК ШИРАК

Инструмент нашей обороны совершенно не приспособлен к современным условиям и не может действенно и эффективно выполнять свои задачи.

В первую очередь речь идет о военных, а также экономических... и финансовых целях. Сегодня нам необходима оборона более эффективная, более современная и, одновременно, менее дорогостоящая.

Такая страна, как Франция, которая хочет иметь надежную защиту в нынешнее сложное время, прежде всего должна осознавать, что перед нами не стоит угроза вторжения, нашествия иноземных захватнических орд. Зато наши жизненные интересы могут быть поставлены под угрозу в любой части земного шара, будь то Европа или другой регион.

Современная армия, а следовательно, и современная оборона прежде всего должны позволить Франции отреагировать, когда будут затронуты ее национальные или территориальные интересы. Эта роль отводится нашим силам ядерного сдерживания.

В наше время приоритетной задачей является предотвращение кризисов, для чего необходимо постоянно иметь полные сведения о происходящем в мире. Это предполагает значительное улучшение наших разведывательных возможностей, спутникового наблюдения, а также заблаговременное размещение войск в том или ином месте.

И наконец, ...Франция должна иметь возможность быстро и организовано перебросить, отправить за границу значительное число людей, 50-60 тыс., а не 10.тыс., как сегодня.

Профессиональная армия

Если мы хотим, чтобы современная оборона отвечала всем перечисленным требованиям, то, очевидно, должны признать, что это возможно только при помощи профессиональной армии. Поэтому я провожу реформу, которая через шесть лет даст Франции профессиональную армию.

Организационные принципы в целом останутся прежними. В связи с этим прежде всего возникает проблема личного состава. Сегодня, в условиях воинской повинности, общая численность нашей армии, включая кадровых военных, призывников и добровольцев, проходящих службу по контракту, составляет 500 тысяч мужчин и женщин. Это чрезмерно и обременительно и, как я уже сказал, не позволяет нам выполнить все задачи.

Через шесть лет профессиональная армия будет насчитывать 350 тысяч человек, но она будет способна, как и лучшие армии мира, в частности британская, обеспечить эффективную переброску и присутствие достаточного количества войск. Сокращение затронет сухопутные войска, военно-морские и военно-воздушные силы. Увеличится только численность жандармерии, к которой будут предъявляться более жесткие требования по защите национальной территории.

В настоящее время наша армия значительно отстает от британской, поскольку комплектуется по призывному принципу. Однако к концу реформы наши вооруженные силы будут по меньшей мере такими же эффективными и сильными как и английские.

Сухопутные войска

В настоящее время в составе французских сухопутных войск насчитывается 184 полка, дислоцирующихся как в самой Франции и на ее заморских территориях, так и за границей, в Германии и африканских странах. Мы должны сократить это число примерно до 83-85 <...>

При этом не планируется принятия никаких законов о сокращении кадрового состава. Увольнения в обычном порядке, естественно, продолжатся, но никаких законов о сокращении кадрового состава не будет. Это объясняется тем, что в профессиональной армии гораздо больше командного состава и больше ответственности, чем в обычной армии. Итак, в рамках обычных мероприятий будут увольнения, будет гораздо меньше призывников, но в течение предстоящих шести лет не предусмотрено принятия никаких распоряжений об увольнении кадрового состава <...>

Программы оснащения

<...> Наши программы, - идет ли речь о наиболее важных - "Рафаль", ("Шквал") для авиации, четыре ядерные подводные лодки на постоянном дежурстве в море для ВМС, танк "Ле Клерк" для сухопутных войск, или о всех других - вертолет "Тигр", вертолет "NH 90" и другие программы - будут выполняться.

Строительство второго авианосца, который не обязательно должен быть атомным, по финансовым соображениям переносится на конец периода. Он будет включен в планы начала 2000 годов.

Самолетами "Рафаль" прежде всего будут оснащены ВМС, затем, в 2004-2005 году, будет сформирована первая эскадрилья "Рафаль" для ВВС, может быть это произойдет немного раньше (я говорю о целой эскадрилье, затем программа будет осуществляться в нормальном режиме)... Я не хочу приводить технические подробности, поскольку оценки приводятся в рамках программного закона, рассчитанного до 2000-2001 года.

Вмешательство в конфликты

Современная армия должна иметь возможность быстро перемещаться туда, где затронуты жизненные интересы страны. Мы уже видели, например, что когда мы были обязаны присутствовать в Персидском заливе, то оказались неспособными перебросить туда достаточное количество войск.

<...> Сегодня французская армия позволяет нам отправить за рубежи страны лишь 10-12 тыс. человек, которые, кроме всего прочего, набраны тут и там, поскольку на театры зарубежных операций нельзя направлять призывников.

К концу реформы у нас будет возможность отправлять 50-60 тыс. человек со всем необходимым снаряжением и, при этом, немедленно. Таким образом, мы получим армию, способную, наравне с Великобританией, реально выполнять свои задачи там, где это необходимо.

Профессиональная армия: будет ли она стоить дороже, чем армия, комплектуемая по призыву?

Содержание этой армии будет стоить нации столько же, сколько она платит сегодня. А ее оснащение на 15% меньше. Это означает, что после окончания реформы бюджетные ас-

сигнования на оборону будут меньше, чем сегодня. С уверенностью можно сказать, что в программном законе, который правительство предложит парламенту для одобрения в мае или июне, цифра расходов на содержание и оснащение армии в целом будет гораздо ниже, чем сегодня <...>

Последняя серия ядерных испытаний в тихом океане и ядерное сдерживание

Я не хотел, чтобы Франция проводила последнюю серию ядерных испытаний..., но нам необходимо было закончить эксперимент, начатый уже давно и требовавший завершения программы <...>

Последние испытания, завершившие начатое ранее, стали для меня показательными. Мы не осуществляли ядерных взрывов два или три года, но тем не менее наши ученые немного продвинулись по всем направлениям. Они вернулись к работе и в один прекрасный день проведенные нами испытания позволили получить превосходные результаты. Именно превосходные. Я взвешиваю свои слова <...>

Теперь мы имеем комплекс средств, позволяющих обеспечить безопасность, уверенность и надежность на пятьдесят лет вперед... На пятьдесят лет! Это означает надежность оружия, имеющегося у нас сегодня, и того, которое будем иметь завтра. Мы уверены в том, что обладаем действительно грозным и надежным оружием сдерживания, а также возможностями его совершенствования, поскольку разработали так называемую технику имитации, которая позволит проводить испытания на компьютере <...>

Прежде всего должен отметить, что первым результатом приобретенного нами мастерства станет сокращение... ядерного арсенала. Ядерное сдерживание основывается на принципе достаточности. Это означает, что нужно иметь достаточно ядерного оружия, чтобы заставить уважать себя, но не более. Сегодня, например, мы можем... сократить одну из составляющих нашей ядерной мощи. Как вы знаете, у нас есть три компонента ядерной мощи. Мы имеем подводные лодки, авиационный компонент, то есть ракеты, запускаемые с самолета для поражения наземных целей, и, наконец, наземный компонент... плато Альбион, то есть ядерные средства типа "земля-земля". Мы закроем плато Альбион. Сегодня для обеспечения нашей безопасности достаточно иметь два компонента: морской и воздушный.

И, наконец, есть еще один пункт... Германию особо беспокоит то, что Франция обладает ракетой ближнего действия, называемую "Гадес". Запустив эту ракету с территории Франции, можно поразить лишь объекты на территории Германии. В свое время ее создание было полностью оправданным... но изменились обстоятельства, изменился характер угрозы. Изменения, произошедшие в Европе, падение берлинской стены привели к тому, что в существовании "Гадес" уже нет необходимости. ...Хотя ракета размещалась на складах..., но сам факт ее существования очень беспокоил немцев. После длительных бесед с канцлером Коелем я принял решение демонтировать малую составляющую нашей ядерной мощи, то есть уничтожить "Гадес"<...>

Я также заявил, что Франция подпишет договор о безъядерной зоне в южной части Тихого океана и закроет свой полигон. Это значит, что сегодня Франция является единственной ядерной державой, которая реально держит свое слово. На наш счет не может быть никаких сомнений, поскольку мы закрываем свой полигон и у нас не будет места для проведения испытаний. У американцев есть еще один полигон, у России тоже. Но не у нас. Мы его закроем.

А во-вторых, вы знаете, что во время обсуждения ядерных проблем и, в частности, вопроса о продлении договора о нераспространении ядерного оружия, все страны обязались... подписать, как только он будет готов, договор о запрещении ядерных испытаний. Мы это сделали сразу же после того, как он был составлен и в этом деле явились одной из движущих сил.

На последующем этапе все страны взяли на себя обязательство больше не производить расщепляющиеся материалы военного назначения. Я принял решение немедленно реализовать это положение, а именно, закрыть большой завод в Пьерелате. Это значит, что Франция больше не будет производить расщепляемых ядерных материалов. Естественно, у нее есть все необходимое для обеспечения собственного оружия. Производить его она больше не будет. Мы станем первой страной среди ядерных держав, которая приняла подобное решение <...>

К вопросу о ядерных подводных лодках. Для того, чтобы быть по-настоящему убедительными, необходимо иметь в море одну лодку, которая находилась бы в постоянной готов-

ности произвести запуск своих ракет... Для полной уверенности в том, что мы имеем одну лодку, которая в любой момент может осуществить запуск своих ракет, их нужно иметь две, поскольку на одной из них может случиться поломка, может возникнуть какая-либо проблема, или ее засечет противник. Таким образом, в море должны находиться две лодки в постоянной готовности. А с учетом необходимости поверки оборудования, для того, чтобы постоянно иметь две подводные лодки в море, их должно быть четыре. Итак, у нас будет четыре атомные подводные лодки, которые путем постепенной модернизации станут лодками нового поколения. А последняя подводная лодка нового поколения, четвертая, будет заказана в конце военной программы <...>

По поводу возможного использования Французских ядерных сил сдерживания Франции для защиты ее европейских партнеров, если они этого желают. Я заявил, что французские ядерные силы могли бы выполнять эту миссию по мере развития европейской обороны. Франция полностью готова обсуждать эти проблемы со своими партнерами.

Это крайне сложные дискуссии... Партнерами Франции в этом вопросе являются не страны ЕС, а, в основном, Германия, Великобритания или Испания, страны, которые находятся вокруг нас. ...По этому вопросу уже ведутся довольно сложные переговоры.

Реструктуризация военной промышленности

Прежде всего нужно отметить, что не существует великой державы, если она не имеет эффективной и конкурентоспособной военной промышленности, поскольку ...военная промышленность является источником самых современных технологий, которые затем используются в гражданской сфере производства.

Наша оборонная промышленность имеет две особенности. Во-первых, это промышленность очень высокого научного и технического уровня. Это ее преимущество. Наши рабочие, техники, инженеры, вероятно, одни из самых лучших в мире, если не самые лучшие <...>

Трудность состоит в том, что в наше время национальные и международные рынки сужаются - тем лучше для мира, но это отражается на планах подрядных работ. Экспортировать военную продукцию становится все сложнее, конкуренция с аме-

риканцами, англичанами, русскими, китайцами и т.д. в зарубежных странах становится все более жесткой. Следовательно, здесь - наше слабое место. Причина этого кроется в том, что наша промышленность слишком раздроблена, не имеет достаточно мощного центра для того, чтобы питать реальные международные амбиции Франции в этой области. Поэтому мы обязаны провести перегруппировку <...>

Мы уже говорили о слиянии, не позже чем через два года двух крупнейших авиационных предприятий, Аэроспасьяля и Дассо. Посредством приватизации "Томсона" - приватизации глобальной, а не частичной - мы создадим очень мощный центр электроники. Таким образом, у нас будет крупное предприятие электронной промышленности и крупное предприятие авиационной промышленности, которые необходимы, если мы хотим быть конкурентоспособными <...>

Мы можем иметь большие надежды в этой области при условии, что будем готовы их реализовать <...> Естественно, у нас есть необходимые деньги <...> Мы теряем большие деньги... по причине нашей раздробленности, распыления средств, неприспособленного руководства. Следовательно, мы объединим наши компании и сделаем так, что завтра они будут одними из лучших в мире.

Очевидно, что логика ведет к необходимости заключения соглашений между европейскими странами. Если мы хотим существовать сегодня лицом к лицу с Америкой, завтра с Азией, то нам тоже будут нужны соглашения. Например мы уже начали подобную работу между Аэроспасьяль и немецким Дассо. Я хочу, чтобы у нас была промышленность лучшая в мире и, с этого момента, открытая, прежде всего для европейцев.

Будущее национальной службы

Воинская повинность была введена в 1905 году, когда нужны были люди, противостоящие перед лицом внешней опасности другим людям. Этот период уже давно прошел. Теперь у нас нет необходимости в призывниках. Через шесть лет их не будет, или почти не будет <...>

В связи с этим возможны два варианта. Сторонники первого заявляют о том, что несколько месяцев национальной службы являются составной частью наших великих республиканских традиций, которые необходимо сохранить.

Все молодые французы должны отдавать стране часть своего времени. Вчера это было в интересах национальной обороны, сегодня в этом нет необходимости, но эта служба могла бы использоваться для борьбы с внутренними трудностями, расколом общества, за солидарность и т.д. <...>

Есть второе решение: отменить призыв и создать гражданскую, исключительно гражданскую службу, применительно к упомянутым выше проблемам: предупреждению опасных ситуаций и безопасности, сплочению общества, положению в сфере образования, гуманитарной деятельности. Эта служба была бы открыта одновременно и для девушек и для юношей, ... и с некоторыми стимулами.

Во Франции сегодня есть молодые люди с совершенно необыкновенным сердцем, великодушием и задором <...> Достаточно обратиться к этой молодежи, донести до нее свои планы, и она будет готова добровольно проявить лучшие свои качества в исключительных условиях <...>

Из текста телеинтервью Президента Французской Республики Жака Ширака от 22 февраля 1996 года // Le Monde. – 1996. - 24 février.

Перевод В.Буткова

* * *

<...> В этом многообразном мире, освобожденном от логики противостояния блоков, источники могущества становятся более разнообразными: к мощи оружия все больше добавляются экономические возможности, научный и технический потенциал, способность к нововведениям во всех областях.

Меняются и сами угрозы: они становятся более туманными и непредсказуемыми. Неравномерность развития, риски миграционных процессов, всплески этнической и религиозной вражды, фанатизм и терроризм, региональные потрясения, неустойчивость многочисленных государств, появление на политической арене новых действующих лиц, тысяч единиц ядерного оружия, иногда в сомнительных условиях, постоянный риск распространения всех форм оружия массового уничтожения - таковы элементы, которые Франция должна принимать во внимание при оценке угроз. Она должна извлекать выводы из изменений эпохи. Начатая реформа нашей обороны вписывается в эту перспективу.

Эта реформа основывается на двух убеждениях:

Первое. Европа может и должна вновь утвердиться как один из ведущих центров мира, способных принимать решения и действовать. Для этого ей необходимо обеспечить на своей земле мир и безопасность. Чтобы это гарантировать, должна быть создана новая структура безопасности, покоящаяся на трех опорах: сильном Европейском союзе, обновленном Атлантическом альянсе и европейской организации по безопасности, предоставляющей достойное место для России. Но Европа должна также способствовать всеобщей стабильности, как того требует ее история, уровень ее развития и ее интересы. Она должна, следовательно, обеспечить себе подлинную внешнюю политику и общую безопасность.

Второе. Франция может и должна играть побудительную роль для достижения в Европе и в мире этого нового равновесия, поиск которого осуществляется со времени окончания холодной войны.

Исходя из этих двух убеждений, за время исполнения мною своих функций, я принял решения и предпринял действия в области обороны и безопасности, о которых вы знаете.

Реформа нашей оборонной политики должна быть всеобщей, каковой является современная революция в стратегии. Поэтому изложенные мной здесь же 23 февраля 1996 года направления касаются всех аспектов нашей обороны: ядерного сдерживания, возможностей защиты, предупреждения и переброски, наконец, нашей промышленности.

Ядерное сдерживание остается, конечно же, основным элементом нашей обороны и нашей безопасности. Еще долгое время мы будем жить под влиянием холодной войны и тысяч единиц ядерного оружия, накопленных сверхдержавами. Кроме того, многие страны сегодня стремятся к обладанию ядерным оружием. В этих условиях сдерживание остается необходимым средством для предохранения от любой угрозы нашим жизненным интересам, независимо от того, откуда она исходит и в какой форме. Поэтому мой первый долг состоял в том, чтобы гарантировать нашей стране надежную силу сдерживания столь долго, сколько того потребует наша безопасность. Шесть последних ядерных испытаний, проведенных с моего разрешения, не имели другой цели.

Средства сдерживания, которыми мы будем располагать в ближайшие десятилетия, позволят гибко адаптироваться к неопределенностям природы угроз и будущих рисков.

Но ядерная стратегия Франции останется, конечно же, сдерживающей и оборонительной, исключаящей, разумеется, всякую идею сражения.

В этих новых международных условиях ядерное сдерживание не будет более занимать место, которое отводилось ему в годы холодной войны. Оно было ключевым звеном нашей обороны в том смысле, что все наши военные средства были подчинены задаче сдерживания. Оно остается гарантом нашей безопасности и нашей независимости. Но особую важность вновь приобретает стратегия действия, которая основывается на автономных и динамичных классических силах, способностях надежного командования и средств различных видов разведки.

Реформы, которые я решил провести, должны позволить Франции обладать силами, соответствующими целям завтрашнего дня.

Основной задачей наших сил остается защита национальной территории и французского населения. Но решение этой задачи все больше переносится за пределы Франции, иногда даже границ Европы, туда, где вспыхивающие кризисы и конфликты могут угрожать нашей территории и нашим интересам безопасности <...>

В общем плане реформа нашей оборонной политики имеет и другое, тоже важное измерение, связанное с серьезными европейскими чаяниями. Европейские рамки важны прежде всего для наших обычных сил, которые всякий раз, когда потребуется, должны быть в состоянии присоединиться к составу европейских и союзнических сил.

Профессиональная армия завтрашнего дня, благодаря своей мобильности и постоянной готовности, позволит наилучшим образом отвечать запросам не только нашей безопасности, но и безопасности Европы и ее коллективной обороны в рамках Альянса. Профессиональная армия наилучшим образом позволит противостоять новым вызовам. К примеру, последовательная профессионализация французской части европейского корпуса весьма ощутимо повысит его оперативную эффективность <...>

Из речи Президента Республики Жака Ширака
в институте высших исследований национальной
обороны 8 июня 1996 года.

Перевод С.Климова

НАПРАВЛЕНИЯ ВОЕННОЙ РЕФОРМЫ

(по материалам журнала “Армэ дожурдюи”)

Введение

Современная оборона может осуществляться только в рамках профессиональной армии, которая должна быть способной к быстрым действиям там, где речь идет о жизненных интересах страны.

23 февраля 1996 года, в четверг вечером, президент Республики представил основные направления будущей реформы вооруженных сил, которая должна быть осуществлена на протяжении ближайших 6 лет. Масштаб начатой реформы побуждает его постоянно настаивать на вынесении на всеобщее обсуждение программы перестройки, которая, по словам министра обороны, должна осуществить “главный, прогрессивный переход к другому измерению французской обороны”. Исходя из этого главного уточнения, президент развил основные направления реформы. Возвращаясь к недавнему официальному выступлению, глава государства полагает, что реформа имеет одновременно “военную цель, экономическую цель, касающуюся, в частности, нашей промышленности, и финансовую цель, ибо мы переживаем время, когда необходимо сокращать военные расходы”. Эта тройная мотивация отвечает “требованиям нашего времени”. Президент приветствует перестройку армии, которая является “живой частью, эволюционирующей в зависимости от задач, которые возлагает на нее Нация, приспособляясь к требованиям безопасности, устремлениям своего народа, принудительной силе своего окружения”. “Наш инструмент Обороны видится неприспособленным” к этому новому контексту.

В то время как нашим границам прямая опасность более не угрожает, “современная армия должна позволять нам действовать, если ставятся под сомнение наши национальные, территориальные интересы”. Более того, Оборона должна совершенствовать способы выполнения задачи предупреждения кризисов. Одним словом, чтобы обеспечить “более эффективную и более современную оборону”, должны быть установлены новые направления развития вооруженных сил.

Новая модель армии и профессионализация

“Военная профессия, являющаяся превосходной профессией, мало согласуется с импровизацией и непрофессионализмом”. Исходя из этого, президент республики подчеркивает, “что современная оборона может осуществляться только в рамках профессиональной армии”, которая “должна быть способной к быстрым действиям там, где идет речь о жизненных интересах страны”. Эта профессионализация, которая направлена на повышение оперативных способностей, должна сопровождаться реформированием вооруженных сил.

Переброска войск - это приоритетное поле деятельности классических сил.

Глава государства считает, что “профессиональная армия завтрашнего дня составит 350 000 человек”, а не более 500 000 человек, как сейчас. Действительно, это ограничение личного состава позволит “перебрасывать за границу в виде взаимосвязанных и эффективных подразделений от 50 000 до 60 000 человек”, а не 10 000, как в недавнем прошлом. Это ограничение размеров кажется необходимым для того, чтобы добиться преимущества в скорости и эффективности. Пересмотр этого вопроса о сокращении личного состава повлечет уменьшение числа полков со 129 сегодня до 83-85 в ближайшем будущем. Этот процесс будет касаться сухопутных войск, ВВС и флота. Вместо этого в целях готовности к выполнению новых задач по обеспечению безопасности территории будет увеличен личный состав национальной жандармерии. В этом плане глава государства, принимая во внимание “заботы наших немецких друзей”, затрагивает проблему расположенных в Германии французских частей: “Вопрос не касается Еврокорпуса”. Вместе с тем, другие расположенные на территории Германии части должны вернуться во Францию. Совокупность этих изменений должна сопровождаться всеми предосторожностями во избежание нанесения ущерба как в отношении регионов, так и военнослужащих.

С этой точки зрения президент республики принимает два обязательства. Он персонально гарантирует, что “сильно структурированная организация” установит диалог с депутатами выборных органов, чтобы “города или районы, в которых будут упразднены воинские части, не понесли ущерба”. С собственнo военной точки зрения, президент пообещал, что со-

кращение личного состава не будет сопровождаться принятием закона об увольнении из армии кадрового состава. “Естественно, нормальные процессы сокращения будут иметь место, но никакого закона об увольнении кадров не будет”.

Впоследствии реформированные таким образом вооруженные силы посвятят себя решению своих задач: сдерживанию, предупреждению, переборске войск.

Профессионализация армии приводит к ненужности всеобщей воинской службы. Президент ясно говорит: “Мы больше не нуждаемся в призывниках”. И добавляет, что предвидит процесс отмены всеобщей воинской службы в течение 6 лет.

Кроме того, глава государства полагает, что служба более не является равной и всеобщей и, следовательно, не может быть “подлинным элементом интеграции”. Тем не менее, решения относительно будущего всеобщей воинской повинности требуют, чтобы “было проведено широкое национальное обсуждение, а Парламент мог летом высказаться по этому вопросу”... Сейчас он видит два варианта решений.

Обновляемая национальная служба “может быть построена вокруг трех полюсов: предупреждение, сплоченность, человечность”. В противном случае, при отмене обязательной и всеобщей воинской повинности, будет иметь место вариант, когда “молодые добровольцы с серьезной мотивацией получат возможность несколько месяцев своей жизни посвятить национальному сообществу и воспользоваться результатами этой деятельности при вхождении в активную жизнь”. В последнем случае побуждения могли бы вдохновить добровольцев.

Президент придал большое значение нашему военному снабжению как на уровне ядерного сдерживания, так и на уровне крупных военных программ.

Что касается нашего ядерного оружия, то после последней серии испытаний он рассматривает его как “оружие всеобщего сдерживания и всеобщей безопасности”. Более того, он добавляет, что благодаря достигнутому в этой области мастерству, мы “будем уменьшать наш ядерный арсенал”. Морские и воздушные компоненты нашей силы сдерживания будут сохранены. Зато наземная составляющая на плато Альбион будет упразднена. Кроме того, после объединения Германии ракета “Гадес” более не оправдывает себя, поэтому этот элемент сил сдерживания будет сокращен. Вместо этого прези-

дент подтвердил соблюдение основных программ: по производству самолетов “Рафаль”, четырех ядерных подводных лодок-ракетоносителей, танка “Леклерк”, вертолетов “Тигр” и “NH-90”.

Кроме того, поддержан выпуск второго авианосца, но он перенесен на конец периода, к началу 2000 годов. Однако, как утверждал министр обороны, еще не ясно, будет ли этот авианосец оснащен ядерной двигательной установкой.

Национальная промышленность должна быть собрана и сконцентрирована вокруг своих наиболее развитых полюсов и технологий, необходимых для нашей безопасности.

Однако глава государства признает, что реорганизация нашей системы обороны должна побудить нас задать себе вопрос об эффективности и конкурентоспособности наших оборонных отраслей производства. Он надеется, что эти отрасли находятся “на очень высоком технологическом, научном и техническом уровнях”. Однако они должны адаптироваться к сужению “национальных и интернациональных рынков”. В таком случае “мы должны перестроиться” за “счет слияния за 2 года наших двух крупных авиапроизводителей “Аэроспасиаль” и “Дассо” и “глобальной приватизации “Томсона”, дабы создать “очень мощный полюс электроники”.

Конечно, шаги по реструктуриализации поставят проблему “обустройства территорий, которые могут рассматриваться как неподготовленные”. Также будет рассмотрен социальный вопрос, касающийся персонала военного производства. Президент республики предусматривает поэтапное обсуждение вопросов размещения военного производства со всеми партнерами. Он убежден, “что серьезные усилия по списанию прежних долгов, по рационализации, по модернизации позволят проявиться “мощным индустриальным амбициям”. В то же время будут приняты все меры, которые “позволят гарантировать будущее рабочих и населения тех территорий, которых это касается”.

Introduction / Armée d'aujourd'hui. 1996. - 208.-
P.3 - 5.

Что изменяется

“Наши вооруженные силы реформировались в течение 10 лет, но не в таком масштабе”.

(из речи Жака Ширака в Военной школе
23.02.96 г.)

Главным свойством национальной службы сегодня является военная служба. В своей современной форме она призвана постепенно раствориться в новой модели профессиональной армии, которая концентрируется на задачах переброски. В рамках обновляемой национальной службы предполагается, однако, внесение вклада молодых людей в дело обеспечения безопасности и обороны, в частности, в рядах национальной жандармерии и в вооруженных силах. Это участие будет представлено в различных формах, которые будут уточняться в ходе дебатов по будущей национальной службе.

Сокращение вооруженных сил.

Переход к модели профессиональной армии будет сопровождаться общим сокращением личного состава приблизительно на 30%. Сухопутные войска составят 170.000 чел. вместо 271.500 чел. (военного и гражданского персонала), которые будут объединены в четыре группы с численностью около 85 полков вместо 129 сегодня. Количество полковых единиц Сухопутных войск, включая полки поддержки и дислоцирующиеся за границей, будет составлять около 110 вместо 180.

ВМФ перейдет от состава 70. 400 чел. к 56. 500 чел и сгруппируется вокруг океанических стратегических сил, сил воздушно-морской переброски и подводных сил. ВВС будет обладать современной авиацией, насчитывающей 300 современных самолетов типа “Рафаль” и личным составом в 70. 000 чел. вместо 94. 000 чел. в настоящее время.

Военное финансирование уменьшается, но уровень обороны Франции не понижается.

Финансовые затраты, предоставленные нацию на свою оборону в рамках проводимой правительством политики государственных расходов, будут сокращены. Новая международная ситуация позволяет это сделать. Продолжая начатые с 1993 года изменения, кредиты на оборону в период ее реформирования с 1997 года, решениями Советов обороны были

установлены в 1995 году в сумме 185 млрд. франков. В кредитовании вооружения наблюдается растущее сокращение на 18% по отношению к сумме, принятой в программном законе 1994 года.

В течение ближайших лет в целях профессионализации и модернизации, необходимых новым классическим силам обороны, приоритет будет отдаваться военному оснащению вооруженных сил, новой военной техникой.

Такой бюджет поддерживает Францию во главе группы европейских государств в области безопасности и обороны.

Новое определение функций вооруженных сил.

Глава государства выразил желание, чтобы впредь в новом контексте нашей безопасности вооруженные силы выполняли четыре функции.

Сдерживание поддерживается на достаточном уровне, но в несколько сокращенном виде.

Предупреждение становится новым приоритетом. Переброска включает большую часть средств вооруженных сил. Защита должна развиваться в пользу новой концепции внутренней безопасности.

Ядерное сдерживание опирается на два компонента.

В соответствии с изложенными весной 1995 года президентом республики направлениями, наземная составляющая нашего сдерживания будет упразднена. Наши стратегические силы в будущем будут основываться на подводных силах, представленных ядерными подводными лодками-ракетоносителями нового поколения и новой стратегической ракетой М-51, а также на воздушном компоненте с новой улучшенной ракетой средней дальности класса "воздух-земля".

Места, составлявшие основу первой фазы в истории создания французских сил сдерживания - плато Альбион, заводы Пьерлатта и Маркуль, центр мирных исследований - будут поэтапно ликвидированы.

Перестройка оборонной промышленности.

Оборонная промышленность будет существенным образом адаптирована к новой модели обороны. Ее структурные элементы будут модернизированы с учетом императивов управления и создания вооружения европейского уровня.

Ce qui change / Armée d'aujourd'hui. - 1996.- '208. - P.6-7.

Профессионализация: ее основания и свойства

На национальной территории понятие безопасности берет верх над понятием военной обороны, а защита населения возлагается главным образом на силы общественной безопасности, а не на вооруженные силы, несмотря на то, что в случае необходимости последние должны оказывать свое действие.

Почему нужна профессионализация? Чтобы отвечать потребностям нашей обороны. Многочисленная армия, которая может создаваться только по призывному принципу, больше не является необходимой в предвидении военной угрозы. Все-таки принуждение к воинской службе более не соответствует современным условиям использования вооруженных сил.

Впервые в своей истории Франция больше не видит непосредственной военной угрозы ни у своих сухопутных границ, ни в непосредственной близости от них. Риск всеобщей европейской войны, требующей участия многочисленных сил, исчез.

Численность войск не является средством противостояния рискам нестабильности в Европе и возникновению главной (ядерной - прим.перев.) опасности. В этом случае наши жизненные интересы будут защищены ядерным сдерживанием, которое сможет также воспрепятствовать распространению оружия массового уничтожения.

Многочисленность войск не является более определяющим для ответа на возможные угрозы.

Вступление наших вооруженных сил в новую международную ситуацию предполагает наличие сил, готовых к немедленному действию, взаимосвязь которых должна быть достигнута до введения их в боевые действия, и которые способны быстро интегрироваться в международную войсковую группировку, иметь практический опыт владения все более сложной техникой, на которой чаще всего основывается превосходство. Поэтому чтобы отвечать растущим военным потребностям решено довести до конца профессионализацию вооруженных сил.

На протяжении многих лет во французских вооруженных силах происходят процессы изменений, которым придал значительный импульс глава государства. Последние оборонные бюджеты свидетельствуют об этом:

- последовательное сокращение численности вооруженных сил, основывающееся, в частности, на уменьшении числа призывников (сокращение до 38. 000 в 1992 - 1993 гг., до 2.902 - в 1995 г. и до 3.378 - в 1996 г.);

- постоянное увеличение личного состава, предполагаемого для использования в экстерриториальных операциях;

- рост в процентном отношении кадрового состава.

Можно сказать, что уже принятые решения на пути к успеху реформы дали некоторые результаты. Однако, речь идет о продолжении и интенсификации этого длительного периода изменений, позволяющего достичь:

- постепенных структурных изменений;

- замещения профессионалами некоторых специалистов, набираемых сегодня по призыву (в частности, в мед. службе);

- социальное сопровождение процессов профессионализации в отношении некоторых категорий военнослужащих, не предполагающее принятия закона об увольнении кадрового состава;

- локальные экономические меры в отношении распускаемых подразделений посредством принятия региональных соглашений по реконверсии, направленных как на военную реструктуриализацию, так и на оборонную промышленность.

Затраты на профессионализацию связаны, главным образом, с выплатой денежного содержания.

Эти дополнительные расходы будут постепенно уменьшаться по мере выполнения военной программы, предусматривающей:

- сокращение личного состава вооруженных сил, в частности, уменьшение числа призывников;

- сокращение структурных и функциональных затрат, связанных с упразднением военных объектов и перегруппировкой частей.

Исходя из оценки стоимости соответствующих вынужденных мер, определяемых различными ставками, полагают, что переход к профессиональной армии может быть эффективным в течение шестилетнего периода. В этот срок необходимо также ввести приемлемый механизм набора в профессиональную армию и организовать использование гражданских лиц в должностях, которые до сих пор занимали военнослужащие по призыву или по контракту.

Наконец, переход к профессиональной армии будет предполагать реорганизацию резервов, ранее предназначенных для увеличения численности личного состава вооруженных сил в пропорциях, соответствующих опасности. Впредь в подобных обстоятельствах планируется использование очень ограниченного числа узких специалистов.

Влияние этих изменений в численности гражданских лиц и военнослужащих будут оценены и обсуждены в соответствующих инстанциях: в рамках верховного совета гражданского персонала и верховного совета военнослужащих.

La professionalisation: ses raisons et ses modalités / Armée d'aujourd'hui - 1996. -¹ 208 - P.26-27.

Военная программа на 1997-2002 годы

Военная программа на 1997-2002 гг. составляет первый этап на пути к реализации новой модели армии, установленной президентом Республики. В отличие от предыдущих эта программа представляет настоящий прорыв. В течение шести лет, определенных законом, наш инструмент обороны будет коренным образом обновлен по трем основным моментам. Прежде всего будет завершена профессионализация и изменен количественный состав армии. Затем на основе постепенного введения в строй техники нового поколения будет осуществлена модернизация вооружения. Наконец, реорганизация нашей оборонной промышленности вокруг индустриальных центров европейского масштаба приведет к улучшению международной конкурентоспособности и к сокращению стоимости программ.

Программа 1997-2002 гг. характеризуется мощными инвестициями в структурную реформу нашего аппарата обороны, который на следующем этапе позволит поднять уровень вводимых современных вооружений для реализации модели армии 2015 года.

Программа гарантирует вооруженным силам ежегодные ресурсы в сумме 185 млрд. франков. В отличие от предшествующей программы, которая включала средства от фондов помощи и использование соответствующих кредитов, программа на 1997-2002 гг. касается исключительно бюджетного

кредитования, то есть опирается на кредиты, предписанные законом по финансированию, принятым парламентом.

Цифра в 185 млрд. фр. выражена по курсу франка 1995 года. Сумма кредитов будет уточняться ежегодно в соответствии с индексом цен, установленных государственным бюджетом. Ресурсы для вооруженных сил будут также защищены от денежной эрозии. Что касается распределяемых средств, то большая часть - 99 млрд. фр. предусматривается на затраты на содержание вооруженных сил (ст. III). Инвестиционные кредиты (ст. V и VI) увеличиваются в свою очередь до 88 млрд. фр.

Точно рассчитанное на каждый год и по категориям количество личного состава военнослужащих и гражданского персонала министерства обороны позволяет предусмотреть организацию перехода от существующей сегодня системы к профессиональной армии.

Военная программа 1997-2002 гг. призвана осуществить исключительные по масштабу изменения. Проводить ее год за годом будут Совет Оборона и Парламент. Кроме того, проект закона уточняет, что правительство ежегодно должно представлять в Парламент доклад о выполнении военной программы. Это намерение вновь вводит в действие механизм, предписанный программным законом 1994 года. Следует добавить, что каждые два года по итогам ежегодного доклада, который может включать пересмотр сроков выполнения военно-промышленных программ, в Парламенте будут проводиться дебаты по выполнению закона.

La programmation militaire pour les années 1997-2002 / Armée d'aujourd'hui. - 1996. - 212. - P.38-40.

Модель армии 2015 года

“Французские вооруженные силы вступили в процесс значительной реорганизации”.

Стратегические направления, которые определили основные характеристики этой новой модели армии, отдают предпочтение функциям предупреждения и переброски войск, а также функции сдерживания, поддерживаемой на уровне достаточности.

Предупреждение включает в себя развитие разведки, особенно космической, и слежение за войсками. Выделение функции переброски приводит к созданию компактных, мобильных, многофункциональных вооруженных сил, оснащенных современной техникой, изначально гарантирующей им тактическое превосходство.

Потребности наличных и многофункциональных сил ведут к профессионализации, новому сокращению срока воинской службы, несовместимой с высокой степенью технического уровня и уровня подготовки, требуемого для таких войск. Желание не увеличивать военный бюджет приводит к значительному сокращению личного состава.

Организацию и структуру вооруженных сил необходимо переосмысливать в контексте совместных требований и обязательств по отношению к международному сообществу.

Самым серьезным изменениям подвергаются Сухопутные войска. Переходя к составу в 170. 000 чел (136. 000 военных и 34. 000 гражданских), чтобы сократить число своих штабов и обслуживающих их элементов, они создадут новую организацию с целью сконцентрироваться на выполнении своих основных оперативных функций. Впредь Сухопутные войска будут делать упор на танковые и механизированные силы, бронетанковые войска быстрого вмешательства и штурмовые силы. При уравновешенном распределении между составами тяжелых (“Леклерк”) и легких танковых войск, поддерживаемых вертолетами “Тигр” и увеличением дальности и точности стрельбы их вооружения, эти средства ведения боя будут усилены оборудованием для наблюдения за местностью и обработки информации.

Военный флот с помощью ядерных подводных лодок-ракетоносителей и средств их обслуживания значительную часть своих сил будет направлять на решение задачи сдерживания. Посредством присутствия, слежения ВМФ с помощью своих кораблей и патрульных самолетов продолжит деятельность по предупреждению. Он поддержит свои усилия по переброске мощной группировки сил с помощью аэроморских, подводных групп и ядерных подводных лодок. Личный состав флота составит 56. 500 чел. (45. 500 военных и 11.000 гражданских). Авианосец “Шарль де Голль” будет оборудован самолетами воздушного дозора “Хоуки”, а также “Рафаль”.

Военно-воздушные силы пойдут по пути развития своей боевой авиации, которая в конечном итоге будет составлять 300 современных многофункциональных самолетов типа “Рафаль”, способных применять самые новые системы вооружения, включая ракеты-перехватчики. Начиная с 2003 года за счет использования современных технических достижений будут расширены возможности транспортной авиации и улучшены ее характеристики по дозаправке в воздухе. Количественный состав ее достигнет 70. 000 чел (63. 000 военных и 7. 000 гражданских).

Совокупность этих мер приведет к свертыванию или сокращению подразделений, размещенных на национальной территории или за границей. В целом личный состав вооруженных сил будет сокращен на 30%.

Вместо этого будет увеличен личный состав жандармерии с учетом ее новой роли в защите и безопасности национальной территории.

Особые усилия будут направлены на взаимозависимость наших войск, способствуя взаимодополняемости внутри вооруженных сил. С другой стороны, предметом пристального внимания будут возможности наших военных средств действовать с себе подобными, находящимися у союзников, а также наши средства общевойскового командования и коммуникационные средства, перебрасываемые за пределы национальной территории.

“Мы должны создавать армию не на основе наших привычек, а в соответствии с нашими потребностями”. Генерал де Голль, 1932 г.

Европейские силы, чаще привлекаемые к взаимодействию, так же как и мы должны будут искать пути наилучшей экономики средств, добываясь их концентрации и координации.

Таким образом, французские вооруженные силы вступили в процесс значительной реорганизации. 10-летний период будет достаточным, чтобы осуществить профессионализацию вооруженных сил, максимально соблюдая интересы представителей оборонной сферы и поддерживая оперативные способности военного инструмента.

Le modèle d'armée 2015 / Armée d'aujourd'hui. - 1996. -№ 208 - P.20-22._

Перевод и публикации С.Климова

Приложение

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ АРМИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

МИФ О “ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АРМИИ” США

В последние годы, начиная с перестройки, в СССР и России стало модным для углубления аргументации в любой, в том числе военной, области ссылаться на зарубежный опыт.

Много ссылок на иностранный опыт можно встретить и в ходе ведущейся вот уже почти десятилетие дискуссии о путях реформирования сначала советской, а затем и российской армии.

Однако даже не очень глубокое знакомство с практикой зарубежного военного строительства сразу же показывает, что **никто** у нас (включая и военную разведку) серьезно опыт других стран не изучал и не изучает, а частые ссылки на этот опыт в спорах о путях военной реформы в России рассчитаны главным образом на невежество и оппонентов.

Попробую проиллюстрировать этот тезис на примере шумного лозунга “Даешь профессиональную армию!”, нашедшего свое воплощение в указе Президента России № 722 от 16 мая 1996 года “О переходе к комплектованию должностей рядового и сержантского состава Вооруженных Сил и других войск Российской Федерации на профессиональной основе”.

Если отбросить словесную шелуху, то из этого лозунга и указа № 722 нетрудно понять, что в сущности под созданием профессиональной армии имеется в виду всего лишь переход к стопроцентному комплектованию армии путем вербовки (контракта).

Никто, конечно, не может запретить нам называть простой контрактный способ комплектования “профессионализацией” армии. В конце концов, мы вправе давать своим русским словам те значения, которые нас устраивают.

А вот называть американскую армию профессиональной, как это делают сплошь и рядом российские политики, журналисты и военные, — по крайней мере не корректно. Ибо это означает навязывание своих доморощенных представлений английскому языку и другой, весьма сложной, а во многом и уникальной военной культуре США.

Дело в том, что американцы не только не называют и никогда не называли свою армию профессиональной, но и не считают ее таковой. Для этого достаточно ознакомиться с офи-

циальными документами правительства США и Пентагона. Ни в одном из них вы не встретите термина *“профессиональная армия”* применительно к американским вооруженным силам. Впрочем, применительно к армиям других государств тоже. Нет термина *“профессиональная армия”* или *“профессиональные вооруженные силы”* и в официальных словарях-гlossариях, издаваемых американским Министерством обороны и Комитетом начальников штабов. Так же как нет его в *“Международной военной и оборонной энциклопедии”*, выпущенной в Вашингтоне в 1993 году издательством *“Брэсси”с* под редакцией полковника в отставке армии США Тревора Н. Дюпуи.

Что касается отказа США от воинской повинности с 1 июля 1973 года, то он назывался отнюдь не переходом к комплектованию армии США *“на профессиональной основе”* (как в указе президента России № 722), а переходом к комплектованию вооруженных сил на полностью добровольной основе. Кстати, с 1 июля 1973 года американская армия стала официально именоваться *“Вседобровольческими вооруженными силами”* (*All-Volunteer Armed Force*), сокращенно *AVF*.

Американские военные, включая аналитиков Пентагона и военных ученых, искренне изумляются, когда узнают, что в России американскую армию называют профессиональной. И уж только полное недоумение у них могут вызвать такие, например, высказывания президента России Б.Ельцина, сделанные им 28 мая 1996 г. во время посещения 205 мотострелковой бригады в Чечне:

*“Пришло время профессиональной армии... Лучше иметь всего несколько десятков дивизий, но которые **полностью укомплектованы профессионалами** (подчеркнуто мною - В.Ш.), привыкшими к военной службе и знающими ее”.*

Недоумение американцев можно понять, если ознакомиться с принятыми в США взглядами на профессионализм вообще и военный профессионализм в особенности.

Причина в том, что слова *“профессионал”*, *“профессиональный”* имеют в английском языке иное значение, чем в русском, гораздо более конкретное и в чем-то даже уникальное. Это у нас их употребляют направо и налево (*“профессиональный политик”*, *“профессиональный наемник”* и т.д.), и всякий, считающий себя специалистом в своем деле, называет себя профессионалом.

В русском языке профессия — это прежде всего род трудовой деятельности, требующий определенной подготовки и являющийся основным источником существования. У нас даже в словарях указывается, что слово “профессия” происходит от латинского “*professio*”, которое переводится как “объявляю своим делом”.

Американцы тоже изредка употребляют слово “*профессиональный*” в отношении рода занятий, но только как противопоставление любительству, в основном в спорте (“*профессиональный футбол*”).

Основное же его значение другое, в русском языке не употребляемое, и латинское “*professio*” американские словари толкуют совершенно иначе, а именно как “*публичное торжественное заявление*”, “*обет*”.

Американец, например, никогда не скажет, что он “*профессиональный политик*” или “*профессиональный журналист*”. И дело здесь не в нелюбви к слову “профессиональный”. Наоборот, огромное уважение к профессионализму привело к тому, что называть себя “*профессионалами*” имеют право лишь избранные, отвечающие жестким объективным критериям.

И если американец в ответ на вопрос, чем он занимается (спросить американца, какова его профессия - при буквальном переводе слова на английский - означает натолкнуться на полное непонимание) вдруг заявит, что он — профессионал, то это означает почти наверняка, что перед вами или священник, или врач, или юрист.

Точно так же, услышав или прочитав на английском языке слова “*профессиональный солдат*”, “*профессиональный военный*” (а эти слова, в отличие от выражения “*профессиональная армия*”, в США употребляются очень часто) не следует делать вывод, что имеются в виду военнотрудовые добровольцы (контрактники). Ибо речь в данном случае может идти только об офицерах (реже сержантах), и то далеко не всех.

Объясняется это тем, что в США понятия “*профессия*”, “*профессионализм*” жестко фиксированы.

Непременными атрибутами этих понятий являются компетентность (наличие специальных знаний и образования), чувство ответственности и призвания, корпоративность (принадлежность к той или иной корпоративно-бюрократической

структуре) и самоуправление. В свою очередь, эти атрибуты вполне конкретны по содержанию.

Компетентность. По американским взглядам, профессионал — это эксперт, обладающий специальными знаниями и мастерством в общественно значимой сфере человеческой деятельности. Его компетентность приобретается только путем продолжительной учебы и опыта. Это — основа объективных критериев оценки профессиональных способностей человека, позволяющих освободить профессию от непрофессионалов, а также определить относительные способности представителей данной профессии.

Обычные умение и мастерство существуют лишь в настоящем и усваиваются в процессе изучения и освоения существующих технологий и навыков без соотнесения с тем, как это делалось прежде. В противоположность этому профессиональные знания по своей природе интеллектуальны, у них есть своя история, а знание этой истории существенно важно для профессиональной компетентности. Необходимым условием продолжения и передачи профессиональных знаний являются также образовательные и исследовательские учреждения. Контакты между академической и практической сторонами профессии поддерживаются посредством журнальных публикаций, проведения научных конференций, обмена кадрами между практическими и учебными учреждениями и т.д.

Эталон профессионализма служат так называемые *“ученые профессии”* (*“learned professions”*). Вот как определяет их толковый словарь Уэбстера:

“Ученые профессии — это одна из трех профессий — теология, юриспруденция, и медицина, — традиционно ассоциирующихся с интенсивной учебой и эрудицией; в широком смысле — всякая профессия, для приобретения которой считается необходимым академическое образование”.

Профессиональная компетентность является частью общей культурной традиции общества. Профессионал может успешно применять свои знания лишь осознавая себя частью этой более широкой традиции. Соответственно, профессиональное образование состоит из двух ступеней: первой, включающей широкую либеральную (общекультурную) подготовку, и второй, предоставляющей специальные знания по профессии. Либеральное образование профессионала обычно приобретается в общеобразовательных учреждениях. Вторая, техниче-

ская фаза профессионального образования предполагает уже наличие специализированных учебных заведений.

Чтобы уяснить всю бездну между советским (постсоветским) и американским понятием профессионального образования достаточно вспомнить, какое образование дают наши профессионально-технические училища.

Вторая неотъемлемая черта профессионализма — **чувство ответственности и призвания**.

Профессионал — это специалист-практик, предоставляющий обществу услуги, такие как здравоохранение, образование, правовая или военная защита, которые существенно важны для функционирования общества. Особенностью всякой профессии является то, что ее клиентом выступает именно общество, как в целом, так и в лице отдельных своих индивидов. По американским взглядам, химик-исследователь, например, не является профессионалом, поскольку его деятельность хотя и полезна для общества, не является жизненно важной для его непосредственного существования и функционирования. В то же время существенно важный для общества характер услуг профессионала и его монополия на них налагают на профессионала обязанность предоставлять свои услуги по требованию общества. Эта ответственность перед обществом отличает профессионала от других специалистов, чей род занятий связан только с интеллектуальным мастерством. Химик-исследователь, к примеру, по прежнему остается химиком-исследователем, даже если он решит применить свои знания в антиобщественных целях.

Именно обязанность служить обществу и преданность своему призванию составляют главную мотивацию профессионала¹. Финансовая мотивация не может быть его основной целью, если он настоящий профессионал. Следовательно, материальная компенсация профессиональной деятельности лишь отчасти диктуется договорными отношениями на открытом рынке труда и в решающей степени регулируется законом, а также профессиональными правилами и обычаями.

Оказание важных услуг, не диктуемых рыночными отношениями, требует выработки определенных профессиональных кодексов поведения, регулирующих отношения между профессионалами и остальной частью общества. Такие кодексы необходимы прежде всего для предотвращения конфликтов между профессионалами и обществом, а также и между са-

ними профессионалами. Кодексы поведения могут иметь как форму набора неписаных норм, передаваемых через систему профессионального образования, так и форму письменных канонов профессиональной этики.

Третья необходимая черта профессионализма — **корпоративность и самоуправление**.

Отличительной чертой профессионализма является, наконец, и то, что между членами одной профессии существует так называемое “чувство органичного единения”, попросту — коллективизма. Члены одной профессии отчетливо осознают себя в качестве группы, отличной от непрофессионалов и членов других профессий. Это коллективное чувство является результатом длительных совместных тренировок и сотрудничества, а также осознания своей уникальной социальной ответственности. Чувство принадлежности к одной профессии находит свое оформление в виде профессиональных организаций, которые устанавливают систему правил и предписаний для своих членов, а также определяют критерии эффективности их деятельности.

Профессиональные организации существуют либо в виде ассоциаций, либо в виде бюрократических структур. В профессиональных ассоциациях, таких как медицинская или юридическая, практикующий врач или юрист обычно работают самостоятельно и имеют прямые личные отношения со своим клиентом. Бюрократическим профессиям, таким как дипломатическая или военная служба, профессия в целом представляет свои услуги обществу как единое целое.

Важность формальной принадлежности к профессиональным организациям диктуется высоким статусом членства в них. В США бизнесмен может быть намного богаче врача или офицера, политик может иметь гораздо больше власти, а скульпторы, артисты, представители средств массовой информации пользоваться несравненно большей известностью. Однако профессионал превосходит их всех в одном — в уважении, которым он пользуется со стороны общества.

По американским взглядам, военная профессия обладает всеми теми же тремя вышеназванными “родовыми” чертами всякой профессии — компетентностью, чувством ответственности, корпоративностью. Однако каждая из них в силу специфики военной службы имеет свои особенности.

Сторонники создания российской профессиональной армии, ссылающиеся в качестве примера на “*профессиональную*” армию США, полностью игнорируют тот факт, что, по американским взглядам, отнюдь не всякий американец, служащий в армии по контракту, имеет право считать себя или называться профессионалом.

Так, по взглядам наиболее последовательного апологета военного профессионализма Сэмюэла Хантингтона, профессионалом может считаться только офицер, который по словам Хантингтона, является экспертом по “управлению насилием”. Именно такая черта, по его мнению, отделяет военного профессионала от офицеров других специальностей (инженеров, техников, тыловиков и т.д.). Их мастерство, по Хантингтону, необходимо для достижения задач, поставленных перед вооруженными силами, однако их специальности являются вспомогательным видом занятий, относящимся к компетентности офицера-профессионала так же, как мастерство медсестры, аптекаря, лаборанта или рентгенолога относятся к компетентности врача. Все эти офицеры, которые не являются специалистами по управлению насилием, принадлежат к офицерскому корпусу лишь в качестве его административной организации, но отнюдь не как профессиональной общности.

Хантингтон категорически отрицает профессионализм рядового состава. Вот как он объясняет эту точку зрения в своем ставшем классическим труде “Солдат и государство”, впервые вышедшем в 1957 году и с тех пор неоднократно переиздававшемся.

“Солдаты и сержанты, подчиняющиеся офицерскому корпусу, являются частью организационной, но не профессиональной бюрократии. Они не обладают ни интеллектуальными знаниями, ни чувством профессиональной ответственности офицера. Они — специалисты по применению насилия, но не по управлению им. Их род занятий представляет собой ремесло, а не профессию. Это фундаментальное различие между офицерами и рядовым и сержантским составом находит свое выражение в четкой разделительной линии, которая существует между теми и другими во всех армиях мира. Если бы этой разделительной черты не было, то тогда стало бы возможным существование единой военной иерархии от рядового до офицера самого высокого ранга. ...Однако имеющиеся различия между офицером и рядовым исключают переход из

одного уровня на другой. Отдельным представителям рядового и сержантского состава иногда все же удается дослужиться до офицерского звания, однако это скорее исключение, чем правило. Образование и подготовка, требующиеся для того, чтобы стать офицером, в нормальных условиях несовместимы с длительной службой в качестве рядового или сержанта”.

Правда, отдельные военные исследователи признают наличие элементов профессионализма у так называемых “карьерных” сержантов (то есть сержантов, получивших многолетнюю подготовку и служащих на сержантских должностях вплоть до выхода на пенсию) и даже иногда употребляют термин “профессиональный сержант”. Однако полноценными профессионалами сержанты не считаются.

Так, другой известный американский специалист по военному профессионализму Сэм Саркесян пишет:

“Понятия военная профессия и военный профессионал относятся прежде всего к офицерскому корпусу. Профессиональные сержанты и уоррент-офицеры играют важную роль, но форма и содержание профессионального этоса, а также отношения между военными и обществом определяются главным образом офицерским корпусом”².

Профессионализм рядового состава, независимо от того, комплектуется он на призывной или контрактной основе, отрицают не только американские, но и многие европейские военные эксперты. Английский исследователь Гвен Хэррис-Дженкинс отмечает:

“Концепция военной профессии традиционно ассоциируется с офицерами, а не рядовым составом. Причина этого понятна. Тот специфический набор ценностей и норм поведения, который образует профессиональный этос, является преобладающим среди офицеров, редко встречается среди сержантского состава и, как принято считать, не существует среди рядовых военнослужащих”³.

Не относят американцы к профессиональным солдатам и офицеров-резервистов. По мнению такого жесткого блюстителя чистоты военного профессионализма как Хантингтон, резервист только временно принимает на себя профессиональную ответственность. Его основные функции и знания находятся вне армии. В результате этого мотивация резервиста, его поведение и система ценностей чаще всего заметно отличаются от стандартов офицера-профессионала.

Еще одна причина, почему американцы не называют, да и не могут называть и считать свою армию профессиональной, заключается в том, что значительная часть вооруженных сил США носит милиционный характер. Речь идет о Национальной гвардии, являющейся неотъемлемым компонентом американских сухопутных войск и ВВС.

Вторая поправка к Конституции США гласит: “Так как для безопасности свободного государства необходима хорошо устроенная милиция, то право народа хранить и носить оружие не будет ограничиваться”. Национальная гвардия по сути и является, несмотря на свое суперсовременное вооружение, тем народным ополчением (милицией), необходимость существования которого отцы-основатели Соединенных Штатов считали гарантией сохранения американской демократии. Именно поэтому национальная гвардия комплектуется по территориальному принципу и находится в двойном подчинении — правительства и местных органов власти (штатов).

Я думаю, этих примеров достаточно для того, чтобы понять, почему американцы так недоумевают, когда узнают, что в России их армию называют профессиональной.

Выводы

Я надеюсь, что из вышесказанного ясно, что господствующее в России представление об американской армии как профессиональной не имеет ничего общего с собственно американскими взглядами на этот счет. Для американцев сам термин “*профессиональная армия*” носит в значительной мере негативный характер. Как пишет Хантингтон, фразы вроде “*профессиональная армия*”, “*профессиональный солдат*” затемняют различия между карьерным рядовым или сержантом, кто профессионален в том смысле, что он служит за деньги, и карьерным офицером, профессионализм которого носит принципиально другой характер и состоит в служении «более высокому призванию» на службе обществу.

В тех случаях, когда американские исследователи используют термин “*профессиональная армия*”, они имеют в виду главным образом наемные армии, существовавшие до XIX века, который они считают веком зарождения и победы военного профессионализма в армиях ведущих государств мира.

Значит ли это, что американцы отрицают возможность существования профессиональных армий, в том числе и амери-

канской, в будущем? Нет, не значит. Правда, серьезных дискуссий на эту тему в американской военной литературе мне не встретилось, хотя я, естественно, не претендую, что просмотрел ее всю. Но в частных беседах и на научных семинарах, в которых мне приходилось участвовать, они вполне допускают такую возможность. Однако не как возврат к наемным армиям прошлого, а как следующую ступень развития военного профессионализма. Так, известный военный теоретик и бывший командующий сухопутными войсками США генерал Карл Вуно предвидит создание профессиональной армии как высший уровень трехступенчатого развития современных армий. Первая ступень — это призывная армия, вторая ступень — добровольческая армия (то есть нынешняя армия США). Третьей ступенью должна стать профессиональная армия.

Насколько я могу судить, сколько-нибудь конкретный облик такой профессиональной армии будущего в США еще не сформировался. Это понятно, учитывая, с какими огромными трудностями сопряжено создание такой армии, исходя из существующих американских взглядов на военный профессионализм. Формирование такой армии, по-видимому, потребовало бы и радикальных изменений в Конституции США (отказ от национальной гвардии), и изменения всей системы комплектования и военного образования (доведение уровня знаний и подготовки рядового и сержантского состава до уровня профессионального офицера, привитие рядовым и сержантам профессиональной этики и т.д.). Ясно, что практически такие задачи сейчас американское общество перед собой ставить не может и даже само их широкое обсуждение политически взрывоопасно.

Приходится признать, что миф о современной американской *“профессиональной армии”* имеет местное, советское происхождение. Он возник в конце 80-х - начале 90-х годов и был привнесен в общество политиками и публицистами так называемой *“демократической волны”* (вспомним очерки в *“Огоньке”* Артема Боровика об американской армии) и подхвачен молодыми офицерами-депутатами Верховного Совета СССР, выдвинувшими идею создания советской профессиональной армии (т.н. *“проект Лопатина”*).

Надо сказать, что сами Вооруженные Силы были застигнуты врасплох подобными лозунгами и проектами (как, впрочем, и последующими событиями, включая развал СССР). Ведь у

них не было ни малейшего представления о том, что такое профессиональная армия. Об уровне знаний в этом вопросе можно судить хотя бы по настольной книге советского офицера 70-х - 80-х годов — восьмитомной “Советской военной энциклопедии”. Желая узнать, что такое “*профессиональная армия*”, составители энциклопедии отсылали к статье “Теория малых армий”. В ней говорится, что это “теория, в основе которой лежала идея достижения победы в войне с помощью немногочисленных технически высокооснащенных профессиональных армий. Возникла в западных капиталистических странах после I-ой мировой войны 1914-1918 гг.. Сторонники малых профессиональных армий выполняли социальный заказ империалистов, боявшихся массовых вооруженных сил, укомплектованных рабочими и крестьянами, переоценивали роль оружия и военной техники в войне. <...> Теория «малых армий», как не имевшая под собой реальной почвы, не была принята в качестве официальной ни в одной стране, т.к. объективные закономерности развития военного дела требовали создания массовых армий”⁴.

Таким образом, важнейшая задача военной реформы — повышение военного профессионализма армии в его современном, западном понимании была подменена сравнительно второстепенной и весьма спорной в российских условиях идеей сплошного перевода армии на контрактную систему комплектования.

Ясно, что при таком уровне знаний о профессиональных армиях общество оказалось совершенно не готовым к ведению осмысленной дискуссии о военном профессионализме. Будем надеяться, что выход этого выпуска “Российского военного сборника” положит начало серьезному обсуждению давно назревшей проблемы.

См.: **Офицер Вооруженных сил.** - Министерство обороны США, Информационная служба. Пер. с англ. Ред. к.и.н. В.Ф.Нэх. - М., 1996.

Статья “Военный профессионализм” из “Международной военной и оборонной энциклопедии”, под ред. Тревора Н. Дюпуи. Вашингтон, Изд-во Брэсси’с. 1993 г. - Т. 5. - С. 2194. (На англ. языке).

Там же. - Т. 1. - С. 188. (Статья “Вооруженные силы и общество”).

Советская военная энциклопедия.- М.: Воениздат, 1978. - Т. 5. -С.104.

В.Шлыков

ВЗГЛЯДЫ НА ВОЕННЫЙ ПРОФЕССИОНАЛИЗМ В США

Сэмюэл Хантингтон

Офицерская служба отвечает основным критериям профессионализма. На самом деле ни одно из профессиональных занятий, даже медицина и право, не обладают всеми идеальными характеристиками профессии. Офицерство [*officership*],* вероятно, еще далее отстоит от идеала, чем последние две профессии. Однако его изначальная природа как профессии несомненна. Фактически, офицерство становится наиболее сильным и эффективным, когда ближе всего приближается к идеалу профессии; а наиболее слабым и несовершенным, — когда более всего удаляется от этого идеала.

Компетентность офицерства

Что составляет особую компетентность военного офицера? Существует ли какое-либо специальное умение, присущее всем военным офицерам, но не свойственное ни одной из гражданских групп? На первый взгляд так дело не обстоит. Офицерский корпус включает в себя массу разных специалистов, многие из которых имеют своих двойников в гражданской жизни. Инженеры, доктора, летчики, снабженцы, кадровики, разведчики, связисты — все они могут быть обнаружены как в составе современного офицерского корпуса, так и вне его. Даже не принимая во внимание этих технических специалистов, каждый из которых углублен в свою собственную область знаний, уже одно общее деление корпуса на сухопутных, морских и военно-воздушных офицеров создает обширные различия между ними по исполняемым функциям и необходимому мастерству. Как представляется, капитан крейсера и

* В англо-русских словарях термин *officership* обычно переводится как: 1) офицерское звание, 2) офицерская должность, 3) офицерская служба. С другой стороны, одним из основных значений суффикса *-ship* является обозначение профессии или общественного положения. Поэтому далее по тексту книги термин *officership* будет переводиться как “офицерская служба” или “офицерство”. При этом термин “офицерство” употребляется не в традиционных значениях: офицеры или офицерское звание, а в значении *военная профессия, профессия офицера*. - А.Б.

командир пехотной дивизии сталкиваются с совершенно разными проблемами, что требует от них абсолютно различных способностей.

Но все же существует явная область военной специализации, свойственная всем, или почти всем офицерам, и отличающая их ото всех, или почти ото всех гражданских. Этот род мастерства, пожалуй, лучше всего обозначен во фразе Гарольда Лессуэлла [*Harold Lasswell*] “управление насилием”*. Функциональной задачей военной силы является ведение успешных боевых действий. Обязанности военного офицера включают: (1) организацию, оснащение и обучение этой силы; (2) планирование ее деятельности и (3) руководство ее действиями в бою и вне его. Особый талант офицера проявляется в руководстве, управлении и контроле организованной массой людей, чьей основной функцией является применение насилия. Все это в равной мере относится к деятельности военно-воздушных, сухопутных и морских офицеров, отличает военного офицера от других специалистов, существующих в современных вооруженных силах. Их мастерство может быть необходимым для достижения задач, поставленных перед военной силой. Но это в основном вспомогательные виды занятий, относящиеся к компетентности офицера так же, как мастерство медсестры, аптекаря, лаборанта, диетолога, фармацевта и рентгенолога относится к компетентности врача. Ни один из вспомогательных специалистов, привлекаемых к военной службе либо состоящих на ней, не способен “управлять насилием” так же, как ни один из специалистов, помогающих в медицинской профессии, не способен диагностировать и лечить болезни. Сущность офицерства выражена в традиционном наставлении слушателям Аннаполиса о том, что их обязанностью будет “вести морское сражение”. Тех людей, которые, подобно врачам, не владеют мастерством “управления насилием”, но являются членами офицерского корпуса, обычно отличают особые титулы и знаки различия, и они не допускаются на командные должности. Они принадлежат к офицерскому корпусу как административной организации государства, но не в качестве профессиональной общности.

* Управление насилием [*management of violence*] здесь следует понимать как умение подготавливать и применять вооруженное насилие.- А.Б.

В рамках самой профессии есть специалисты по управлению насилием на море, на суше и в воздухе, так же, как в медицине есть специалисты по лечению сердечных, желудочных и глазных болезней. Военный специалист — это офицер, в наибольшей степени подготовленный для управления применением насилия в определенных условиях. Разнообразие условий, в которых может применяться насилие, а также различные формы применения насилия определяют специализацию внутри данной профессии. Они также образуют основу для оценки соответствующих технических способностей. Чем более крупными и сложными организациями для осуществления насилия способен управлять офицер, чем шире диапазон ситуаций и условий, в которых он может быть использован, тем выше его профессиональное мастерство. Человек, способный руководить действиями лишь пехотного отделения, обладает столь низким уровнем профессиональных умений, который ставит его на самую грань профессионализма. Человек, который может управлять действиями воздушно-десантной дивизии или авианосной маневренной группы, — высококвалифицированный профессионал. Офицер, который может руководить сложными действиями в ходе общевойсковой операции с участием крупных морских, воздушных и сухопутных сил, находится на высшей ступени своей профессии.

Совершенно очевидно, что военная деятельность требует высокой степени компетентности. Ни один человек, какими бы врожденными способностями, свойствами характера и качествами руководителя он ни обладал, не может осуществлять эту деятельность эффективно без значительной подготовки и опыта. В чрезвычайных обстоятельствах неподготовленное гражданское лицо может оказаться способным выполнять обязанности военного офицера в низовом звене в течение короткого времени, равно как непрофессионал в чрезвычайной ситуации может заместить врача до его приезда. До того, как управление насилием приобрело характер чрезвычайно сложного дела, свойственный ему в современной цивилизации, офицерством мог заниматься кто-либо без специальной подготовки. Однако сегодня лишь тот, кто все свое рабочее время посвящает этому делу, может надеяться на достижение значительного уровня профессионального мастерства. Профессия офицера — это не ремесло (преимущественно техническое) и не искусство (требующее уникального таланта, кото-

рый невозможно передать другим). Это необыкновенно сложное интеллектуальное занятие, требующее всестороннего обучения и тренировки. Следует помнить, что особое мастерство офицера заключается в управлении насилием, но не в осуществлении насилия как такового. Стрельба из винтовки, например, — это в основном техническое ремесло; руководство действиями стрелковой роты — совершенно иной вид умения, которое может быть частично почерпнуто из книг и частично из практики и опыта. Интеллектуальное содержание военной профессии требует от современного офицера посвящать примерно треть своей профессиональной жизни организованному обучению — вероятно, самое высокое соотношение между временем на обучение и на практику, чем в любой иной профессии. Отчасти это отражает ограниченные возможности офицера в получении практического опыта в наиболее важных составляющих его профессии. Но в значительной мере это также отражает крайне сложный характер военной компетентности.

Особое мастерство военного офицера универсально в том смысле, что на его суть не влияют изменения по времени и местоположению. Точно так же, как квалификация хорошего хирурга одинакова и в Цюрихе, и в Нью-Йорке, одинаковые критерии военного мастерства применяются и в России, и в Америке, и в девятнадцатом веке, и в двадцатом. Общие профессиональные умения — это узы, связывающие военных офицеров, несмотря на иные различия. Офицерская профессия, кроме того, имеет свою историю. Мастерством управления насилием нельзя овладеть просто изучая современные методики. Это мастерство находится в процессе постоянного развития, и офицер должен понимать эту эволюцию, быть в курсе ее основных тенденций и направлений. Лишь в том случае, если он осведомлен об истории развития методики организации и руководства военными силами, офицер может рассчитывать остаться на вершине своей профессии. Важность изучения истории войн и военного дела постоянно подчеркивается в военных трудах и военном образовании.

Для овладения военным мастерством требуется широкое общекультурное образование. Способы организации и применения насилия на любом этапе истории очень тесно связаны с общими культурными особенностями общества. Так же, как границы права пересекаются с границами истории, политики,

экономики, социологии и психологии, то же относится и к военному мастерству. Более того, военные знания пересекаются с естественными науками, такими как химия, физика и биология. Для должного понимания своего дела офицер должен представлять, каким образом оно связано с другими областями знаний, а также как эти области знаний могут способствовать его собственным целям. К тому же он не сможет понастоящему развить свои аналитические способности, интуицию, воображение и рассудительность, если будет тренироваться только лишь в исполнении профессиональных обязанностей. Способности и свойства ума, которые нужны ему в рамках его профессии, в значительной мере могут быть получены лишь на более широком пути познания вне его профессии. Так же, как адвокат и врач, офицер постоянно имеет дело с людьми, что требует от него глубокого понимания человеческих особенностей, мотивации, поведения, а это достигается либеральным образованием. Так же как общее образование стало предпосылкой овладения профессиями правоведа и врача, сегодня это почти повсеместно признается желательным элементом подготовленности профессионального офицера.

Ответственность офицера

Компетентность офицера налагает на него особую ответственность перед обществом. Беспорядочное применение офицером своих знаний в его собственных интересах может разрушить общественный строй. Как и в случае с медицинской практикой, требуется, чтобы управление насилием применялось только в одобренных этим обществом целях. Общество прямо, постоянно и в целом заинтересовано в использовании знаний и умений офицера для укрепления своей военной безопасности. Все профессии в той или иной мере регулируются государством, но военная профессия им монополизирована. Мастерство врача — в умении поставить диагноз и лечить; в его ответственности — здоровье его клиентов. Мастерство офицера — в управлении насилием; он несет ответственность за военную безопасность своего клиента — общества. Реализация этой ответственности требует совершенного владения профессиональным мастерством; совершенное владение мастерством предусматривает принятие на себя ответственности. Сочетание ответственности и мастерства

отличают офицера от других социальных групп. Все члены общества заинтересованы в безопасности. Прямой заботой государства является достижение этой цели наряду с иными общественными целями; но лишь офицерский корпус отвечает за военную безопасность и ни за что другое.

Имеет ли офицер профессиональную мотивацию? Ясно, что экономические стимулы движут им не в первую очередь. В западном обществе офицерская профессия не является высокооплачиваемой. И профессиональное поведение офицера не управляется экономическими поощрениями и наказаниями. Офицер — не наемник, который предлагает свои услуги там, где за них больше заплатят; но он и не гражданин-солдат, вдохновленный сильным кратким патриотическим порывом и долгом, но не имеющий устойчивого и постоянного желания добиваться совершенства в овладении мастерством управления насилием. Движущими мотивами офицера являются любовь к своей специальности, а также чувство социальной ответственности за применение этой специальности на пользу обществу. Сочетание этих двух устремлений и образует его профессиональную мотивацию. Общество, со своей стороны, может лишь поддержать эту мотивацию, предлагая своим офицерам регулярную и достаточную оплату как на активной службе, так и в отставке.

Мастерство офицера интеллектуально, овладение им требует напряженных занятий. Но в отличие от юриста или врача офицер — не преимущественно кабинетный теоретик; он постоянно имеет дело с людьми. Проверкой его профессиональных способностей служит применение технических знаний в условиях человеческой деятельности. Но поскольку это применение не регулируется экономическими средствами, офицеру требуются позитивные указания, проясняющие его обязанности в отношении таких же, как он офицеров, его подчиненных, его начальников и в отношении государства, которому он служит. Его поведение внутри военной организации управляется сложной системой уставов, обычаев и традиций. Его поведение в отношении общества управляется осознанием того, что его мастерство может быть применено лишь для достижения целей, которые общество одобряет через своего политического агента — государство. Если врач ответственен прежде всего перед своим пациентом, а юрист — перед своим клиентом, то главная ответственность офицера — перед госу-

дарством. Он отвечает перед государством как компетентный советник. Так же, как юрист и врач, он заботится об одной из сторон деятельности своего клиента. Поэтому он не может навязывать своему клиенту решений, выходящих за рамки его особой компетенции. Он может лишь разъяснить клиенту его нужды в этой области, дать рекомендации по удовлетворению нужд, а после того, как клиент примет решения, — содействовать ему в их выполнении. В определенное мере управление поведением офицера в отношении государства осуществляется посредством ясных принципов, выраженных в законе и сравнимых с канонами профессиональной этики врача или юриста. Но в большей мере офицерский кодекс выражен в обычаях, традициях и сохраняемом профессиональном духе.

Корпоративный характер офицерской профессии

Офицерство — это государственная бюрократическая профессия. Законное право практики в этой профессии ограничено членами четко определенной организации. Присвоение первичного звания для офицера — то же, что для врача — выдача лицензии. Однако по своей природе офицерский корпус — нечто большее, нежели просто созданная государством общность. Функциональные требования по обеспечению безопасности порождают сложную профессиональную структуру, которая сплачивает офицерский корпус в самостоятельную общественную организацию. В эту организацию могут попасть только те, кто имеет необходимые образование и подготовку, а также обладает минимальным уровнем профессионального мастерства. Корпоративная структура офицерского корпуса включает в себя не только официальную бюрократию, но также общества, ассоциации, школы, журналы, обычаи и традиции. Профессиональный мир офицера стремится включить в себя необычайно большую часть его деятельности. Как правило, офицер живет и работает отдельно от остального общества; у него, пожалуй, меньше непосредственных и общественных контактов, не связанных с профессией, чем у большинства других профессионалов. Разграничение между ним и непрофессионалом, или гражданским человеком официально обозначено военной формой и знаками отличия.

Офицерский корпус — это и бюрократическая профессия, и бюрократическая организация. Внутри профессии уровни

профессионального мастерства разграничены иерархией воинских званий; в рамках организации обязанности различаются по должностному положению. Звание является личной характеристикой, отражающей профессиональные достижения, выраженные в терминах опыта, старшинства, образования и способностей. Присвоение званий, как правило, осуществляется внутри самого офицерского корпуса на основе общих правил, установленных государством. Назначения на должность обычно в большей степени подвержены внешнему влиянию. Во всех бюрократических структурах властные полномочия определяются должностным положением. В профессиональной бюрократии пригодность для назначения на должность зависит от звания. Офицер может исполнять определенный круг обязанностей в соответствии со своим званием; но он не получает звания вследствие назначения на определенную должность. Хотя на практике существуют исключения из данного правила; профессиональный характер офицерского корпуса обеспечивается приоритетом иерархии званий над иерархией должностей.

Обычно в состав офицерского корпуса входит некоторое число непрофессиональных “резервистов”. Это связано с изменяющейся потребностью в количестве офицеров, а также с невозможностью для государства постоянно содержать офицерский корпус в размерах, необходимых в чрезвычайных ситуациях. Резервисты представляют собой временное дополнение офицерского корпуса и представляются к присвоению воинских званий в соответствии с образованием и подготовкой. Будучи членами офицерского корпуса, они, как правило, обладают всеми полномочиями и обязанностями, свойственными профессионалу в таком же звании. Вместе с тем, между ними и профессионалами сохраняются юридические отличия, и вступление в постоянный офицерский корпус значительно больше ограничено, чем вступление в резервистский корпус. Резервистам редко удается достигать такого уровня профессионального мастерства, который открыт для карьерных офицеров; поэтому основная масса резервистов пребывает в низших эшелонах профессиональной бюрократии, в то время как высшие эшелоны монополизированы карьерными профессионалами. Последним, как постоянному элементу военной структуры и вследствие их более высокой профессиональной компетентности, обычно поручается обучение и прививание

резервистам профессионального мастерства и традиций. Резервист лишь на время принимает на себя профессиональную ответственность. Его основные обязанности находятся в обществе, вне армии. В результате его мотивация, его поведение и система ценностей чаще всего заметно отличаются от стандартов карьерного профессионала.

Солдаты и сержанты, подчиняющиеся офицерскому корпусу, являются частью организационной, но не профессиональной бюрократии. Они не обладают ни интеллектуальными знаниями, ни чувством профессиональной ответственности офицера. Они — специалисты по применению насилия, но не по управлению им. Их род занятий представляет собой ремесло, а не профессию. Это фундаментальное различие между офицерами и рядовым и сержантским составом находит свое выражение в четкой разделительной линии, которая существует между теми и другими во всех армиях мира. Если бы этой разделительной черты не было, то тогда стало бы возможным существование единой военной иерархии от рядового до офицера самого высокого ранга. Но различный характер двух родов занятий делает организационную иерархию дискретной. Звания военнослужащих рядового и сержантского состава не входят в состав профессиональной иерархии. Они отражают различия в сноровке, способностях и должностном положении в рамках солдатского ремесла, и перемещение вверх и вниз по этим званиям осуществляется более просто, чем в офицерском корпусе. Однако имеющиеся различия между офицером и рядовым исключают переход из одного уровня на другой. Отдельным представителям рядового и сержантского состава иногда все же удается дослужиться до офицерского звания, однако это скорее исключение, чем правило. Образование и подготовка, требующиеся для того, чтобы стать офицером, в нормальных условиях несовместимы с длительной службой в качестве рядового или сержанта <...>

Samuel P. Huntington. The Soldier and the State: The Theory and Politics of Civil-Military Relations. Belknap/Harvard, Cambridge, 1985.- С.11-18. (Впервые опубликовано в 1957 году).

Понятия военной профессии и военных профессионалов относятся прежде всего к офицерскому корпусу. Профессиональные сержанты и уоррент-офицеры играют важную роль, но форма и содержание профессионального этоса, а также отношения между военными и обществом определяются главным образом офицерским корпусом.

Государство и военная профессия

Общие характеристики военной профессии обуславливаются концепцией “государства”. Эти формирующие факторы включают: роль и предназначение военной профессии; природу государства и политической системы, которой служит военная профессия; и гражданско-военные отношения. Каждый из этих компонентов должен быть уяснен в силу их воздействия на природу военной профессии.

Во-первых, независимо от различных взглядов на современную военную профессию и от разнообразия социальных и политических сил, взаимодействующих с военными, основным предназначением военной профессии остается, как это и было на протяжении новейшей истории, победа в войне. В более научных терминах предназначением военной профессии является рассчитанное применение силы в интересах государства. С течением времени изменились средства достижения победы, понятие победы и отношения военных с обществом.

Во-вторых, ратная профессия должна изучаться в контексте политической системы, в которой она развивается и которой должна служить. Существуют известные всеобщие принципы военного профессионализма, но они должны регулироваться ценностями и характерными особенностями политической системы. В самом деле, характер государства определяет характер военной профессии и военной системы в целом.

В-третьих, первые два компонента составляют основу гражданско-военных отношений. Существует тесная связь между военной профессией, системой политического управления (государственная структура) и “должной” ролью военных в рамках госструктуры. Природа и характер военной профессии определяют место военной системы в структуре государства и устанавливают базисную точку для развития гражданско-военных отношений.

Характерные черты военной профессии

<...> Наиболее всестороннее изучение военной профессии и военного профессионализма осуществили Хантингтон [*Huntington*] (1957) и Яновиц [*Janowitz*] (1971). Они не только рассматривают классическую концепцию, но и представляют сравнительный анализ и исследование военного ума и мировоззрения. В этом отношении все профессии, включая военную, имеют некоторые общие характеристики.

Общими характерными чертами профессии являются:

1. *Корпоративно-бюрократическая структура.* Помимо прочего, эта структура устанавливает систему правил и предписаний для членов профессии, а также определяет критерии эффективности.

2. *Требование специальных знаний и образования.* Предполагается наличие определенного мастерства, навыков и умений, которыми не обладают непрофессионалы, а также необходимость постоянного специального профессионального образования.

3. *Профессиональное самоуправление.* Члены профессии, находящиеся на вершине профессиональной лестницы, а также те, кто отобран на роль управляющего органа, определяют требования по приему в члены профессии и профессиональному продвижению, а также статус различных званий внутри профессии. Вдобавок, профессии предполагают лояльность своих членов и их приверженность профессиональным стандартам. Таким образом, профессия выступает и в роли дисциплинарного органа в отношении своих членов.

4. *Чувство профессионального призвания и обязанности.* Большинство профессионалов полагают, что профессия — это не просто род занятий. Она требует большего, нежели технические умения и финансовая мотивация. Профессиональная обязанность определяется прежде всего внутренней мотивацией, что ведет к обязанности служить обществу независимо от финансовых вознаграждений. Профессионалами движет чувство служения обществу и ответственности перед ним.

В дополнение к этим общим характеристикам, главным отличительным фактором военной профессии является ее “пол-

ная самоотдача и самопожертвование”. Кроме того, ее единственным клиентом является государство. Эти особые свойства обособляют военную профессию не только от общества, но и от других профессий. Предполагается, что военные профессионалы должны быть готовы отдать свои жизни, чтобы послужить профессии и государству. Законным образом они могут служить только государству.

Часть исследователей приходит к заключению, что офицерский корпус образует “...сознательную и сплоченную группу, действующую внутри, но по преимуществу отдельно от правительственных структур. Такая группа имеет... свои особые процедуры назначения на должность и пребывания в должности, свою собственную ментальность и свои правила конфиденциальности. Она устроена по типу гильдии” (Миллис, Мэнсфилд и Штэйн, 1958, с.6.).

Эти свойства и самооценки не всегда точно отражаются в военной профессии, но они исключительно важны для формирования профессионального склада ума и поведения, для официального формулирования значения военной профессии и для определения отношений между профессией и государством. Компоненты и свойства данной профессии — это отправные точки для точного определения понятия военной профессии в ее соотношении с определенными типами политических систем.

Характер нации-государства — вот та сфера, внутри которой действует профессия.

Армия — порождение нации, которой она служит; в ней отражаются социальные, политические и технологические основы нации. Для изучения армии следует углубленно взглянуть на нацию, которой армия служит, поскольку нация и ее армия взаимосвязаны. Армия — не зеркальное отражение нации и не микрокосм — нация в уменьшенном виде; это организация, чье предназначение, отношения и поведение определяются содержащим ее государством (Менард, 1967).

Хотя данные характеристики могут быть отнесены в целом ко всем военным профессиям, их универсальность должна оцениваться и объясняться в рамках одного из трех типов систем и идеологических течений: западный профессионализм, профессионализм в социалистических странах и профессионализм в третьем мире. Хотя такая широкая классификация может быть не во всех случаях точной, тем не менее, она мо-

жет служить точкой отсчета для изучения военного профессионализма.

Военный профессионализм на Западе

Большинство демократических систем западного типа — включая страны-члены НАТО, Японию и страны [Британского] Содружества, такие как Австралия, — близко придерживаются классической концепции военного профессионализма. Характерные особенности этого профессионализма наилучшим образом описаны такими учеными, как Хантингтон (1957), Яновиц (1971) и Эйбрахамссон [*Abrahamsson*] (1972). В дополнение ко всеобщим характеристикам военного профессионализма, изложенным выше, для западного военного профессионализма свойственны также два дополнительных фактора: внешняя ориентация и отделение от политических кругов и внутренней политики.

Основной вектор западного военного построения направлен вовне, то есть против внешних угроз существованию государства. Знание современных вооружения и тактики и умение их применять являются существенными частями профессиональной ориентации. Далее, стратегическое мышление основывается на взглядах Клаузевица о “центре тяжести”, приходящемся на вооруженные силы противника. Конечно, в некоторых западных военных системах военных иногда привлекают для помощи в поддержании и восстановлении внутреннего порядка, но это является скорее исключением, нежели правилом. Общество не просто принимает внешнюю ориентацию как законное дело военных, но и использует такое военное построение как норму, затрудняющую военным отклонение от этого основного курса.

Второй компонент — система политико-военного управления. В западных демократических системах военные должны подчиняться гражданскому руководству. Не менее важно, что гражданское руководство назначает высших военачальников в соответствии с их заслугами и профессиональным мастерством, безотносительно их политической ориентации. Наконец, от военных профессионалов ожидают, что они будут посвящать свое время и усилия совершенствованию военных возможностей. Идеи аполитичных военных и четкого разделения военных и общества являются институционализированными нормами западных демократий.

В действительности, однако, хотя военные профессионалы в западных системах не часто бывают явным образом вовлечены в политику, они могут оказывать политическое влияние через связи и каналы между военными и различными гражданскими группами, а также между военными и политиками, посредством предоставления специальных знаний и консультаций. Такое политическое влияние обычно оказывается в косвенной и неофициальной форме. Можно, конечно, теоретически рассуждать об аполитичности военных, но в действительности все военные профессии имеют выход в политику.

Понятие военной профессии является более сложным, чем классический взгляд на нее как на управление насилием на службе государства. Сложность обеспечения безопасности в условиях ядерного мира, где особое внимание уделяется сдерживанию и предотвращению конфликтов, а также проблемам, связанным с развитием и переменами, военная профессия во всех системах обнаруживает наличие политического измерения. Это измерение редко носит постоянный характер. С течением времени политическое влияние военных может меняться, зачастую незаметно. Это особенно верно в случае западных систем. Во всяком случае, военной профессии присущи общие характеристики профессий вообще: полная самоотдача и понятие единственного клиента. Помимо этого описание военной профессии должно включать степень ее политического влияния в государстве, как это влияние достигается и как используется. Короче говоря, военная профессия имеет фактическую монополию на применение оружия в интересах государства, имеет очень специфическое предназначение, является политико-военной структурой и функционирует в соответствии с характером определенной политической системы и ее правящих органов<...>

International Military and Defense Encyclopedia / Ed. Trevor N. Dupuy. — Washington: Brassey's (US), Inc., 1993. - Т. 5. - Р. 2194-2197.

Если структура управления и командования является важной составляющей в процессе формулирования политики в области национальной безопасности, то таким же важным является и характер военной профессии с присущими ей ценностями, нормами и мировоззрением. То, как военные про-

фессионалы воспринимают угрозы, оценивают возможности военной машины и развивают профессиональные умения и способности, в значительной мере определяет характер выдаваемых ими рекомендаций. К тому же их профессиональное поведение во многом зависит от взглядов Конгресса, союзников и противников США на американские военные возможности и эффективность.

Шесть элементов имеют первостепенное значение для формирования характера военных офицеров. (1) Их профессия обладает определенной областью компетентности, основывающейся на экспертных знаниях. (2) Существует система постоянного обучения, предназначенная для поддержания профессиональной компетентности. (3) Профессия имеет обязательства перед обществом и должна служить ему без заботы о вознаграждении (4). Она имеет свою систему ценностей, которая сохраняет ее характер, а также устанавливает и поддерживает законные отношения с обществом. (5) Существуют институциональные рамки, внутри которых функционирует эта профессия. (6) Профессия сама управляет системой внутренних поощрений и наказаний и наделена полномочиями определять количество и качество своих членов.

Одним из факторов, отличающих военную профессию от других, являются понятия *долга, чести и отечества*. Ее единственным клиентом является государство. Военному профессионалу свойственно полное самопожертвование — он должен быть готов отдать свою жизнь за государство. Но совершенно уникальной чертой этой профессии является ее главное предназначение: победить в войне. Военные применяются в качестве оперативной силы для уничтожения неприятеля.

Вместе с тем военная профессия испытывает ограничения, которых нет ни в каком другом роде занятий. Ни в каких практических целях военные не могут ни на общественном, ни на официальном уровне поддерживать деятельность политических партий в интересах, например, обеспечения лучшей оплаты, лучших условий службы или оперативного применения. Военные должны подчиняться политике и решениям гражданских властей, даже если не согласны с ними. Верность институциональным и профессиональным ценностям, равно как и профессиональная мотивация предотвращают проявления возмущения приказами вышестоящих властей. Военные

должны принять к исполнению решение об уничтожении врага всеми наличными силами поражения и принуждения, если такое решение будет принято политическим руководством.

Продвижение и успех в профессиональной карьере зависят в значительной мере от способности работать в условиях системы и следовать установленному порядку. Профессиональные ценности и убеждения, которые не позволяют военным профессионалам выходить за ограничения, определенные системой, также подготавливают их к такой институциональной перспективе, которая устанавливает определенные отношения с обществом. Пожалуй, еще более важной является система обучения, которая формирует взгляды военных профессионалов на самих себя, свою роль в государстве, на общество и внешний мир. Конечно, большинство профессий стремятся руководствоваться сходными принципами. Однако невоенные профессии имеют дело с большими частями общества и поэтому могут действовать по общим, достаточно нечетким правилам.

В отличие от них военная профессия стремится быть замкнутым сообществом — в социальном, легальном, экономическом и интеллектуальном отношениях, что усиливает способность выполнять главное предназначение — побеждать в бою. Порождаемые при этом образ жизни и мышления труднее всего воспринимаются и понимаются гражданскими людьми. Именно это недопонимание лежит в основе негативного (а подчас даже антагонистического) отношения военных профессионалов к самозванным военным экспертам, особенно в средствах массовой информации, Конгрессе и академических кругах. В самом деле, многие военные профессионалы рассматривают таких критиков как совершенно несведущих, что поддерживает у военных умонастроение замкнутого сообщества и усиливает различия между военными, как оперативной силой, и обществом в целом.

С военной точки зрения внешние обстоятельства и требования к военной эффективности видятся в форме, которая может в значительной мере отличаться от взглядов общества и значительного числа избранных им представителей. И, конечно, у многих представителей исполнительной власти также могут быть отличные взгляды. Мировоззрение военных профессионалов — в немалой степени под влиянием вьетнамского опыта — стало очень чувствительным к изменениям поли-

тической динамики, связанным с действиями военных. С одной стороны, многие профессионалы склонны проявлять исключительную осторожность по поводу вовлеченности военных в такие ситуации, которые могут вызвать внутривнутриполитическую оппозицию. Подобное опасение красноречиво выразил в 1976 г. начальник штаба сухопутных сил США генерал Вэйанд:

“Вьетнам явился подтверждением особых отношений между американской армией и американским народом. Американская армия — действительно народная армия в том смысле, что она принадлежит американскому народу, который проявляет ревностный и хозяйский интерес в ее использовании. Если в чем-либо участвует армия, значит в этом участвует американский народ. Если американский народ перестает участвовать, бесполезно пытаться продолжать использовать армию. В конце концов, армия — не столько инструмент исполнительной власти, сколько инструмент американского народа. Поэтому в использовании армии не может быть легковесного подхода.”*

(Следует заметить, однако, что вовлеченность имеет свой собственный спектр. Так, войска США, размещенные за океаном, воспринимаются обществом совсем иначе, чем военноморские корабли США, несущие службы в международных водах).

С другой стороны, в случае задействования войск военные профессионалы ожидают, что будут применены все имеющиеся ресурсы для достижения быстрой победы; было бы совершенно неразумным не использовать самого эффективного вооружения и тактических решений для подавления врага. Более того, принципы войны требуют для достижения победы сосредоточения превосходящих сил и огневой мощи на наиболее слабых участках противника. Одной из интерпретаций этого принципа является стремление военных профессионалов к обеспечению абсолютного превосходства над противником, а не простого равенства сил. Военная доктрина предусматривает, что подавляющее превосходство может сократить потери и быть наиболее экономичным путем к достижению успеха.

* In Harry G. Summers, *On Strategy: The Vietnam War in Context* .- Carlisle Barracks, Pa.: U.S. Army War College, January 17.- 1981. - P.7.

Наконец, военные профессионалы ожидают, что им будут поставлены ясные политические цели, логичная и последовательная стратегия и точные оперативные задачи. Основная военная организация строится таким образом, чтобы наилучшим образом соответствовать этим параметрам. Нетрадиционные чрезвычайные ситуации не описываются вышеприведенными условиями; на самом деле — они скорее всего будут неопределенными политически, неясными стратегически и беспорядочными в оперативном отношении. В 90-х годах положение в области безопасности характеризуется прежде всего нетрадиционными конфликтами, что скорее всего будет свойственно и последующему десятилетию.

Sarkesian, Sam Charles. *U.S. national security: policymakers, processes, and politics*. 2nd ed. London: Lynne Rienner Publishers, Boulder. 1995. - P.117-119.

Сэм С. САРКЕСЯН
Джон А. Вильямс, Фрэд Б. Брайант

Очень часто исследования военного профессионализма граничат с довольно упрощенной формулой, основанной на гражданском контроле над военными и приверженности военным профессиональным нормам. В действительности военный профессионализм включает множество компонентов от военных до политических и социоэкономических; его структура усложняется под воздействием различных сил, включая многообразные внешние факторы, обусловленные новыми переменами в мире.

Наш анализ основывается на концептуальном подходе, включающем четыре составляющие и объединяющую их гипотезу.

1. Изменяющиеся условия реализации политики в области национальной безопасности требуют не только новой структуры вооруженных сил, но и новых стратегических установок и новых взглядов внутри военной профессии. Сюда относится более широкая трактовка понятия “конфликт”, а также понимание различных стратегических культур, которые не обязательно укладываются в европейские стратегические формулы.

2. Хотя общественно-политический характер американских военных должен соответствовать обществу, между американским обществом и военной профессией должна поддерживаться такая степень разделения (психологическая дистанцированность), которая обеспечит боеспособность и боеготовность военных. Это включает в себя степень отражения вооруженными силами особенностей общества и их подверженности влиянию внутренних социально-экономических сил.

3. Военно-политическая динамика, обусловленная ролью военной профессии в политике, должна обеспечивать неполиитизированность профессии, а также формировать доверие и уважение между профессией и руководством страны. Эти доверие и уважение должны также выражаться в отношениях между военной организацией и политической системой в целом. Вдобавок, восприятие военной профессии обществом должно поддерживать военно-политическое состояние и статус профессии. В совокупности эти связи составляют гражданско-военные отношения.

4. Военно-профессиональные нормы и этика должны быть совместимы с первыми тремя составляющими и поддерживаться ими. Содержание и масштаб подготовки и обучения военных профессионалов должны поддерживать и усиливать главные составляющие военного профессионализма и военной культуры.

Объединяющая гипотеза состоит в том, что получить сплоченных военных, хорошо подготовленных для действий в любых обстоятельствах, можно лишь в результате объединения ключевых существенных элементов каждой из четырех составляющих в достаточно прочное целое.

Вновь возникающая военная профессия

Хотя применение силы существует столько же, сколько и сама человеческая история, современное понимание военного профессионализма развивалось на протяжении нескольких столетий. Оно приобрело свою нынешнюю форму с образованием нации-государства в конце XIX века. Как отмечает Сэмюэл П. Хантингтон, «конечно, нельзя указать точной даты возникновения офицерского корпуса в качестве самостоятельной профессиональной группы. Оно происходило постепенно и неровно. Однако два факта видны достаточно рельефно. До 1800 года офицерского корпуса как такового не существовало.

В 1900 году такие группы имелись практически во всех крупных странах¹.

Развитие военных технологий и централизация государственных систем показали негодность производства в военные офицеры благодаря аристократическому происхождению или императорской милости, а также несоответствие гражданских рекрутов. Выживание государства в “современных” условиях безопасности требовало подготовленных и образованных военных офицеров².

Нация-государство само по себе образует среду, в которой должна действовать военная профессия:

“Армия есть порождение того общества, которому она служит, отражая при этом его социальные, политические и технологические основы. Изучать армию означает внимательно исследовать нацию, которой она служит, поскольку нация и ее армия взаимозависимы. Армия — не зеркальное отражение нации и не микрокосм — нация в уменьшенном масштабе; но ее организация, предназначение, отношение и поведение обусловливаются содержащим ее государством”³.

Общие характеристики военной профессии определяются понятием “государство”. К этим формообразующим факторам относятся роль и предназначение военной профессии, природа государства и политической системы, которым служит военная профессия, и гражданско-военные отношения. Каждый из этих компонентов должен быть изучен, поскольку он оказывает воздействие на природу военной профессии.

Во-первых, невзирая на различие взглядов на современную военную профессию, а также на множество общественных и политических сил, взаимодействующих с военными, первичное предназначение военной профессии остается тем же, что и на протяжении всей новейшей истории: побеждать в войнах. В более научных терминах предназначение военной профессии — организованное применение силы в интересах государства. Со временем изменились лишь понятие победы, средства ее достижения и отношения между военными и обществом.

Во-вторых, военная профессия должна изучаться в контексте политической системы, в рамках которой она развилась и которой должна служить. Существуют определенные универсальные принципы военного профессионализма, но на них влияют ценности и характер конкретной политической системы, в которой действуют военные. Несомненно, что характер

государства определяет характер военной профессии и военной системы в целом.

В-третьих, два первых компонента становятся основой гражданско-военных отношений. Военная профессия, система политического управления (структура государства) и соответствующая роль военных в этой структуре государства определяются присущими данной системе идеологией, культурой и политико-военными традициями.

Взгляды ученых

При анализе меняющегося стратегического ландшафта с точки зрения изменений в повестке дня по национальной безопасности США, в военном профессионализме, в армии и обществе следует учитывать несколько концептуальных направлений. В данном исследовании использовались взгляды, изложенные в работах Сэмюэла П. Хантингтона, Морриса Яновица, Чарльза Москоса и Сэма С. Саркесяна⁴. В наши намерения входит не рассмотрение вновь споров о военном профессионализме и гражданско-военных отношениях, а обозначение общего во взглядах этих ученых. Это общее составляет основу для выработки подхода к проблеме военного профессионализма.

Хантингтон указывает основные составляющие военного профессионализма в США, среди которых — многие из обсуждавшихся ранее элементов: служение государству (прежде всего в управлении насилием), специальные знания и умения, преданность. Как правило, профессионалом движут не финансовые интересы, а патриотизм и стремление служить обществу. Особенно точное наблюдение относится к военной этике:

“Современный офицерский корпус — это профессиональная общность, а современный военный офицер — профессиональный человек... Военная этика... характеризуется склонностью к пессимизму, коллективизму, историческим корням, силовым методам, национализму, милитаризму, пацифизму и инструментализму во взглядах на военную профессию. В двух словах, она реалистична и консервативна”⁵.

По Хантингтону, перед военной профессией стоит дилемма: в Соединенных Штатах консервативная военная профессия действует в условиях либерального общества. Хотя военные и служат обществу, они не должны становиться слишком точным отражением общества.

Хантингтон утверждает, что “особый талант офицера проявляется в руководстве, управлении и контроле организованной массой людей, чьей основной функцией является применение насилия”⁶. И далее он продолжает: “Профессия офицера — это не ремесло (преимущественно техническое) и не искусство (требующее уникального таланта, который невозможно передать другим). Это необыкновенно сложное интеллектуальное занятие, требующее всестороннего обучения и тренировки”⁷. Взгляды Хантингтона получили имя традиционной концепции военного профессионализма. Его анализ выдержал проверку временем и остается основным столпом в изучении военного профессионализма в США.

Уже после опубликования работы Хантингтона, Яновиц утверждал, что традиционное видение военного профессионализма претерпевало изменения и должно было учитывать перемены в политических и демографических характеристиках офицерского корпуса. Он также утверждал, что хотя военный ум в основном консервативен, военная и гражданская организации будут иметь тенденцию к сближению. Тем самым снижалась острота отмеченной Хантингтоном дилеммы: существование консервативных военных в либеральном обществе. В соответствии с этим Яновиц предложил концепцию “мироохранителя”⁸ для различения абсолютистов и прагматиков: “«абсолютисты», мыслящие в традиционных понятиях военной победы” и “«прагматики», озабоченные дозированным применением военной силы и его политическими последствиями”⁹.

Это привело Яновица к выводу, что концепции “воителя” в военном профессионализме был брошен вызов со стороны нарождающегося типа управленца-техника и политически озабоченного офицера. Такие умения и политическая ориентация не соответствовали традиционной концепции военного профессионализма. Далее Яновиц сделал вывод, что: “мироохранительные силы по своему предназначению должны соответствовать традиционным целям демократического политического управления. Офицер-мироохранитель выполняет свои обязанности, включая вооруженную борьбу, поскольку он является профессионалом с присущим ему чувством самоуважения и морального достоинства. Гражданское общество позволяет ему поддерживать его кодекс чести и содействует развитию его профессионального мастерства... Он интегрирован в гражданское общество, поскольку разделяет общие ценности”¹⁰.

Концепция Москоса об институциональной (профессия) и деловой (занятие) ориентации имеет существенное отношение к военному профессионализму, хотя в первую очередь сосредоточивается на системе комплектования вооруженных сил США рядовым составом. Суть поднимаемой Москосом проблемы в том, не начинает ли военная профессия приобретать некоторые характеристики, свойственные занятию, — в связи с тем, что на службу поступают прежде всего для получения финансовых доходов и приобретения умений, которые найдут применение после возвращения в (гражданское) общество. Служение обществу, долг и призвание могут не быть обязательными элементами с деловой точки зрения.

Москос считает, что деловая модель приводится в действие законами рынка, движущими силами которого являются спрос и предложение. Участники деловой модели вносят вклад в условия работы и рабочую среду. Таким образом, здесь присутствует в значительной мере эгоистичный интерес, а не внимание к верности своей организации и ее преуспеваемости¹¹.

Институциональная модель, напротив, отражает характеристики, подобные рассмотренным ранее. К ним относятся верность ценностям и нормам своей организации, а также личная мотивация, основанная на призвании и профессиональном устремлении. В этом случае качество работы и статус основываются на эффективности и действенности в соответствии с нормами и правилами, установленными в организации.

В конце Москос делает вывод, что военные продвигаются к деловой модели¹². Эта тенденция оформляется благодаря изменениям в понятии военной службы, предпочтению добровольческой военной системы, доминирующим взглядам на мотивацию поступления на службу и продления службы рядового состава, а также благодаря большей ориентации военных на личную жизнь.

Наконец, Саркесян сосредоточивает свое внимание на соотношении политики и профессии. С его точки зрения, военные в США вовсе не аполитичны в смысле осознания ими политических требований, предъявляемых к военной организации, и чувствительности к этим требованиям. Формирующаяся в результате этого политика — не обязательно партийная политика; она направлена на защиту организации, ее членов и отдельных видов (вооруженных сил). Эта точка зрения от-

части поддерживается тем фактом, что различные частные организации, членами которых являются офицеры в отставке или в резерве, бывшие рядовые и сержанты и гражданские лица, активно участвуют в политической деятельности, отстаивая и лоббируя политические интересы военных.

Саркесян также сосредоточивается на политике самой военной организации. Так, бюрократическая политика и политика карьерного роста и кадрового отбора внутренне присущи военной организации¹³. Хотя карьерный рост зависит, в первую очередь, от исполнения служебных обязанностей, влияние на него политики возрастает. В частности, офицеры, имеющие важные связи в высших эшелонах и обладающие политическим чутьем относительно правильных каналов и необходимой поддержки для назначения на конкретную должность, становятся все более весомой частью синдрома карьерного роста и продвижения. Система “protégé” остается частью этого военно-бюрократического политического мира. При рассмотрении очередных назначений на должность, офицеры, установившие личные связи с высокопоставленными офицерами, имеют зримые преимущества над своими сослуживцами, не имеющими таких связей.

Характеристики военной профессии

Из только что рассмотренных исследований вытекают четыре основные характеристики: (военная) профессия не монолитна; в основе своей она является консервативной и действует внутри демократической системы; стержневым элементом являются понятия долга, чести и отечества; наконец, главным предназначением профессии является достижение успеха в бою. Вдобавок, офицерский корпус образует “сознательную и сплоченную группу, действующую в рамках, но в значительной мере отдельно от правительственной структуры. Такая группа имеет ... свои собственные отличительные процедуры вступления и пребывания в должности, свою собственную ментальность и правила конфиденциальности. Она устроена по типу гильдии”¹⁴.

Главной отличительной особенностью военной профессии является “полная самоотдача” и готовность к самопожертвованию - как часть военного морального кодекса. Кроме того, единственным клиентом военной профессии является государство. И наконец, эти характеристики соединяются с поня-

тиями войны и успеха в сражении. Как писал Бацевич: “В армиях Запада концепция профессионализма включает в себя представление, что применение силы для достижения политических целей является исключительной вотчиной регулярных военных организаций. Профессиональные солдаты кровно заинтересованы в сохранении традиции войны как гладиаторского поединка — поединка между противостоящими регулярными силами, управляемыми на основе правил и традиций и руководимыми офицерской элитой. Они создают доктрину, которая принимает такую парадигму войны и которая усиливает их монополию”¹⁵.

Эти особые характеристики отделяют военную профессию не только от общества, но и от других профессий. В нескольких словах, предполагается, что военные профессионалы должны быть готовы отдать свои жизни на службе профессии и государству. Их услуги могут быть законным образом предложены только государству. Хотя эти характеристики и самооценки не всегда в полной мере отражены в военной профессии, они имеют решающее значение в формировании профессионального склада ума и поведения, для официального формулирования значения “военной профессии” и для определения отношения профессионала к государству. Эти характеристики — отправные точки для точного определения понятия военной профессии в ее соотношении с определенными типами политических систем<...>

Соединенные Штаты и большинство демократических систем западного типа склонны точно придерживаться классической концепции военного профессионализма. Военный профессионализм в США характеризуется также двумя дополнительными факторами: направленностью вовне и степенью отделения от политических кругов и внутренней политики.

Основной упор в построении военной организации США делается на внешнюю ориентацию, то есть на угрозы государственным интересам из-за рубежа. Знание современных систем оружия и умение применять современную тактику также являются существенно важными частями профессиональной ориентации. Стратегическая мысль своими корнями уходит к понятию Клаузевица о “центре притяжения”, каковым являются вооруженные силы неприятеля. В некоторых западных системах военных иногда привлекают для содействия в поддержании внутреннего порядка, но это — скорее исключение, чем

правило. Общество не только приемлет внешнюю ориентацию как законное дело военных, но именно такого рода военное строительство рассматривает как норму, не позволяя военным далеко отклоняться от этого основного направления.

Вторым фактором, влияющим на профессионализм, является система политико-военного управления и контроля. В Соединенных Штатах военные должны подчиняться гражданскому руководству. Что в равной степени важно, гражданское руководство производит назначения высшего эшелона военных руководителей на основе их заслуг и профессионального мастерства, вне зависимости от политической ориентации. Наконец, предполагается, что военные профессионалы будут все свое время уделять оттачиванию боеспособности. Идеи аполитичности военных и четкого разделения между военными и обществом являются основополагающими нормами в демократиях Запада <...>

Хотя сущностные принципы военного профессионализма — долг, честь, отечество — сохраняются, изменяются их толкование и воплощение в поведении и оперативных инструкциях. Также качественно изменяются понятия аполитичных военных и гражданского контроля над военными. Нефиксированные интервью и результаты обследования подтверждают, что хотя большинство армейских офицеров имеют самое общее представление, у них не сложилось логически связной и устойчивой системы взглядов на особенности или практическое определение военного профессионализма. Большинство рассматривают преданность, долг и служение государству как важные компоненты, однако, помимо этих понятий, концепция военного профессионализма включает ряд внешне несвязанных взглядов: “забота о подчиненных”, “старание по службе” и самообразование. Существует некая общность ценностей и убеждений относительно правильного поведения и делового мастерства, но вряд ли эти ценности и убеждения могут быть преобразованы в некую концепцию военного профессионализма, которая может стать общей теорией.

<...> Перед военной профессией (в США - А.Б.) стоит выбор из трех вариантов. Первый — принять все требования к ней со стороны общества в отношении структурного и качественного состава вооруженных сил и постараться как можно лучше отреагировать на возможные военные неожиданности, одновременно стремясь изменить в более благоприятную для

себя сторону общественные и политические требования. Второй — военные профессионалы могут попытаться отступить в “блестящую изоляцию” 20-х - 30-х годов со всеми ее последствиями для гражданско-военных отношений, ресурсов и потенциала. Третий — военная профессия может подстроиться к политическим и общественным требованиям официально, в то же время занимаясь внутренним переустройством военной системы для сохранения своего предназначения и профессионального морального кодекса, не нарушая при этом общественных ожиданий и политических предписаний <...>

Три военных системы: Новая гипотеза

Не имея возможности повлиять на общественно-политические силы внутри страны, военный профессионал, видимо, должен будет обратиться к концепции двух армий (боевой и обеспечивающей - А.Б.) и превратить ее в концепцию трех военных систем... Первым компонентом будет стержневая военная система, состоящая главным образом из элементов боевого обеспечения и боевой поддержки (то есть не боевых элементов военной организации). Вторая система будет включать прежде всего наземные боевые единицы (включая дивизии сухопутных сил и морской пехоты). Третья система — это силы специальных операций (“рейнджеры”, “тюлени”, специальные авиационные эскадрильи и специальные войска).

С одной стороны, ...первая система будет вынуждена принять все требования демократизации военных, включая вопрос о службе гомосексуалистов и о роли женщин. С другой стороны, ...вторая и ...третья системы попытаются противостоять какой-либо эрозии их сплоченности и эффективности, стремясь не допустить гомосексуалистов и женщин. Скорее всего, третья система будет отличаться наибольшей категоричностью в этом отношении.

Новая гипотеза состоит в том, что, судя по всему, будут созданы три военные системы. Первая система будет по своей природе ближе всего к обществу, привлечет общественные силы и сосредоточится на службах технического обеспечения и поддержки. Она будет больше походить на корпоративную структуру и гражданскую профессию, чем на традиционно военную профессию. Она будет предоставлять административные услуги и тыловое обеспечение двум первым системам и

носить на себе наибольший гражданский отпечаток. Вторая система, сохраняя некоторую дистанцию с обществом, будет действовать в соответствии с главным предназначением военных. Третья система, также сохраняя удаленность от общества, сосредоточится на осуществлении санкционированного обществом насилия на службе государству <...>

По сути, трехсистемная военная организация может стать приемлемой для переходного периода и составить основу военной организации следующего столетия <...>

ПРИМЕЧАНИЯ

Samuel P. Huntington. *The Soldier and the State: The Theory and Politics of Civil-Military Relations* . - New York: Vintage Books, 1964. -P. 19.

Понятия военной профессии и военных профессионалов относятся к офицерскому корпусу. Профессиональные сержанты и уоррент-офицеры играют критически важную роль, однако форма и содержание профессиональной этики, а также отношения между военными и обществом определяются главным образом офицерским корпусом.- А.Б.

Menard. *The Army and the Fifth Republic*.- Lincoln: University of Nebraska Press, 1967. -P.5-6.

См.: Charles C. Moskos and Frank E. Woods, eds. *The Military — More Than Just a Job?* . - Elmsford, N.Y.: Pergamon-Brassey's, 1988; особенно: Charles C. Moskos "Institutional and Occupational Trends in Armed Forces," p. 15-26; Sam C. Sarkesian. *Beyond the battlefield: The new military professionalism*. - New York: Pergamon Press, 1981.

Samuel P. Huntington. *The Soldier and the State: The Theory and Politics of Civil-Military Relations*. - P. 7, 79.

Там же. - С. 11.

Там же. - С. 13.

: Яновиц употребляет термин "constabulary", что в буквальном переводе с английского должно означать "полицейский", "полицейские силы". Использование в данном переводе термина "мироохранительный" обусловлено стремлением избежать негативной коннотации, свойственной русскому словоупотреблению термина "полицейский". Основная функция полицейских сил — охрана общественного порядка, основная функция "констебулярных" сил — внешняя охрана мира а не внутренняя, полицейская. Яновиц пишет: "Профессиональный солдат противится отождествлению его с «полицией», а военная профессия боролась за раз-

граничение ее с внутренними полицейскими силами... Концепция мироохранителя не имеет отношения к полицейским функциям... Напротив, широкое привлечение военных в качестве внутренних полицейских сил — за исключением использования их как последнего законного резервного инструмента — препятствовало бы развитию мироохранительной концепции в международных отношениях”. [Morris Janowitz. *The Professional Soldier: A Social and Political Portrait*, rev. ed. -New York: Free Press, 1971.- P. 419, 420.]- А.Б.

Morris Janowitz. *The Professional Soldier: A Social and Political Portrait*, rev. ed. - New York: Free Press, 1971. - P. XI.

Там же. - С. 440.

Charles C. Moskos. Institutional/Occupational Trends in Armed Forces: An Update. - *Armed Forces and Society* . - 1986.- Vol. 12. - № 3. - P. 379.

Там же. - С. 377.

Sam C. Sarkesian. *The Professional Army Officer in a Changing Society* . - Chicago: Nelson-Hall, 1975.

Walter Millis, H. C. Mansfield, and H. Stein, *Arms and the State: Civil-Military Elements in National Policy*.- New York: Twentieth Century Fund, 1958. - P. 6.

A. J. Vacevich. New Rules: Modern War and Military Professionalism. - *Parameters* 1990. - Vol. 20. - ¹ 4. - P. 15 - 16.

Soldiers, society, and national security / Sam C. Sarkesian, John A. Williams, Fred B. Briant. London: Lynne Rienner Publishers, Boulder. 1995. - P. 2, 11-17, 21-22, 23, 138-139, 161-162.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Сэмюэл Хантингтон — профессор Гарвардского университета, автор многих политологических работ, занимал различные профессорско-преподавательские и исследовательские должности в ряде ведущих ВУЗов США, в администрации Картера был координатором планирования проблем безопасности в СНГ.

Сэм С.САРКЕСЯН — профессор политологии университета Лойолы г.Чикаго, ранее — председатель междуниверситетского семинара “Вооруженные силы и общество”.

Джон А.Вильямс — профессор политологии университета Лойолы г.Чикаго, капитан I ранга военно-морского резерва США, исполнительный директор междуниверситетского семинара “Вооруженные силы и общество”.

Фрэд Б.БРАЙАНТ — профессор психологии университета Лойолы г.Чикаго.

Перевод и публикация А. Белкина

ДОБРОВОЛЬЧЕСКИЕ ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ

**Анализ современных тенденций развития
по материалам справочника лондонского
международного института стратегиче-
ских исследований “The Millitary Balance”
1994-1995 / 1995-1996/ 1996-1997.**

Е. Бужинский

В настоящее время в мире насчитывается 70 стран, комплекующих свои вооруженные силы на добровольной основе (США, Канада, Великобритания, Бельгия, Нидерланды, Люксембург, Ирландия, Мальта, Бахрейн, Оман, Катар, Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты, Бангладеш, Бирма, Индия, Непал, Пакистан, Шри Ланка, Австралия, Бруней, Фиджи, Япония, Малайзия, Новая Зеландия, Папуа-Новая Гвинея, Филиппины, Аргентина, Багамские Острова, Барбадос, Белиз, Коста-Рика, Доминиканская Республика, Гайана, Гаити, Ямайка, Никарагуа, Панама, Суринам, Тринидад и Тобаго, Уругвай, Ангола, Ботсвана, Буркина Фасо, Бурунди, Камерун, Конго, Джибути, Экваториальная Гвинея, Габон, Гамбия, Гана, Кения, Лесото, Малави, Мали, Маврикий, Мозамбик, Намибия, Нигер, Нигерия, Руанда, Сейшельские острова, Сьерра-Леоне, ЮАР, Танзания, Уганда, Заир, Замбия, Зимбабве.

подавляющее большинство вышеперечисленных государств имеют крайне малочисленные вооруженные силы и не представляют какой-либо роли в военном отношении. И лишь 16 из них могут быть предметом анализа на соответствие их политической, экономической и военной значимости в глобальном или региональном масштабе численности и боевой мощи национальных вооруженных сил. К данным государствам можно отнести США, Канаду, Великобританию, Бельгию, Нидерланды, Ирландию, Саудовскую Аравию, Индию, Пакистан, Малайзию, Филиппины, Японию, Австралию, Новую Зеландию, Аргентину, ЮАР (данные по численности и структуре вооруженных сил и резервов этих стран, а также отношению численности вооруженных сил к численности населения приведены в *таблицах № 1 и № 2*).

При этом объединение вышеперечисленных стран в одну группу носит чисто условный характер, прежде всего в силу несопоставимости военных потенциалов таких стран, как США и Великобритания, с одной стороны, и всех остальных - с другой. Единственно, что их объединяет - это **принцип комплектования вооруженных сил на добровольной основе** и тот факт, что большинство из них либо входит в такие **региональные военно-политические союзы**, как НАТО, АНЗЮС, АНЗЮК (США, Канада, Великобритания, Бельгия, Нидерланды, Малайзия, Австралия, Новая Зеландия), либо имеют двусторонние договоры (с США или Великобританией) об обеспечении национальной безопасности (Пакистан, Саудовская Аравия, Филиппины, Япония). Исключение в данном случае составляют Ирландия и Индия, хотя и их связи с Великобританией в военной области остаются традиционно тесными.

Анализ приведенных в таблицах № 1 и № 2 данных по численности населения стран, имеющих профессиональные армии, численности и структуре их вооруженных сил и резервов показывает, что, как правило, в таких странах отношение численности ВС к общей численности населения колеблется в пределах 0,12 - 0,8 % (соотношение этих показателей в Саудовской Аравии вряд ли можно считать характерным для данной категории стран, так как она на протяжении последних девятнадцати лет официально находится в состоянии войны с Израилем). Количество женщин в составе всех видов вооруженных сил колеблется в пределах 0,7% (Ирландия) - 14,4 % (Новая Зеландия). При этом в таких странах, как США, Канада, Великобритания, Австралия количество женщин в ВС составляет 11-12,5 %. Отсутствие женщин-военнослужащих в Саудовской Аравии, Пакистане, Малайзии, Филиппинах, Аргентине и крайне малое количество женщин в ВС Индии вполне объяснимо в силу религиозных причин, либо традиционного отношения к роли и месту женщины в общественной жизни страны.

Соединенные Штаты, накопившие уже достаточно богатый опыт комплектования ВС на добровольной основе, могут рассматриваться как своеобразный "эталон" в плане структурного построения вооруженных сил, их оснащения оружием и военной техникой, финансирования и обеспечения полноценным резервом. Все остальные перечисленные в таблицах страны, как об этом уже говорилось выше, в большей или меньшей

степени делегировав американцам обеспечение своих потребностей в сфере национальной безопасности либо посредством членства в одном из военно-политических союзов, либо путем заключения двусторонних соглашений в военной области, имеют возможность строить свои вооруженные силы в “облегченном варианте”, не заботясь, к примеру, о создании национальных систем ПРО и ПВО, или закупке дорогостоящих систем ведения технической разведки.

Концепция развития вооруженных сил США, опубликованная в сентябре 1993 года под названием “Всесторонний обзор: вооруженные силы для новой эры”, предусматривает способность США “вести и одерживать победу в двух практически одновременно ведущихся крупных региональных конфликтах (рассматриваемые варианты сводились к ведению крупной операции в районе Персидского залива и вооруженному конфликту на Корейском полуострове)”.

По оценкам западных и, в первую очередь, американских военных аналитиков, “легкость, с которой возглавляемая США коалиция, основу которой составляли опять же американские войска, одержала победу над Ираком, завершила процесс восстановления уверенности американских военнослужащих в своем профессионализме и окончательного преодоления вьетнамского синдрома”.

Структурно ВС США включают в себя три основных компонента: стратегические наступательные силы; стратегические оборонительные силы (силы противоракетной обороны) и силы общего назначения. Последние, в свою очередь, состоят из сухопутных войск, военно-морских и военно-воздушных сил и корпуса морской пехоты.

В соответствии с положениями вышеупомянутой концепции развития ВС США к 2003 году стратегические наступательные силы будут иметь на вооружении следующие средства доставки ядерного оружия (при этом количество боеголовок строго ограничивается Договором СНВ-2):

- 14 ПЛАРБ типа “Трайидент”, оснащенных 24 баллистическими ракетами морского базирования типа D-5, несущими по пять боеголовок каждая;
- 66 стратегических бомбардировщиков B-52, оснащенных крылатыми ракетами типа AGM-86B и AGM-129;
- 20 стратегических бомбардировщиков B-2, оснащенных гравитационными бомбами и ракетами ближнего действия;

- 500 межконтинентальных баллистических ракет “Минитмен-3”, оснащенных одной боеголовкой каждая.

По оценке командования ВС США, данный состав стратегических наступательных сил считается достаточным для:

“- сдерживания враждебно настроенного правительства России;

- поддержания достаточного уровня боевой мощи для сдерживания других ядерных держав;

- осуществления планового ремонта и обслуживания имеющихся систем оружия без ущерба для уровня боеготовности стратегических наступательных сил в целом”.

Стратегические оборонительные силы предназначены для обеспечения защиты от ракетного удара группировок войск США и их региональных союзников (ПРО ТВД) и обеспечения противоракетной обороны собственной национальной территории.

Силы общего назначения в настоящее время претерпевают значительную реорганизацию в направлении сокращения численности СВ, ВМС, ВВС и резервного компонента сухопутных войск с одновременным усилением резервных компонентов военно-морских и военно-воздушных сил, в первую очередь за счет их перевооружения на более современные образцы оружия и военной техники.

Особого внимания при рассмотрении тенденции развития сил общего назначения заслуживает такой компонент, как Национальная гвардия, формально не входящая в состав ВС США и находящаяся в “двойном подчинении” (губернаторов штатов и федерального правительства), но фактически являющаяся важнейшей составной частью резервного компонента вооруженных сил. Общая численность Национальной Гвардии составляет 499.800 чел. (сухопутные войска - 387.100, ВВС - 112.700). Примечательный факт: Национальная гвардия (по сути дела милиция) существует и развивается наряду с регулярными (профессиональными) войсками, готовится по единой с ними программе, оснащается однотипным оружием и военной техникой (в том числе и новейшей), имеет близкие к регулярным войскам нормативы боевой готовности.

По состоянию на 01.01.96 г. Сухопутные войска, организационно состоящие из трех штабов армий, четырех штабов армейских корпусов, трех бронетанковых, пяти механизированных, двух легких пехотных, одной десантно-штурмовой, одной

воздушно-десантной дивизий и 14 бригад, были сокращены на 27.000 человек, Национальная гвардия сухопутных войск - на 18.000 человек и боеготовый резерв - на 19.000 человек. Предусмотрены дальнейшие плановые сокращения. Основной упор в планах модернизации СВ делается на совершенствование и развитие систем управления и связи, средств разведки и целеуказания.

Численность личного состава ВВС США к 01.01.96 г. была сокращена на 34.000 человек, в то время как численность ВВС Национальной гвардии и резерва ВВС осталась неизменной. Главным направлением модернизации ВВС является развитие транспортной и заправочной авиации как основы повышения возможностей ВС США по переброске необходимого количества сил и средств в район их боевого применения.

Численность личного состава ВМС к 01.01.96 г. была сокращена на 40.000 человек, из которых 6.000 приходится на морскую авиацию. Численность резервного компонента военно-морских сил осталась неизменной. Возможности резервного флота ВМС повышены за счет передачи в его состав 17 боевых кораблей, в том числе одного авианосца.

Краткий анализ тенденций развития ВС США в последние годы свидетельствует о намерении американского руководства снизить расходы на содержание вооруженных сил, прежде всего посредством сокращения их численности и расформирования ряда соединений и частей, с одновременным ростом технической оснащенности армии, авиации и флота, а также укреплением (в первую очередь за счет перевооружения на более современные и эффективные образцы оружия и военной техники) резервных компонентов всех видов вооруженных сил.

Примерно такая же тенденция наблюдается и в странах НАТО, комплекующих свои ВС на добровольной основе.

Так, Бельгия сократила численность вооруженных сил с 63.000 до 47.000 человек, из которых 14.000 приходится на сухопутные войска. Одновременно увеличивается мощь бельгийских ВМС за счет закупки четырех современных боевых кораблей.

Канада, сохранив численность ВС на прежнем уровне, повышает возможности транспортной и заправочной авиации (закуплено пять самолетов-заправщиков KC-130), а также ВМС за счет принятия на вооружение трех новых фрегатов.

Нидерланды в планах модернизации национальных ВС основной упор делают на повышение боевых возможностей аэромобильной бригады (за счет закупки и аренды 42 ударных вертолетов АН-64) и национальных ВМС в составе объединенного бельгийско-нидерландского морского командования, начавшего свою деятельность с 1 января 1996 года.

Великобритания, сокращая численность всех видов вооруженных сил (СВ - на 4.000 человек, ВВС - на 3.000 человек и ВМС - на 4.000 человек), также повышает возможности транспортной авиации (закуплено 25 самолетов С-130J) и ударного компонента военно-морского флота путем оснащения атомных подводных лодок крылатыми ракетами типа "Томагавк" в обычном снаряжении.

При рассмотрении вопроса о комплектовании вооруженных сил на добровольной основе особого внимания заслуживает **экономическо-финансовый аспект**, а именно такие экономические показатели той или иной страны, как размер валового национального продукта (ВНП), доля ВНП на душу населения, размер военного бюджета, динамика военных расходов.

Данные по этим показателям 16 рассматриваемых стран приведены в *таблице № 3*. Из таблицы видно, что комплектование вооруженных сил на добровольной основе имеет место лишь в странах с довольно высоким уровнем жизни. За исключением стран Южной и Юго-Восточной Азии (Индия, Пакистан, Малайзия, Филиппины), Южной Америки (Аргентина) и Африки (ЮАР) во всех остальных перечисленных в таблице государствах доля ВНП на душу населения находится в промежутке 10.400 (Саудовская Аравия) - 25.400 (США) долларов.

В определенной зависимости от экономического благосостояния государства находится и такой показатель, как процентное отношение военных расходов к ВНП. Лишь у наиболее экономически мощных государств (США, Великобритания), обладающих ядерным оружием и несущих бремя лидерства в рамках определенных военно-политических и политико-экономических группировок (НАТО, АНЗЮС, АНЗЮК, Британское содружество наций), этот показатель превышает 3%. У остальных приведенных в таблице трех стран он находится в пределах 1.17 - 2.6 %.

Однако надо отметить, что американское руководство, следуя общемировой тенденции (конечно, речь идет о промышленно-развитых странах) снижения доли военных расходов в ВНП,

поставило перед собой задачу к 2002 году стабильно удерживать соотношение военных расходов к ВВП в пределах 3%. Аналогичную цель ставит перед собой и новое правительство Великобритании.

Данные по планируемым размерам военных расходов США в период 1997-2002 гг. приведены в *таблице № 4* (сравнение с 1996 годом).

Показатели процентного отношения военных расходов к ВВП Саудовской Аравии (10.4%), Пакистана (6.6 %) и Малайзии (3.44%) не являются характерными, так как первая страна в течение последних 19 лет выступает фактическим донором в плане безвозмездного оказания военной помощи целому ряду арабских государств Ближнего Востока, вторая — во-первых, находится в состоянии постоянной конфронтации со значительно более мощным в военном отношении соседом — Индией, а во-вторых, на протяжении последних 17 лет оказывает значительную военную помощь афганской оппозиции, а третья — осуществляет программу коренной модернизации и перевооружения своих вооруженных сил, требующую привлечения значительных финансовых средств.

Еще одной особенностью стран, имеющих профессиональные вооруженные силы, является распределение военного бюджета на содержание личного состава, закупки оружия и военной техники, научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР), т.е. именно те компоненты, которые составляют основу небольших по численности, хорошо обученных и высококомобильных вооруженных сил.

В *таблице № 5* приведены данные распределения военных бюджетов за 1995 год по вышеперечисленным позициям в семи наиболее технически развитых из рассматриваемых 16 стран, проводящих собственные НИОКР и выступающих в качестве поставщиков военной техники на мировые рынки оружия (в млрд. долларов).

Приведенные в таблице данные отражают общую картину финансирования профессиональной армии. Приблизительно 30 % военного бюджета ассигнуется на содержание личного состава, что позволяет «постоянно улучшать качество жизни военнослужащих и обеспечивать увеличение их денежного содержания».

Размер ассигнований, выделяемых на закупки оружия и военной техники, ежегодно подвержен значительным колебаниям и

всецело зависит от хода выполнения планов модернизации вооруженных сил. Так, по заявлению министра обороны США У. Перри, “приоритеты финансирования ВС США по-прежнему базируются на принципе “люди в первую очередь”. Вместе с тем, он отметил, что “модернизация оружия и военной техники начнется с 1997 года, и в течение пяти лет ассигнования на их закупку будут увеличены почти на 50 %”.

Объем финансовых средств, расходуемых на проведение НИОКР, в значительной степени определяется ролью и местом того или иного государства в глобальной или региональной системе безопасности. Так, сравнительно высокая доля военного бюджета, выделяемая на эти цели США и Великобританией, объясняется положением этих стран как лидеров соответствующих военно-политических союзов и их ролью основных поставщиков современных вооружений в большинство стран мира.

Таким образом, анализ ряда основных параметров комплектования вооруженных сил на добровольной основе на примере 16 государств Европы, Северной и Южной Америки, Азии и Африки позволяет определить некоторые **общие критерии создания профессиональной армии.**

Во-первых, численность таких ВС не должна превышать 0,7 % от численности населения страны; численность боеготового резерва должна составлять не менее 80 % численности вооруженных сил. Около 10 % численности профессиональных ВС могут составлять военнослужащие-женщины.

Во-вторых, для комплектования вооруженных сил по найму необходим довольно высокий уровень экономического развития страны и благосостояния ее населения. Примеры рассмотренных стран свидетельствуют о том, что доля ВВП на душу населения в них не опускается ниже 10.000 долларов (исключение составляют страны Азии, Африки и Южной Америки), а уровень военных расходов не превышает 3% ВВП.

Доля военного бюджета на содержание личного состава не должна быть менее 30 %, около 20-25 % бюджетных ассигнований на оборону должно выделяться на закупки оружия и военной техники и не менее 5 % - на проведение НИОКР.

Основой боевой мощи профессиональной армии, помимо стратегического ядерного компонента (США, Великобритания), являются сравнительно малочисленные, но высокоэффектив-

ные мобильные силы, обладающие возможностями быстрой переброски в район боевого применения.

Следует отметить, что общей тенденцией развития вооруженных сил, комплектуемых на основе обязательной воинской повинности, является сокращение сроков службы призывников. Если не принимать во внимание такие страны, как КНДР в которой срок службы призывников составляет в сухопутных войсках 5 - 8 лет, в ВМС - 8 -10 лет и Швейцарию, в которой срочная служба не превышает 15 недель, то средняя продолжительность службы призывников в большинстве развитых стран составляет 9 - 12 месяцев. Многие страны постепенно сокращают продолжительность срочной службы. Особенно активно этот процесс идет в странах Центральной и Восточной Европы и республиках бывшего СССР. Так, до 12 месяцев сокращен срок службы в Чешской Республике, Эстонии, Литве, Румынии, до 9 месяцев - в Венгрии, до 7 месяцев - в Словении.

ТАБЛИЦА № 1

Страна	Территория (в тыс. кв. км)	Численность населения	Численность вооруженных сил	Численность женщин в вооруженных силах	Численность резерва	Отношение численно- сти ВС к численно- сти населения (в %)
США	9363,2	263.119.000	1.547.000	192.000	2.045.000	0.58
Бельгия	30,5	10.071.100	47.200	3.000	275.700	0.46
КАНАДА	9976,0	28.130.000	70.500	8.700	37.650	0.25
ВЕЛИКО- БРИТАНИЯ	244,0	58.288.000	236.900	26.500	332.900	0.40
НИДЕРЛАНДЫ	41,2	15.446.000	74.400	2.600	130.600	0.48
Ирландия	84,0	3.579.000	12.900	100	16.270	0.36
САУДОВСКАЯ АРАВИЯ	2000,15	18.613.000	162.500	—	—	0.87
Индия	3000,3	934.228.000	1.145.000	200	1.305.000	0.12

Таблица №1 (продолжение)

ПАКИСТАН	804,0	129.704.000	587.000	—	513.000	0.45
АВСТРАЛИЯ	7000,0	18.240.000	56.100	7.200	38.250	0.30
ЯПОНИЯ	372,0	125.213.000	239.500	9.500	47.900	0.19
МАЛАЙЗИЯ	332,8	19.876.000	114.500	—	58.300	0.57
НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ	268,7	3.531.000	10.050	1.450	6.660	0.28
ФИЛИППИНЫ	300,0	69.209.000	106.500	—	131.000	0.15
АРГЕНТИНА	2780,1	34.254.000	67.300	—	377.000	0.19
ЮАР	1221,0	42.505.000	136.900	4.700	890.000	0.32

ТАБЛИЦА № 2

Страна	Общая численность ВС	Численность СВ (в т.ч. женщин)	Численность ВМС (в т.ч. женщин)	Численность ВВС (в т.ч. женщин)	Общая численность резерва	Численность резерва СВ	Численность резерва ВМС	Численность резерва ВВС
США	1.547.000*	524.900 (69.800)	441.800 (51.800)	408.700 (63.700)	2.045.000	1.173.100	502.200	369.700
Бельгия	47.200	30.100 (1.600)	2.800 (300)	12.300 (850)	275.700	202.000	24.000	49700
КАНАДА	70.500	20.300 (3.700)	10.000	17.100 (5.000)	37.650	29.400	6.500	1.750
ВЕЛИКО-БРИТАНИЯ	236.900	116.000 (16.000)	50.500 (3.800)	70.400 (6.100)	332.900	260.300	25.800	46.800
НИДЕРЛАНДЫ	74.400	43.200	14.300	12.500	130.600	111.600	9.000	10.000

* В общую численность ВС входит не приведенная в таблице численность корпуса морской пехоты - 171 900, в т.ч. 7600 женщин.

Таблица № 2 (продолжение)

Ирландия	12.900	10.900	1.000	1.000	16.270	15.890	380	—
Саудовская Аравия	162.500	127.000	17.500	18.000	—	—	—	—
Индия	1.145.000	980.000	55.000	110.000	1.305.000	1.110.000	55.000	140.000
Пакистан	587.000	520.000	22.000	45.000	313.000	300.000	5.000	8.000
Австралия	56.100	23.700 (2.600)	15.000 (1.950)	17.400 (2.700)	38.250	28.900	4.950	4.400
Япония	239.500	151.200 (4.500)	43.700 (3.000)	44.700 (2.000)	47.900	46.000	1.100	800
Малайзия	114.500	90.000	12.000	12.500	58.300	55.000	2.700	600
Новая Зеландия	10.050	4.500 (500)	2.200 (250)	3.350 (700)	6.660	5.100	1.200	360

Таблица №2 (продолжение)

Филиппины	106.500	68.800	23.000	15.500	131.000	100.000	15.000	16.000
АРГЕНТИНА	67.300	40.400	18.000	8.900	377.000	250.000	77.000	50.000
ЮАР	136.900	118.000 (4.000)	4.500 (300)	9.000 (400)	890.000	890.000	—	—

ТАБЛИЦА № 3

Страна	ВНП за последний год в млрд. долл.	Доля ВНП на душу населения (долларов)	Военный бюджет 1994 г. в млрд. долл.	Военный бюджет 1995 г. в млрд. долл.	Военный бюджет 1996 г. в млрд. долл.	Доля военных расходов в ВНП
США	6.736,9	25.400	263.3	263.5	257.8	3.8
Бельгия	227,79	18.800	3.95	3.45	3.44	1.5

Таблица № 3 (продолжение)

КАНАДА	548,37	21.400	8.45	8.14	—	1.48
ВЕЛИКО-БРИТАНИЯ	1.023,3	17.300	34.88	34.48	34.8	3.4
НИДЕРЛАНДЫ	329,8	18.300	7.42	8.56	—	2.6
ИРЛАНДИЯ	51,74	13.400	0.622	0.7	—	1.35
САУДОВСКАЯ АРАВИЯ	128,1	10.400	14.3	13.2	—	10.3
ИНДИЯ	270,2	1.300	7.33	8.12	—	3.0
ПАКИСТАН	51,2	2.200	3.4	3.7	—	7.2
АВСТРАЛИЯ	415,7	18.400	7.08	7.35	—	1.77
ЯПОНИЯ	4592,0	20.900	45.8	53.8	—	1.17
МАЛАЙЗИЯ	69,9	9000	2.05	2.41	—	3.44

Таблица № 3 (продолжение)

НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ	49,94	15.500	0.544	0.599	—	1.2
ФИЛИППИНЫ	63,88	2.600	0.848	1.004	—	1.57
АРГЕНТИНА	200,3	6.300	3.09	3.14	—	1.56
ЮАР	121.9	5.900	3.41	2.87	—	2.35

ТАБЛИЦА № 4

США	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.
ВОЕННЫЙ БЮДЖЕТ В МЛРД. ДОЛЛ.	255,1	259,3	264,4	270,9	280,0	288,3
РОСТ В % ПО СРАВНЕНИЮ С 1996 Г.	— 6,0	— 0,2	0.0	0.5	0.6	0.2
ДОЛЯ ВОЕННЫХ РАСХОДОВ В ВВП В %	3.2	3.1	3.0	2.9	2.8	2.8

ТАБЛИЦА № 5

Страна	Военный бюджет в млрд.долл.	Содержание л.с. в млрд.долл.	В % к военному бюджету	Закупки оружия и техники в млрд.долл.	В % к военному бюджету	НИОКР в млрд.долл.	В % к военному бюджету
США	263.5	74.0	28.08	44.6	16.9	35.4	13.4
Бельгия	3.45	1.1	31.8	0.6	17.4	0.1	2.9
КАНАДА	8.14	2.5	30.7	2.7	33.1	0.1	1.2
ВЕЛИКО-БРИТАНИЯ	34.48	10.9	31.6	10.0	29.0	2.8	8.1
НИДЕРЛАНДЫ	8.56	2.4	28.0	1.3	15.1	0.1	1.1
Индия	7.33	1.89	25.8	2.3	31.4	0.261	3.5
Япония	53.8	16.4	30.5	8.3	15.4	1.5	2.8

Заключение

К ВОПРОСУ О ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АРМИИ РОССИИ

*Нет хорошей армии — нет
истории, нет нации.*

Михаил Меньшиков

*Армия должна быть не такой, к
какой мы привыкли, а такой, какая
нам нужна.*

Шарль де Голль

ШАРЛЬ ДЕ ГОЛЛЬ И “ВЕЧНАЯ РУССКАЯ АРМИЯ”

Через собственные дела и мысли, через богатый опыт военного строительства XX века Шарль де Голль донес до нас, русских, преступно забываемые нами истины: армия является опорой и хранительницей духа нации, держится военным профессионализмом; военное ремесло есть служение великому делу; военная сила должна осознавать свою первостепенную роль; офицер — это не только военный профессионал, но и государственный, человек, ответственный за судьбу Отечества. Произведения де Голля, формируют понимание необходимости такой армии, которая способна спасти и защитить Россию. Не случайно к его мыслям и делам, как примерным, обращаются все больше людей, переживающих за Вооруженные Силы России. Вот, что пишет, например, К. Раш:

Его противники знали, что он безразличен к власти, деньгам и славе, и все, что он делает, только из понимания своего служения Франции. Они знали, что он дворянин и офицер до мозга костей. Его не остановят бомбы и пули заговорщиков. Как человек чести, он чувствителен только к оскорблению достоинства. Это оружие было пущено в ход и сработало. Он дрался, правил и жил как офицер до последнего вздоха. “Возраст существует только для бездарей”, — говорил Герман Гессе. Де Голль покидал свой пост в 77 лет, полный такого же достоинства и непреклонности, как в юности. Шарль де Голль — эталон офицера. Он уважал “вечную русскую армию”. Российские офицеры не должны этого забывать.

Мы вспомнили здесь именно де Голля по многим причинам. Прежде всего за то, что он сохранил в себе **дух офицера и верность Родине** не в минуты ее торжества, а в дни унижений и разгрома. Во-вторых, возглавив страну, которая своим освобождением была обязана союзникам, он в системе НАТО был единственным, кто сохранил право на самостоятельные шаги, вывел Францию из военной организации НАТО и соблюдал с блоком благородную дистанцию. Для нас это вдвойне поучительно. Мы, по примеру де Голля, можем войти в НАТО настолько, чтобы иметь блок всегда дружественным, но и не

сливаться с ним, по нашему обыкновению, до “братских слюней”.

Но главное для нас в де Голле, как в офицере и государственном деятеле — это его непоколебимая вера в то, что как для отдельного человека, так и для страны в целом никогда бытие не определяет сознания. Мы забыли об этом, и вот последние десять лет социальное “хрюканье” заглушает все звуки на просторах святорусской земли.

За десять последних лет ни один военный, как и ни один гражданский человек в России, даже не приблизился к решению любимой всеми бездельниками темы, которую они называют “реформа армии”. Это не может не пугать, ибо говорит о тотальной деградации общества. В правильно поставленной задаче, говорят, уже заложена половина ее решения. У нас саму задачу ставят извращенно. Несомненно, армию следует сокращать, реорганизовывать и перевооружать. Но это не главная часть военного дела. Полководцы всех времен на основе боевого опыта пришли к выводу, что в балансе победы на материальные силы приходится только одна пятая часть. Зато четыре пятых приходится на нравственную мощь войск, на дисциплину, войсковое братство — словом, на **дух армии**. Но именно этих четырех пятых реформаторы боятся как нечистый ладана. О том, что следует начать с четырех пятых, — не сказал ни один человек: ни из демократов, ни из патриотов, ни из военных, что особенно прискорбно<...>

Мы знаем, что при любых смутах и потерях пути, когда все институты государства разлагаются, **армия** и особенно ее **офицерский корпус** держатся дольше всех <...> Наш святой долг — помочь всем, кто носит погоны, сохранить внутреннее достоинство и осознать, что у России, по сути, кроме них, никого нет, и они ее последняя нравственная опора.

Долг офицера — не поддаваться на политические призывы и провокации. Ему надо только служить и **возрождать традиции русского воинства** — сегодня это будет наивысший вклад в будущее России. Возрождение армии и России — неотвратимо. Чем больше шельмуют, поносят и клеветают на армию, тем чище и спокойнее должно становиться офицерство. **”России без армии, как без души, жить невозможно”**, — сказал Отец Отечества, Петр Великий. Какой бы мутный прибой с грязной пеной ни бился у основания армии, она должна помнить, что это испытания, которые посланы офицерству,

чтобы оно еще раз доказало миру, что у России нет лучших сынов, чем ее солдаты (1).

Шарль де Голль полагал, что Францию спасет специализированная армия: отборная, качественная, проникнутая духом военного искусства и служения Родине. Армия, способная: поддержать величие Франции, повысить эффективность призывной военной системы, возродить военное дело и военную профессию, восстановить наступательность, боевые традиции и воинский дух. **“Профессиональная армия, — отмечал в 30-е годы подполковник де Голль, — очевидно, представляет для воинского духа наиболее подходящую почву. Остается сделать так, чтобы эта совокупность намерений и чувств превратилась на этой благодарной почве в практическую военную мощь”** (2).

Размышления де Голя о Франции и ее армии удивительно перекликаются с уроками российской истории и выводами русской военной мысли. Лучшие представители России всегда стремились к созданию национально мыслящей, крепкой воинским духом, искусством и профессионализмом военной системы. Они понимали, что выживание российского государства определяется боевым качеством его вооруженных сил. Всегда ратовали за настоящую армию, пытались создать и укрепить “прибыльную для боя” государственную вооруженную силу.

Уже в Киевской Руси была выработана, а в последствии, к сожалению, забыта, идеально подходящая для России военная система, в которую входили *княжеские дружины из воинов-профессионалов и народное ополчение* — временное войско, собираемое, как правило, только на случай серьезной войны. Нередко дружины усиливались *наемными войсками* со стороны, что позволяло народу заниматься мирным трудом, экономило его силы.

Господствующей военной системой Московской Руси становится *поместное войско*, — временно собираемая и достаточно часто используемая милиционная вооруженная сила. Профессиональная армия как самостоятельная единица исчезает. В разное время ее функции отчасти выполняют *стрелецкие полки и полки “иноземного строя”*, которые по сути остаются той же милицией. В смутное время начала XVII века о стрельцах вообще ничего хорошего не было слышно. Москва спасалась обученной в соответствии с передовыми достижениями нидерландской военной школы русской ратью во главе

с М.Скопиным-Шуйским (1610 г.) и, позднее, хорошо подготовленным и вооруженным народным ополчением К. Минина и Д. Пожарского (1612 г.).

Российская империя возникает и укрепляется в результате побед и успешных действий *профессиональной (регулярной) вооруженной силы*, созданной Петром I. Долговременный, хотя и принудительный, характер национальной воинской службы приводит к расцвету русского военного искусства, к созданию полководческой школы, связанной с именами Петра I, П. Румянцева, А. Суворова, Ф. Ушакова, М. Кутузова и другими. **“Русская армия XVIII века — прежде всего армия отборная; этим и объясняются все ее подвиги в тот великий век”**, — полагает историк и замечательный публицист А.А.Керсновский.

Принудительно-профессиональная армия в конечном итоге оказалась непосильной для государства и при Николае I, достигнув численности в 1,5 млн. человек, фактически разложилась как боевая сила. Уже со времен Павла I и Александра I стали исчезать военное искусство и боевой дух войск, появились плацпарадность и муштра, достоинство личного состава стало унижаться, а его недовольство расти. На этом фоне Отечественная война 1812 года еще раз наглядно показала, что военная победа была обеспечена созданием естественной для России и в наибольшей степени ей подходящей военной системы: для усиления регулярной армии на случай большой войны заранее была подготовлена **милиция** (1807 — 1812 гг.), которая действовала на полях сражений, выполняя вспомогательные функции. (240-тысячная профессиональная армия, уже обладавшая боевым опытом, была усилена 420-ти тысячным ополчением). Но вслед за этим лучшая армия Европы (в том числе и боевые войска) была наполовину превращена в военные поселения, в которых к 1835 году имелось 375 тысяч человек, а оставшаяся часть занималась в основном “фронтowymi” упражнениями.

В результате такой политики внешне профессиональная (с долгим сроком службы под знаменами) вооруженная сила превратилась в разновидность бюрократической армии и, насчитывая во время Восточной войны 1853-56 гг. почти 2,3 млн. человек, потерпела сокрушительное поражение в Крыму от стотысячного десанта англо-французских войск. В ходе последовавшей военной реформы Александр II и его военный

министр Д.Милютин сознательно отказались от сохранения профессиональной армии, даже в малом составе, и перешли на модную тогда в Европе систему “вооруженного народа”, которая превратила вооруженные силы России в “штатское” войско, лишенное настоящего боевого духа. Прикрываясь кадровой системой, российская армия с тех пор двигалась не в сторону профессионализации, а, наоборот, шла скрытомилиционным путем, несмотря на то, что сложные политические условия и военное дело требовали укрепления массовых армий по крайней мере отдельными профессиональными частями. В связи с этим в XX веке страна утратила устойчивость развития и вступила в полосу государственных переворотов, военных поражений и периодических разложений.

Неудачная военная система, сложившаяся в ходе данной “эволюции”, не соответствует исторической тенденции и государственным интересам России. Она не способна надежно защитить российское государство от внутренних и внешних угроз, “перемешивает” профессионалов и любителей, нейтрализуя их положительные качества, и тем не менее, что парадоксально, продолжает существовать и воспроизводиться последние два века, несмотря на разные политические системы и режимы. Она опасна своим непрофессионализмом, видимостью постоянной армии, которая содержится государством в мирное время, но в случае серьезной войны прячется за спину народных масс, из-за неподготовленности превращая их в “пушечное мясо” на полях сражений.

Модель “прибыльной военной силы”

Давно пора отказаться от военной системы, “удобной” для политических временщиков, обслуживающих их генералов и противников России. Пора воссоздать не обременительную для общества, но эффективную для войны (боя) вооруженную силу, контуры которой не раз уже были обозначены нашей собственной историей, прекрасно раскрыты в работах Шарля де Голля и наглядно представлены в современной организационной структуре добровольческих вооруженных сил США и Англии, в военных

системах которых наряду с профессиональными регулярными компонентами существует и милиция, предназначенная для боевого и тылового обеспечения войск, обороны территории страны (Национальная гвардия и организованный резерв ВС США, Территориальная армия Великобритании).

Нельзя надеяться на то, что в таком сложном, неустроенном и периодически стагнирующем государстве, как Россия, можно в порядке и на уровне требований военного искусства содержать большую постоянную армию. Но из многочисленной вооруженной силы, весьма условно занимающейся боевой подготовкой, можно (и нужно -!): создать прекрасную *краткосрочную милиционную армию (ополчение)* — своего рода национальный резерв на случай войны (3); отобрать (не набрать - !) *малую профессиональную армию*, состоящую в значительной степени из офицеров, прапорщиков и солдат, имеющих боевой опыт и прошедших через Афганистан, Чечню и другие горячие точки бывшего Советского Союза. Таким образом на военной службе, но в разных армиях единой военной системы сохранятся профессионалы. Будут готовиться, взаимодействовать и взаимоусиливать друг друга, максимально используя положительные качества, два типа вооруженных сил (постоянные войска и милиция). В этом заключается единственно возможный путь преодоления перманентного кризиса Вооруженных Сил России, восстановления ее действительной, а не иллюзорной военной мощи. Франция упустила такую возможность в 30-е годы, несмотря на страстную проповедь подполковника де Голля, и потерпела сокрушительную катастрофу. Российское руководство в 1917 году не смогло сформировать спасительную 300-тысячную отборную армию (4) из многомиллионного вооруженного “полчища”. В следствие этого к власти пришли большевики, началась гражданская война, последовали репрессии, кровавая война 1941-45 гг. и в целом внеисторическое развитие страны.

Если официальные военные власти предпочитали, начиная с середины XIX века, опираться на массу и количество, прикрывая слабо подготовленное полумилиционное войско фиговым листком постоянной армии (вводя тем самым народ и себя, но не противника, в заблуждение относительно истинной военной мощи России), то военные специалисты прозорливо указывали на слабость и опасный характер установившейся в России

военной организации. В интересах качества они предлагали возродить в единой системе, освобожденный от уродливых форм и наслоений, исконно русский тип вооруженной силы: **профессиональную армию и земское войско, взаимно усиливающие друг друга**. В основе этих предложений лежал исторический урок, усвоенный со времен Петра I: милиционное войско не обеспечивает надежной защиты России и не способно существовать без мощного профессионального ядра; в то же время и регулярная (профессиональная) армия, необходимая российскому государству, не в состоянии в одиночку, без народного ополчения, вести серьезные войны, в которые чаще всего вовлекалась наша страна. В этой связи, задолго до появления работ де Голля, русские военные мыслители, ратовали за возрождение военного профессионализма, за создание малой отборной армии и в целом **профессионально-милиционной военной системы**:

Ростислав Андреевич Фадеев

С 1812 года наша армия разрослась, но не собственно армия, понимаемая под этим названием силы, действительно противопоставляемые врагу, а недействующая, мертвая часть армии, относящаяся к ее живой части, как зарытый в земле фундамент дома относится к ее жилым комнатам. Тогда отсутствие твердых начал, произвольность военных учреждений и подражание неподходящим образцам стали живо чувствоваться в государственном строе и в народной экономике. Постоянная миллионная армия с 25-летним сроком службы, в которой подвижных войск было не более как наполовину, которая, забирая целые поколения, никогда не возвращала их назад, обращая в военно-потомственное сословие всякого человека, которого прикасалась, стала действительно бременем. Она истощала народ гораздо в высшей степени, чем могла защищать его. Это ненормальное положение дела разрешилось всем памятной катастрофой: на второй год Восточной войны у нас состояло 2.230.000 людей на казенном пайке, а под Севастополем, где решалась участь гигантской борьбы, едва ли было налицо в рядах более ста тысяч штыков. Половина вины в этом случае может пасть на бездорожье и спешность вооружений, потребность которых не предвидели заранее; другая половина падает на тогдашнюю систему или, лучше сказать, бессистемность военных учреждений<...>

Нам нужна сколь возможно сильная боевая армия из отлично обученных солдат, если можно не слишком краткосрочных, а за армией – достаточно подготовленные народные силы, для образования неопределенного числа резервных войск, сколько бы их ни потребовалось, и безостановочного пополнения армии в военное время<...>

При громадном и верном населении, но при слабых в то же время финансах Россия не может обнаружить всю свою силу посредством од-

ной постоянной, долгосрочной, если можно так выразиться — солдатской армии. Ополчение нам совершенно необходимо. При громадном протяжении наших пределов одной постоянной армии, хотя бы значительно усиленной против нынешнего, не станет на двойное дело — ограждать пределы против всякого покушения и встретить врагов равносильною им массой на главном пункте... Но ополчение главнейше нужно для того, чтобы сосредоточить действующие войска против неприятеля не в разгар войны, когда дело уже отчасти решено, но к началу ее <...> Ополчением же можно заменить все, что носит военный мундир, не принадлежа к действующим боевым войскам, за исключением технических частей, нуждающихся в долгом обучении <...> Чтоб на ополчение можно было рассчитывать, оно должно стать постоянным государственным учреждением <...> Рассчитывать на земскую силу, не подготовленную заранее, не приведет ни к чему <...> (1868 г.)

Михаил Осипович Меньшиков

Что государства подавлены содержанием огромных полчищ — это бесспорно, но армии ли эти полчища? Насколько они удовлетворяют военным и государственным требованиям? Вопрос чрезвычайно острый — особенно у нас и во Франции, с которых военное разложение началось. А что если эти необъятные толпы молодежи, плохо воспитанной, наскоро кое-чему обученной, зараженной общею распущенностью, только даром едят народный хлеб? Что, если в минуту национальной опасности армия первая изменит своему Отечеству? Надо вдуматься в это серьезно <...>

Что же делать, вы спросите? Как я уже не раз писал, следует отречься от гибельного предрассудка демократизации армии. Если нельзя сразу, то необходимо, хоть постепенно, но настойчиво переходить к старой, разумной системе, к системе постоянной армии, армии не количества, а качества. Обучайте военному искусству весь народ, но не смотрите на это как на армию <...> Серьезную военную силу набирайте лишь из способных людей и нравственно подходящих, причем основным условием надо ставить то, чтобы они посвятили себя службе не на время, а навсегда. Только такая постоянная армия, с долговременной привычкой к дисциплине и к идее долга, может быть оплотом государства. Армия берется, конечно, из народа, но она не должна быть народом: или она обращается в милицию, в вооруженное сборище, опасное более для своего Отечества, чем для врага... *Для спасения государств, угрожаемых более изнутри, чем извне, необходимы хоть небольшие, но постоянные армии, необходим строгий отбор людей, по призванию и таланту* <...>

У нас давно понятна выгода оставлять на службе хороших солдат; им дается повышенное жалованье и льготы. Но эта верная мысль проводится слишком робко. Нужно не оставлять известный процент, а **составить особую гвардию постоянных войск**, где солдатами служили бы не три, а тридцать лет. Пусть, ввиду значительных расходов, такая гвардия на первый раз не превышала бы ста тысяч человек. Неужели среди

населения в 140 миллионов душ не найдется ста тысяч человек с действительным военным призванием?<...> Сделайте только военную службу не слишком невыгодной для солдат и явится сколько угодно охотников, как их является, например, в Англии <...> Соответственное уменьшение обыкновенной армии, собирающейся по воинской повинности, позволило бы содержать постоянные войска без приплат казны. Приплаты неизбежны, но большая выгода не даром дается.

Государству нужны ученые, художники, писатели, врачи. Но если бы ввели всеобщую ученую, художническую, писательскую, врачебную повинность, все нашли бы это очень странным. Хорошо понимают, что не всякий может быть врачом или живописцем. Но вот в отношении солдата думают, что им может быть всякий <...> Ошибка грубая, которая может сделаться роковой. Мы послали на Восток кое-каких солдат и были не только они разбиты, но и Россия. Совсем не то было бы, если бы было послано хоть вчетверо меньше, но отличных войск <...> (1906-1907 гг.)

Александр Владимирович Геруа

<...> И теперь еще есть поле для полезной деятельности гвардии. Весь вопрос только в том, чтобы русская гвардия не отходила от заветов своего Основателя, заветов *боевой и серьезно-служебной школы отборного личного состава* <...>

Нивелировка в основу организации вооруженной силы государства может быть положена лишь при условии, что данная страна обладает однообразным материалом для пополнения всей массы армии вообще и ее основы — офицерского и унтер-офицерского корпусов, в особенности. Дошли ли мы до подобного идеала? К сожалению, нет. Благодаря этому мы не получили права, наподобие Германии или Японии, провести у себя во всей чистоте принципы нынешней армии, “вооруженного народа”. Следовательно, прочность организационной сплоченности своей армии мы должны основать на другом принципе, на частном подборе сравнительно малочисленных однородных элементов комплектования в особые единицы, которые затем, путем полезного взаимодействия, должны служить общеармейскому делу.

Одной из таких единиц и должна быть наша гвардия. Она, как “якорь”, закинутый еще Царем-Преобразователем, должна удержать корабль нашего “регуляторства” среди начинающейся бури милиционирования и уже гуляющей бури умственной и всякой другой смуты, проникающей и в слабые войсковые части <...> *Выход только один: среди современного “штатского” войска кратчайших сроков службы, которые правильнее было бы назвать не сроками службы, а лишь учебными сборами, создать хотя бы один корпус с длинным сроком состояния под знаменами. Естественно, этот корпус — Гвардия.*

Ее офицеры, где по возможности должно быть много обстрелянных, получая командные должности в армии, и ее солдаты, назначаясь на унтер-офицерские вакансии туда же, могли бы быть проводниками истинно солдатских традиций в лучшем значении этого слова. Быть может это единственный способ разрешить и наш большой унтер-офицерский вопрос <...> (1907 г.).

Впредь превосходство сил будет измеряться не миллионами поставленными под ружье людей, а превосходством техники и организации. А последняя потребует, чтобы в армии не было бы “плюшкинской” кучи “гражданских” солдат, а было бы возможно более “военных” солдат <...> Ценность техники — в возможности уменьшить армию без ущерба для обороны страны. Но это исполнимо только при условии строгого **отбора и подбора** в деле организации. В противном случае техника может вернуться против организатора, т.е. современного государства <...>

Вся военная организация построена именно на этом моральном фундаменте: самое трудное в ней не получение огромных по численности итогов мобилизованных войск, а такая комбинация призванных элементов, чтобы они работали наиболее продуктивно <...> Взять человека, вооружить, обучить и бросить в бой — подобный способ граничит с полным безумием, избобличающим совершеннейшее невежество в вопросах строительства вооруженной силы <...>

Все нынешние военные выросли в мысли, что ничего не может быть хуже наемника и ничего нет лучшего, как солдат-гражданин. А между тем современная жизнь начинает все чаще и чаще показывать, что могут быть положения, когда наемник бывает несравненно лучше солдата-гражданина <...>

Ввиду назревающей мировой классовой борьбы нужно в армию ввести независимые от политических влияний **наемные контингенты**, которые, служа власти, поставленной демократией, не будут орудием анархии и разрушения существующего строя.

В то же время эти контингенты сохраняют и поддержат упадающую профессиональность, специализацию военного ремесла, без чего не может существовать ни одна специальность, в особенности день ото дня все более осложняющаяся, военная.

Демагогия должна быть заменена и в армии, и в демократии дисциплиной и деловой работой <...>

Путь для спасения от грядущих бедствий — в проведении принципа разделения труда при организации армии. Ради экономии народных сил нужно стараться постепенно **выделить военную специальность** так, как это существует и считается естественным и необходимым для других специальностей. Конечно, это может быть исполнено лишь постепенно, но уже ныне можно наметить то *равновесие между милицией и наемниками* (профессионалы тоже), которое в будущем должно вывести военную организацию не только на путь столь желаемых народами облегчений личной воинской повинности, но и сокращения вооружений вообще.

Словом, как XIX век работал над слиянием армий с народом, так XX столетие уже трудится над их разобщением <...> (1923 г.) (5).

На пути к профессиональной вооруженной силе?

I.

Воистину, “нет пророка в Отечестве своем”. Предложения о создании профессиональной армии, усиливающей призывную военную систему и предотвращающей ее упадок, оставались до сих пор без применения. Подкрепленные авторитетным мнением и делами Шарля де Голля, опытом профессионализации французской и других западных армий, они возможно будут, наконец, услышаны российским руководством, которое почти вслепую, поверхностно-подражательно, и не всегда с желанием ищет пути создания профессиональных вооруженных сил России. Но сам этот поиск уже позитивен. Если не на практике, то в общественном сознании, наметились **обнадеживающие тенденции**:

* Профессиональная армия, служащая своему государству-Отечеству, не отождествляется однозначно с наемной вооруженной силой, а рассматривается как средство преодоления кризиса существующей военной системы. Попыток использования профессиональной армии в этом качестве в истории России более чем достаточно. Для определенных временных периодов можно даже говорить об устойчивой традиции профессионализации, которую следует сегодня возродить.

* Возникло, наконец, понимание, что принудительная военная система, в любом ее виде, не производит “прибыльную для боя” силу, плохо защищает Россию, тормозит качественное развитие военного дела, как и любой принудительный труд. Незыблемый принцип всеобщей воинской обязанности (который на практике полностью никогда не был всеобщим), стал подвергаться сомнению, что открыло дорогу идее добровольческого комплектования российских вооруженных сил (по контракту).

* Общественное мнение фактически вынесло приговор военной системе, неспособной надежно защитить Россию, служба в которой угрожает здоровью (психическому и физическому) и даже самой жизни военнослужащих. Из принудительной армии солдаты и офицеры бегут почти 300 лет, в такой армии не хотят служить; она сама требует защиты, унижена, духовно разложилась и почти перестала заниматься боевой подготовкой. Народ, в лице гражданской общественности, вы-

ступает за профессиональную армию (6), сокращение срока действительной воинской службы, ее привлекательность и полезность. А в эпоху демократизации тип вооруженных сил создается в соответствии с интересами народных масс и господствующим направлением общественного мнения. Он формируется при общественной поддержке и гражданском контроле.

* Профессиональная и милиционная армии не противопоставляются друг другу до взаимоисключения. Выступления против профессиональной армии чаще всего носят демагогический характер (“в России никогда не было наемной армии”), скрывают желание, не думая об интересах защиты страны, жить удобно и привычно в изжившей себя военной системе, оправдывая бездеятельность и безответственность объективными обстоятельствами (“призывники негодные, у офицера нет времени их обучать, некомплект личного состава и т.д.”). Они объясняются нежеланием серьезно относиться к военному делу, напрягать все силы для преодоления кризиса вооруженных сил, создания и совершенствования армии высшего качественного уровня. Все больше осознается несостоятельность доводов о том, что профессиональная армия будет дорого стоить, что она требуется “новым русским” и приведет к кровавым войнам. Россия умывалась кровью именно при системе “вооруженного народа”, допуская войны и перевороты XX века и способствовавшей уничтожению по крайней мере 60-80 миллионов россиян! Чистая “народная армия” выгодна только для опасных политических игр: ее можно бросить в мясорубку ненужной войны и оправдать просчеты; ее можно разложить и использовать для насильственного захвата власти (1917 г.); ее можно лишать военных специалистов и применять против народа (сталинский период); ее можно “защитить”, создавая на этой основе массу организаций и полуполитических движений сомнительного толка.

* Переход к профессиональной армии предусматривается во многих неофициальных проектах военной реформы. Чаще всего он обуславливается опытом США и других государств, которые уже обладают добровольческими вооруженными силами. Реже, но уже не в виде исключения, появляются предложения о возрождении традиционной для России военной системы, ядром которой стала бы “малая боеспособная

* С 1996 года понятия "профессиональная армия", "профессионализм", "профессиональные основы" стали все чаще утверждаться в речах и статьях официальных лиц российского государства, а также в документах, определяющих направленность военного развития России. Был издан "исторический" Указ Президента РФ № 722 от 16 мая 1996 года **"О переходе к комплектованию должностей рядового и сержантского состава Вооруженных Сил и других войск Российской Федерации на профессиональной основе"**:

В целях укрепления авторитета военнослужащих, престижности военной службы, модернизации армии, повышения ее боеготовности и в соответствии с основными направлениями военной реформы в Российской Федерации постановляю:

1. Перевести с весны 2000 года Вооруженные Силы и другие войска Российской Федерации на комплектование должностей рядового и сержантского состава на основе добровольного приема граждан на военную службу по контракту с отменой призыва на военную службу, завершив к 2000 году отработку порядка поступления граждан Российской Федерации на военную службу по контракту.

2. Правительству Российской Федерации до 1 декабря 1996 года предоставить Президенту Российской Федерации:

а) систему мер, стимулирующих привлечение граждан к военной службе на должностях рядового и сержантского состава по контракту;

б) проекты законов о внесении изменений и дополнений в действующее законодательство, обеспечивающих переход к военной службе на профессиональной основе.

3. Установить, что при разработке проектов федерального бюджета на очередной год, начиная с проекта федерального бюджета на 1997 год, предусматривать приоритетное финансирование мер, способствующих привлечению граждан к военной службе на должностях рядового и сержантского состава по контракту.

Президент Российской Федерации

Б.Ельцин (8).

Почти миллионная контрактная армия (контракт с МО РФ подписали все офицеры, прапорщики, сверхсрочнослужащие, курсанты и немалая часть сержантов и солдат) тем не менее осталась прежней, мало напоминающей профессиональную вооруженную силу. Более того, офицеры, например, из пожизненных профессионалов стали "солдатами на время" — превратились в контрактников. Среди добровольцев, прочное место заняли женщины, вынужденные искать работу в гарнизонах, что также не прибавило армии профессионализма (9). В

этих условиях переход армии на профессиональные основы к 2000 году оказался нереальным, и военная реформа началась с реализации других задач.

Весной 1997 года президент РФ заявил:

Главная задача военной реформы — качественное повышение обороноспособности страны. Мы знаем, что есть возможность сделать это более разумно, на основе новых принципов формирования Вооруженных Сил. **Наша перспективная задача — переход к профессиональной армии.**

В России профессиональная армия будет. Если говорить о XXI веке, уверен, только она позволит сохранить боеспособность Вооруженных Сил и потенциал ядерного сдерживания<...>

Знаю, начинать военную реформу приходится в очень трудных условиях. Но начинать надо. Это единственный путь возрождения Вооруженных Сил страны, их боеспособности, их славы (10).

Летом 1997 года Президент РФ в очередной раз объявил о начале военной реформы, не упоминая прямо о профессиональной армии:

Стратегическая линия состоит в том, чтобы идти дальше, качественно улучшать жизнь военнослужащих, вернуть военной профессии былой престиж и уважение россиян <...>

Что особенно важно: современные Вооруженные Силы должны быть компактны, мобильны и оснащены современным вооружением. Суворовский девиз — “не числом, а умением” — в XXI веке становится еще более важным <...>

Задача Вооруженных Сил — только ратное дело.

Военный человек не должен отвлекаться на решение простейших жизненных и бытовых проблем, думать о том, как ему и его семье выжить. Его высокое призвание — служить Отечеству (11).

В основу военной реформы был положен Указ Президента Российской Федерации №725с от 16 июля 1997 года **“О первоочередных мерах по реформированию Вооруженных Сил Российской Федерации и совершенствованию их структуры”**.

Суть указа — в сокращении, оптимизации и структурной перестройке Вооруженных Сил. Численность военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации устанавливается в количестве 1,2 млн.единиц (с 1 января 1999 г.). Ракетные войска стратегического назначения, Военно-космические силы и войска ракетно-космической обороны Войск противовоздушной обороны преобразуются (до 1 января 1998 г.) в единый вид — Ракетные войска стратегического назначения. Войска

противовоздушной обороны упраздняются как вид вооруженных сил и включаются в Военно-воздушные силы (до 1 января 1999 г.). Военным округам придается статус оперативно-стратегических (оперативно-территориальных) командований на соответствующих стратегических направлениях (12). К 2005 году планируется переход к трехвидовой структуре Вооруженных Сил, с последующим их перевооружением (до 2025 г.) на новейшие образцы оружия и военной техники.

В данном варианте реформирования Вооруженных Сил вопрос о создании профессиональной армии, к сожалению, не поставлен даже в плане перспективной целевой установки, которая дается в самом общем виде. Министр обороны Российской Федерации генерал армии И.Д.Сергеев отмечает:

Цель реформирования предельно ясна. Необходимо привести Вооруженные силы в соответствие с современными военно-политическими реалиями и возможностями государства. Повысить их боеготовность и боеспособность за счет оптимизации структуры, состава и численности, подъема качественного уровня технической оснащенности, подготовки и обеспечения, социального статуса военнослужащих <...> В процессе реформирования мы должны преодолеть трудности и создать новую армию, отвечающую требованиям новой России. Армию, в которой будет почетно и престижно служить. Армию, способную надежно защитить Отечество (13).

Неопределенность главной цели военной реформы касательно проблемы профессиональной армии, приводит к тому, что даже люди, далекие от военного дела, отмечают это как малопонятный факт и требуют от руководства страны определиться. В статье “Профессиональная армия обойдется обществу дешевле” депутат Государственной думы Оксана Дмитриева в частности пишет:

Я не специалист в чисто военной области, но армия — это огромное хозяйство, где в совокупности занято более 2 млн. человек и куда уходят колоссальные денежные средства — около 20% всех расходов бюджета. Я считаю, что, реформируя армию, прежде всего необходимо дать ответ на принципиальный социально-политический вопрос: **какая у нас будет армия** — профессиональная или она по-прежнему будет формироваться на основе всеобщей воинской обязанности. От этого будут зависеть вопросы финансирования, правовые и социальные вопросы, страховые гарантии военнослужащим.

Пока у нас в армии настолько сильны социальные и финансовые проблемы, что решить их может только ее перевод на профессиональные рельсы. При этом не следует сильно переоценивать расходы на профессиональную армию, поскольку она у нас уже сейчас на две трети профессиональная. Только треть военных служит по призыву. В настоя-

щее время ни один документ, посвященный армейской реформе, так и не ответил на вопрос о том, какая же армия у нас будет (14).

Ответом на этот назревший вопрос можно пока считать только упомянутые заявления Президента Российской Федерации и убежденность Министра обороны в том, что военная реформа закончится успешно созданием в перспективе профессиональной армии. По его мнению с военной техникой будущего никакой обычный призывник не справится, этим должны заниматься профессионалы, в среде которых не будет рецидивов сегодняшних Вооруженных Сил. "Мы обязательно перейдем к комплектованию армии на профессиональной основе, — отметил глава военного ведомства во время работы 14 - 15 октября в войсках Московского военного округа, — но это процесс не быстрый, и он не может быть завершен к 2000 году" (15).

В общей концепции военной реформы, или в ее стратегической (перспективной) программе придется определиться с этим жизненно важным для России вопросом.

Что необходимо учитывать при создании профессиональной армии

Отечественная история и опыт развития военной силы почти 70-ти государств мира по пути профессионализации указывают на оптимальную для России военную систему, ядром которой является малая, но отличная (отборная) профессиональная (в полном смысле этого слова) армия. Сегодня существует уникальная возможность создать и укрепить ее, используя собственную историческую традицию, при духовной поддержке предков, при помощи опыта и капитала знаний, который они разработали. Естественно, и на основе достижений мировой военной культуры. Чтобы масштабная военная реформа, связанная с возрождением военного дела и созданием профессиональной армии, не осталась благим пожеланием или не оказалась пустым и негодным предприятием, необходимо придерживаться определенной линии и учитывать следующие проблемы:

■ **Нельзя игнорировать тот факт, что в стране за полтора последних столетия возникла устойчивая генерация политиков и военных, которые боятся и ненавидят даже самую идею профессиональной армии, так как она требует ответ-**

ственного отношения к судьбе России и ее защите. Их интересы кровно связаны с системой “вооруженного народа” и они всячески будут пытаться ее реанимировать, невзирая на уроки истории. Скрытый идеал этих людей — **непрофессиональная армия**, оправдывающая некомпетентность, требующая милитаризации страны (больше людей, оружия и техники) и служащая местом для “кормления”. У них есть союзники: непримиримая оппозиция, криминал, сепаратисты и другие, желающие править Россией по своему усмотрению и заинтересованные в существовании слабой политизированной вооруженной силы, которая не могла бы противодействовать незаконным вооруженным “армиям”, способствовала бы их подготовке и оснащению. Все эти силы будут стремиться дискредитировать профессиональную армию еще до момента ее создания, или же станут пробивать какой-нибудь фантастический проект ее становления, чтобы нужное и полезное для России дело обернулось крахом (очередным неудачным экспериментом). Непоследовательной, нерешительной, “непротивленческой” политикой, скрытым стремлением сохранить существующую военную систему, “оптимизировав” и подсократив ее, правительство рискует сыграть на руку антигосударственникам, приведя страну к новому у 1917 году.

■ **Вопрос о необходимости создания “настоящей армии” (по выражению Петра I), которой держалась Россия и которая гарантирует ее будущее, давно уже решен как российской историей, так и эволюцией военного дела.** Нельзя в очередной раз тратить массу времени на дискуссии и пустословие, в то время как ставшая уже полу-милиционной постоянная армия разлагается, а славная и грозная когда-то российская вооруженная сила бледно выглядит сегодня в сравнении не только с армиями НАТО, США, Китая, но и продемонстрировала неэффективность в войне с ополченцами Чечни (субъекта Российской Федерации), которые закалились и стали почти профессионалами (за сверхкороткое время) в недавних боях с федералами!

Если не логика истории и не хронический военный кризис, то хотя бы этот позор и чувство стыда перед прошлыми поколениями должны заставить правительство и общество незамедлительно встать на путь возрождения военной профессии и создания профессиональной армии, опереться на заинтересованные созидательные силы и, как Петр I 300 лет назад, при-

ступить к планомерному осуществлению **исторически назревшей военной реформы** (16). Ее целевые установки должны формулироваться конкретно: упразднение системы “вооруженного народа”; возрождение профессиональной армии на основе отбора, добровольчества, традиций русского военного дела, достижений мирового военного искусства и требований технологической военной революции; восстановление традиционной для России (и важной для поддержки и усиления профессиональной армии) системы земского войска — народного ополчения, краткосрочнослужащего (от 6 до 12 месяцев на период военной реформы, а потом и менее), подготовленного, свободного от прежних недостатков и развивающегося по правилам милиционной вооруженной силы (17). Важно еще раз подчеркнуть: военная реформа не должна сводиться к бессмысленному сокращению и “оптимизации” старой военной системы (такой подход может еще больше разложить армию и вреден военному делу, требующему развития); в ходе реформы важно указать путь к будущей вооруженной силе, ее основные контуры и привлекательные черты; наличие малой профессиональной армии сложного и большого российского государства не исключает, а предполагает и даже требует создания резервной ополченческой армии (на случай большой войны, для поддержки отборной армии, для обеспечения принципа подготовленного участия каждого россиянина к вооруженной защите своего Отечества).

■ **Для России не нужна, невозможна и в определенной степени опасна наемно-добровольческая модель армии, создаваемая по образцу добровольческих вооруженных сил такого стабильного государства, как Соединенные Штаты Америки.** В российских условиях длительного дилетантства, отсталости и подражательства для выживания сразу требуется **армия высшего типа** — действительно боевая профессиональная армия, а не просто добровольческая, а тем более контрактная. Главными чертами этой армии должны стать: сознательный патриотизм и военное искусство; преданность военному делу и саморазвитие (недопущение разложения); боеготовность и мобильность; способность защищать страну от всех возможных угроз: внутренних и внешних, традиционных и нетрадиционных, скрытых и явных; умение предотвращать, а в случае необходимости вести победоносно, в

короткие сроки и малой кровью крупномасштабные и малые войны любого типа (от “компьютерных” до партизанских). Настоящая профессиональная армия должна создаваться “с опережением” и в ходе напряженной военной реформы. В России всегда обстоятельства были и будут сложными, а финансовые возможности ограниченными. Но весь отечественный военный опыт свидетельствует: лучше сразу создать качественную армию и поддерживать ее в “отличности” (выражение А.В.Суворова), нежели довольствоваться ее подобием, и бесконечными военными реформами, подсчитывая огромные материальные и людские потери после неудачных и изматывающих кровавых войн!

Создавая армию не по призыву, а по призванию и на основе военного искусства (мастерства) следует использовать подходящий опыт США, иметь в виду направленность военного развития лидирующей страны мира. Вооруженные Силы США, которые имели возможность и время серьезно готовиться к войнам, эволюционно развиваться от милиции к кадровой призывной военной системе и затем, после 1973 года, к добровольческой армии, движутся в направлении все большей профессионализации. Они стремятся быть не только отличными, но лучшими в мире, развивают в личном составе национальную гордость и патриотизм, возможность адаптироваться к любой обстановке и сохранять боеспособность в любых условиях, укрепляют воинский дух, повышают воинское мастерство. Вместе с этим создаются предпосылки для проведения не просто военной реформы, а военной революции, результаты которой позволят американской армии XXI века добиваться военно-политических целей за счет превосходства в высоких технологиях, преимуществ в организации, информатизации и сверхпрофессионализации (18).

■ **В процессе военной реформы нельзя допустить подмену курса: вместо создания настоящей профессиональной армии воплощать в жизнь обманчиво-привлекательный лозунг профессионализации вооруженных сил, угрожающий разложением российской армии в процессе создания так называемой смешанной военной системы по примеру Франции и Германии, войска которых комплектуются кадровыми военнослужащими (профессионалами), контрактниками (потенциальными профессионалами) и призывниками, причем доля последних неуклонно снижается. Среди принципов**

строительства Вооруженных Сил России сегодня все чаще провозглашается “всемерная профессионализация Вооруженных сил и других войск, постепенный переход от системы призыва по всеобщей воинской обязанности к контрактной системе их комплектования по мере создания для этого материальных условий и необходимой инфраструктуры” (19). Или прямо отмечается, что “российская армия в обозримом будущем будет, видимо, вынуждена придерживаться смешанной системы, всемерно наращивая профессионализацию” (20).

Было бы ошибкой придерживаться подобной установки. Во-первых, нельзя безоглядно кивать на Францию и Германию, создавших хорошие условия для воинской службы в любом качестве, особенно профессиональном. В этих странах профессионализация является важной предпосылкой перехода к полностью добровольческой армии эволюционным путем или в ходе военной реформы (21). В нашу же кризисную армию с упадочным военным делом хорошие профессионалы, а тем более отборные контрактники (лучшие люди) без сильной мотивации не пойдут. Кроме того, все “профессионализации” существовавших военных систем в истории России заканчивались не очень удачно. В XVI-XVII веках пытались профессионализировать поместное войско стрельцами и полками иноземного строя, но к воцарению Петра I оно все равно пришло в упадок. В XIX-XX веках постоянно профессионализировали систему “вооруженного народа”, но не смогли создать даже прочного унтер-офицерского корпуса. Появилась армия-гибрид: не постоянное войско, но и не милиция. Что может получиться из профессионализации больной, полуразложившейся армии конца XX века нетрудно представить. С уверенностью можно предположить, что не будет ни профессионалов, ни армии, ни защитников России. Будет отбор наоборот, а значит и еще худшая армия. Напротив, милиционизация российской вооруженной силы является естественным двухвековым процессом, поэтому ее можно эффективно использовать для создания из существующей “не-армии” настоящей милиционной армии (наряду с выделением отборного войска).

■ **Военная реформа может состояться только в том случае, если она начнется с укрепления строевых (боевых) частей. Сегодня, а не в далеком будущем, среди них необходимо иметь первые профессиональные полки. Формировать их из состава упадочных вооруженных сил можно толь-**

ко одним апробированным способом: созданием особой *отборной армии*. Только армия (корпус, легион), укомплектованная воинами по призванию, профессионалами военного дела, одухотворенная идеей служения России спасет военную систему от окончательного разложения, обеспечит эффективную защиту страны в современных нестабильных условиях.

Из огромной системы “вооруженного народа”, путем ее сознательного сведения к облегченному (милиционному) типу вооруженных сил, можно и нужно отобрать все, что способно служить и творить военное дело в новой организации, на новых принципах и основаниях (обязательное условие -!). В интересах Дела (надежной защиты России) воины-профессионалы будут заниматься только ратным боевым делом, действуя на высоком уровне мастерства. Только так возродится традиция служения Отечеству и прообраз будущей профессиональной армии, которая станет практической школой и кузницей кадров для прочих войск. Главное, что новая единица будет боевой мини-армией, практическим началом и осуществлением военной реформы, наглядным воплощением преимуществ новой военной системы. В ней можно будет культивировать дух и позитивные традиции старой армии, применять на практике, в реальной боевой школе, лучшие достижения военного искусства, новейшие образцы военной техники и оружия. В силу известной обособленности **отборная армия** будет действовать и развиваться почти вне зависимости от разлагающего воздействия среды. Именно так рождались “потешные” полки петровской армии. Даже ослабленное государство найдет необходимые средства для содержания нескольких полков. И не их надо будет “защищать”, а они 24 часа в сутки будут находиться на страже России.

Полковая традиция может возродиться в практике создания для особых (чрезвычайных) условий особых отборных войсковых единиц: легионов, ударных батальонов и даже ударных армий (22). При этом жизненно важно пристально изучить имеющийся опыт более чем полутора векового существования и боевого использования уникального и всемирно известного Французского Иностранного Легиона, причудливо связанного своими корнями и с русской историей (23).

■ **Россия не может себе позволить и далее содержать полумертвые забюрократизированные вооруженные силы, которые вместо защиты страны борются за самовывжива-**

ние, постоянно воспроизводятся и уже состоят из нескольких ведомственных армий, ориентированных на выполнение узкоспециализированных функций. Даже экономически высокоразвитые США и Великобритания, имеют только по одной, но профессиональной, вооруженной силе, которая используется многофункционально: для обеспечения внешней безопасности, для борьбы с терроризмом и организованной преступностью, для оказания военной помощи гражданскому населению. В рамках единой военной организации создаются, в случае необходимости, специальные командования и силы. **Военным делом занимается только армия.** И если государство вынуждено содержать войска внутренней защиты (жандармерию), то они находятся в составе вооруженных сил и готовятся как боевая сила (Турция, Франция). В нашей же стране армия как войско деградирует, “раздуваясь” при этом численно. Военное дело “развивается” во многих ведомствах (МВД, ФПС, МЧС и других), а армия отодвигается на обочину и все более приходит в упадок. Как следствие, в большой войне на поля сражений “на убой” двигаются неподготовленные народные массы, несмотря на наличие огромной постоянной армии мирного времени. В случае малого конфликта с трудом набирается неслаженная военная рать не более 50 тысяч человек, которая по своему боевому качеству больше напоминает русское поместное войско XVII века, чем современную боевую организацию. В результате трудно добиться победы даже в малой внутренней войне против сепаратистов.

Возникая как отборная армия, будущая профессиональная вооруженная сила России самой логикой ее исторического развития должна превратиться в *многофункциональную действующую армию*. При военной многочисленности нам катастрофически не хватает именно действующей армии, которая способна самостоятельно решать задачи в локальных конфликтах и выполнять (в силу своего профессионализма) разнообразные функции по обеспечению внешней и внутренней безопасности России.

Действующие армии всегда выделялись на Руси. Такой была армия XVIII века, надежно защищавшая Россию от всех угроз: и внешних, и внутренних. По существовавшему законодательству обюрократившаяся императорская армия XIX-XX веков также обязана была обеспечивать как внешнюю, так и внут-

ренную безопасность российского государства. Но она стала уже “полчищем”, которое, несмотря на наличие жандармского корпуса и пограничной стражи, не смогло уберечь целостность и границы России.

Исторический опыт свидетельствует: лучше иметь одну многофункциональную вооруженную силу, профессионально подготовленную, чем десять слабых ее подобию. Действующая (живая, подвижная) армия, заменит собой все разрозненные многочисленные оперативные войска и отряды специального назначения различных ведомств и министерств. Она будет служить не ведомствам, а России и ее интересам, находясь в готовности к немедленным боевым действиям против любых источников опасности.

■ **К созданию профессиональной армии (армии выдающегося качества) Россию вынуждает не только разложение военной системы, но и другие важные внутренние и внешние причины.**

Профессиональная армия требуется, чтобы эффективно противостоять незаконным вооруженным формированиям, которые все чаще создаются из наемников-профессионалов. Только в этом случае она станет фактором предотвращения гражданской войны, призрак которой не покидает Россию. Не только на территории других государств, но уже и в России появляются террористические вооруженные организации, которые шантажируют государство “священной войной”, взрывами, убийствами российских граждан. Только армия, владеющая военным делом, может выполнить функцию **высшего вооруженного авторитета** в стране, “склонной к криминализации”, где к власти стремятся прийти вооруженным путем то революционеры, то сепаратисты, то бандиты и организованные преступные группировки (24).

Заправилы криминального мира и террористы заинтересованы в слабой армии, в ее криминализации и использовании как базы подготовки и оснащения своих боевиков. Профессиональная армия, обладающая несравненной мощью и духом служения России, не допустит криминального беспредела, экономического, политического и военного бандитизма на территории страны.

Добровольно-профессиональная армия — арбитр (сдерживающая сила) — необходима и для осуществления такой важной функции как **миротворчество**. Акции по урегулированию

вооруженных конфликтов становятся обычной практикой российской армии, которая участвует в них как в пределах границ бывшего СССР, так и на более дальних рубежах. От подразделений, которые при этом задействованы, требуется дипломатическое и военное искусство, особая подготовка, а главное — боевое преимущество над вооруженными силами конфликтующих сторон. Следует также учитывать необходимость действий в составе многофункциональных международных сил, эффективность и слаженность которых в значительной степени зависит от уровня военного профессионализма личного состава. (Прототип временно собранной армии профессионалов — 60-тысячные Силы по выполнению соглашения в Боснии, состоявшие в 1996 году из отборных военнослужащих более чем трех десятков стран мира) (25).

■ **Без воспитания духа, без духовного возрождения Дело создания профессиональной армии обречено на неудачу. Только духовность обеспечит ему успех и постоянное совершенствование.** Если в очередной раз забудем ассигновать на самое главное, на воспитание души тех, в руках которых новейшее оружие, нет смысла иметь настоящую военную мощь, которая в своей бездуховности может быть использована против Отечества (26). Именно одухотворенная, надлежаче воспитанная (и в этом смысле уже профессиональная) армия XVIII века привела к возникновению русского военного искусства, к победам и славе русского оружия. Все великие русские полководцы добивались военных успехов не только благодаря таланту и выучке войск, но культивируя особые методы воспитания национального и воинского духа.

В Душе профессиональной армии, чтобы она состоялась, должны вечно жить Россия и Военное Дело. Бессмысленно создавать войско, которое не знает и не понимает Россию, не владеет ее военной историей, не переживает за интересы государства и его защиту. Профессиональная армия — это прежде всего самоорганизующийся, думающий и творческий военный организм, который живет и развивается патриотическим и воинским духом (носителями этого духа). Она — духовная сила. Возродится “душа армии”, —вернется утраченное нами почти двести лет назад военное искусство и его главное достижение — профессиональная армия, необходимая российскому государству.

Путь от упадочного состояния военного дела к профессиональной армии лежит через духовное возрождение армии и флота, усвоение лучших достижений мировой военной культуры, через духовно-нравственное воспитание воина. Только нравственно чистые, культурные, национально мыслящие и знающие свое дело воины, обладающие высокими духовными качествами и делающие правильный выбор в любой обстановке, могут служить в вооруженных силах высшего (технологического) типа (27).

Духовное возрождение начинается с усвоения бесценного капитала — государственных и военных знаний, оставшихся нам в наследие. Русская военная мысль в ее классическом выражении должна стать основой военных преобразований. В лучших традициях Н.Карамзина, С.Соловьева требуется восстанавливать и изучать военную историю России. Правдивой информации о современном состоянии государства, армии, военного дела следует уделить особое внимание. Существование профессиональной армии не возможно без соответствующей умственной и нравственной среды, без продуктивной военной культуры.

■ **В Деле защиты России полагаться можно только на армию, созданную из традиционных для страны сил общего назначения (и прежде всего сухопутных войск).** Только такая сила, вооруженная новейшими технологиями, доведенная до высшей степени превосходства способна эффективно противостоять угрозам XXI века: локальным вооруженным конфликтам, террористическим и сепаратистским “армиям”, гражданским войнам и т.д. Только она сможет эффективно предотвращать непредотвращенные во второй половине XX века малые войны обычного типа (28), антитеррористические войны нового поколения (29), проводить специальные политико-военные операции в рамках не прямой стратегии, а также “военные операции в условиях мирного времени” (30). Если ядерные силы сдерживают мировые и крупномасштабные войны, то для решения указанных задач требуется традиционная военная мощь — специально подготовленная и оснащенная армия, которую имеет смысл сразу же создавать профессионально, выделяя для этого особое командование и специальные контингенты войск.

Необходимо отказаться от опасных иллюзий относительно того, что в России можно не готовить и не создавать военную

силу высшего типа, продолжать полагаться на “географические доспехи” (пространство, мороз и т.д.), на народ и его мобилизационные ресурсы, на союзников (где они — ?), на ядерное оружие, а также на устаревшую военную систему. Негативные результаты подобной безответственной политики очевидны.

Вновь предпринимаются попытки вместо создания действующей профессиональной армии деголлевского типа основное внимание уделить недействующим в отношении реально ведущихся войн стратегическим ядерным силам, использование которых вне чрезвычайного контекста проблематично. Разумеется, силы ядерного сдерживания необходимы, особенно в период проведения военной реформы, но рассматривать их как альфу и омегу военной системы было бы непростительно. (Как и думать о том, что РСН становятся сегодня и в XXI веке “главным военно-политическим аргументом России и одним только своим существованием гарантируют неприкосновенность страны” (31)). Опасно полагать, что без армии из воинов-профессионалов, без серьезной военной подготовки, без постоянного совершенствования военного дела, без военной конкуренции в области военного искусства, без “воли к экстраординарным победам” Россия останется неуязвимой (непобедимой) и “ни одна враждебная комбинация в мире не окажется в силах нанести смертельный удар русскому государству”. А.Свечин: “Потребуется высочайшие достижения, чтобы не быть уничтоженным в грядущей войне” (32).

В то время как Россия из-за экономического кризиса и ослабления Вооруженных сил собирается строить свою систему военной безопасности, опираясь преимущественно на ядерное оружие, США проявляют стремление к форсированию процесса ядерного разоружения (33), так как: во-первых, изменилось соотношение сил на международной арене, почти исчезла угроза мировой ядерной войны; во-вторых, ядерное сдерживание не действует в отношении локальных войн и войн нового поколения; в-третьих, мощные обычные вооруженные силы США, состоящие из бойцов и военных специалистов, оснащенные современной боевой техникой и вооружением, способны уже справляться с любыми вызовами, причем без применения ядерного оружия. С учетом этого руководство США придерживается курса на создание не просто добровольческой, но действительно профессиональной вооружен-

ной силы, превосходство которой на полях сражений и в мирное время должно быть неоспоримо. Оно отрабатывает вопросы коалиционного применения войск, сохраняет многочисленную морскую пехоту и силы быстрого реагирования, серьезно развивает мобилизационные возможности и осуществляет подготовку резервных войск, создает настоящие (а не военно-окружные -!) оперативные командования и в первую очередь командование специальных операций с подчинением ему объединенного спецназа всех видов вооруженных сил, численность которого доходит в настоящее время до 50 тыс. человек. Идет серьезная и специальная подготовка к участию в ограниченных вооруженных конфликтах, причем как на уровне государства, так и вооруженной силы (34). Об этом свидетельствует в частности и то, что впервые на пост председателя Объединенного комитета начальников штабов назначается четырехзвездный генерал Генри Хью Шелтон, стоявший до этого во главе Командования специальных операций (35).

Общий вывод

Всемерное утверждение и развитие профессионализма — основное условие возрождения России и ее Вооруженных Сил. В понятие профессионализма входит “предметный сознательный патриотизм” (И.Ильин), созидание, но не разрушение, успех, а не поражение. Профессионально организованная жизнь не знает разложения и предполагает постоянное развитие в общих интересах. Она поддерживается организованными (корпоративными) усилиями огромной армии добровольцев — талантливых, энергичных и честных мастеров и артистов своего дела, компетентных и трудолюбивых работников. Объединенные результаты их самоотверженной подвижнической деятельности во всех сферах (в том числе и в ратном деле) выведут Россию из кризисного состояния на новый качественный уровень развития (36).

Профессиональная армия, необходимая России, представляет собой качественную боевую силу, предназначенную для эффективной вооруженной защиты российского государства от внутренних и внешних угроз. Она состоит из воинов и специалистов, профессионально занимающихся военным делом, развивающих его в соответствии с требованиями научно-технического прогресса, военного искусства и современной

войны. Определяющими чертами профессиональной армии являются: служение России (патриотизм) и высокий воинский дух, способность победоносно (малой кровью) вести крупномасштабные и ограниченные, традиционные и нетрадиционные войны, опираясь на подготовленный военный резерв милиционного типа. Только создание профессиональной армии как особой организации и среды обитания воинов-профессионалов возродит военную профессию и традицию самопочинного служения Отечеству, предотвратит упадок и разложение военной мощи России.

Профессиональная армия существует тысячелетия. Вопрос о ее воссоздании в XX веке не только теоретически обозначен подполковником де Голлем, но и практически решен (или решается в ходе реформ) во многих государствах мира. Очевидно, что наступает эпоха отборного качественного войска, которое при поддержке резервов будет обеспечивать безопасность государств в XXI веке. Теория и практика указали основные пути и этапы развития профессиональной вооруженной силы. В условиях России они имеют свою специфику, определяемую кризисным состоянием армии и общества, упадком военного дела, нежеланием менять военную систему и непониманием значения профессиональной армии для выживания страны. Проводить при этих обстоятельствах традиционную военную реформу, которая, ограничивается сокращением и косметическим ремонтом изжившей себя военной системы при общем сохранении советской модели вооруженных сил — бессмысленно и опасно. Военная реформа, осуществляемая на основе обычной парадигмы (“сократить”, “улучшить управление”, “оптимизировать структуру”, “повысить боеготовность”), не устраняет хронические недостатки привычной, но неэффективной военной организации и не предотвращает войн. Кроме того, она может привести не к созданию “современных, мощных вооруженных сил”, а к массовой военной оппозиции, не к технологической революции в военном деле, а к политической военной революции. При такой реформе военная карта активно разыгрывается и используется различными политическими силами, которые уже оформляются не в малочисленные “союзы офицеров”, а в политические движения (37).

Альтернативы профессиональной армии нет. Но нет и времени для продолжительных дискуссий по данному вопросу:

стране приходится участвовать в вооруженных конфликтах, требующих профессиональной подготовки; в армии наблюдается массовый исход лучших военных специалистов с боевым опытом, способных создать настоящую военную силу; военная система разлагается, политизируется, разбредается по различным ведомствам, “развивается” в ложном направлении. Пока есть старая основа, необходимо создавать организационное “ядро” новой военной системы. И прежде всего на основе отбора сформировать первые профессиональные части, которые постепенно превратятся в отборную российскую армию. Для решения этой задачи имеются необходимые знания и опыт, которые следует серьезно изучить, прежде чем приступить к делу. Духовный импульс, а вместе с ним воля и необходимые средства появятся, если речь будет идти не о создании “с нуля” новой военной организации подражательным методом, а о возрождении (в новых условиях) уже известной и долгое время существовавшей в России петровской профессиональной армии (38) без ее недостатков и с опорой на авторитет Шарля де Голля, который вечно будет жить не только в сердцах французов, но и в душе русского воинства, переживающего за судьбу России и ее армии.

Только дружина храбрых — армия по призванию, состоящая из воинов-профессионалов, сможет преодолеть упадок военного дела, остановить разложение военной силы, надежно обеспечит защиту России и предотвратит ее дальнейший распад. “Самые жизненные интересы требуют присутствия в стране постоянной вооруженной силы, не большой, но надежной дружины, которая, как центральная башня крепости, была бы последнею опорой народной <...>” (39).

ПРИМЕЧАНИЯ

Кавад Раш. Миссия солдата. Из писем к русскому офицеру //Завтра. - 1997. - № 36.

Не полемизируя с автором по поводу общего пафоса статьи, отмечу положительный факт обращения к примеру Шарля де Голля. Что касается проблемы духовного возрождения армии, укрепления ее морального духа как центральной задачи назревшей военной реформы, чему сегодня действительно преступно не уделяется почти никакого внимания, следует отметить: русские военные мыслители поставили на повестку дня российской военной политики этот жизненно важный вопрос, а также

предложили разнообразные пути его решения, опираясь на военный опыт времен Петра I и Екатерины II. - См.: Российский военный сборник. Выпуск 13. Душа армии. Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы. - М.: Военный университет, Независимый военно-научный центр "Отечество и воин", Русский путь, 1997. - 624 с.

Шарль де Голль. Профессиональная армия. Перевод с французского. - М.: Воениздат, 1935. - С.51.

Проблема резерва, превращающегося в боеспособную армию в ходе мобилизации, является одной из ключевых для России, вынужденной постоянно вести крупномасштабные, длительные и изнурительные войны. Резервная армия, которая может выполнять различные полезные функции, в мирное время обеспечит сокращение размеров боевой профессиональной армии, создаст возможности для обустройства (на военной службе - !) увольняемых офицеров и прапорщиков, позволит максимально эффективно использовать потенциал служения Отечеству со стороны казачества и других пассионарных групп населения. - Подробно см.: И.Ильин, А.Иняков. Национальный резерв - опора вооруженных сил. Он позволит сохранить обороноспособность при сокращении расходов // Независимое военное обозрение. - 1997. - № 33. - 5 -11 сентября.

Переход к национальному резерву имеет смысл только в том случае, если его серьезно готовить к войне и боевым действиям. В США регулярные войска и резерв обучаются по единой боевой программе, имеют практически одно и то же вооружение. У нас есть печальный опыт (XIX - XX вв.), когда за постоянной армией скрывалась слабо подготовленная милиция, а государственное ополчение в мирное время существовало только на бумаге без всякой подготовки. Ополченцы воодушевленно вступали в войну, но воевать по-настоящему не могли даже на второстепенных направлениях. Потери среди них были огромны. - См.: Петров Ф.В. Государственное ополчение. - Спб., 1901; Самовер Н. "Русские крестоносцы" // Итоги. - 1997. - № 25. - С. 52-56; Долгишев В. Ополченцы //Красная звезда. - 1994. - 18 ноября.

В 1917 году командиры корпусов, пытаюсь вести войну в условиях разложения, думали только о добровольческой армии и создавали ударные батальоны. ("Лучше иметь 4 000 отборных людей, чем 40 тысяч отборной шкурятины", - писал в своем дневнике барон А.Будберг). Анализируя впоследствии ситуацию, А.Керсновский отметил: Если бы осенью 1917 года вся орда войск была бы распущена и заменена путем отбора и добровольчества малой профессиональной армией (15 дивизий вместо 250), то эта армия смогла бы в конечном итоге не только отразить наступление немцев, но и не допустить к власти большевиков. - См.: Керсновский А. Упущенная возможность //Царский вестник (Белград). - 1932. - №№ 308-310. В сокращенном виде работа опубликована в 9-м выпуске "Российского военного сборника".

Мысли и предложения Р.Фадеева, М.Меньшикова и А.Геруа приводятся по 9-му выпуску "Российского военного сборника", где они изложены в более подробном виде. Первая часть размышлений А.Геруа дается по источнику: Геруа А. К познанию армии. - Спб., 1907. - С.48-51.

В политизированном виде идея “народной армии” живет и процветает только в названии специального вкладыша газеты “Советская Россия”, посвященного военным вопросам.

Лопатин В.Н. Военное дело — для профессионалов //Россия.- 1997. - № 4. - С.12.

Красная звезда. - 1996. - 18 мая.

См., например: Колединов А., Смирнов А. Служба по контракту зашла в тупик. О профессиональной армии не может быть и речи, если создавать ее будет только Министерство обороны// Независимое военное обозрение. - 22.08.96; Мухин В. Опасность профессионализации российской армии. Переход в ближайшие четыре года на добровольный принцип комплектования войск в корне подрывает экономическую безопасность страны // Там же; Григорьев Ю. Контрактная армия наголову разбита // Общая газета. - 1996.- 17-23 октября и др.

Из выступления по радио с обращением к россиянам Б.Н.Ельцина — Президента Российской Федерации. - Российская газета. - 1997. - 1 марта.

Из обращения Президента Российской Федерации, Верховного Главнокомандующего Б.Н.Ельцина. - Красная звезда. - 1997. - 30 июля.

См.: Выписка из Указа № 725с от 16 июля 1997 г. // Российская газета. - 1997. - 19 июля.

Сергеев И. Программа военного реформирования// Независимая газета. - 1997. - 18 сентября. См. также полный текст данной статьи под другими названиями в следующих источниках: Сергеев И. В течение ближайших восьми лет Вооруженные Силы России будут полностью реформированы. Переход же на новые образцы военной техники завершится к 2025 году // Независимое военное обозрение. - 1997. - № 35. - 19-25 сентября; Сергеев И. Новая Россия, новая армия// Красная звезда. - 1997. - 19 сентября.

Дмитриева О. Профессиональная армия обойдется обществу дешевле // Известия. - 1997. - 17 сентября.

Красная звезда. - 1997. - 16 октября.

Поучительные примеры:

В преддверии войны со Швецией у Петра I не было времени, да и не принято было обсуждать вопрос о необходимости регулярных армий и флота для России, убеждать в этом бояр, дворян, народ. Он чувствовал историческую потребность и знал государственные интересы России. Решения были приняты Петром единолично, и все работали “по ходу войны” над их исполнением: строились военные корабли, создавались новые полки, которые тут же, на войне, учились военному делу, готовились (16-20 лет!) военные уставы.

В 1996 году практически без всяких дискуссий Жак Ширак принял решение об упразднении всеобщей воинской повинности и создании французской профессиональной армии. Оно было ясно и четко сформулировано, развернуто, доведено до общественности и исполнителей, которые в большинстве своем его поддержали. Военная реформа определялась не только требованиями современного военного дела, но и заветами Шарля де Голля.

Следует изучить историю и современный опыт милиционного военного строительства в таких странах, как Швейцария, Германия, Дания, США и Англия. В России богатейший материал по данному вопросу дают все исторические периоды: царский, императорский, советский (реформа М.В.Фрунзе). После революции в течение нескольких лет в Советской России издавался журнал "Вестник милиционной армии". А в №№ 12-15 журнала "Война и мир" (Берлин) в 1924 году была опубликована прекрасная статья С.Добролюбовского "Милиция в условиях современной войны" (См. Российский военный сборник. Выпуск 9. - С.63-100). Поучительный опыт создания и действий современной боеспособной ополченческой армии дают чеченские вооруженные силы в 1994-1996 гг. Все указывает на то, что при серьезном отношении милиция может стать не только резервной (вспомогательной), но и настоящей боевой силой.

Министр обороны США: "Мы не собираемся вести честный бой. Мы хотим полного преимущества по всему спектру сражения, и, если нам когда-либо придется воевать, - это произойдет на наших условиях... Мы стремимся создать намного более компактные, более разносторонние, более ударные и быстро развертываемые силы, которые будут способны стремительно действовать на большой глубине в расположении противника таким образом, что само понятие "линия фронта" станет анахронизмом". - Цит по: Новая газета. - 1997. - 15-21 сентября. См. также: Дж.Шаликашвили. Лучшие в мире вооруженные силы. Американские военнослужащие эффективно выполняют поставленные перед ними задачи, неся при этом беспрецедентную нагрузку // Независимое военное обозрение. - 1997. - № 14. - 12-18 апреля; Требов О. Лучший вид обороны - наступление. Вооруженные силы США готовы защищать глобальное лидерство// Независимое военное обозрение. - 1997. - № 29. - 9-15 августа; Carl E.Vuono. Professionalism and the Army of the 1990s// Military Review. - 1990. - April. - P.2-9; John H.Faris. The Looking glass Army: Patriotism in the Post-Cold War Era// Armed Forces and Society. - 1995. - Vol.21. - № 3. - P.413-434; Richard D., Hooker Jr. Building Unbreakable Units //Military Review. - 1995. - № 4. - P. 25 - 35.

Гареев М. Военная доктрина России. Она должна быть положена в основу военного реформирования страны //Независимое военное обозрение. - 1997. - № 29.

Куликов В. Нужна новая организация военной службы. О концепции военной доктрины России //Независимое военное обозрение. - 1997. - № 34. - 12-18 сентября.

И военные и гражданские стратеги часто заявляют: от идеи профессиональной армии отказываться не собираемся, но по объективным причинам перевод Вооруженных Сил на профессиональную основу (полная профессионализация) отодвигается на более поздний срок, а пока будем переходить к смешанному принципу комплектования войск (контракт плюс призыв), которого придерживается большинство армий развитых стран мира. - См.: Балуевский Ю.Н. У идеи профессиональной армии противников в военном ведомстве нет// Красная звезда. - 1997. - 11 октября; Военная реформа России. Тезисы доклада Совета по внеш-

ней и оборонной политике //Независимое военное обозрение. - 1997. - № 25. - 12 -18 июля.

Что и наблюдается в настоящее время во Франции. Фактически и Германия проводит реформу вооруженных сил. Бундесвер “ужимается”, подразделяется на две части: силы реагирования на кризисы (53 000 человек) и основные оборонительные силы (300 000 человек). Начинается дискуссия о возможности перехода к профессиональной армии и введении в этой связи территориальной милиции. - См.: Станет ли бундесвер наемной армией? //Независимое военное обозрение. - 1996. - 14 марта; Бундесвер: что впереди// Красная звезда. - 1996. - 13 июня; Куда шагает бундесвер// Российская газета. - 1996. - 27 августа; Нужна ли Германии профессиональная армия? //Красная звезда. - 1997. - 21 февраля.

Легионы в России учреждались несколько раз для особых случаев. В начале Первой турецкой войны Екатериной II были образованы Санкт-Петербургский и Московский легионы, упраздненные впоследствии. В 1813 году из волонтеров и пленных немецких солдат был создан Российско-немецкий легион, который в 1815 году присоединился к прусской армии. В 1854 году для обороны Севастополя был сформирован из греков, албанцев, молдаван и валахов “Легион Императора Николая I”, распущенный по окончании войны.

Для продолжения войны в условиях революции и разложения армии в 1917 году Временное правительство сформировало 36 “революционных добровольческих ударных батальонов”, в том числе и женских, которые из-за своей малочисленности существенного влияния на политическую и военную ситуацию оказать не смогли.

Примечательна история Корниловского ударного полка, сформированного 1-го августа 1917 года из 1-го ударного отряда полковника Неженцева. С тех пор и прежде всего в составе Добровольческой армии Корниловцы выдержали 570 боев, потеряв при этом 48 тысяч человек, из них убитыми 13.500. Единственный ударный полк Российской армии времен Мировой войны не может исчезнуть в истории. - См.: Полковник Н.В. Пятницкий. Корниловский ударный полк. К двадцатилетию полка //Сигнал (Париж). - 1937. - №15.

Ударные армии впервые эффективно действовали на полях первой мировой войны (См.: Варфоломеев Н. Ударная армия. 1918 г. на Западном фронте... - М.: Воениздат, 1933). Во время Отечественной войны 1941-1945 гг. в Красной Армии было создано пять ударных армий в составе сухопутных войск, которые как оперативные объединения были предназначены для разгрома противника на важных направлениях.

Французский Иностраннный Легион создан в 1831 году, чтобы нести службу исключительно вне Франции. С тех пор Легион, состоящий на 2/3 из иностранцев, в том числе и русских, участвовал практически во всех войнах и вооруженных конфликтах, которые затрагивали интересы Франции. (Только в 1990-1996 годах подразделения Легиона привлекались к проведению операций не менее десяти раз в десяти странах: бывшей Югославии, Уганде, Саудовской Аравии, Чаде, Габоне, Заире и других). Легион — это не “дикие гуси” и не “солдаты удачи”, а современ-

ное профессиональное общевойсковое соединение, решающее задачи в составе Сухопутных войск армии Франции. Включая в себя несколько полков и отдельных подразделений численностью 8,5 тысяч человек, "Легион представляет собой силу, позволяющую достичь цели, которая славит Францию". Как сказал однажды грузинский князь подполковник Амилаквари, командир полка Легиона, погибший 24.10.1942 года: "Мы, иностранцы, только единственным способом можем доказать нашу благодарность Франции, - мы готовы умирать ради нее". - См.: TERRE Information. - 1996. - № 251. - Mai.

Не только быт (подготовка и применение) Иностранного Легиона, но и его история представляют для нас особый интерес. Отдаленные предшественники легионеров служили под русскими знаменами. Иностраный Легион в 1831 году был развернут на основе "Легиона Гогенлоэ". Его основатель, немецкий принц князь Людвиг Алоизий Гогенлоэ Вальденбург-Бартенштейнский, еще в 1792 году примкнул к корпусу французских эмигрантов, возглавляемому принцем Конде. Корпус Конде, действовавший против молодой французской республики (вместе с полком князя Гогенлоэ) в 1797-1799 гг. находился на русской службе, присягал на верность русскому императору, имел русское обмундирование и знамена, на которых были вышиты российский двуглавый орел и четыре золотые линии Бурбонов по углам. В определенной степени французских легионеров можно считать и потомками "суворовских орлов", так как полк Гогенлоэ, как и весь корпус принца Конде, находясь на службе Е.И.В., принял участие в знаменитом Швейцарском походе Суворова. Здесь он отличился в боях против армии генерала Массены и при обороне Констанцы. После падения Наполеона князь Гогенлоэ перешел со своим полком на службу Франции. - См.: Абданк-Коссовский В. Иностраный легион// Возрождение (Париж). - 1931. - № 2355.

После революции 1917 года в Иностранном Легионе нашли убежище многие русские изгнанники; они были настолько многочисленны, что внесли особый русский дух в жизнь Легиона.

На западном фронте в составе французских войск в 1917-1918 гг. действовал специальный русский легион - "Легион чести". Он был составлен из тех русских солдат, которые в составе двух особых бригад были отправлены в 1916 году воевать из России во Францию. "Доблестным поведением этой героической русской части мы вправе гордиться. Ее боевая история — славная страница летописи русской армии", - отмечал в эмиграции Ю.Данилов. - См.: Возрождение (Париж). - 1931. - № 2136.

В октябре 1996 года генерал-лейтенант запаса А.И.Лебедев выступил с идеей создания "Российского Легиона", состоящего из отборных российских и возможно иностранных добровольцев-профессионалов и предназначенного для проведения специальных операций. В частности отмечалось, что "такая принципиально новая структура, какой явится в случае своего создания "Российский Легион" сможет стать прототипом для отработки механизма перевода Российской армии на профессиональную основу минимально болезненным и максимально эффективным способом". Здоровая и необходимая для обороны России идея была

представлена в неудачно, что позволило оппонентам А.И.Лебеда обвинить его в подготовке силового захвата президентской власти и полностью заблокировать решение данного вопроса на неопределенное время. - См.: Российский Легион по образцу Французского Иностранного // Известия. - 1996. - 19 октября.

Криминогенная обстановка в стране продолжает оставаться тяжелой. Преступность характеризуется высокой степенью *организованности, вооруженности и профессионализма*, крайними формами противостояния преступных группировок как между собой при разделе сфер влияния, так и с правоохранительными органами. За 1996 год при выполнении служебных обязанностей погибло 319 и ранено 610 сотрудников милиции. Особую тревогу вызывает рост бандитизма, заказных убийств, взрывов и других проявлений терроризма. За 1996 год совершено 138 захватов заложников, 886 криминальных взрывов, в результате которых погиб 141 человек и ранено 553 человека. Многие опасные преступления остаются не раскрытыми (в 1996 году их удельный вес составил 43%, в том числе не раскрыто 7500 убийств). Возрастающая техническая оснащенность преступников обуславливает общественную опасность насильственной преступности. (Информация из заключения Совета Федерации по результатам парламентских слушаний "О состоянии борьбы с преступностью и об укреплении правопорядка в Российской Федерации в современных условиях". - Российская газета. - 1997. - 1 октября).

В настоящее время разрабатывается "Федеральная целевая программа по усилению борьбы с преступностью на 1998-2000 годы". Необходимость новой программы МВД РФ объясняет проведенным анализом криминальной обстановки, который свидетельствует о "продолжающемся накоплении преступной средой ресурсного и функционального потенциала, ее консолидации, усиления организованности и *профессионализма*, ориентации преступников на реализацию более масштабных замыслов и целей". Теневые капиталы направляются на дальнейшее производство как экономической, так и общеуголовной преступности, подкуп должностных лиц в структурах органов государственной власти. Неутешительны и прогнозы МВД на будущее. Эксперты предполагают, что в дальнейшем может быть установлен криминальный контроль за целыми отраслями экономики, включая финансовую сферу, среднее и крупное предпринимательство. Усилится вторжение преступных авторитетов в политику, где они будут лоббировать свои интересы путем подкупа представителей власти и проталкивания на руководящие посты своих людей. При этом не исключается провоцирование ими в своих интересах межнациональных конфликтов и политических скандалов. (Шварев А. МВД РФ приняло вызов. Криминальный фактор по-прежнему остается основной угрозой безопасности страны // Независимая газета. - 1997. - 26 сентября).

Криминальная угроза все чаще приобретает почти военный характер.
Из текущей хроники:

* **МВД противостоит целая армия преступников**

Правоохранительные органы России в настоящее время отслеживают деятельность 9 тыс. организованных преступных групп, в которых состоит свыше 150 тыс. человек. Об этом заявил вчера в Уфе (Башкирия) на заседании совета Ассоциации экономического взаимодействия республик и областей Уральского региона вице-премьер и министр внутренних дел РФ Анатолий Куликов. По словам г-на Куликова, он обеспокоен тем, что организованная преступность в России увеличивает свой потенциал и влияние, о чем свидетельствуют изъятые в минувшем году у бандитов ценности на сумму 877 млрд. рублей, валюта на 3,9 млн. долларов, 74 кг золота, 228 кг серебра, 0,5 кг платины, ценные бумаги на 126 млрд. рублей (Независимая газета. - 1997. - 5 июля).

* **Банда убивала предпринимателей десятками**

Без сомнения крупнейшую на сегодняшний день банду, называемую в народе "слоны", удалось обезвредить сотрудникам Главного управления по оргпреступности МВД РФ и его рязанского регионального отделения.

По количеству входящих в банду людей "слоны" переплюнули не только свою знаменитую предшественницу, "черную кошку", но и практически все последующие бандформирования. Схожая с армейской ротой, эта орггруппа насчитывала около 50 (!) человек. Причем *сходство с военным подразделением* банде придавало не только число людей, но и их вооружение. В арсенале преступников имелись автоматы Калашникова, пистолеты "ТТ", гранатометы, а также многочисленные боеприпасы. Оружие же бандитам поставлялось из войсковых частей и ... Тульского оружейного завода. Часть вооружения прибыла из Прибалтики.

Армейскую дисциплину в банде поддерживала *группа бывших воинов-десантников*. Экс-военнослужащие учили своих гражданских подельников стрелять, защищаться и нападать без оружия, а также обучали другим военным премудростям...

На сегодняшний день доказано участие этой орггруппы в 23 убийствах по найму. Сейчас собираются доказательства еще по 25 "заказам". Всего же, как предполагает следствие, "слоны" причастны более чем к 100 различным убийствам. Большинство из них совершено в Рязани и области...

На счету "слонов" также около десятка взрывов, более 60 вымогательств и другие преступления. (Московский комсомолец. - 1997. - 26 сентября).

* **Милиционеры защитить себя не смогли**

Утром 1 октября въезд автомобилей в подмосковный город Долгопрудный перекрыли усиленные наряды милиции. Практически все сотрудники органов были одеты в бронежилеты и вооружены автоматами. Причиной стало громкое преступление, совершенное этой ночью.

Четыре милиционера расстреляны на посту ГАИ у въезда в Долгопрудный. Погибли старшина С.Хаустов, сержанты Г.Первухин, Н.Романенко и В.Миляев. Все они пришли в милицию в 20 лет. Погибшим - от 21 до 26 лет...

Поскольку убийство произошло глубокой ночью, следствию пока не удалось найти свидетелей. Автоматные очереди слышали несколько

человек. Вокруг поста ГАИ находится множество жилых домов. Но никто не вышел на выстрелы — привыкли. Долгопрудный — один из самых криминогенных городов Подмосковья. Местная организованная преступная группировка считается одной из самых мощных и давно не дает покоя правоохрнительным органам...

За последние три недели это уже второе громкое убийство милиционеров. Областные сыщики считают делом чести раскрыть преступление против своих коллег. Участившиеся в последнее время случаи гибели милиционеров на боевом посту ставят вопрос: достаточно ли продуманы меры их безопасности и бдительно ли несут они свою службу? (Известия. - 1997. - 2 октября).

Ситуация начинает тревожить мировое сообщество. В сентябре 1997 г.в конгрессе США был оглашен специальный доклад, посвященный проблемам криминализации России. В докладе высказывается опасение, что Россия в ближайшем будущем может стать неуправляемой и полностью мафиозной ядерной сверхдержавой. (Независимая газета. - 1997. - 1 октября).

Президент РФ отдает себе отчет, что угроза криминализации реально существует и призывает граждан создать атмосферу всеобщей нетерпимости, чтобы земля горела под ногами бандитских группировок: “Уважаемые сограждане! Преступники бросают нам вызов. Они думают, что наступило их время. Они считают, что Россия принадлежит им. Не выйдет! Я, Президент, никогда с этим не смирюсь. Со мной согласно и подавляющее большинство вас, россиян. И потому время торжества уголовных авторитетов — не наступит. Мы не дадим им поднять под себя Россию. Мы им укажем их настоящее место. И это место не во власти. Оно — за тюремной решеткой”. (Из радиобращения Президента РФ Б.Н.Ельцина //Красная звезда. - 1997. - 27 сентября.)

Следует признать, что политическая, экономическая и уголовная криминализация страны превратилась в XX веке в определенную тенденцию, с которой не могут справиться правоохрнительные органы. Борьба с преступностью только по линии МВД не срабатывает. Необходим более мощный сдерживающий фактор, роль которого способна выполнить только армия, если она станет профессиональной.

См., например: Гольц А. Военные сделали все, что могли. Но для мира в Боснии этого мало //Красная звезда. - 1996. - 26 июля.

См: Российский военный сборник. Выпуск 13. Душа армии. - С.409.

Современное размышление в связи с данной проблемой:

“Сегодня мы оказались свидетелями новой технической революции <...> Одним из еще малоосознанных последствий этой революции становится влияние культуры на производство, влияние, необходимое производству, как говорят врачи, “по витальным показаниям”<...>

Высокие технологии могут быть использованы не только во благо, но и во зло. В руках тех, кто стоит у руля высоких технологий, оказывается грозное оружие, которое может “выстрелить” даже при наличии самых благих намерений. Это может произойти в том случае, если владелец такого оружия не имеет достаточно надежных этических тормозов, не имеет гуманистических приоритетов, ориентирован лишь профессио-

нально и не видит места своей отрасли в системе общечеловеческих ценностей, то есть попросту малокультурен <...>

Более культурный воин инициативен, более способен реально оценивать степень разумного риска, чаще находит оптимальное решение, выбирая между выживанием и решением поставленной перед ним боевой задачи. Те же преимущества имеет и более культурный работник. Чем более высока профессиональная квалификация такого работника и чем более ответственна область его деятельности, тем выше зависимость между эффективностью его труда и его культурным уровнем и тем более высоким должен быть этот уровень. Таким образом специалист в области высоких технологий просто обязан быть разносторонне образованным, высококультурным человеком". - Независимая газета. - 1997. - 15 июля.

Новая проблема: постепенно растет количество непредотвращенных локальных войн и военных конфликтов. С 1945 по 1975 год их было 468. В последнее время местные войны и очаги военной напряженности появились даже в Европе, где они долго отсутствовали, и на территории бывшего Советского Союза. И сегодня ежегодно более чем в 20 странах идут войны или восстания. Ядерное сдерживание в отношении локальных войн и местных конфликтов не срабатывает. См.: Ларионов В. Непредотвращенные войны //Независимая газета. - 1993. - 21 апреля.

Уже сегодня такие вооруженные организации, как "Хамас", "Ирландская республиканская армия", "Исламская армия спасения" держат в напряжении целые государства (Израиль, Великобританию, Алжир) и доставляют головную боль мировому сообществу. Имеет место и международный терроризм, который поддерживался и поддерживается отдельными странами. Незаконная армия Республики Ичкерия в борьбе с Россией наглядно показала возможности, которыми может располагать вооруженная террористическая организация. По оценкам некоторых западных аналитиков, в следующем столетии человечество столкнется с войнами четвертого поколения: "Конфликты следующего тысячелетия будут представлять собой "войны четвертого поколения" (после мировых, колониальных и современных военных конфликтов с использованием высокотехнологичного оружия . - Сост.), в которых противником будет не другое государство, а экстремистски настроенные вооруженные группы, наркокартели, синдикаты, организации различного рода революционеров, религиозные интегралы и т.д. и т.п.", - считает руководитель экспертного комитета по вопросам обороны французский генерал Бернар де Брессии. Эксперты полагают, что для обуздания масштабной волны терроризма в ближайшем будущем необходимо иметь **достаточно многочисленные**, хорошо подготовленные, специально обученные и экипированные вооруженные силы (элитные профессиональные антитеррористические части, подкрепленные быстро мобилизуемыми и специально подготовленными резервистами). - См.: Панков Ю. Войны грядущего столетия. Вооруженные силы должны быть готовы противостоять массовой волне терроризма //Независимое военное обозрение. - 1997. - № 27. - 26 июля - 1 августа.

Печуров С. И к операциям в условиях мира готовятся теперь вооруженные силы США //Красная звезда. - 1996. - 27 июня.

Главный военно-политический аргумент России XXI века // Красная звезда. - 1997. - 22 июля.

Свечин А. Опасные иллюзии // Военная мысль и революция. - 1924. - Кн.2 - С.45, 53.

См.: Белоус В. США готовят полное ядерное разоружение. Пентагон считает, что его обычные вооруженные силы вне конкуренции// Независимая газета. - 1997. - 16 августа.

Россия длительное время участвует в ограниченных вооруженных конфликтах, но ее политическое и военное руководство слабо представляет себе веками отработанную стратегию и тактику ведения противоповстанческих операций, специфику специальной подготовки страны и армии к этим конфликтам. - См. об этом: Евстафьев Дм. Ограниченные вооруженные конфликты. Участие в них требует специальной подготовки //Независимое военное обозрение. - 1996. - 13 января.; Борьба метрополии с восставшей провинцией. Принципы и тактика проведения крупномасштабных противоповстанческих операций //Независимое военное обозрение. - 1996. - 28 марта.

“Обычно на ротационной должности председателя ОКНШ поочередно менялись пехотинец, летчик, моряк. Ныне традиция сломана... Скорее всего возобладали иные взгляды на перспективы дальнейшего развития американских вооруженных сил. Любопытно, что в США, островном в геополитическом отношении государстве, приоритет в перспективе, очевидно, будут иметь сухопутные войска.

Назначение Шелтона председателем ОКНШ — шаг беспрецедентный ... В Вашингтоне полагают, что спецназовский генерал — именно тот человек, чей боевой опыт понадобится в наиболее вероятных, по американским прогнозам, потенциальных конфликтах.” - Урусов М. Джентльмен из спецназа //Московские новости. - 1997. - 21-28 сентября.

Для проведения широкомасштабных специальных операций в России до сих пор нет ни общего командования, ни сил специальных операций, ни малой профессиональной армии, подготовленной в этом направлении. - См.: Кадетов В. Все могло быть иначе // Российская газета. - 1996. - 26 июля.

Виктор Северов (Брянск):

Примечательно: у нас никак не проходит вековая привычка все успехи связывать только с сильной личностью “батюшки”, “отца” и “вождя”, а все поражения - только с слабой личностью правителя. При этом никогда и ни в чем сам народ не каялся ни разу. Но сегодня это время пришло. Пришло время открыться миру еще больше, оглядеться вокруг и, наконец, признать, что в сознании наших граждан понятие профессионализма созидания никогда не культивировалось <...>

Помолчав и признав это, как бы ни было тяжело, следует четко обозначить, что до тех пор, пока понятие “**профессионализм созидания**“ в сознании россиян не станет основной мерой ценностей, пока профессиональное отношение к любому виду деятельности не будет впитыв-

ваться детьми “с молоком матери”, пока воспитание духа профессионализма не станет у нас государственной политикой, предметом национальной гордости россиян, до тех самых пор любые слова о возрождении России останутся только словами <...>

Сдвинуть эту глыбу придется все-таки сверху. Так уж нас приучили. Не гнушались же цари наши и вожди, когда речь шла о ратных делах и воинской славе. Да и церковь в стороне никогда не оставалась. А что это будет — доктрина ли, декларация ли, — особой роли не играет. Только дилетантов и головоотяпов к этому святому делу нельзя допускать. Важно, чтобы в России стало модно владеть своим делом, чтобы самым актуальным для ребенка был вопрос: “Папа, а что ты умеешь делать?” - Московские новости. - 1997. - 6-13 апреля.

Сергей Белозеров, автор проекта журнала “Профессионал. Как жить в России”:

Для меня профессионал — это человек, у которого есть свой подход к делу, умение создавать, но не разрушать. В мире профессионалов одинаково ценятся все профессии, потому что самое ценное в любой из них - метод. У каждого он свой, но объединенные в коллективный опыт, они как раз помогают решить вековые проблемы — как жить, как быть, как сделать. Постичь метод — это **знать: как** <...>

Профессионализм - это мировоззрение и уклад жизни, достигающие высокой степени самоорганизации. Общественная позиция журнала: профессионализм - это философия созидания жизни, а не борьбы с инакомыслием, это философия истины во имя дела, а не лжи во имя власти, это жизнь в настоящем, а не мечты о светлом будущем, это платформа профессионализма в России. Мы верим, что наступление эпохи профессионализма в России сделает жизнь в ней достойной честных и преданных своему делу людей, преобразит страну“. - Профессионал. Как жить в России. - 1997. - № 1. - С.4.

Неудовлетворительное положение с армией и военной реформой явилось причиной возникновения нескольких движений: “Военные за демократию“, “За военную реформу“, “Честь и Родина“, “В поддержку армии, оборонной промышленности и военной науки“ и других.

Имя Петра Великого присваивается сегодня кораблям и военным академиям. О нем постоянно вспоминают как о родоначальнике регулярных вооруженных сил России. 300-летия регулярных армии и флота отмечаются в конце XX века как общенациональные юбилеи. Этого не достаточно. Следует, как Петр 300 лет назад, засучив рукава, приступить к настоящей работе по военному реформированию, в ходе которой только и может возродиться профессиональная армия.

Меньшиков М.О. Ядро армии//Письма к ближним.- СПб.,1906. - С.1208.

А.Савинкин